

Департамент по науке и инновациям ЯНАО
ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»

АРХЕОЛОГИЯ АРКТИКИ

ВЫПУСК 2

Екатеринбург
«Деловая пресса»
2014

ББК Т48(4/8)
УДК 902
А 87

Утверждено к печати Ученым советом ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»

Археология Арктики. Вып. 2. — Екатеринбург: Издательство «Деловая пресса», 2014. — 244 с.

Вниманию читателя предлагается второй выпуск сборника «Археология Арктики», представляющий собой научное издание трудов ведущих российских и зарубежных ученых: археологов, этноархеологов, археолозоологов. Издание смогло стать реальностью в результате действия в ЯНАО многолетней целевой программы «Развитие научной деятельности в области археологии в рамках государственной программы ЯНАО «Развитие научной, научно-технической и инновационной деятельности в 2014–2020 гг.», финансируемой из бюджета округа. Хронологические рамки опубликованных статей охватывают период от верхнего палеолита до этнографической современности, территориальные — от Курильских островов до севера Западной Европы. Завершается сборник материалами в честь двух выдающихся исследователей Арктики: Ф. де Лагуны (биографический мемуары В. В. Фитцхью) и В. Н. Чернецова (Отчет по экспедиции 1929 г., публикация Е. Лярской).

Ответственный редактор: Н. В. Федорова, к.и.н.

Научные редакторы выпуска: О. Н. Корочкова, д.и.н.; Н. В. Федорова, к.и.н.

Редакционная коллегия: С. Е. Алексеев, к.и.н.; А. В. Головнёв, чл.-корр. РАН, д.и.н.; О. Н. Корочкова, д.и.н.; И. И. Крупник, д.б.н. (Вашингтон, США), В. В. Питулько, к.и.н., Н. В. Федорова, к.и.н.; В. В. Фитцхью, д.а. (Вашингтон, США).

ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»

ISBN 978-5-9904335-2-6

Издательство «Деловая пресса», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР

<i>Андерсон Д. Г.</i> Культуры взаимодействия и культуры контроля на циркумполярном севере	4
<i>Грон О., Кузнецов О. В.</i> Что такое поселение охотников-собирателей? Этно-археологический и междисциплинарный подход	17
<i>Шумкин В. Я.</i> Путь на Север: западная и восточная дилемма или дихотомия заселения и освоения Лапландии	26
<i>Васкул И. О.</i> Этнокультурные связи населения Европейского Северо-Востока в гляденовское время (конец первого I тыс. до н. э. — первая половина I тыс. н. э.)	44
<i>Косинская Л. Л.</i> Археологические исследования УрФУ в Пуровском районе	58

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Фитцхью Б.</i> Археологические подходы к анализу катастрофических событий в контексте древнего населения охотников-собирателей	80
<i>Бачура О. П., Косинцев П. А.</i> Пространственное распределение костных остатков собаки в раскопах памятника Усть-Полуй	101
<i>Глушкова Т. Н.</i> Текстильные материалы археологического памятника Усть-Полуй ...	110
<i>Гусев Ан. В.</i> Обработка кости и рога по материалам древнего святилища Усть-Полуй (раскопки 2006–2013 гг.)	120

ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ОБЩЕСТВА В ЗЕРКАЛЕ ИСКУССТВА

<i>Питулько В. В., Павлова Е. Ю.</i> Искусство янской стоянки: диадемы и браслеты из бивня мамонта (предварительный анализ коллекции)	140
<i>Федорова Н. В.</i> Справа от солнца, слева от месяца: бляхи с сокольниковым (Предуралье и Западная Сибирь, эпоха средневековья)	162

РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ АРКТИКИ

<i>Бауло А. В.</i> Металлические изделия русских ремесленников конца XVIII — начала XIX в. на севере Западной Сибири (новые находки)	175
<i>Курбатов А. В.</i> Традиции кожевенного ремесла в Сибири (по материалам раскопок Мангазеи 2001–2007 гг.)	182

НОВЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ В АРКТИКЕ

<i>Гусев С. В.</i> Раскопки поселения Уненен на Восточной Чукотке (древнекиитобойная культура) в 2007–2014 гг.	205
---	-----

AD MEMORIA

<i>Фитцхью В. В.</i> Фредерика де Лагуна 1906–2004 гг. Биографические мемуары	213
<i>Чернецов В.</i> Сообщение о раскопках на сев. оконечности п-ва Ямал в 1929 году	233

Д. Г. Андерсон

Департамент антропологии, Абердинский университет,
Великобритания

E-mail: david.anderson@abdn.ac.uk

КУЛЬТУРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И КУЛЬТУРЫ КОНТРОЛЯ НА ЦИРКУМПОЛЯРНОМ СЕВЕРЕ

В настоящей статье представлен обзор различных культур с точки зрения построения отношений между людьми, животными и ландшафтом на пространстве циркумполярной Арктики. На материале этнографических примеров дается описание ритуалов совершения подношений в различных арктических контекстах в свете их роли в утверждении индивидуальности. С другой стороны, описание ритуалов управления и регулирования приводится в контексте того, насколько они призваны способствовать обеспечению предсказуемости и контроля. В статье предпринимается попытка найти связующее звено между этими крайностями на примере «архитектурных» моделей сотрудничества и со-приручения между людьми, животными и ландшафтом. Статья завершается размышлением о том, как темы «происхождения» и «прав животных» служат дальнейшей реконструкции этой дихотомии.

Ключевые слова: отношения между человеком и животным, циркумполярный, взаимность, управление, права животных, приручение.

Арктика редко воспринимается как культурная среда. Облаченная в стереотипы своей первозданности, суровости и периферийности, она, как правило, воспринимается в качестве ресурса, из которого со временем могут вырасти индустриализированные и управляемые формы экономики. Этот стереотип первобытной пустоты и потенциальности резко контрастирует с представлениями и образами людей, живущих в арктических ландшафтах. В статье рассматривается антропология взаимоотношений, устанавливаемых северянами с их ландшафтом и животными вокруг них, как своеобразная форма культуры. Используя такой подход, я надеюсь рассеять распространенные заблуждения и внести свой вклад в понимание природы взаимоотношений в этом регионе.

Идиомы культуры

В антропологии и литературоведении для понятия культура существует множество часто противоречащих друг другу определений [Williams, 1983]. В рамках антропологии этот термин часто ассоциируется с онтологическим делением, подразумевающим отнесение одних объектов и категорий к неизменно «природным»,

а других к искусственно «культурным». Такой дуализм «природа–культура» часто пронизывает все представления городских жителей об окружающем их мире, и подспудно формирует их отношение к ландшафту. Таким образом, Арктика часто представляется как царство природы. Поселенцы и коренные народы, живущие там — это либо заложники природной стихии, либо мужественные завоеватели, с трудом выживающие в тяжелых условиях. Изредка регион преподносится как очаг политических и промышленных интриг: арена, на которой сверхдержавы соперничают за военное превосходство, или крупные корпорации пытаются получить новые права собственности на богатства его недр или морского шельфа. Этот подразумеваемый дуализм де-политизирует отношения и создает новый тип анти-политичной машины [Ferguson, 1990].

Есть большая доля иронии в таком абсолютном дуализме применительно к Арктике, в том смысле, что многие выражения, используемые местным населением — как пришлыми, так и коренными жителями — отражают высокую степень взаимодействия, и даже служат в рамках антропологии и философии моделью онтологии нового типа, где действия че-

ловека сливаются с действиями других разумных существ [Venkatesan, 2010]. На самых первых порах своего существования антропология классифицировала (и частично принижала) как «анимизм» то, что коренные народы Арктики наделяли самостоятельной волей и моралью духов, скалы и животных [Tylor, 1871; Bird-David et al., 1999]. Этот термин прошел полный круг в своем развитии и теперь служит обозначением категорий сил, выступающих посредниками в отношениях и разрушающих любую двойственность [Harvey, 2005; Ingold, 2000]. Чрезвычайно персонифицированные ритуалы уважения к окружающей среде, которые мы видим в среде арктических охотников и оленеводов отражают гораздо большее, чем просто этическое поведение отдельных восприимчивых личностей. Параллельно дискурсу об освоении Арктики и антиполитической риторике прогресса растет осознание необходимости должного отношения к местам и животным. Ощущение разумности, присущей пространству, живым существам и людям, питает собой более широкий экологический императив, побуждающий людей, живущих вдали от берегов Арктики, всеми силами поддерживать усилия по их спасению и защите. Они трудны для интерпретации и часто противоречивы, но они обращают наше внимание на поиск наиболее верного подхода к ландшафтам Арктики.

В этом наборе подходов к территориям Арктики существует также важная подгруппа отношений, на которой я хотел бы заострить внимание. Это вопрос об отношениях между человеком и животными. Как и в случае дуализма «природа–культура», противопоставление между «дикими» и «домашними» опять служит одним из первичных маркеров того, что часто считается свойственным человеку, и что считается диким. Часто полагают, что развитые люди обладают контролем над животными вокруг них в соответствии с древним представлением об ие-

рархии биологических форм [Lovejoy, [1936] 1960]. Любопытно отметить, что в Арктике животные, дающие жизнь и пропитание, воспринимаются как «не вполне домашние» [Vigne, 2011]. Олени представляются животными в начальной стадии одомашнивания, когда они еще не вполне приручены или управляемы. Аналогичным образом, арктические собаки воспринимаются как существа серой зоны между дикой и домашней формами. В настоящей статье я хотел бы рассмотреть это качество проявляющейся «неокончателности», которое определяет смысл этих довольно сложных отношений. В процессе их изучения я хотел бы найти путь к более активному и разностороннему пониманию Севера и, в свою очередь, дистанцироваться от тех старых стереотипов, на которых строится существующее представление о регионе.

Культуры контроля

Несмотря на появление критических высказываний в отношении застывших стереотипов в восприятии арктических ландшафтов, следует признать тот факт, что именно ими руководствуется большое число людей в своей деятельности, организующей мир вокруг нас. «Культура контроля», на которой чаще всего строятся отношения человека и животных, представляет собой отношения одомашнивания, при которых приручение животного ассоциируется с «ломкой» его воли, или контролем его репродуктивного цикла и, таким образом, самой физической формы его тела. Направление этой формы доминирования было названо Гордоном Чайлдом «неолитической революцией» [Childe, 1928], благодаря которой люди смогли избежать тирании природы, внеся предсказуемость и эффективность в их отношения с животными. В отношении арктических оленеводов эта идея была наиболее точно выражена Тимом Инголдом в одной из его ранних книг, где он замечает, что «недостаток взаимной симпатии восполняется посредством ...

Рис. 1. Обрезка рогов в начале лета.
Река Базарная, Забайкальский край.
Фото: Дэвид Г. Андерсон

физической силы в форме аркана, кнута, привязи или пут» [Ingold, 1980, p. 96] (Рис. 1). Эта сильная и ясная идея оказала большое влияние на изучение северных культур, в результате чего несколько поколений археологических исследований связывали начало северной культуры с первым появлением упряжи и пут. Она также отвлекала внимание от более тонких аспектов взаимодействия или проявления заботы друг о друге со стороны стадных животных и людей.

Аналогичные культуры контроля проявляются в управлении отношений с животными, вызывающими страх или ужас. Циркумпольярные дискуссии по вопросу о контроле за популяциями хищников представляют собой прекрасный пример того, как вопросы управления и контроля вырастают из жесткого противопоставления диких и прирученных видов. Ярким примером служит хищническое истребление волков. Волки представляют собой архетипический вид, которому

приписывается большая изобретательность и ум, но который при этом часто выступает в качестве полярной противоположности культурной среде [Anderson, 1986]. Отношение к волкам в различных частях Арктики различается. Скандинавские дебаты характеризует крайняя поляризация мнений, при этом как государственное лобби, так и активисты природоохранных движений выступают за защиту «последних оставшихся» волков, часто сильно осложняя жизнь коренных саамских оленеводов [Toip & Sikku, 2004; Beach, 2003]. Мнения в этом споре обусловлены этнополитической принадлежностью, где разные сегменты национального общества отстаивают свое право на установление квот и контроль за популяцией этих животных. В центре спора лежит вопрос о том, какой из сегментов «ближе» к ландшафтам, требующим регулирования. В других регионах, таких как Северный Юкон, коренные народы пытаются найти решение вопроса о нравственной стороне промышленно-технического подхода к проблеме контроля популяций волков [Nadasdy, 2011; Van Lanen et al., 2012]. Здесь специалисты по контролю за популяциями, стремясь избежать протестов со стороны активистов природоохранных движений, сделали выбор в пользу дорогостоящей ветеринарной практики стерилизации волчиц (вместо отстрела последних). Такое вмешательство воспринимается гвичинами и другими старейшинами не просто как неуважение к животным, но также и как опасное противоречие местным традициям построения отношений с волками. Знающие старейшины указывают на важную роль, которую играют доминирующие самки волков в социальной организации волков, поддерживая сложившуюся иерархию и контролируя воспроизводство внутри стаи. Медико-ветеринарное вмешательство препятствует реализации этой социальной роли и, по иронии, ведет к хаотичной реакции внутри волчьего сообщества, где отдельные животные могут отстаивать

свои собственные интересы в результате насильственного свержения доминантного животного. В противоположность этой практике местные охотники утверждают, что волчи сообщества следует оберегать и культивировать, а не уничтожать.

Культуры взаимодействия

Документированные эксцессы культуры контроля традиционно ведут к их дуалистической противоположности — альтернативной стратегии культуры взаимодействия. Хотя, как будет показано ниже, этот дуализм также вызывает сомнения, противопоставление полезно для понимания широты диапазона моделей, присутствующих в пределах циркумполярного Севера.

В северной этнографии *взаимность* — это ключевой термин, чье место в структуре антропологического канона близко по значению к слову *культура*. Взаимность указывает на взаимный обмен дарами или знаками уважения. Она тесно связана с родственными отношениями, и всеми формами человеческого внимания, выражающими символическую близость, хрупкость или уважение. Традиционно северные модели взаимности выражают-

ся через «приношения» или «подношения» — намеренное дарение пищи или ценных предметов торговли (ружейных патронов, предметов одежды) видимым или невидимым существам на земле. Некоторые из традиционных сибирских ритуалов чрезвычайно красочны, когда, например, эмбрион от беременной самки оленя, возможно, забитой по ошибке, подвешивается на дереве в качестве «дара тайге» (Рис. 2). Аналогичным образом, при переезде в новый бассейн реки на дерево вывешиваются цветные доски как знак уважения духов-покровителей, под чьим контролем находятся все отношения в новом регионе (Рис. 3). Общим циркумполярным ритуалом является приношение в форме еды или алкоголя огню, т. е. «кормление огня». Может показаться, что эти небольшие жесты уважения не имеют какого-либо отношения к прозаической работе по сбору статистических данных в ходе дебатов об изменении климата, но они своим особым чрезвычайно персонализированным образом указывают на культуру внимания к тем возможностям, которые может предложить нам земля. Общим для многих северных территорий является перенесение или наложение тра-

Рис. 2. Приношение зародыша оленя в дар тундре, Хантайское озеро, Таймыр.
Фото: Дэвид Г. Андерсон

диционных практик местного значения на глобальные проблемы. Так, ритуал приношения символизирует глобальные взаимоотношения баланса и уважения.

Эти культуры уважения могут быть также перенесены на примеры отношений доминирования между человеком и животным, приведенные в предыдущем разделе. Во многих регионах Севера существует мнение, что наилучшей практикой контроля популяций хищников является не их истребление или контроль за физическим состоянием хищников, а глубокое понимание того, как выделить хищникам пространство, необходимое для формирования их собственных социальных норм и ограничить их активность. Аналогичным образом, «укрощение» животного с целью его обуздания и управления им, как правило, уравнивается

хорошим пониманием потребностей животного. Оленеводы знают, что голодное и не чувствующее себя в безопасности животное никогда не будет выполнять свою работу в социальном сообществе человека и животного. Поэтому оленеводы предлагают им безопасность (частично это заключается в защите от хищников), доступ к пище и защиту от других угроз, таких как кровососущие насекомые. Благодаря взаимному уважению человека и животного (и часто других совместно проживающих животных, таких как собаки) создается своего рода межвидовое социальное понимание, при котором действия каждого сбалансированы в рамках расширенной коллективности. В этом случае обмен защиты на службу представляет собой тип взаимности, гарантирующий сохранение этого равновесия.

Между доверием и доминированием

В уже упоминавшейся, и одной из наиболее часто цитируемых работ Тима Инголда [Ingold, 1994], разделение ассоциативного воздействия в отношениях между человеком и животными на два основных типа описывается как противопоставление «доверия» и «доминирования». Его ассоциативное противопоставление охотничьих обществ, культивирующих отношения уважения к промысловым животным и, таким образом, устанавливающих контакт с животными, и оленеводческими обществами, которые используют угрозу физической боли и ограничений для принуждения к выполнению определенных действий, одновременно определило направление исследований в отношении северных сообществ и вызвало отрицательную реакцию в некоторых кругах [Oma, 2010; Donahoe, 2012; Knight, 2012]. Большинство авторов сегодня воздерживаются от использования таких резких противопоставлений и обращаются к примерам действий людей и животных либо не основанных ни на доверии, ни на доминировании, либо сочетающих обе эти характеристики.

Рис. 3. Цветные кусочки ткани как дар тундре, Хантайское озеро, Таймыр.
Фото: Дэвид Г. Андерсон

Рис. 4. Приручение оленя к седлу. Амудиси, Забайкальский край.
Фото: Дэвид Г. Андерсон

В области приручения северного оленя это позволяет нам расширить наши представления о том, как оленеводы строят свои отношения с животными. Как уже говорилось выше, существует почти архетипический образ намерения человека доминировать над домашним животным, представленный умелым оленеводом, силой умиротворяющим животное (Рис. 4). Сила всегда была составляющей частью этих отношений, но такие эпизоды прямой конфронтации между умным оленеводом и смирным стадным животным краткосрочны, и гораздо менее характерны для повседневного общения между ними. Гораздо чаще наблюдается качество, которое я бы назвал архитектурой отношений. Это может быть использование физических структур для сбора или даже ограничения свободы животных. Или это также может быть выявление особых мест в ландшафте, привлекательных как для животных, так и для человека. В этом случае физическая среда подталкивает людей и животных к сосуществованию, порождая взаимную заинтересованность в построении совместной жизни.

Для того чтобы понять, как работает эта архитектура, нам необходимо перенаправить наш взгляд с первобытного противостояния человека с арканом и животного на окружающую их среду. Наиболее видимой структурой в оленеводстве является огороженное место, часто называемое загонем. Со стороны эти строения выглядят похожими на тюрьму — они представляют собой параллельные ряды бревен и ворота, которые часто заперты. Животные выглядят в них заключенными. При этом такие загоны часто строятся в разных стилях, соответствующих разным типам сопутствующих действий.

В рамках археологии одной из классических структур является молочный загон — относительно небольшое огороженное пространство, используемое для отделения телят от их матерей на короткий период времени, чтобы дать матерям накопить запас молока, который затем может быть использован (Рис. 5) [Aronsson, 1991]. Эта близость между оленеводом и животным часто приводит в пример как один из первых этапов приручения, который при этом оставляет существенный материальный след на

Рис. 5. Молочный загон, река Нечера, Иркутская область.
Фото: Дэвид Г. Андерсон

земле. След, который можно датировать и представить в виде эволюционной схемы. Сам по себе молочный загон ограничивает свободу, и животных часто держат на привязи. При этом также используются средства для привлечения животных, часто с использованием дымокура для отпугивания насекомых, или даже корма, доставляемого для животных из леса. Животные проводят непродолжительное время в загоне до того, как их отпускают, лишь затем чтобы приманить и зазвать снова.

Другим типом строений, распространенных среди таежных оленеводов-эвенков является корали для подсчета и маркировки животных (Рис. 6). Это гораздо большее по размерам, часто внушительное сооружение, постройка которого занимает значительное время и требует участия до десятка человек. Его размеры рассчитываются таким образом, чтобы обеспечить достаточно места для свободного перемещения небольшого стада, поскольку целью является не ограничение свободы или заключение, а организация передвижений животных с целью инспектирования и, при необходимости,

отлова. Оленей также заманивают в эти загонны обещаниями соли и дыма. Часто оленеводы поют для привлечения стада. После того, как стадо оказывается в корале, животных оставляют в покое, чтобы они привыкли к звукам стойбища и запаху людей. Или, при необходимости, два или три человека отбирают оленей и, пользуясь преимуществом загона, относительно легко их отлавливают. Создание пространства для взаимодействия людей и животных требует понимания величины пространства, в котором стадо будет чувствовать себя комфортно. В противном случае — если загон окажется слишком большим или слишком маленьким — это может оказаться опасным, так как может подтолкнуть стадо бежать, или потребует слишком дорогостоящего режима мониторинга и обслуживания.

Последний архитектурный тип представляет собой строение, которое, на первый взгляд вовсе не выглядит постройкой. Большинство оленеводов стараются использовать этно-экологические площадки — особого рода растительные формирования или продуваемые ветром места, привлекающие животных [Johnson &

Рис. 6. Сортировочный кораль, Амудиси, Забайкальский край.
Фото: Дэвид Г. Андерсон

Hunn, 2009]. Это могут быть травяные луга, которые специально выскиваются, или даже специально поддерживаются, с использованием техники весеннего выжигания. Это могут быть пятна льда, защищающие стадо от насекомых, или обдуваемые ветром крутые склоны. Такие места, которые на первый взгляд выглядят «естественными» часто являются результатом заботливой работы многих поколений, превративших их в экологический артефакт — важный промежуточный тип ландшафта, не являющийся ни природным, ни культурным [Anderson et al., 2014]. Такие ландшафтно-ориентированные экофакты можно назвать специальными местами, где люди и животные встречаются друг с другом и учатся сосуществованию. Часто на местных языках им даются особые имена, в которых смешиваются ботанические и геологические категории, поскольку они служат отражением комбинации разных качеств (Рис. 7).

Примеры разных форм архитектуры одомашнивания позволяют лучше понять промежуточные отношения между доверием и доминированием и действи-

тельно отойти от полного противопоставления этих категорий. Загоны или продуваемые ветром ледяные пятна одновременно привлекают и удерживают, защищают и освобождают. Они обладают потенциалом или определенными возможностями, позволяющими построить отношения. Они, конечно, также обладают своими собственными внутренними качествами. Некоторые места могут быть «хорошими» [Johnson, 2000], в то время как другие со временем могут начать восприниматься как «испорченные». Что важнее всего, они отвлекают внимание от отношений, связывающих воедино два разумных существа — оленевода и животное — и вместо этого обращают взор на практики и качества, которые, соединяясь, вместе образуют экологию приручения.

Переплетение прошлого и будущего

При отходе от резких противопоставлений и замене их категориями отношений, такими как животная архитектура, становится возможным провести интересный эксперимент и посмотреть с этой новой точки зрения на некоторые из

Рис. 7. Олений дуг на озере Толондо, Иркутская область.
Фото: Дэвид Г. Андерсон

других фундаментальных категорий того же ряда. Идея о существовании культур взаимности или культур контроля часто напрямую связывается с интерпретацией идей прогресса и эволюции. При изучении процессов одомашнивания большой акцент делается на появлении «первой» домашней собаки, или «первого» домашнего оленя — идее, позволяющей привязать поведение к точке во времени и пространстве, и провести классификацию других частей мира как «опережающих» или «отстающих» по этому признаку. Такая группировка навыков и регионов может быть успешной лишь в том случае, когда существует один параметр, используемый для классификации. Таким образом, часто упряжь или иные орудия доминирования становятся маркерами экономического контроля, вместо, например, умелого использования биотических сообществ или выбора времени своих перемещений с целью встречи с животными на их обычных маршрутах. При таком подходе к классификации часто бывает трудно выявить отношения, при которых, возможно, не используются орудия доминирования — такие как наблюдение

и уважение внутренней социальной организации волчьей стаи. Процесс поиска исходных точек выводит нас на узкую дорожку, уходящую равно как в прошлое, так и в будущее. Будущее на самом деле формируется потенциалом, или упущенными возможностями прошлого. Так, несмотря на то, что оленеводство в Евразии имеет давнюю историю, часто можно читать или слышать комментарии об «упадке» или «конце» оленеводства по мере того как оленеводы тундры адаптируют свои стада к новым экономическим условиям [Anderson, 2006].

Ожидаемая структура самого времени также может быть распространенным стереотипом, притупляющим восприятие того, как в действительности арктические сообщества организуют свою жизнь. Во многих случаях северяне могут пользоваться другим ощущением времени, как, например в среде северных дене, где исходные предпосылки противоположны евро-американским в том смысле, что ожидаемое общиной будущее предопределяет трактовку прошлого [Legat, 2012]. Одна из моих любимых историй о старых временах, которой много лет

назад поделился со мной г-н Уильям Нерису из гвичинского поселка Форт Макферсон служит хорошей иллюстрацией такой относительности времени и того, насколько тесно переплетаются будущее и прошлое [Gwich'in & Ritter, 1976]. Она известна под названием Рассказ о Шилти Рок и посвящена теме взросления молодых людей, того, как ландшафт формирует отношения между людьми и животными, и как переплетаются политика и история.

В рамках настоящей статьи нет возможности пересказать всю историю, кроме того, часто такие истории пересказываются по-разному в разных контекстах, поэтому я приведу свою версию. В рассказе говорится о давних временах, когда семья кочевала вверх по течению реки Пил в поисках карибу. Бабушка отправила двух юношей и их собак в горы на поиски карибу. А сама тем временем осталась со своей внучкой, которая вступала в тот возраст, когда ее тело менялось из девичьего в женское. Для большинства северных дене первая менструация у женщины считалась почетным и таинственным событием, которое требовало того, чтобы женщина скрывалась в узком, высоком, похожем на палатку платье. Девочка получила указания от бабушки не выглядывать из своего укрытия. Однако, когда она услышала как ее братья возвращаются с собаками, она не смогла удержаться и выглянула из-под капюшона. Братья и собаки тут же превратились в камень, и Шилти Рок (скала Шилти) по сей день стоит как напоминание о ее любопытстве и неподвластности времени отношений этой семьи (Рис. 8).

Однако, у истории есть продолжение. Когда Уильям Нерису рассказал мне эту историю, он привлек мое внимание к фрагментам камня, окружающим скалу. В Истории старых времен говорится, что это кусочки бэннока (пресного хлеба), выпавшего из собачьих сумок. Со своим природным любопытством и улыбкой в глазах он поинтересовался, как могло слу-

читься, что они уже пекли пресный хлеб за много сотен лет до того, как первые европейские первопроходцы достигли берегов р. Пил. И действительно, я время от времени задумываюсь над этим парадоксом уже в течение 25 лет с тех пор, как я впервые услышал эту историю. Существует много способов его объяснения, но в этом случае я хотел бы думать об этой детали, как своего рода «пророческой истории» [Fienup-Riordan, 1990], где трудные времена, принесенные колониализмом, уже всегда встроены в прошлое людей, противостоящих им. Адаптация продуктов на основе муки для целей длительных наземных путешествий была одним из положительных аспектов развития обменных отношений, связанных с пушным промыслом. Это служит иллюстрацией культуры взаимодействия, когда продукт, выращенный и переработанный в одной части света, воспринимается культурой для повышения благосостояния другой (и, аналогично, обмененные на них меха дают тепло и комфорт людям, живущим

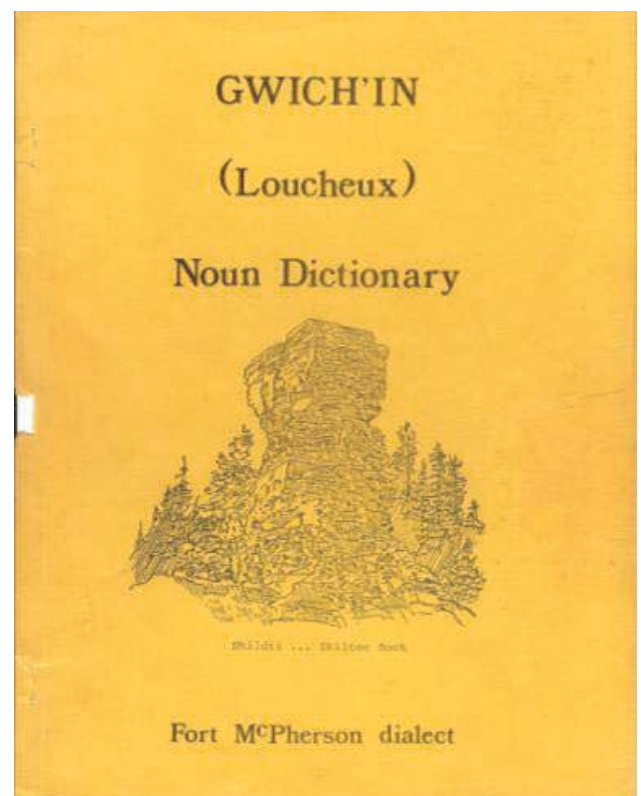

Рис. 8. Шилти Рок, р. Пил, территория поселений гвичин

далеко от этих мест). Окаменевшие крошки хлеба из легенды служат выражением чувства благополучия и устойчивости, обращенного в обе стороны из прошлого в будущее. Стойкие торговые отношения напрямую трансформируются в стойкий способ понимания отношений внутри семьи и отношений с животными (собаками и карибу), поддерживающими семью. Тот факт, что в строго хронологическом представлении эта легенда должна была появиться раньше, чем знакомство с хлебом, отвлекает внимание от вечного образа упорядоченного ландшафта. Вопрос происхождения — какое из отношений было вначале — отвлекает от вопроса о том, как должны выглядеть правильные отношения.

Пользуясь этим примером будущего, переплетенного с прошлым, было бы интересно оглянуться на истории эволюционной хронологии и обещанное ими компактное предсказуемое будущее. Говоря с охотниками и оленеводами об их собаках, или их оленях, понимаешь, что они, как правило, воспринимают их тела и формы как часть незавершенной работы. Одно животное может иметь в себе больше от волка или дикого оленя. Другое может быть пассивным или ленивым. При этом большинство таежных народов обладают достаточным воображением, чтобы видеть, как эти качества могут вырастать в новые качества, которые не обязательно предопределены тем, что существовало раньше. Ключевым знанием в этой форме отношений является воображение, позволяющее увидеть возможности и желаемое будущее. В этом свете материал, приходящий из прошлого, обрабатывается и отбирается с тем, чтобы он рос в правильном направлении для обеспечения нужного результата.

Заключение.

Этнография прирученности

На основании анализа богатых взаимоотношений между северянами и ок-

ружающей их средой и животными, довольно странным кажется то, что мы вообще когда-либо исходили из того, что приручение основывалось на подчинении [Tsing, 2013]. Здесь, вероятно, напрашивается вопрос об этнографии прирученности — того, какие именно отношения считаются действительно культурными, или действительно вписанными в структуру человеческого общества. Классические примеры — это домашние животные — так называемые «животные компаньоны» [Haraway, 2008]. Здесь темы взаимного восприятия и взаимопонимания тесно связаны с антропоморфизмом — приписыванием человеческих черт зависящим от нас животным. При изучении циркумполярного Севера бросается в глаза существование разных типов «прирученности», признающих идею о том, что свободно пасущиеся дикие животные могут выражать наличие социальных отношений. Для многих северных охотников представление о необходимости ухода за собакой и кормления ее покажется странным поведением, которое не следует поощрять. Многие из них воспринимают собак как чрезвычайно независимых, гордых и умных существ, обладающих правами на собственную автономию. Вместо заключения я хотел бы заметить, что с целью более полного понимания этого контраста было бы интересно изучить — чего именно мы ждем от животных компаньонов, и поставить вопрос о том, как эти модели, сформировавшиеся в городской среде, рисуют, возможно, более четкую картину, чем те стереотипы, которые мы переносим на северные общества.

От автора

Более ранняя версия этой статьи была напечатана на английском языке в журнале *Journal of Northern Studies*, том 8 (2), 2014 г. Работа над статьей была выполнена при финансовой поддержке гранта ERC AdG 295458 Arctic Domus.

Литература

- Anderson D. G.* Is Siberian reindeer herding in crisis? Living with reindeer fifteen years after the end of state socialism // *Nomadic Peoples*. — 2006 — Vol. 10. — № 2. — P. 87–104.
- Anderson M.* From predator to pet. Social relationships of the Saami reindeer herding dog // *Central Issues in Anthropology*. — 1986. — Vol. 6. — № 2. — P. 3–11.
- Aronsson K.-Å.* Forest Reindeer Herding A. D. 1–1800. An Archaeological and Palaeoecological Study in Northern Sweden // *Archaeology and environment* 10. — Umeå: Umeå University, Department of Archaeology, 1991.
- Beach H.* Political ecology in Swedish Saamiland // *Cultivating Arctic Landscapes. Knowing and Managing Animals in the Circumpolar World*. Eds. D. G. Anderson & M. Nuttall. — Oxford: Berghahn, 2003. — P. 110–123.
- Bird-David N., Viveiros de Castro E., Hornborg A., Ingold T., Morris B., Pálsson G., Rival L. M. & Sandstrom A. R.* 'Animism' revisited. Personhood, environment, and relational epistemology [and comments and reply] // *Current Anthropology*. — 1999. — 40. — P. 67–91.
- Childe V. G.* The Most Ancient East. The Oriental Prelude to European Prehistory. — London: Kegan Paul & Co, 1928.
- Donahoe B.* 'Trust' or 'Domination'? Divergent perceptions of property in animals among the Tozhu and the Tofa of South Siberia // *Who Owns the Stock? Collective and Multiple Property Rights in Animals*. Eds. A. M. Khazanov & G. Schlee. — Oxford: Berghahn, 2012. — P. 99–120.
- Ferguson J.* The Anti-Politics Machine. Development, Depoliticization and Bureaucratic Power in Lesotho. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Fienup-Riordan A.* Eskimo Essays. — New Brunswick: Rutgers University Press, 1990.
- Gwich'in & Ritter J.* Gwich'in (Loucheux) Noun Dictionary. Fort McPherson Dialect. — Northwest Territories: Programs and Evaluations Branch, Department of Education, 1976.
- Haraway D. J.* When Species Meet (Post-humanities 3). — Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008.
- Harvey G.* Animism. Respecting the Living World. — Adelaide: Wakefield Press, 2005.
- Ingold T.* Hunters, Pastoralists and Ranchers. Reindeer Economies and their Transformations. — Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
- Ingold T.* From trust to domination. An alternative history of human-animal relations // *Animals and Society. Changing Perspectives*. Eds. A. Manning & J. Serpell. — London: Routledge, 1994. — P. 1–22.
- Ingold T.* The Perception of the Environment. Essays in Livelihood, Dwelling and Skill. — London: Routledge, 2000.
- Johnson L. M. & Hunn E. S.* Landscape Ethnoecology Concepts of Biotic and Physical Space. — New York: Berghahn Books, 2009.
- Johnson L. M.* A place that's good. Gitskan landscape perception and ethnoecology // *Human Ecology*. — 2000. — Vol. 28. — № 2. — P. 301–325.
- Knight J.* The anonymity of the hunt. A critique of hunting as sharing // *Current anthropology*. — 2012. — 3. — P. 334–355.
- Legat A.* Walking the Land, Feeding the Fire. Knowledge and Stewardship among the Tlicho Dene. — Tucson: University of Arizona Press, 2012.
- Lovejoy A.* The Great Chain of Being. A Study of the History of an Idea. — New York: Harper & Row, [1936] 1960.
- Nadasdy P.* 'We don't harvest animals. We kill them.' Agricultural metaphors and the politics of wildlife management in the Yukon // *Knowing Nature. Conversations at the Intersection of Political Ecology and Science Studies*. Eds. M. J. Goldman, P. Nadasdy & M. D. Turner. — Chicago: University of Chicago Press, 2011. — P. 135–151.
- Oma K. A.* Between trust and domination. Social contracts between humans and

animals // *World Archaeology*. — 2010. — Vol. 42. — № 2. — P. 175–187.

Torp E. & Sikku O. Vargen är värst. Traditionell samisk kunskap om stora rovdjur [‘The wolf is the worst. Traditional Sami knowledge about large predators’]. — Östersund: Jamtli, 2004.

Tsing A. More-than-human sociality. A call for critical description // *Anthropology and Nature*. Ed. K. Hastrup. — New York: Routledge, 2013. — P. 27–42.

Tylor E. B. Primitive Culture. — London: John Murray, 1871.

Van Lanen J. M., Stevens C., Brown C. L. & Koster D. S. Subsistence Land Mammal Harvests and Uses, Yukon Flats, Alaska. 2008–2010 Harvest Report and Ethno-

graphic Update. — Alaska Department of Fish and Game, Division of Subsistence, 2012.

Venkatesan S. Ontology is just another word for culture. Motion tabled at the 2008 meeting of the Group for Debates in Anthropological Theory, University of Manchester // *Critique of Anthropology*. — 2010. — Vol. 30. — № 2. — P. 152–200.

Vigne J.-D. The origins of animal domestication and husbandry. A major change in the history of humanity and the biosphere // *Comptes Rendus Biologies*. — 2011. — Vol. 334. — № 3. — P. 171–181.

Williams R. Keywords. A Vocabulary of Culture and Society. — London: Fontana, 1983.

О. Грон

Норвежский институт Культурного наследия,
Dronningens gt. 13, PO Box 0736, Sentrum
NO-0105 Oslo, Norway
E-mail: olegron111@gmail.com

О. В. Кузнецов

Забайкальский государственный университет,
ул. Александро-Заводская, 30, Чита, 672039, Россия

ЧТО ТАКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ОХОТНИКОВ-СОБИРАТЕЛЕЙ? ЭТНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД*

В статье содержится критика использования концепции поселения применительно к археологии периода охотников-собирателей на основе этно-археологических материалов об эвенкийских охотниках-собирателях Сибири. Авторы высказываются в пользу более реалистичного и рабочего подхода к данному явлению. Предлагается рассматривать поселение не как небольшие огороженные участки ландшафта, но как серии различных по размеру зон, относящихся к проживанию человека. Такая концепция поселения будет лучше отвечать принципам междисциплинарного подхода, чем традиционная. Археологические проблемы, связанные с повторным использованием стоянок для проживания, особенно в лесной зоне с наличием большого количества древесного топлива, рассматриваются в связи с организационными аспектами мезолитических стоянок.

Ключевые слова: этноархеологический подход, охотники-собиратели, эвенки, мезолит, культурный контекст.

Вступление

Работу археолога можно сравнить с собиранием пазла, состоящего из 500 частей при наличии лишь 10 сохранившихся кусочков. Поэтому чрезвычайно важно помнить не только о характеристиках каждой отдельной части, но также и о наших заранее сложившихся представлениях о них. При этом наблюдается сильная инерционность теории в условиях, когда сохранилось так мало фактической информации, которая могла бы скорректировать наши представления о сложном культурном контексте, частью которого являлись сохранившиеся материальные предметы и строения.

На первый взгляд может показаться странным сомнение в правомерности применения одного из наиболее часто используемых терминов археологии культур охотников-собирателей. Но при более внимательном изучении концеп-

ции поселения становится очевидно, что 1) она не имеет какого-либо значимого определения, и 2) способ ее применения не соответствует задачам междисциплинарных подходов. Авторы настоящей статьи предлагают разработать более реалистичную и работающую концепцию поселения в археологии.

Границы поселения

Археологи привыкли работать с точками на картах. Поселение обычно и показывается как отдельная точка на карте. Величина площади поселения определяется, например, распространением каменных артефактов или «отходов». И фактически это отражает, или даже сформировало, наше представление о поселении. Поселение может быть «небольшим», не более 5 м в диаметре, либо «крупным», занимающим территорию в несколько сотен метров в диаметре [напр. Andersen, 1985; Forsberg, 1996; Gebauer & Price, 1990; Nygaard, 1990].

Ньюэлл утверждал в соответствии со своей концепцией, что: «максимальное распространение ретушированных ору-

* Исследование, представленное в настоящей статье было выполнено при поддержке Исследовательского Совета по общественным и гуманитарным наукам Канады.

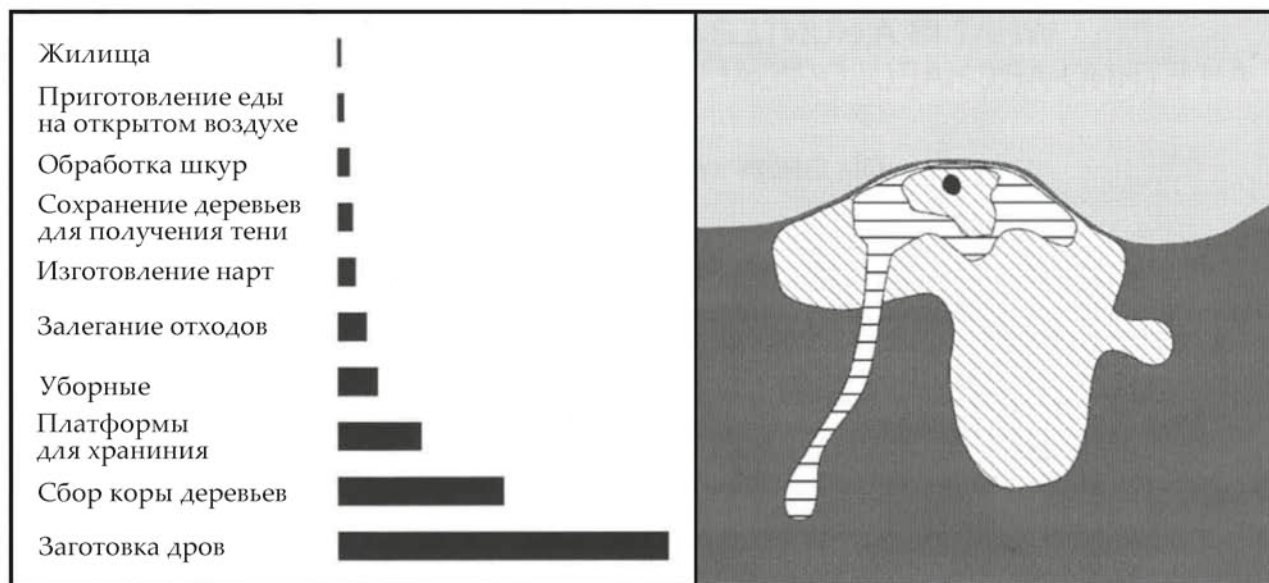

Рис. 1. Относительный размер различных зон вокруг жилища

дий является более надежным признаком площади поселения (общей площади активной деятельности), чем максимальное распространение отходов (возможных хозяйственных отбросов, и т. п.)» [Newell, 1973].

Не нужно привлекать этнографические параллели, чтобы показать, что поселения человека не ограничиваются физическими границами подобно концентрационным лагерям, обнесенным оградой из колючей проволоки под высоким напряжением. Они представляют собой центры деятельности, осуществляемой в пределах различных зон вокруг жилищ. Некоторые зоны могут быть огромными, подобно территориям, используемым для охоты, в то время как другие могут быть относительно ограниченными, например зоны заготовки древесного топлива.

На рис. 1 представлена обобщенная схема оценочных относительных размеров нескольких зон вокруг жилищ в эвенкийском поселении, выполненная на основе наших наблюдений в Забайкалье, Сибирь. Размер зон может варьироваться в зависимости от сезона, длительности проживания, и количества проживающих. Зоны часто следуют характеристикам ландшафта и растительности, а потому редко имеют форму окружности, как принято при анализе активной площади

[Jarman et al., 1972]. Размер зоны заготовки дров существенно различается в зависимости от характера растительности (напр., лесная/не лесная).

Общая картина состоит в том, что жилища располагаются таким образом, чтобы они были защищены от солнца и ветра деревьями в зоне, где трава и мох на поверхности сильно вытоптаны в результате интенсивного движения. Вокруг центральной зоны, где сознательно сохраняется защитная часть растительности, располагается зона, в которой деревья были срублены, и растительность вытоптана. Начиная от этой зоны и дальше, часто наблюдается постепенное изменение от вытоптанной поверхности к естественной растительности с тропинками [Grøn et al., 1999; Grøn & Kuznetsov, 2003]. Эта модель не уникальна для эвенков [Balicki, 1970, p. 36; Bruen Olsen, 1993; Johnson et al., 1999, p. 66, 67; O'Connell, 1987; Watanabe, 1972, p. 10; Yellen, 1977].

На озере Ничатка мы наблюдали поселение эвенков с 5 жителями. Строения, используемые этой группой во время наблюдения, занимали площадь примерно в половину квадратного километра. Даже если исключить платформу для хранения личных вещей расположенную в лесу в 600 м от жилища (она осталась от более раннего стойбища и использовалась

повторно), площадь все равно составляла, по крайней мере, 300×300 м [Grøn & Kuznetsov, 2003].

Рапопорт, при обсуждении деятельностных систем и характеристик окружающей обстановки, имеющих важное значение для определения и межкультурного сравнения жилищ, утверждает, что «многие виды деятельности, наблюдаемые внутри пространства, которое мы называем жилищем, могут иметь место в широком разбросе характеристик окружения в другой культуре, в которой также, очевидно, имеются жилища. Единицами для сравнения, таким образом, являются не ... жилища, а система характеристик окружения, в котором наблюдалась конкретная система видов деятельности» [Rapoport, 1997].

Принимая подход, при котором жилище является центром, вокруг которого организуются все виды деятельности при постепенном уменьшении «обжитости» по мере удаления от него, мы можем гораздо лучше адаптировать свою терминологию к типу мышления северных культур. Некоторые из эвенков, с которыми мы беседовали, говорили: «Мы никогда не перемещаемся — это мир вокруг перемещается.» Они воспринимают свое жилище как центр вселенной, который всегда остается на своем месте [Grøn & Kuznetsov, 2003]. Существуют документальные свидетельства того, что многие другие северные культуры имеют аналогичные представления [Eliade, 1983, p. 212f; Holmberg, 1922; Prussin, 1995, p. 30–43; Schmidt, 1935; 1941; Tanner, 1979, p. 73]. Не удивительно было бы предположить, что это является общей чертой северных культур, подразумевая, таким образом, что традиционное археологическое понятие поселения, несмотря на отсутствие его точного определения, по-видимому, противоречит базовой структуре явления, которое оно призвано описывать. Что, в свою очередь, очевидно, уменьшает полезность этого понятия в качестве аналитической единицы.

Диахронный и синхронный аспекты поселений охотников-собирателей

Поскольку наши возможности для разграничения диахронных и синхронных элементов на доисторических поселениях ограничены, мы склонны воспринимать их как своего рода культурные пироги с более или менее неопределимым содержанием. «Небольшие» и типологически чистые поселения часто считаются стоянками, использовавшимися лишь в течение короткого периода времени небольшой группой, в то время как «крупные», с материалом, принадлежащим разным типологическим периодам, по большей части связываются с использованием в течение более длительных периодов относительно небольшими или более крупными группами.

Интересная точка зрения была высказана Бекером в начале пятидесятых: «на одном из маглемозийских поселений в Зеландии действительно проживало более одной небольшой семьи одновременно» [Becker, 1953]. Очевидно, по его мнению, крупные маглемозийские стоянки, раскопанные в Зеландии, содержали скопления материала, оставленные проживанием нескольких отдельных семей [Broholm, 1924; Friis, Johansen, 1919; Henriksen, 1976]. В этой связи возникает вопрос, как культура, состоящая из таких изолированных отдельных семей могла выжить?

На основании недавних наблюдений поселений охотников-собирателей с несколькими одновременно используемыми жилищами, Грон предположил, что некоторые из мезолитических поселений в южной Скандинавии состояли из нескольких жилищ, выстроенных в линию вдоль берега на довольно равномерном расстоянии друг от друга. Уменьшение расстояния между жилищами зарегистрировано, начиная с раннего мезолита до раннего неолита [Grøn, 1987; 1991; 1998; Whitelaw, 1991].

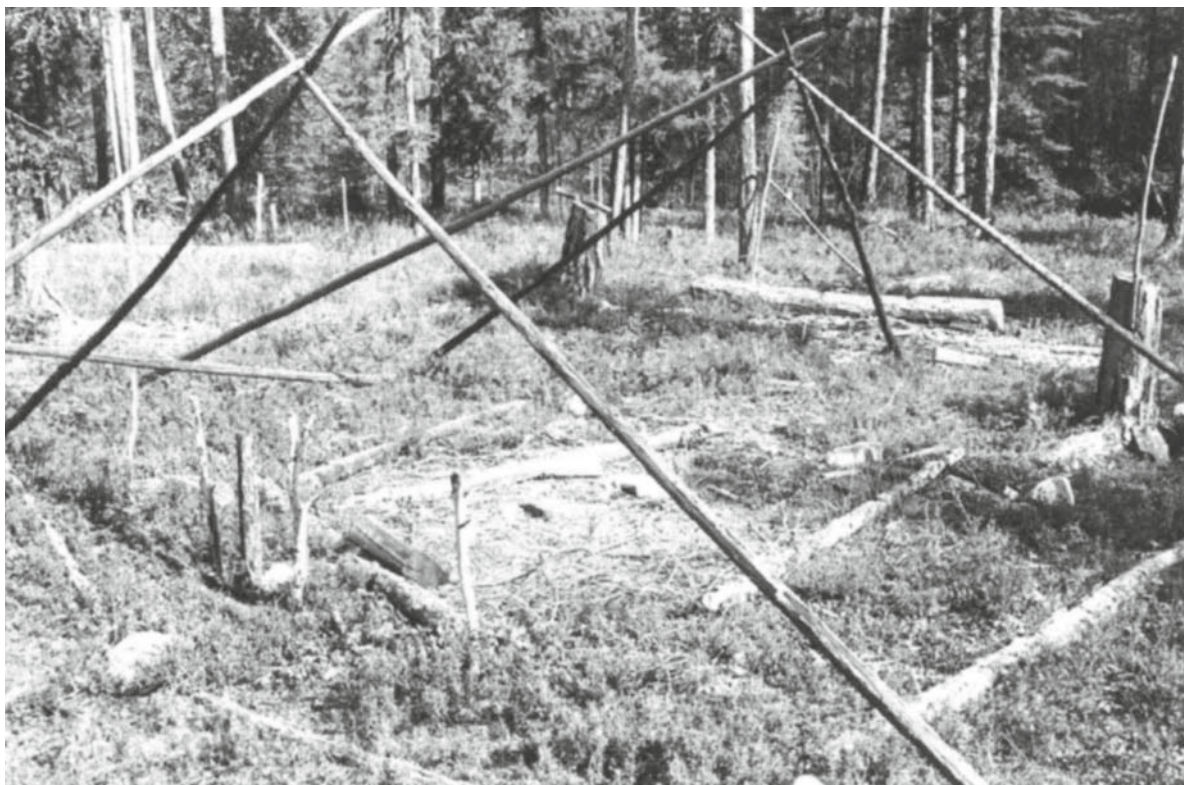

Рис. 2. Каркас от современного брезентового чума, оставленный на месте эвенкийского стойбища

Самой большой проблемой в археологическом контексте является контроль точного установления одновременности существования нескольких жилищ. Радиоуглеродный метод недостаточно точен, чтобы установить, что два жилища использовались в один и тот же год. Ремонт материала с поселения с двумя жилищами не всегда достаточен для получения доказательств того, что они использовались в одно и то же время. Следует принять во внимание, что полезные кусочки сырья, скорее всего, подбирались с поверхности для повторного использования. Таким образом, корреляция между материалами с двух жилищ должна быть более хронологически значима, чем простая демонстрация существования нескольких примеров ремонта.

Подход, который мог бы дать полезное дополнение к радиоуглеродному датированию в ситуациях с хорошей сохранностью органического материала, состоит в сопоставлении дендросерий с сохранившимися каркасами жилищ. Если известно, что для них установлены близкие радиоуглеродные даты, а также

дендрохронологические ряды, даже несмотря на то, что они содержат относительно немного колец, может быть получен интересный результат.

В дополнение к проблемам археологического датирования существуют проблемы повторного использования и ремонта жилищ. По-видимому, важной причиной для смены местоположения жилища вне лесной полосы является то, что легко доступные топливные ресурсы истощаются довольно быстро [Newhouse, 1952, p. 44–51; Rogers, 1963, p. 69]. В лесной полосе, и в таких системах, где топливные ресурсы «циркулируют» и, таким образом, постоянно доступны из мест расположения жилищ (напр., жир морских животных для некоторых групп эскимосов) можно часто наблюдать повторное использование жилищ из года в год [Boas, 1964, p. 139; Møbjerg, 1991].

В среде эвенков сибирской тайги (зона сосновых лесов) мы наблюдали, что базовые стойбища часто повторно используются на регулярной основе. Они могут использоваться каждый год, или реже. Базовый лагерь может служить летним

стойбищем в течение какого-то времени, затем может использоваться как зимнее стойбище, и т. д. Основной сезон охоты приходится на зиму. Вследствие легкости транспортировки по замерзшим рекам, по-видимому, нет жесткой корреляции между положением базового лагеря и наилучшими местами охоты. Немаловажной причиной для перемещения между стойбищами, вероятно, является то, что старые стойбища загрязняются и «воняют», и, таким образом, требуют времени на восстановление. Это похоже на практику, сложившуюся у населения Андаманских островов [Map, 1885, p. 36, 37].

Сегодня, когда эвенки используют современные брезентовые палатки, каркасы, как правило, оставляются на месте от года к году. В прошлом, когда использовались традиционные типы, покрытые шкурами или корой, три центральных жерди оставались на месте, в то время как остальные увязывались в вязанку и подвешивались на ближайшем дереве. Установка нового жилища точно поверх старого считается оскорблением духа, живущего в старом очаге. При этом, если часть каркаса жилища была оставлена на месте, ее можно снова использовать.

Жилища в базовом лагере могут ремонтироваться от года к году. Пара, тем временем, может выбрать новое место для своего жилища в базовом лагере. Если какая-то семья просто останавливается на стойбище, она, как правило, ставит свою палатку, и часто оставляет каркас на месте, когда уезжает, даже несмотря на отсутствие уверенности в новом посещении этого места.

Таким образом, мы не можем ожидать, что части жилища, которые использовались для проживания на поселении в одно и то же время, будут иметь абсолютно идентичные датировки. Поселение, на котором регулярно проживают несколько семей, должно рассматриваться как подвижная структура, несмотря на то, что отдельные семьи, как правило, используют свои жилища повторно.

Скорее всего, жилище с памятника Улкеструп II использовалось повторно и ремонтировалось. Стеновые жерди в СВ стене, большая часть которых имеет обгоревшие верхние концы, указывают на проведение ремонта, а присутствие двух частично перекрывающихся очагов — на повторное использование жилища. Тот факт, что треугольники из нижнего культурного слоя имеют левую ориентацию, в то время как все треугольники, найденные выше, ориентированы направо, поддерживает идею о присутствии, как минимум, двух фаз проживания [Grøn, 1995, p. 31–33].

Обширная — 11 на 4 километра — долина играла важную роль для мезолитических культур на большей части Зеландии. Множество памятников эпохи мезолита было обнаружено в долине, особенно в 1943–1951 гг., когда торфяная подстилка был разрыхлена и механически снята слоями толщиной в 1–5 см на глубину до 1,5 м ниже первоначальной поверхности, где донные отложения не встречались. Тем, кто занимался систематической регистрацией обнаруживаемых памятников, было нетрудно увидеть белый кремний в темном торфе. Благодаря особым обстоятельствам и систематическому обследованию было бы разумно предположить, что большая часть памятников, даже таких на которых было обнаружено немного находок, была зарегистрирована [Andersen, 1983, p. 12–19].

В целом, в списке Кнуда Андерсена числятся 62 поселения Маглемозе, 44 Конгемозе, и 79 Эртеболле, охватываемый период составлял соответственно около 2600 и 1400 лет. Это дает «показатель производительности» по одному поселению в каждый 15-й–32-й годы. Если исходить из того, что каждое поселение использовалось для проживания только один раз, то цифры выглядят неоправданными для такой большой и богатой долины. Даже если исходить из того, что половина существующих стоянок не была

обнаружена, все равно получаемые данные выглядят неубедительно. Единственным способом прийти к более правдоподобному результату было бы допущение о том, что какая-то часть мезолитических стоянок на этой территории использовалась неоднократно. Это не противоречит наблюдениям с поселения Улкеструп II, большого количества памятников, содержащих материалы из большого числа типологических стадий, и палинологическим результатам Троелс-Смита со стоянки Огарде [Andersen, 1983, p. 128–135; Mathiassen, 1943].

О. Грон высказывает предположение, со всей необходимой осторожностью, связанной с отсутствием хронологического контроля, что некоторое число поселений Маглемозе состояло из трех–пяти жилищ с расстоянием примерно 40 м между центрами, расположенных на одной линии параллельно близко расположенному берегу. В Эртеболле зафиксировано аналогичное линейное расположение с расстоянием между центрами жилищ примерно 11 м [Andersen, 1991; Grøn, 1987; 1995, p. 54–60; 1998].

Такая модель хорошо сочетается с этнографическими данными в отношении расположения и размера [напр., Роров, 1966, p. 103; Tanner, 1979, p. 83]. Наиболее важными факторами, которые должны принимать во внимание археологи, но которые при этом нелегко фиксировать при наблюдениях, являются диахронные изменения, которые могли появиться на таких поселениях со временем по мере их неоднократного заселения.

Несмотря на то, что эвенки, как правило, регулярно используют одни и те же места для палаток на стойбищах, со временем стойбище превращается в палимпсест из колец, оставленных палатками, старыми, заброшенными и новыми лабазами, открытыми очагами, местами разделки шкур, и т. п., которые легко могут покрывать территорию вдоль берега, занимающую около одного километра в длину и до 300 метров в ширину.

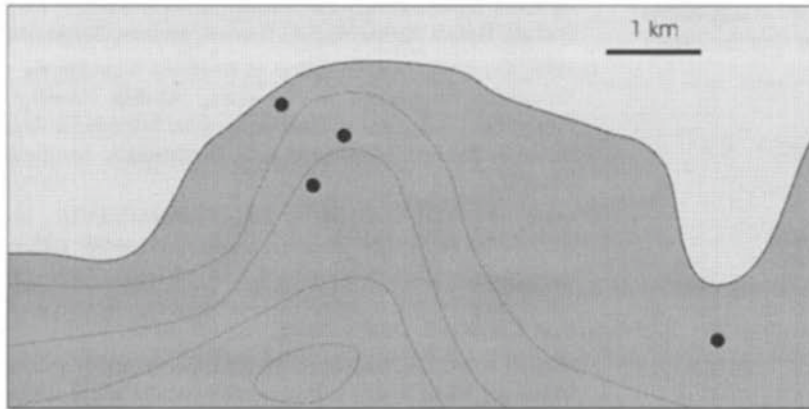
С точки зрения археологии бывает трудно провести разграничение между материалом со сборных стоянок и скоплениями материала с других типов поселений. Одним из возможных подходов к такому разграничению может быть анализ пространственного расположения стоянки. Во время сбора эвенков каждый род ставил свои чумы по кругу с входом, ориентированным к центру, в то время как в других ситуациях жилища располагались на одной линии вдоль берега.

Обсуждение

Существует провокационное мнение, что вся Долина Пикеринг, где были проведены интенсивные изыскания и неоднократно проводились раскопки, начиная с середины 1970-х годов, представляет собой одно большое поселение культуры Маглемозе [Lane P. J. and Schadla-Hall R. T.]. Такая точка зрения несовместима с традиционной археологической концепцией поселения, но интересна в связи с нашими наблюдениями на материале поселений эвенков.

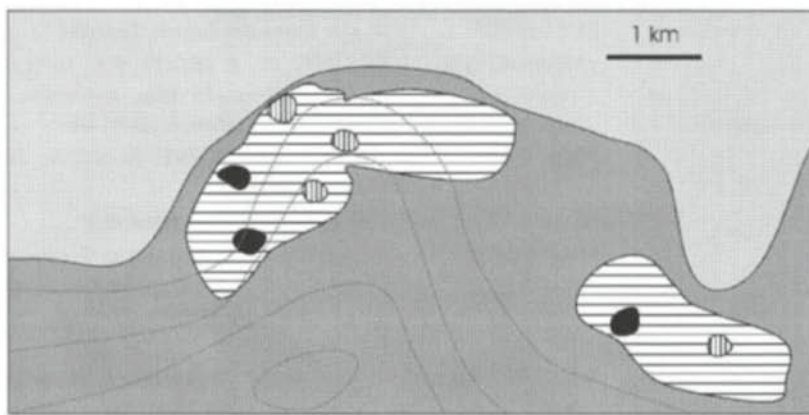
На некоторых участках возможно обнаружить концентрации больших или меньших скоплений остатков поселения на протяжении пяти или более километров вдоль берега реки. Как правило, они привязаны к важным экономическим ресурсам и/или зоне благоприятных климатических условий. Они могут/могли иметь общий лодочный причал, лабаз для хранения личных вещей, и другие вспомогательные строения. В некоторых случаях между ними перемещались тяжелые предметы, которые обычно не транспортируются с места их изготовления. Их могла соединять сеть широких и хорошо протоптанных троп.

Создается впечатление, что такие концентрации, на которых могут присутствовать остатки поселений всех сезонов, были, скорее, некой обширной территорией для стоянок с некоторыми объектами общего пользования, где существовала возможность перемещения между разными зо-

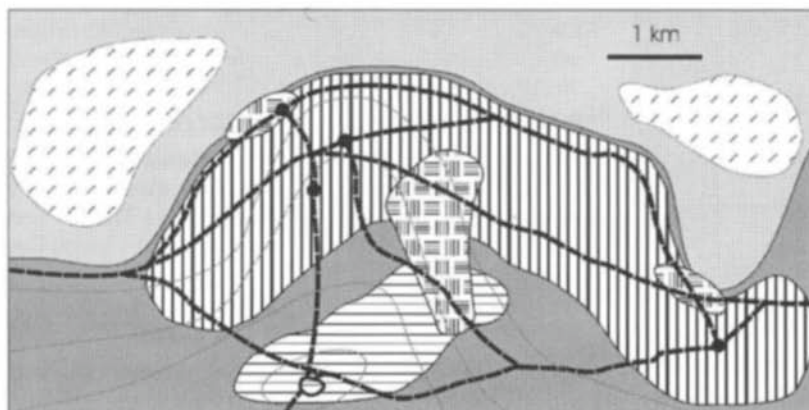
Археология

- Места находок со строениями и артефактами

Ботаника

Зоны растительности, отражающие разные типы человеческой деятельности

Бытовая культура

Зоны с разными типами и интенсивностью деятельности в пределах территории, рассматриваемой как одно поселение

Рис. 3. Междисциплинарные аспекты изучения стоянок охотников-собираателей

нами проживания, чем серией отдельных поселений.

Очевидно, что традиционная археологическая концепция поселения мало пригодна для междисциплинарного анализа и моделирования в отношении стоянок охотников-собираателей. Поселения представляют собой комплексные и динамические системы, которые нельзя рассмат-

ривать отдельно от окружения, в котором они расположены, как с деятельностной, экологической, так и с точки зрения мировоззрения охотников-собираателей.

Можно предположить, что столь сильная привязка стойбищ некоторых эвенкийских семей к ограниченным участкам их территорий говорит о тенденции к более оседлому образу жизни, отражающе-

му влияние индустриальной культуры. При этом тенденция указывает на то, что семьи, живущие традиционным охотничьим промыслом, и владеющие лишь 15–30 домашними оленями, необходимыми им в качестве транспорта, часто имеют постоянные территории базовых лагерей, в то время как эвенки животноводы вынуждены вести более мобильный образ жизни, чтобы обеспечить хорошие пастбища для своих стад.

По нашему мнению, важно помнить о том факте, что одним из важнейших ресурсов для человека является топливо. Если топливо присутствует в достаточных количествах, как это наблюдается в лесной зоне, охотники-собиратели могут быть менее мобильны, чем мы обычно полагали. В среде с чистыми реками и озерами рыба обычно представляет собой изобильный пищевой ресурс в периоды, неблагоприятные для охоты. Самая серьезная пищевая проблема, которую мы наблюдали в среде эвенков охотников, связана скорее с гастрономическими предпочтениями, чем с жизнеобеспечением — они не любят долго есть рыбу, им нужно мясо!

Литература

Andersen K. Stenalder bebyggelsen i den Veslsjællandske Åmose. — Copenhagen, 1983.

Andersen S. H. Maglemosekultur // *Arkeologi Leksikon*. Edited by Hedeager L. & Kristiansen K. — Copenhagen, 1985. — P. 175–178.

Andersen S. H. Norsminde: a Køkkenmødding with Late Mesolithic and Early Neolithic Occupation // *Journal of Danish Archaeology*. — 1989 (1991). — 8. — P. 13–40.

Balikci A. *Tlte Netsilik Eskimo*. — New York, 1970.

Becker C. J. Die Maglemosekultur in Dänemark: Neue Funde und Ergebnisse. *Congrès International des Sciences Préhistoriques 1950. Actes de la IIIe Session, 1953*. — P. 180–183.

Boas F. *The Central Eskimo*. — Lincoln, 1964.

Broholm H. C. Nye fund fra den ældste stenalder. *Holmegaard- og Sværdborgfundene. Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie, 1924*. — P. 1–144.

Bruen Olsen A. Fangstsedentisme og tidlig jordbrukspraksis i vestnorsk steinalder belyst ved undersøkelsene i Kotedalen, Radøy, Hordaland // *Steinalderkonferansen i Bergen 1993. Arkeologiske skrifter № 8*. Edited by Bergsvik K. A., Nygaard S. & Nærøy A. J. — Bergen: Arkeologisk institut, Bergen Museum, 1993. — P. 131–150.

Eliade M. *Le Chamanisme et les techniques archaïques de l'extase*. — Paris, 1983.

Forsberg L. The Earliest Settlement of Northern Sweden — Problems and Perspectives // *The Earliest Settlement of Scandinavia*. Ed. by Larsson L. — 1996. — P. 241–250.

Friis Johansen. En boplads fra den ældste stenalder I Sværdborg Mose // *Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie*. — 1919. — P. 106–235.

Gebauer A. B. & Price T. D. The End of the Mesolithic in Eastern Denmark: A Preliminary Report on the Saltbæk Vig Project // *Contributions to the Mesolithic in Europe. Papers presented at the Fourth International Symposium "The Mesolithic in Europe"*. Edited by Vermeersch P. M. & Van Peer P. — Leuven: Leuven University Press, 1990. — P. 259–280.

Grøn O. Seasonal Variation in Maglemosian Group Size and Structure: A New Model // *Current Anthropology*. — 1987. — 28 (3). — P. 303–328.

Grøn O. A method for reconstruction of social organization in prehistoric societies and examples of practical application // *Social Space. Human Spatial Behavior in Dwellings and Settlements*. Edited by Grøn O., Engestad E. & Lindblom I. — Odense, 1991. — P. 100–117.

Grøn O. The Maglemose Culture. The reconstruction of the social organization of a mesolithic culture in Northern Europe. — Oxford: *British Archaeological Reports, International*, 1995. — Series 616.

Grøn O. Neolithization in Southern Scandinavia — A Mesolithic Perspective // *Harvesting the Sea, Farming the Forest. The*

Emergence of Neolithic Societies in the Baltic Region. Edited by Zvelebil M., Drenth R. & Domanska L. — Sheffield, 1998. — P. 181–191.

Grøn O., Holm-Olsen I. M. Tømmervik H. & Kuznetsov O. Reindeer hunters and herders: settlement and environmental impact // NIKU 1995–1999. Kulturminneforskningens mangfold. Edited by Gundhus G., Seip E. & Ulriksen E. — Oslo, 1999. — P. 20–26.

Grøn O. & Kuznetsov O. Ethno-archaeology among Evenkian forest hunters. Preliminary results and a different approach to reality! // Mesolithic on the Move. — Oxford: Oxbow Books, 2003. — P. 216–222.

Henriksen B. B. Sværdborg I. Excavations 1943–44. A Settlement of the Maglemose Culture. — Copenhagen, 1976.

Holmberg U. Der Baum des Lebens. — Helsinki, 1922.

Jarman M. R., Vita-Finzi C. & Higgs E. S. Site catchment analysis in archaeology // Man, settlement and urbanism. — London: Duckworth, 1972. — P. 61–66.

Johnson P., Bannister A. & Wannenburg A. The Bushmen. — Cape Town, 1999.

Man E. H. The Andaman Islanders. — London, 1885.

Mathiassen Th. Stenalderboplader i Aamosen. In this: Chapter XVI Geologiske dateringer af boplader i Aamosen. En foreløbig meddelelse. By Jørgen Troels-Smith. — Copenhagen, 1943. — P. 147–164.

Møbjerg T. The spatial organization of an Inuit winterhouse in Greenland. An ethno-archaeological study // Social Space. Human Spatial Behaviour in Dwellings and Settlements. Edited by Grøn O., Engelstad E. & Lindblom I. — Odense, 1991. — P. 40–48.

Newell R. R. The Post-glacial adaptations of the indigenous population of the Northwest European Plain // The Mesolithic in Europe. Edited by Kozłowski S. K. — Warsaw, 1973. — P. 399–440.

Newhouse J. Reindeer are wild too. — London, 1952.

Nygaard S. Mesolithic Western Norway // Contributions to the Mesolithic in

Europe. Papers presented at the Fourth International Symposium “The Mesolithic in Europe”. Edited by Vermeersch P. M. & Van Peer P. — Leuven: Leuven University Press, 1990. — P. 227–237.

O’Connell J. F. Alyawara site structure and its archaeological implications // American Antiquity. — 1987. — 52. — P. 74–108.

Popov A. A. The Nganasan. The Material Culture of the Tavgi Somoyeds. — Bloomington, 1966.

Prussin L. African Nomadic Architecture. Space, Place and Gender. — Washington, 1995.

Rapoport A. Systems of activities and systems of settings // Domestic architecture and the use of space. An interdisciplinary cross-cultural study. Edited by Kent S. — Cambridge, 1997. — P. 9–20.

Rogers E. S. The Hunting Group — Hunting Territory Complex among the Mistassini Indians. — Ottawa, 1963.

Schmidt W. Der Ursprung der Gottesidee vol. VI. Eine historisch-kritische und positive Studie. 2. Abteilung: Die Religionen der Urvölker V. Endsyntaxe der Religionen der Urvölker Amerikas, Asiens, Australiens, Afrikas. — Münster, 1935.

Schmidt W. Analecta et Additamenta // Anthropos. — 1941. — 35–36. — P. 966–969.

Tanner A. Bringing Home Animals. Religious Ideology and Mode of Production of the Mistassini Cree Hunters. — London, 1979.

Watanabe H. The Ainu Ecosystem. Environment and Group Structure. — Washington, 1972.

Whitelaw T. Some Dimensions of Variability in the Social Organization of Community Space Among Foragers // Ethnoarchaeological Approaches to Mobile Campsites. Hunter-Gatherer and Pastoralist Case Studies. Edited by Gamble C. S. & Boismier W. A. — Ann Arbor, 1991. — P. 139–188.

Yellen J. E. Archaeological Approaches to the Present. Models for Reconstructing the Past. — Washington, 1977.

В. Я. Шумкин

Институт истории материальной культуры РАН,
Дворцовая набережная, 18,
Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: shumkinv@yandex.ru

ПУТЬ НА СЕВЕР: ЗАПАДНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ДИЛЕММА ИЛИ ДИХОТОМИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ ЛАПЛАНДИИ*

Развитие древнего населения Лапландии, исходя из анализа археологических данных (предметы и объекты материальной и духовной культуры), проходило плавно, в основном, за счет внутренних ресурсов. Инновации на определенных этапах (появление керамической технологии, металл) свидетельствуют о заимствованиях от населения южных территорий. Некоторые привнесения, датируемые эпохой раннего металла, в духовную культуру, вероятно, связаны с появлением отдельных представителей восточного населения. Они не должны были оставить глубокий след в традиционной, налаженной, устойчивой «системе ценностей» аборигенов. Однако, новые данные антропологической науки, в результате применения современных методов и методик, свидетельствуют, что происходили более сложные и не находящих, пока, достаточно доказательных логических объяснений историко-культурные процессы, в которых проблемы взаимоотношения древних «лапландцев», «кольских оленостропцев» и «таинственных» саамов опять остаются и становятся еще более загадочными.

Ключевые слова: Арктика, Лапландия, первоначальное заселение, мезолит, неолит, ранний металл, петроглифы, стоянки, поселения, могильник, саамы.

Восточная и западная гипотезы «исхода» инициального заселения Лапландии (Северная Фенноскандия, включающая норвежский Финнмарк, шведскую Лапланд, финскую Лаппи и Мурманскую область России) «борются» уже более 100 лет. Первоначальный «перевес» долгое время был на стороне приверженцев сибирско-азиатской «прародины» [Кастрен, 1860; Третьяков, 1937; Окладников, 1948; Гурина, 1960; Мейнандер, 1974, 1982 и др.]. Это объясняется политическими «веяниями», часто интуитивными предположениями, лишь иногда, подкрепляемыми отдельными (как правило, из лингвистики) фактами или примерами. В последние десятилетия «исторический маятник» явно качнулся в сторону признания западного (практически все скандинавские специалисты, в том числе, изначально, и автор этой статьи) пути освоения Северной Фенноскандии, чему есть значительное количество достовер-

ных и полидисциплинарных подтверждений [Шумкин, 1986, 1986а, 1990, 1991; Hood, 1992; Шумкин, Питулько, 1993; Berjck, 1993; Hauglid, 1993; Anundsen, 1996; Forsberg, 1996; Thommesen, 1996; Shumkin, 2000; Fuglestedt, 2001]. Но так уж, всецело, навсегда и на все периоды истории, закрываются восточные проникновения и влияния? Разбираясь в этих вопросах, основываясь на современных научных данных, не беря во внимание одиозные, фантастические, дилетантские «гипотезы», можно наметить следующее протекание историко-культурных процессов в регионе, конечно, в самом обобщенном, кратком изложении.

При всех значительных успехах археологического изучения древнейшего прошлого Фенноскандии, остается еще много нерешенных проблем. Более того, вопросы, которые уже были прояснены, или частично согласованы, в результате новейших исследований пополняются новыми проблемами или получают иной ракурс рассмотрения.

Из наиболее актуальных задач (не касаясь таких, фундаментально-теоретических, как терминология и периодизация, но, не забывая о них), можно выделить

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Раздел «Традиция, обычай, ритуал в истории и культуре». Проект «Погребальные традиции и ритуалы древнего населения Русской Лапландии»

Рис. 1. Карта расположения древнейших (мезолит, 10000–9000 лет назад) археологических стоянок на побережье Баренцева моря

следующие: 1) время первоначального заселения региона и дальнейшее его освоение; 2) связи с обитателями соседних территорий (взаимовлияния в производственной и мировоззренческой сферах); 3) влияние использования определенного сырья на облик и развитие материальной культуры; 4) характер и изменения системы обеспечения в хронологическом и территориальном аспектах. Практически, все они связаны с разработками более точного, по возможности, разнообразного / перекрестного датирования комплексов, совершенствованием типологического, трасологического анализов, технологии изготовления орудий, созданием междисциплинарных исследований, которые, при постановке и решении продуманных, целенаправленных задач позволят приблизиться к пониманию процессов культурно ис-

торического развития на этой северной территории.

Первые поселенцы проникают в Фенноскандию, на полуостров Сконе южной Швеции, в самом конце плейстоцена — начале голоцена с территории северогерманской низменности. Поступательному, сравнительно быстрому продвижению на север, вдоль узкой полоски норвежского побережья способствовали ускоренное освобождение этих участков от ледника под действием уже «греющего» Гольфстрима [Кошечкин, 1975; Hald, Aspeli, 1997; Larsen, Lysa, Demidov, Funder, Houmark-Nielsen, Kjaer, Murray, 1999; Moller, 2003] и использование водного (морского) транспорта [Trompau, 1987], что косвенно подтверждается очень ранним заселением удаленных островов в незамерзающих водах Северного, Норвежского и Баренцева морей. Благодаря всем этим факторам

северные первопроходцы уже в бореальный период (не позднее 10 000 лет назад) достигли арктического побережья Фенноскандии (рис. 1). Небольшие мезолитические коллективы морских собирателей и рыболовов, попав в экстремальные условия, оказались в изолированном положении, сопровождавшимся стагнацией и даже деградацией материальной культуры [Yesner, 1980; Renouf, 1984; Woodman, 1985; Шумкин, 1986а, 1993], но, тем не менее, сохранили древние мировоззренческие традиции, о чем свидетельствуют крупномасштабные, выполненные методом «прошлифовки» линий, петроглифы этого времени (рис. 2) и, несколько более поздние, писаницы (рис. 3).

Большинство стоянок в результате характерного для Заполярья слабого процесса почвообразования, имеют весьма незначительный по мощности культурный слой [Земляков, 1940; Шумкин, 1986а], в котором редко сохраняются изделия из органики. Обычно в нашем распоряжении остаются лишь каменные орудия и отходы производства. Многие коллекции добыты в результате сборов

на поверхности, т. к. культурный слой разрушен в древности, или не перекрыт последующими напластованиями. Материалы, полученные в результате раскопок, как правило, ни количественно, ни качественно не отличаются от подъемного. Правда, в последнее время с применением более совершенных методов полевого обследования в Северной Норвегии (Карлеботн, Мортенснес, Дэвдпс) и на Кольском полуострове (полуостров Рыбачий, Териберская губа, Нокуевский залив, Кильдинский пролив) удалось на некоторых позднемезолитических поселениях выявить слабоуглубленные жилища, тогда как на разрушенных стоянках сохраняются, в лучшем случае, остатки очагов.

При исследовании археологических памятников Северной Фенноскандии очень важны геоморфологические данные, в первую очередь, изучение древних морских террас и их возраста. В этом регионе хорошо выражены следы различных регрессий и трансгрессий. Конечно, нельзя абсолютизировать эти данные, т. е. отождествлять напрямую время образования террасы с возрастом расположенных на ней археологических объектов. Следует учитывать и возможность повторных трансгрессий, как это случилось в Западном секторе. Кроме того, одновозрастные памятники могут располагаться не строго на одном уровне, а в пределах какого-то интервала, причем более «строгим» в данном случае будет нижний высотный предел. Памятник, расположенный на более низкой террасе, не всегда непременно более «молодой» по возрасту. Такой вариант не исключен, но это должно подтверждаться всесторонним анализом всех имеющихся данных и, в первую очередь, археологического материала. Использование высотных показателей должно применяться конкретно для каждого узколокального района, и чем он будет территориально уже, тем данные будут корректней. Так, если древнейшие памятники в восточном

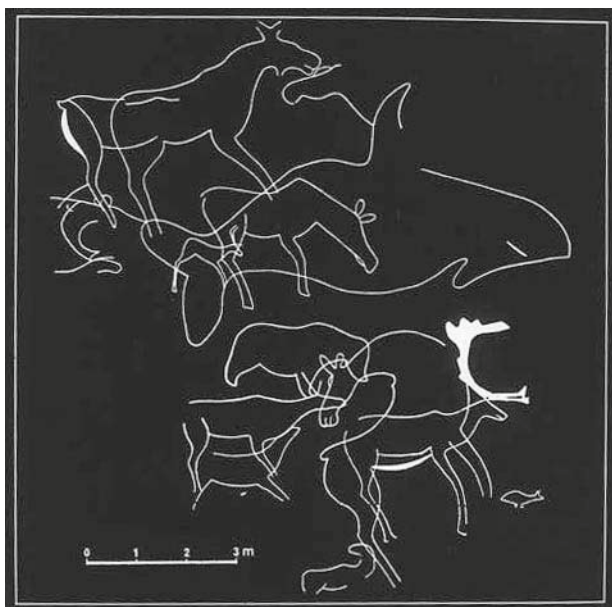

Рис. 2. Монументальные петроглифы эпохи мезолита (Лейкнесс, Норвегия), выполненные в технике шлифовки (не выбивкой и без подкраски) линий фигур (олени, лоси, медведи, кит).
По Г. Джессингу, 1932

Финмарке и западной части Кольского полуострова лежат на высоте до 90 м, то одновременные им стоянки в некоторых других районах Фенноскандии могут «покоиться» ниже уровня моря [Moller, 2003]. Следует учитывать и влияние трансгрессии в конце мезолитического времени, которая разрушила некоторые археологические памятники.

Полевая практика показывает, что для стоянок и поселений выбирались наиболее удобные места, исходя из существующего окружения и условий: наличие рядом источника пресной воды, защищенность от холодных ветров, незааносимость снегом в зимнее время и др., руководствуясь, к тому же, основным направлением хозяйственной деятельности. При явной тенденции селиться ближе к воде, заселялись и более высокие уровни и террасы, когда отсутствовали или были неудобны (заболоченность, подтопление во время штормов и др.) более низкие. Причины выбора того или иного места определялись и спецификой конкретного памятника: кратковременная стоянка, поселение, мастерская, охотничий лагерь, культовое место и т. д.

Северная Фенноскандия бедна кремненными породами, поэтому древнему человеку приходилось изготавливать свои орудия, в основном, из кварца, который встречается здесь повсеместно и в большом количестве в коренном залегании, в виде обломочного материала и гальки. Реже использовались такие породы как черт, кварцит, доломит, песчаник. Кость и дерево, которые, без сомнения, широко использовались, доходят до нас в исключительных случаях. Кварц и его разновидности, как поделочный материал, заметно уступают кремню, правда, дают острые сколы и твердый режущий край, но являются очень сложным в обработке сырьем, и из него редко удается получить крупные орудия со значительными по размерам рабочими лезвиями. При выделке орудий всегда образуется большое количество отходов в виде средних и мел-

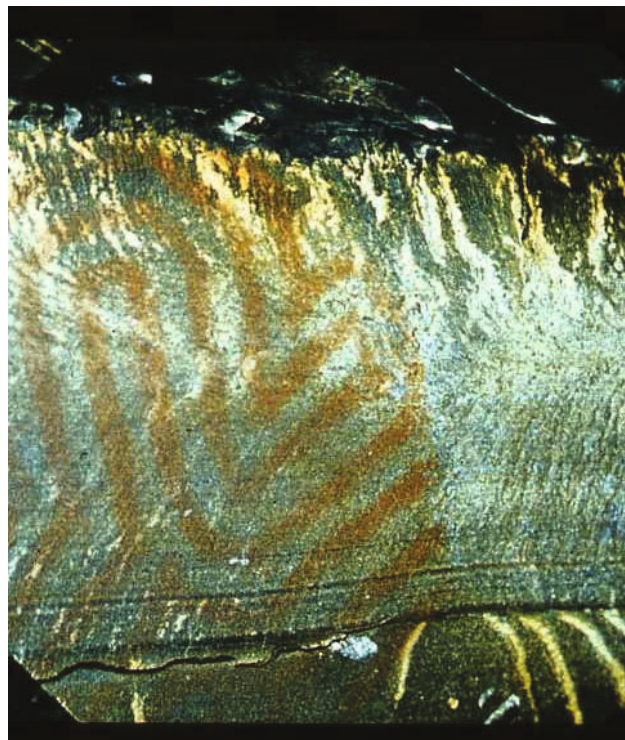

Рис. 3. Писаница (Пяйве — «галерея») эпохи мезолита на полуострове Рыбачий (Мурманская область)

ких отщепов, значительно превышающее остающееся при обработке кремневых изделий. Форма некоторых орудий, особенно на самых ранних памятниках, не всегда выражена, нередко использовался подходящий случайный отщеп. Трудно определить и тип заготовки (отщеп, пластина).

Со времени открытия раннеголоценовых памятников в арктической зоне Норвегии археологи стремились применить к кварцевым изделиям типологические схемы французского палеолита [Vardon, Bouyssonie, 1909], разработанные на кремневом материале, забывая, что свойства пород резко отличаются. Эти соображения приводились наравне с другими при критике типологических разработок и сопоставлении археологических памятников Заполярья и позднего палеолита Центральной Европы. Возражения вполне справедливые, но они дали и негативную реакцию, т. к. исходя из верной посылки о неправомерности таких сопоставлений стали высказываться мнения о невозможности, в принципе,

классифицировать кварцевый материал, т. к. в нем очень мало типологизирующих признаков. Подобные суждения породили среди некоторых специалистов мнение о ненужности чрезмерного увлечения типологией, заменой ее изучением отдельных ведущих форм в качестве датирующих и культууроопределяющих маркеров. Эти выводы, не только, как мне кажется, далеки от истины, но и вредны по своей сущности, т. к. лишают археологию такого мощного собственного метода, как типологический анализ. В последние годы наметился сдвиг в этом вопросе, но старые тенденции дают себя знать, и при анализе артефактного контекста стоянок отдельных регионов порой трудно провести сравнение материалов, обработанных разными специалистами [Шумкин, 1989; Schulz, 1990; Woodman, 1993; Knutsson, 1998]. Вместе с тем, изучение кварцевого инвентаря представляет, без сомнения, определенные трудности и может успешно проводиться лишь после длительного знакомства с этим сырьем и выявления характерных особенностей раскалывания и способов обработки, которые становятся понятны только на основании работы со значительными по объему коллекциями, содержащими как различные категории орудий, так и отходы производства.

Мезолитические памятники Лапландии большинство специалистов традиционно связывают с культурой комса. В 1925 г. А. Нуммедал, уже известный археолог, прославившийся открытием памятников раннеголоценовой культуры фосна на юго-западном норвежском побережье, провел обследование Финнмарка на предмет поиска здесь аналогичных объектов. На высоких морских террасах вдоль побережья от Лангфиорда на западе до Русско-Норвежской границы на востоке (Варангерфьорд) он обнаружил стоянки с орудиями и отщепами, сделанными, в основном из кварца, кварцита и других некремневых пород камня [Nummedal, 1929]. Опытный

исследователь сразу заметил сходство между собой этих материалов и объединил местонахождения в особую культуру — комса, по названию горы Комса около городка Альта, у подножья которой он нашел первую стоянку. Публикация этих материалов в серии статей, вызвала огромный интерес среди археологов и геологов разных стран, т. к. новые данные и сделанные выводы во многом меняли сложившиеся представления о времени заселения человеком Крайнего Севера Европы [Tanner, 1929; Вое, Nummedal, 1936; Земляков, 1940]. Кульминационным моментом многочисленных обсуждений и дискуссий явилось отнесение А. Нуммедалем некоторых стоянок, на основании их высотного расположения на древних морских террасах и грубости форм археологического материала, к «арктическому палеолиту» и датировке их концом плейстоцена. Первоначально первооткрыватель считал, что древнейшие арктические комплексы имеют мадленский характер, но позднее пришел к заключению о присутствии мустьерских и ориньякских признаков. Это не случайно, т. к. в 1920-е годы было общее увлечение разработками французской [Bardon, Bouyssonie, 1909] палеолитической школы и, вероятно, таким подходом можно объяснить то, что некоторые специалисты стали усматривать ашельские элементы в неолитических мастерских Граймс Грейвс (Grimes Graves), и определять индустрию послеледниковых стоянок, например, Ирландии как типично ориньякскую. Используя типологии каменных орудий, перенесенные из французского палеолита, Бёе и Нуммедал выделили в культуре комса два аспекта: 1) макролитический, включающий многочисленные крупные отщепы, пластины, дисковидные нуклеусы, орудия на нуклеусах и отщепах, резцы, большие черешковые наконечники и разнообразные типы скребков на отщепах и нуклеусах; и 2) микролитический, состоящий из тех же типов орудий, как и в первом случае,

но отличающихся меньшими размерами. Позднее, в результате новых сборов и раскопок, инвентарь стоянок, относимых к культуре комса, пополнился действительно микролитическими элементами, такими как микролиты, поперечнолезвийные, одноострийные и двуострийные наконечники, топоры на отщепах, «неправильные» пластины [Odner, 1966; 1970; Simonsen, 1961; Шумкин, 1986; Woodman, 1993]. После этих дополнений культура комса утратила статус «примитивной» культуры лишь с крупными грубо обработанными каменными изделиями.

Археологические комплексы культуры комса очень неоднородны и имеют существенные вариации в территориальном и временном распространении. Важно при этом отметить, что, практически, все специалисты не сомневаются в «однокультурности» и едином происхождении этих первопроходцев Северной Фенноскандии [Odner, 1966, 1970; Шумкин, 1984; Nauglid, 1993], которые были родственны своим более южным приморским соседям — мезолитическому населению культуры фосна (в шведском варианте — хенсбаска).

Исследования последних десятилетий, проведенные в результате строительных работ [Hesjedal, Damm, Olsen, Storli, 1996; Storli, 1996] и национальных программ по экономическому картографированию и гидротехническим проектам в горных районах западной Лапландии, дали определенные результаты. Небольшое количество новых поселений раннего периода мезолита здесь обусловлено природными условиями начала послеледниковья, но единичность находок более поздних периодов, скорее всего, объясняется направленностью поиска стоянок с развешанным культурным слоем. Изменение методики полевых работ и разрушение стереотипов «видения» закономерности расположения древних стоянок дало прекрасные результаты, правда, опять же, в основном, в прибрежной зоне. Так, чрезвычайно ценные по-

селения с ненарушенным (или вторично перекрытым) культурным слоем обнаружены в Тромс, около Бодо (Нордланд), в, казалось бы, прекрасно изученном районе дислокации памятников культуры комса — Варангерфьорде и на Кольском полуострове. Конечно, не следует забывать, что огромные пространства Лапландии археологически еще не изучены и это дает надежду на новые будущие открытия.

Ранний мезолит Северной Фенноскандии долгое время датировался, основываясь на высотных уровнях (даты береговых линий: Mortensnes, полуостров Варангер, Норвегия — 10 000; Vanna, Норвегия — 11 500; Печенга, Кольский полуостров, Россия — 10 000) и археологических критериях. Но в последние десятилетия получены, пока еще не очень многочисленные, однако, весомые подтверждения геоморфологических датировок в виде серии радиоуглеродных (C^{14}) определений. Некалиброванные и некоторые (в скобках, выделены шрифтом) калиброванные даты мезолитических памятников Северной Лапландии [Кошелева, Субетто, 2011].

Sarnes, Mageroya — 10 280±80, 9 800±60.

Slettnes, Soroya — 9 600±80.

Saltstraumen — 9 580±90.

Vega — 9 350±270.

Simavik, Ringvasoy — 9 200±200.

Saamenmuseo, Inari — 8 760±75, 8 380±90, 8 290±110.

Myrvatnet — 9 040±120 (8 600–7 800), 9 040±130 (8 600–7 750), 9 440±50 (9 150–8 950), 9 460±80 (9 150–8 450), 9 420±80 (9 150–8 450), 9 485±65 (9 150–8 600), 9 495±75 (9 200–8 600).

Floyrlivatn — 9 720±80 (9 350–8 800), 9 490±70 (9 150–8 600), 9 360±80 (9 150–9 000), 9 400±70 (9 150–8 950), 9 450±70 (9 150–8 450), 9 630±80 (9 240–8 780), 9 560±80 (9 220–8 640), 9 560±80 (9 220–8 640), 9 430±70 (9 110–9 005), 9 460±70 (9 200–8 600), 9 360±80 (9 150–9 000), 9 750±80 (9 305–9 125).

Определенное, более ускоренное развитие начинается с благоприятными изменениями климатических условий (ат-

Рис. 4. Общий вид на современное (2014 г.) состояние углубленного жилища (№ 1 на поселении Усть-Дроздовка 2) эпохи раннего металла на побережье Нокуевского залива Баренцева моря

лантический оптимум), позволивших к началу неолита (около 6,5 тыс. лет до н. э.) заселить практически все регионы Северной Фенноскандии (последними — берега северной Ботнии, побережье Белого моря и центральную часть Кольского полуострова). Постепенно осваиваются новые виды и источники сырья (сланец, шифер), что способствует совершенствованию техники обработки и производству новых типов орудий, налаживаются контакты с более южным населением, от которого заимствуются навыки керамического производства. Все более существенными становятся признаки начала активной приморской адаптации (морской зверобойный промысел). Все эти изменения оказывали, наряду с природными и социальными факторами, значительное стабилизирующее воздействие на местные популяции.

Наметившиеся тенденции аккумулируются в эпоху раннего металла (4–2,5 тыс. лет до н. э.), чрезвычайно важный, интересный и, во многом определивший последующее развитие, период истории

населения Лапландии. Появляются, особенно в приморских районах, сотни долговременных поселений с многочисленными углубленными жилищами (рис. 4). Выбор мест обитания (кромка морского побережья), фаунистические остатки (морские млекопитающие, в основном, тюлени), орудийные комплексы (гарпуны, в том числе поворотные, крупные рыболовные крючки, грузила, якоря) и объекты духовной культуры (сюжеты петроглифов) определенно свидетельствуют о сложившейся специализированной культуре охотников на морского зверя. Учитывая обилие природных ресурсов региона и довольно высокий уровень материальной культуры, можно считать выbranную адаптационную модель очень удачной, на тот момент позволяющей населению устойчиво «процветать» и развиваться в данном арктическом окружении [Хлобыстин, 1972]. Необходимость объединения крупных устойчивых коллективов для результативной морской охоты приводит к появлению внушительных по размерам углубленных жилищ (рис. 5).

Рис. 5. Процесс раскопок Кольской археологической экспедицией (КАЭ) ИИМК РАН (2000 г.) углубленного жилища (№ 5 на поселении Усть-Дроздовка 3) эпохи раннего металла (2200–1500 cal. В. С.) на побережье Нокуевского залива Баренцева моря

Умение изготавливать деревянные лодки, документально подтверждается присутствием лодок-кережек (как гробовища — «саркофаги») в погребальной практике (рис. 9) Кольского Оленеостровского могильника (и даже значительно позднее — рис. 14) и отражено в многочисленных сюжетах [Саватеев, 1970; Шумкин, 1990д; Колпаков, Шумкин, 2012; Shumkin, 1990a; Helsing, 2014] петроглифов (рис. 8) на скалах Альты (Норвегия), Залавруги (Карелия), Канозера (Кольский полуостров, Мурманская область России). Все это, а также наличие специализированных эффективных орудий морского промысла (особенно, поворотные гарпуны — рис. 6) обеспечивало постоянный достаток [Руденко, 1947], даже изобилие продуктов жизнеобеспечения прибрежным жителям — охотникам на морского зверя Северной Фенноскандии. Некоторые различия приморского и континентального населения (рис. 7), проявляющиеся в специализированной направленности адаптационных стратегий, незначительны на общекультурном уровне. Это позволяет

считать обитателей разных экологических ниш носителями единой, лапландской археологической культуры, представленной двумя хозяйственно-культурными типами [Левин, Чебоксаров, 1955].

Успешное эволюционное развитие и достигнутое «благополучие» были внезапно, в I тыс. до н. э., прерваны новым изменением климатических условий, выразившемся в похолодании и увеличении влажности. Для многих коллективов дан-

Рис. 6. Поворотный гарпун эпохи раннего металла (поселение Маяк 2), знаменитая составная часть орудия (гарпуна) морского зверобойного промысла, способствующая результативной охоте [Руденко, 1947]. Побережье Нокуевского залива Баренцева моря

Рис. 7. Петроглифы (в технике выбивки) Чальмны-Варрэ (камень № 1).

Изображения животных семейства оленьих и двух антропоморфов.

Финальный неолит — начало эпохи раннего металла. Центральная часть Кольского полуострова, среднее течение р. Поной, бывшая деревня коми-ижемцев (с 1917 г. до 1960-х) Ивановка. Фото 2014 г.

ные процессы обернулись трагедией. Уцелевшие остатки некогда крупных сплоченных приморских и континентальных сообществ, разбившись на мелкие группы, переходят к бродячей охоте в горных и лесных районах [Шумкин, 1986, 1988, 1990б, в, 1991; Shumkin, 1990, 1992, 1996, 2000]. Вскоре они оказываются втянутыми в сферу меновой торговли с южным населением, осваивающим производящую экономику. Основным эквивалентом «импорту» могли быть шкуры пушных животных. Подобная деятельность требовала постоянных перемещений и выбор нетрадиционных мест обитания. Данные процессы привели к модификации культуры, утрате определенной части ее собственных черт. Явный упадок традиционной жизнедеятельности местного населения не был столь однозначен для общества в целом. Усвоение не позднее середины I тыс. навыков и развитие особого (экологического, «малозатратного») типа оленеводства возымело далеко идущие последствия в будущем.

Раннее средневековье (рис. 13) характеризуется наступлением даннических отношений с южными, более «прогрессивными» соседями [Карпелан, 1982; Валонен, 1982; Шумкин, 1986, 1988, 1990б, в, 1991; Shumkin, 1990, 1992, 1996, 2000]. Одновременно формируется система циклических перекочевок, начинается этническая и социальная консолидация на базе зимних погостов — сийтов. Видимо, лапландское население, практически осознав, что в данных природных условиях суперспециализация чревата губительными последствиями, встало на путь выработки новой стратегии, приведшей к комплексному типу хозяйства (сочетание рыболовства, оленеводства, морской и сухопутной охоты) и образа жизни, определяемого циклическими перекочевками, позволяющими рационально, планомерно и результативно, без особого давления эксплуатировать несколько экологических ниш (лесные, горные районы, тундровое пространство, побережье). Отказ от магистрального «производительного»

Рис. 8. Петроглифы (сложная техника, сочетающая прорезание, выбивку, заглаживание) Канозера. Уникальная композиция «охота с лодки на медведя» и фигура загарпуненного (с другой лодки) морского животного (белуха?). Группа Каменный 7. Неолит–ранний металл. Озерное расширение (Канозеро) реки Умба, впадающей в Кандалакшский залив Белого моря. Южная часть Кольского полуострова

Рис. 9. Кольский Оленеостровский могильник (КОМ). Процесс раскопок (КАЭ ИИМК РАН 2003 г.) коллективного (№ 16, 1–4) погребения. Эпоха раннего металла (около 3500 лет назад). Большой Олений остров в Кольском заливе Баренцева моря

Рис. 10. Кольский Оленеостровский могильник (КОМ). Антрополог В. И. Хартанович, (МАЭ РАН), постоянный участник работ КАЭ ИИМК РАН, предварительно в поле (2004 г.) изучает череп древнего «оленеостровца». Большой Олений остров в Кольском заливе Баренцева моря

пути развития сопровождался снижением жизненного уровня, сокращением до минимума потребностей и прибавочного продукта, вел к зависимому положению от «цивилизованных» сообществ.

Но так ли все стабильно, последовательно, объяснимо в древней истории Северной Фенноскандии? Есть ряд серьезных, неустранимых, пока, противоречий. Так, в каменной индустрии наблюдается непрерывная преемственность, начиная с первоначального заселения этой территории. Если рассматривать проблему с точки зрения исторических реконструкций по археологическим данным, то не

Рис. 11. Один из черепов (погребение № 12) древнего «оленеостровца» (мужчина, 35–40 лет — определение и фото В. И. Хартановича). КОМ. Большой Олений остров в Кольском заливе Баренцева моря. Место хранения (как и вся серия) Отдел антропологии МАЭ РАН

вызывает сомнений, что с мезолита на этой территории идет непрерывное развитие местной адаптационной модели древними коллективами. Таким образом, возможность крупных миграций в Северную Фенноскандию, после первоначального заселения выглядит маловероятной. Правда, некоторые эпохальные инновации (керамика, металл) приходят с южных территорий, но это можно объяснить заимствованиями.

Однако, значительное увеличение в результате полевых работ (1999–2005 гг.) Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН (рис. 9), при участии МАЭ РАН (рис. 10), материалов [Шмидт, 1930; Гурина, 1953] уникального Кольского Оленеостровского могильника (3,5 тыс. лет назад), и изучение всей краниологической серии (рис. 11) с применением новых методов анализа (в том числе, сравнение палеодНК), свидетельствуют о крайне специфическом антропологическом облике «оленеостровцев» эпохи раннего металла. Выяснилось, что антропологические и генетические особенности погребенных (ДНК) в Кольском Оленеостровском могильнике не находят прямых аналогий в современном населении Северной Фенноскандии, существенно отличаются от характеристик саамских групп и поэтому древние «оленеостровцы» не могут быть их предками, проявляя, при этом, тенденцию к сближению с представителями, так называемой, «уральской расы», проживающими сейчас за Уральским хребтом [Хартанович, Моисеев, 2012; Моисеев, Хартанович, 2012; Der Sarkissian, Balanovsky, Brandt, Khartanovich, Buzhilova, Koshel, Zaporozhchenko, Gronenborn, Moiseyev, Kolpakov, Shumkin, Alt, Balanovska, Cooper, Haak, 2013]. Можно предположить, что «оленеостровцы» были сравнительно небольшой пришлой группой. Однако этому противоречит отсутствие типологических различий между погребальным инвентарем Кольского Оленеостровского могильника (рис. 12) и комплексами артефактов со стоянок и поселений Арктического побережья эпохи

Рис. 12. Погребальный инвентарь (погребение № 19, 4). Раскопки КАЭ ИИМК РАН (2004 г.). КОМ. Большой Олений остров в Кольском заливе Баренцева моря.

Место хранения (как и все остальные комплексы) Отдел антропологии МАЭ РАН

1–3 — костяные навершия с изображениями голов северного оленя (инв. №№ 89, 90, 106); 4 — костяной стержень, изогнутый под прямым углом (инв. № 91); 5 — костяной кинжал (инв. № 105); 6 — два костяных рыболовных крючка (инв. №№ 92, 93); 7 — змеевидная подвеска (?) (инв. № 97); 8 — три костяных стержня (инв. №№ 94, 95, 107); 9 — костяное тесло (инв. № 102); 10–12 — костяные гарпуны (инв. №№ 96, 103, 118)

Рис. 13. Лабиринт в эстуарии р. Варзина (Нокуевский залив Баренцева моря)

Рис. 14. Кережка (кереж), традиционная саамская повозка (однополосные сани, в виде лодки, для езды на северных оленях) на старом саамско-карельском кладбище около бывшего (до 1980-х) поселка Канозеро. Восточный берег озера Канозеро Терского района Мурманской области

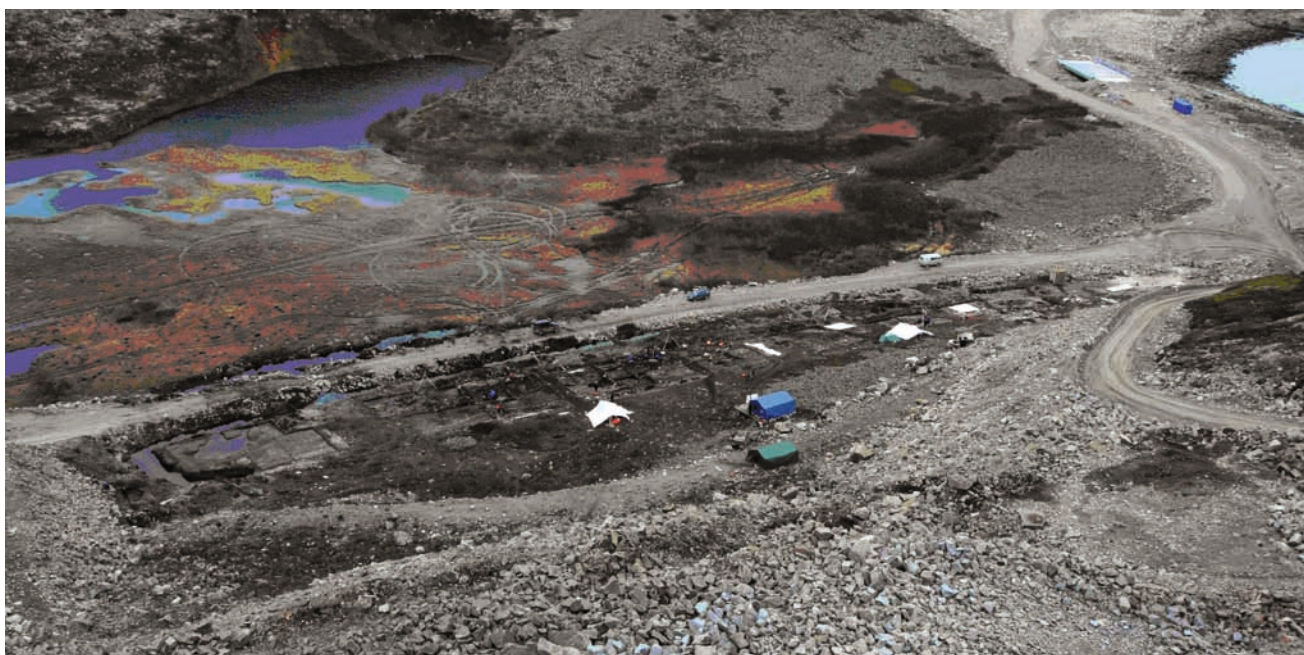

Рис. 15. Археологическое поселение Завалишина 5. Масштабные (вскрытая площадь 4000 кв. м, более 20 археологических объектов, свыше 150000 артефактов, неолит–ранний металл) раскопки КАЭ ИИМК РАН (2010 г.) по проекту освоения ГКМ Штокман. Териберка, Кольский район Мурманской области

раннего металла. Возможно, это остатки одной из древнейших в Евразии антропологической формаций продвинувшихся постепенно на север и северо-восток.

Во многих своих работах [Шумкин, 1986, 1988, 1990, 1990а, б, в, г, д, е, 1991, 1991а, 1993, 1997, 2006; Shumkin, 1990, 1990а, 1992, 1996, 2000 и др.] я неоднократно приво-

Рис. 16. Чум — древнее, традиционное (с эпохи палеолита до 21 века) жилище и «спасение», наряду с оленем [Наумов, 1933], многих северных народов.
Фото 2008 г. Сейдозеро. Кольский полуостров

дил и акцентировал археологические свидетельства возможного проникновения около 3–4 тыс. лет назад крайне малочисленных групп пришельцев, скорее всего, восточного происхождения, которые не могли серьезно повлиять на достаточно развитые (для своего времени и местных условий) сообщества «лапландцев», тем более изменить их быт и традиции. Они должны были быстро ассимилироваться, оставив единичные следы в культуре, возможно в генофонде. Предположения основывались на одновременности появления и неутилитарном проявлении таких модификаций, как: 1) присутствие на некоторых памятниках (от Большеземельской тундры до Северной Финляндии, но, особенно важно, что, в том числе, и в Кольском Оленеостровском могильнике) фрагментов т. н. «вафельной» керамики, которая близка сосудам ымыяхтахской культуры [Федосеева, 1980], выглядит инородной и не имеет местного типологического развития; 2) новые сакральные представления, в частности, единичные инновации в наскальном творчестве; 3) от-

дельные элементы «шаманской» атрибутики у местных колдунов — нойдов. Все это не следствие, скорее, заимствований или конвергенции, а результаты непосредственного присутствия «носителей новшеств» на древней земле Северной Фенноскандии. Но оказывается, все могло быть более «серьезно».

Тогда возникает закономерный вопрос о противоречиях между фиксируемой преемственностью развития материальной и духовной культуры от первопоселенцев, по крайней мере, на протяжении 8 тыс. лет и «уральским» генофондом «кольских оленеостровцев», обладающих уже всеми атрибутами специализированной практики охотников на морского зверя и традиционными мировоззренческими представлениями местного населения. Не исключено, что сия «головомломка» имеет объяснение в поздние / послеледниковых событиях, когда под действием глобально меняющихся природных и климатических условий, изначально западноевропейское, финальнопалеолитическое / раннемезолитическое население

стало продвигаться вдоль кромки тающего ледника не только по морскому побережью на Север, в Фенноскандию, но и материковым, сутобо «сухопутным» путем, на северо-восток Европы. Конечно, это предположение требует детальных научных обоснований и, в этом плане, актуальным является целенаправленное сравнение контекстов комплексов западных (кольских, по крайней мере, из раскопок КАЭ ИИМК РАН последних десятилетий — рис. 15) и восточных (европейских северо-восточных) мезолитических памятников, среди которых, например, исследованные на современном методическом уровне [Волокитин, 2006] вычегодские стоянки (такие как Парч 1 и Парч 2 и др.).

Единственное пока твердо фиксируемое и не вызывающее сомнений масштабное проникновение восточного населения в Лапландию произошло в самом конце XIX века, когда, уберегая от оленьей «копытки» свои стада, коми-ижемцы (привлекая пастухов — ненцев) стали осваивать центральный район Кольского полуострова (Ловозеро, Краснощелье, берега среднего течения реки Поной). Эти события имели как отрицательные (частичная потеря саамской традиционной духовной и материальной культуры, крупнотабунное оленеводство, не очень подходящее здесь, при ограниченности местных пастбищных угодий), так и положительные (привнесение товарного производства, обогащение инновационными элементами в быту и транспорте) последствия. Сейчас в Мурманской области, при общей численности населения в 800 000 человек, совместно (рис. 16), без явных межнациональных конфликтов проживают 2177 коми, 1769 саамов и 1211 ненцев (данные последней Всероссийской переписи населения в 2002 году).

В заключение можно только признать, что культурно-исторические процессы в Северной Фенноскандии были значительно сложнее, чем представляется на данном этапе изучения, а реальная

история древних «лапландцев», «оленеостровцев» и саамов, особенно, их преемственность, по-прежнему, во многом, остается таинственной и даже становится еще более загадочной.

Литература

Валонен Н. Ранние лопарско-финские контакты // Финно-угорский сборник: антропология, археология, этнография. — М., 1982. — С. 59–94.

Волокитин А. В. Мезолитические стоянки Парч-1 и Парч-2 на Вычегде. — Сыктывкар: изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2006. — 126 с.

Гурина Н. Н. Основные этапы древнейшей истории Кольского полуострова по данным археологии // Ученые записки ЛГУ. — 1960. — № 115. — Вып. 1. — С. 38–56.

Земляков Б. Ф. Арктический палеолит на севере СССР // СА — 1940. — Вып. V. — С. 107–143.

Карпелан К. Ранняя этническая история саамов // Финно-угорский сборник: антропология, археология, этнография. — М., 1982. — С. 32–48

Кастрен М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири в 1838–1844, 1845–1849 гг. // Магазин земледования и путешествий. — М., 1860. — Т. 6. — Ч. 2. — 436 с.

Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера. Искусство России. — СПб., 2012. — 425 с.

Кошелева Е. А., Субетто Д. А. Раннеголоценовые изменения природной среды и инициальное заселение Фенноскандии // Общество. Среда. Развитие. — СПб., 2011. — Вып. 4. — С. 238–242.

Кошечкин Б. И. Перемещение береговой линии Баренцева и Белого морей в позднеледниковое время // Известия АН СССР. Сер. геогр. — 1975. — № 4. — С. 91–100.

Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические общности // СЭ. — 1955. — № 4. — С. 3–17.

Мейндер К. Проблема происхождения финно-угров по данным археологии // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. — М., 1974. — С. 18–27.

Мейндер К. Финны — часть населения северо-востока Европы // Финно-угорский сборник: антропология, археология, этнография. — М., 1982. — С. 10–32.

Моисеев В. Г., Хартанович В. И. Краниологические материалы из могильника эпохи раннего металла на Большом Оленьем острове Баренцева моря // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2012. — № 1 (49). — С. 145–154.

Наумов Н. Дикий северный олень. — М.; Л.: КОИЗ, 1933. — 73 с.

Окладников А. П. Древние шаманские изображения из Восточной Сибири // СА. — 1948. — Т. X. — С. 203–225.

Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. — М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1947. — 135 с.

Савватеев Ю. А. Залавруга : археол. памятники низовья реки Выг. Ч. 1. Петроглифы. — Л.: Наука, 1970. — 443 с.

Третьяков П. Н. Экспедиция по изучению арктического палеолита // СА — 1937. — № 2. — С. 227–229.

Федосеева С. А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. — Новосибирск: Наука, 1980. — 224 с.

Хартанович В. И., Моисеев В. Г. Краниологические материалы о происхождении древнего населения крайнего Севера Европы // Поморские чтения по семиотике культуры. Геоисторические и Геоэтнокультурные образы и символы освоения арктического пространства. Сборник научных статей. — Архангельск, 2012. — С. 128–145.

Хлобыстин Л. П. Проблемы социологии неолита северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. — Л.: Наука, 1972. — С. 26–43.

Шмидт А. В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. — Л., 1930. — С. 119–169.

Шумкин В. Я. Исторические судьбы древнего населения Кольского полуост-

рова // История и культура Архангельского Севера. — Вологда, 1986. — С. 28–34.

Шумкин В. Я. Мезолит Кольского полуострова // СА. — 1986а. — № 2. — С. 15–33.

Шумкин В. Я. К вопросу о формировании хозяйственно-культурных типов у древнего населения Кольского полуострова // КСИА. — 1988. — Вып. 193. — С. 9–14.

Шумкин В. Я. Принципы классификации кварцевой индустрии // Комплексные методы исследования археологических источников: Материалы к 5-му совещанию. — М., 1989. — С. 23–24.

Шумкин В. Я. Влияние природно-экологического фактора на заселении арктических районов Северо-Запада Европы // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. — М., 1990. — С. 50–61.

Шумкин В. Я. Западные и восточные традиции культуры аборигенного населения Северной Фенноскандии // Uralo-Indogermanika. — М., 1990а. — Ч. 2. — С. 10–15.

Шумкин В. Я. Истоки формирования народности саами // Современное финно-угроведение: Опыт и проблемы. — 1990б. — С. 121–127.

Шумкин В. Я. Лапландские нойды и саамский шаманизм // Влияние природно-экологического фактора на заселении арктических районов Северо-Запада Европы // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. — М., 1990в. — С. 50–61.

Шумкин В. Я. Петроглифы и писаницы Кольского полуострова // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. — М., 1990д. — С. 34–43.

Шумкин В. Я. Истоки формирования народности саами // Современное финно-угроведение: Опыт и проблемы. — Л., 1990е. — С. 121–129.

Шумкин В. Я. Этногенез саамов: (археол. аспект) // Происхождение саамов. — М., 1991. — С. 129–149.

Шумкин В. Я. Традиционное природопользование лапландцев // Проблемы историко-культурной среды Арктики. — Сыктывкар, 1991а. — С. 148–151.

Шумкин В. Я. Ранний каменный век западной части Европейской Арктики: (мезолит Северной Скандинавии) // Древности Северо-Запада России. — СПб., 1993. — С. 34–59.

Шумкин В. Я. Наскальные изображения Кольского полуострова как часть монументального творчества Фенноскандии // Невский археол.-историогр. сборник. — СПб., 1997. — С. 371–382.

Шумкин В. Я., Колпаков Е. М., Мурашкин А. И. Некоторые итоги новых раскопок могильника на Большом Оленьем острове // ЗИИМК. — 2006. — № 1. — С. 42–52.

Шумкин В. Я., Питулько В. В. Древний человек в экосистемах Арктики: динамика природной среды и изменчивость моделей жизнеобеспечения // AD POLUS. — СПб., 1993. — С. 39–46.

Anundsen K. The Physical Conditions for Earliest Settlement during the Last Deglaciation in Norway // The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Acta Archaeologica Lundensia Series in 8°. — 1996. — № 24. — P. 207–217.

Bardon L., Bouyssonie A. Decouverte d'un squelette humain mousterien à la Bouffia de la Chapelle. — Paris, 1909.

Berjck H. B. The North Sea Continent and the Pioneer Settlement of Norway // Man and Sea in the Mesolithic: Coastal Settlement Above and Below Present Sea Level. Proceedings of the International Symposium, Kalundborg, Denmark 1993. Ed. A. Fischer. — Oxford: Oxbow, 1995. — P. 131–144.

Bøe J. & Nummedal A. Le Finnmarkien. Les origines de la civilisation dans l'extrême-nord de l'Europe. Institutet for sammenlignende kulturforskning, serie B: skrifter XXXII, 1936.

Der Sarkissian C., Balanovsky O., Brandt G., Khartanovich V., Buzhilova A., Koshel S., Zaporozhchenko V., Gronenborn G., Moiseyev V., Kolpakov E., Shumkin V., Alt K. W., Balanovska E., Cooper A., Haak W. Ancient DNA Reveals Prehistoric Gene-Flow from Siberia in the Complex Human Population History of North East Europe // PLoS Genet. — 2013. — 9 (2). — 003296doi:10.1371/journal.

pgen.1003296. <http://www.plosgenetics.org/article/info%3Adoi%2F10.1371%2Fjournal.pgen.1003296>.

Forsberg L. The Earliest Settlement of Northern Sweden. Problems and Perspectives // The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Acta Archaeologica Lundensia Series in 8°. — 1996. — № 24. — P. 241–250.

Fuglestedt I. Pionerbosetningens fenomenologi. Sørvest-Norge og Nord-Europa 10 200/10 000–9 500 BP. PhD dissertation in Archaeology. — Bergen University, 2001.

Hald M. & Aspeli R. Rapid Climatic Shifts of the Northern Norwegian Sea during the Last Deglaciation and the Holocene. — Boreas, 1997. — 26. — P. 15–28.

Hauglid M. A. Mellom Fosna og Komsa. En preboreal «avslagsredskapskultur» i Salten // Nordland. MA thesis in archaeology. — University of Tromsø, 1993.

Helskog K. Communicating with the World of beings. — Oxford & Philadelphia, 2014. — 249 p.

Hesjedal A., Damm C., Olsen B., Storli I. Arkeologi på Slettnes. Dokumentasjon av 11.000 års bosetting // Tromsø Museums. — 1996. — Skrifter XXVI.

Hood B. Prehistoric Foragers of the North Atlantic: Perspectives on Ethic Procurement and Social Complexity in the North Norwegian Stone Age and the Labrador Maritime Archaic. PhD dissertation. — University of Massachusetts, 1992.

Knutsson K. Convention and Lithic Analysis // Holm J. & Knutsson K. (eds.). Third flint alternatives conference at Uppsala. OPIA 16, Department of archaeology and ancient history. — Uppsala, 1998. — P. 71–93.

Larsen E., Lysa A., Demidov I., Funder S., Houmark-Nielsen M., Kjaer K. H. & Murray A. S. Age and extent of the Scandinavian ice sheet in northwest Russia // Boreas. — 1999. — 28 (1). — P. 115–132.

Moller J. Late Quaternary Sea Level and Coastal Settlement in the European North // Journal of Coastal. — 2003. — № 19–3. — P. 731–737.

Nummedal A. Stone age finds in Finmark. — Oslo, 1929.

Odner K. Komsakulturen i Nesseby og Sor-Varanger // Tromsø museum. — 1966. — Skr. XII. — P. 191–194.

Odner K. The Relations between the Komsa-culture and the more Eastern and Western Stone Age Cultures. МАЭН. — М., 1970.

Renouf M. A. P. Northern Coastal hunter-fishers: an Archaeological Model // World Archaeology. — 1984. — № 16 (1). — P. 18–27.

Schulz H.-P. The Mesolithic Quartz Industry in Finland // Iskos. — 1990. — 9. — P. 7–23.

Shumkin V. Y. On the Ethnogenesis of the Sami: An Archaeological View // Acta Borealia. — 1990. — № 2. — P. 3–20.

Shumkin V. Y. The rock art of Russian Lapland // Fennoscandia archaeologica. — 1990a. — Vol. 7. — P. 53–67.

Shumkin V. Y. Models of subsistence among the ancient population of the Kola peninsula // Fenno-ugri et slavi. Helsinki, 1992. — P. 146–150.

Shumkin V. Y. The origins of the Saami: The factors of originality // Historia Fenno-Ugrica Oulu. — 1996. — Vol. 1. — Pt. 2. — P. 413–419.

Shumkin V. Y. The rock art, labyrinths, seids and beliefs of Eastern Lapland's ancient population // Myanndash. Rock art in the Ancient Arctic. — Rovaniemi, 2000. — P. 202–241.

Simonsen P. Varanger-Funnene II. Fundog udgravninger på fjordens sydkyst // Tromsø

Museums. — 1961. — Skrifter Vol. VII. — Hefte II.

Storli I. Arkeologika Slettnes. Dokumentasjon av 11.000 års bosetning // Tromsø Museums. — 1996. — Skrifter XXVI.

Tanner V. Anatropogeografiska studier innom Petsamo-området. Skolt-lapparna // Fennia. — Helsingfors, 1929. — Vol. 49. — № 4.

Thommesen T. The Early Settlement of Northern Norway // The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Acta Archaeologica Lundensia Series in 8°. — Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1996. — № 24. — P. 235–240.

Tromnau G. Late Palaeolithic Reindeer-Hunting and the Use of Boats. Late Glacial in Central Europe // Culture and Environment. — Wrocław: Polskiej Akademii Nauk, 1987. — P. 95–105.

Woodman P. C. Mobility in the Mesolithic of Northwestern Europe: An Alternative Explanation // T. D. Price & J. A. Brown (eds.). Prehistoric Hunter-Gatherers. The Emergence of Cultural Complexity. — New York: Academic Press, 1985. — P. 325–339.

Woodman P. C. The Komsa Culture. A Re-examination of its Position in the Stone Age of Finnmark // Acta Archaeologica. — 1993. — Vol. 63. — P. 57–76

Yesner D. R. Maritime Hunter-Gatherers: Ecology and Prehistory // Current Anthropology. — 1980. — 21 (6). — P. 727–750.

И. О. Васкул

Институт языка, литературы и
истории Коми НЦ УрО РАН,
ул. Коммунистическая, 26,
Сыктывкар, 167982, Россия
E-mail: vaskul@mail.illhkomisc.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА В ГЛЯДЕНОВСКОЕ ВРЕМЯ (КОНЕЦ ПЕРВОГО I ТЫС. ДО Н. Э. — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА I ТЫС. Н. Э.)*

В статье рассматриваются этнокультурные связи населения Европейского Северо-Востока в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. Выделяются типы изделий, свидетельствующих об этнокультурных взаимодействиях с населением сопредельных территорий.

Ключевые слова: Европейский Северо-Восток, археологические культуры, этнокультурные связи, миграции, культурная интеграция.

Проблема этнокультурных связей населения Европейского Северо-Востока (далее ЕСВ) с соседними территориями постоянно находилась и находится в центре внимания исследователей. Уже в первых публикациях Г. М. Булова, В. И. Канивца, В. Е. Лузгина, посвященных интерпретации выявленных в ходе полевых изысканий конца 1950-х–1960-х гг. на Вычегде, Печоре и Ижме памятников археологии, были определены основные направления этнокультурных связей жителей ЕСВ в эпоху раннего железа. Разработка этой темы велась в неразрывном единстве с изучением проблем генезиса и культурной принадлежности памятников, традиций и инноваций в развитии культур, их этнической интерпретацией.

Наиболее отчетливо прослеживаются связи с археологическими культурами

(далее АК) Камско-Уральского региона, прежде всего с гляденовской АК Верхнего и Среднего (Пермского) Прикамья, с которой древности ЕСВ составляли единую культурно-историческую общность, сформировавшуюся на базе культур предшествующего периода [Булов, 1989, с. 6; Васкул, 1997, с. 380; Голдина, 1989, с. 24–26; Канивец, 1964, с. 139; Кузьминых, 2007, с. 45–47; Мельничук, 2002, с. 103; Оборин, 1969, с. 160; Савельева, 2007, с. 53].

В первую очередь связи с древностями Верхнего и Среднего Прикамья прослеживаются в керамических комплексах джуджыдьягской и пиджской АК ЕСВ. Типы форм сосудов этих культур соответствуют типам I–III глиняной посуды, характерным для гляденовской АК Прикамья [Генинг, 1988, рис. 35]. Развитие форм керамики гляденовского типа идет параллельно в Прикамье и на ЕСВ. Если на раннем этапе преобладают сосуды типа I, то в первой половине I тыс. н. э. ведущим становится тип II А–Б по классификации В. Ф. Генинга [Генинг, 1988]. Для керамических комплексов раннего этапа развития археологических культур ЕСВ и Верхнего Прикамья характерна такая деталь шейки как воротничок, унаследованная от керамического комплекса позднеананьинского периода. Правда, если для керамики времени переходного от ананьинского к гляденовскому в

* Работа выполнена по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», направление 1 «Преемственность и трансформации в развитии древних и средневековых обществ по археологическим и антропологическим данным», проект № 12-П-6-1002 «Формирование и развитие археологических культур эпохи железа на территории Европейского Северо-Востока: традиции и инновации» и по программе ориентированных фундаментальных исследований Президиума УрО РАН «Арктика», проект № 12-6-9-008 «Освоение арктической зоны зоны Припечорья в древности и средневековье».

Прикамье присущи двойные воротнички [Мельничук, 2002, с. 104], то на поселениях ЕСВ они встречаются единично и могут рассматриваться как влияние прикамских культур. Сравнительный анализ керамических комплексов АК, входящих в гляденовскую КИО показал, что важным признаком отличающим глиняную посуду средне- и нижнепечорских памятников (пиджская АК) от вычегодских (джуджыдьягская АК) и верхне- и среднекамских (собственно гляденовская АК) являются добавки к глиняному тесту [Васкул, 1995, с. 95]. Для первых в качестве примесей в керамическую массу характерны дресва, песок, а для вторых — раковина. Промежуточное положение составляют верхнепечорские памятники, район Синдорского озера, где количество сосудов с названными добавками в составе керамической массы примерно равно. Присутствие в составе коллекций сосудов с нехарактерными для основного керамического комплекса примесями свидетельствует о контактах носителей различных керамических традиций, как внутри региона, так и на межрегиональном уровне. И на вычегодских, и на камских памятниках в первой половине I тыс. н. э. прослеживается увеличение числа сосудов с минеральными добавками в глиняном тесте, что, возможно, связано с «печорским» влиянием, где подобные примеси были традиционными.

Для глиняной посуды культур гляденовской КИО характерно расположение орнамента в верхней части и преобладание в орнаментах горизонтальных линий, рядов и зигзагов. Значительный процент занимает резная техника нанесения узоров. А. Ф. Мельничук полагает, что формирование керамики с резной орнаментацией происходило в приустьевой части р. Чусовой, среднем и нижнем течении р. Сылвы и в районе г. Перми [Мельничук, 2002, с. 104]. Однако, наличие узоров, выполненных в резной технике, на раннегляденовской посуде бассейнов рек Вычегда и Печора дает возможность го-

ворить о том, что памятники этих районов также входили в зону формирования культур с орнаментацией керамики в резной технике. В декоре глиняной посуды они являются либо единственными, либо выступают в сочетании с зубчатыми и шнуровыми отпечатками, ямками. Сходны на Каме и ЕСВ элементы узоров на венчике, шейке и плечиках сосудов. В то же время между культурами Прикамья и ЕСВ имеются различия в технике орнаментации сосудов, что и позволило в свое время выделить джуджыдьягскую и пиджскую АК [Васкул, 1995, с. 95–99]. Принципиальным отличием глиняной посуды бассейнов рек Вычегда и Печора от керамических комплексов верхнего и среднего (пермского) Прикамья является наличие в орнаменте горизонтальных каннелюр, особенно характерных для декора сосудов средней и нижней Печоры [Васкул, 1995, с. 96]. Еще одной отличительной особенностью орнаментации керамики Печорского края является такое построение схемы декора, при которой ямки открывают орнаментальную композицию. Присутствие сосудов, украшенных подобным образом в комплексах гляденовской АК Прикамья, свидетельствует о связях ее носителей с «северными соседями». В то же время оформление венчиков вычегодских сосудов защипами на позднем этапе развития культур ГКО является свидетельством влияния прикамских традиций изготовления глиняной посуды. На верхней Печоре подобная техника орнаментации венчиков зафиксирована только на поселении Китостав, расположенном на водном пути с Вычегды на Печору, и документирует «вычегодско-камские» связи древних жителей верхней Печоры. В керамических комплексах поселений бассейна р. Вычегда и Верхнего Прикамья в первой половине I тыс. н. э. фиксируется увеличение доли неорнаментированной керамики (или орнаментированной только по венчику). Для территории ЕСВ появление подобных сосудов, как и глиняной

посуды, декорированной только ямками, следует объяснять связями с культурами пьяноборской общности Прикамья, где неорнаментированные сосуды или украшенные только ямками, составляют большинство [Генинг, 1970, с. 84–88; Голдина, 1999, с. 224, 229, 245]. Распространение подобной керамики в Северном Приуралье шло, по всей вероятности, через территорию гляденовской АК Верхнего и Среднего Прикамья. В. А. Оборин писал, что зафиксированная в материалах поселения Чирва II керамика, имеющая аналогии на поселении Пожегдин II на верхней Вычегде, является свидетельством миграции в Северное Прикамье вычегодского населения [Оборин, 1969, с. 162]. По мнению А. Ф. Мельничука, взаимосвязь Северного Прикамья и Вычегодского края сохраняется в позднегляденовское время (IV — начало V вв. н. э.), что выразилось в распространении сходных типов глиняной посуды [Мельничук, 2002, с. 104, 105]. Исследователь особо отмечает, что в материалах поселения Скородум, как пограничного между районами с присваивающей и производящей экономикой во второй половине I тыс. до н. э. — середины I тыс. н. э., наблюдается «яркое совмещение северных и южных традиций ананьинской и гляденовской культур» [Мельничук, 2002, с. 103]. По мнению В. П. Мокрушина к северу от р. Чусовой, включая и бассейны рр. Вычегды и Печоры, на базе древностей концецгорского типа формируется особая культура, отличная от гляденовской [Мокрушин, 1992, с. 109, 110].

Средние показатели степени сходства керамических комплексов памятников Прикамья и ЕСВ равны 58,5%. Именно эти данные являются надежным свидетельством того, что население ЕСВ и Прикамья составляло единую культурную общность [Васкул, 1995]. При этом большую близость прикамским обнаруживают материалы Вычегодского края, что в свое время отмечал и К.С. Королев, выдвинувший тезис о том, что северные памятники отражают местные традиции,

южные — влияние культур Прикамья [Королев, 1972, с. 5, 6].

О связях с культурами Волго-Камья наглядно свидетельствуют бронзовые изделия, найденные на территории ЕСВ. Среди общих типов предметов из бронзы с гляденовской АК Прикамья следует назвать круглые плоские и конусовидные, прямоугольные с треугольным орнаментом бляшки, литые и из согнутой пополам пластины обоймицы, круглые сферические бляхи с отверстием для крепления в центре, пряжки с неподвижным язычком, спиральновитые височные подвески [Генинг, 1988, рис. 32, 3, 7–12, 17, 25; Лепихин, Мельничук, 1997, рис. 6, 1–13; Лепихин, Мельничук, 1999, рис. 13, 9–11; рис. 16, 1, 8]. Изучение химического состава серии изделий памятников ЕСВ и верхнего Прикамья (селище Скородум) показало, что они изготовлены из оловянистых бронз. Эти же типы сплавов известны и в материалах других культур Камского региона. Для древностей гляденовской КИО характерны бронзовые изделия, изображающие животных, людей, птиц и насекомых. На территории ЕСВ это обломок пластинчатой фигуры хищного животного из Адакской I пещеры (раскопки В. И. Канивца), литые фигурки хищных пушных зверьков с поселений Пожегдин II и Себъяг I. Изделия, сходные с ними по очертаниям фигуры, орнаментации туловища, происходят из раскопок Гляденовского костяка [Спицын, 1901, табл. II, 7, 15, 17]. Общим типом культовых изделий, встреченных в обоих регионах в значительном количестве, являются литые изображения хищных птиц (в том числе с человеческой личиной на груди), распространенных в рассматриваемое время в Приуралье и Западной Сибири.

Наряду с вышеперечисленными предметами, на памятниках ЕСВ известны также изделия характерные для АК пьяноборской общности Среднего и Нижнего Прикамья. Это, прежде всего, круглые сферические бляхи с двумя отверстиями для крепления по краям (поселение

Ягкодзты — [Васкул, 1997, рис. 9, 9]). Основной ареал распространения этих изделий — территория кара-абызской культуры в бассейне р. Белой [Иванов, 1985, рис. 2, 23]. К пьяноборским «импортам» принадлежат эполетообразная застежка, случайно найденная в окрестностях Княжпогоста, датирующаяся позднепьяноборским временем [Генинг, 1970, с. 40], умбоновидные бляхи с выступами полугорошинами по краю из погребений могильника Новый Бор I и круглые сферические бляшки со шнуровым орнаментом по краю из Адакской и Канинской пещер, поселения Пожегдин II [Васкул, 1997, рис. 9, 8; Канивец, 1964, рис. 37, 9], спиральновитое височное кольцо в виде знака вопроса с конусовидным основанием (поселение Угдым III [Королев, 2002, с. 25]), плоские и слегка выпуклые бляхи с отверстием для крепления в центре [Генинг, 1970, с. 163; Голдина, 1999, с. 223, рис. 102, 19]. На территории ЕСВ подобные бляхи известны в составе сопляского клада [Буров, 1989, с. 8], погребениях Шиховского могильника, погр. 1 на оз. Пожемты [Васкул, 2002, рис. 20, 2, 4; Селезнева, Васкул, 2004, с. 54]. О связях с кара-абызской и чегандинской (пьяноборской) культурами свидетельствуют также распространенные в Прикамье и на ЕСВ каплевидные подвески [Генинг, 1970, табл. XVIII, 19] и «ажурные» бляшки [Генинг, 1970, табл. II, 12] (бляшка с поселения Угдым III отличается от них тем, что ее верхняя часть — круглая умбоновидная в сечении с прорезями, а нижняя — ажурная), подвески с прорезным щитком [Королев, 2002, рис. 27, 4, 15]. Выделяется ряд вещей, отчетливо свидетельствующих о связях с азелинской и мазунинской археологическими культурами. Здесь следует назвать находки железных и бронзовых наконечников ремней из согнутой пополами и вогнутой с боков пластины (Адакская I пещера, поселение Угдым III [Королев, 2002, рис. 27, 6]), бляшку-тройчатку (Адакская I пещера [Васкул, 1997, рис. 9, 4]), полые пронизки в виде фигу-

рок медведя (Адакская I пещера, поселение Угдым III [Vaskul, 1992, abb. 1, 14; Королев, 2002, рис. 42, 3]), штампованные и литые умбоновидные бляшки (Адакская I пещера, поселение-святилище Мыеддино [Васкул, 1997, рис. 8, 29; Васкул, Холопов, 2005, рис. 6, 7]), конусовидные бляшки с ложношнуровой окантовкой (Адакская I пещера [Vaskul, 1992, abb. 1, 8]). Общими являются также типы плоских и сферических круглых бляшек, присущих для костюма населения Приуралья в пьяноборскую эпоху.

Исследование железных изделий гляденовской КИО (ножи, шилья), проведенное В. И. Завьяловым, Л. С. Розановой, Н. Н. Тереховой, показало, что и в Прикамье, и на ЕСВ они изготовлены по единой технологической схеме, продолжающей позднеананьинские традиции [Завьялов, Розанова, Терехова, 2009, с. 95–97].

Через территорию Прикамья на ЕСВ поступали «дальние импорты» — глазчатые и золоченые стеклянные бусы, бисер, бусы из египетского фаянса, бронзовые зеркала [Голдина Е. В., Голдина Р. Д., 2010, с. 156–195].

Таким образом, все вышесказанное свидетельствует, как совершенно справедливо отметил в свое время В. А. Оборин, о постоянных контактах родственного финно-угорского (преимущественно финно-пермского) населения, живущего в соседних регионах и входившего в единую культурно-историческую общность. Фиксируется практически синхронная смена, датирующих типов изделий на протяжении конца I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э., что говорит о едином ритме этнокультурных процессов, происходивших на территории финно-угорских племен Западного Приуралья в этот период.

Большое значение связям с «камско-уральским миром» придают археологи, изучающие культуры эпохи раннего железа на Северо-Западе Восточной Европы [Косменко, 1996а, 1996в; 2006, с. 204–219; Манюхин, 1996, с. 220–238; 2002, с. 59–177;

Жульников, 2005, с. 35–40, 98–99; 2008, с. 34–42]. М. Г. Косменко подчеркивает, что камско-уральские связи на протяжении раннего железного века были преобладающими и восточный компонент был интегрирующим [Косменко, 2006, с. 212, 202]. Отдельные сосуды с «признаками восточного типа» отмечены даже на поселениях с керамикой «арктического» типа на севере Карелии [Косменко, 1996б, с. 255, рис. 61, 1]. Для рассматриваемой в настоящей работе темы чрезвычайно интересны исследования А. М. Жульникова, посвященные памятникам юго-западного Прибеломорья. Для предшествующего (ананьинского) хронологического периода он выделяет две группы глиняной посуды: керамика типа Водоба и типа Красная гора. Исследователь выдвигает предположение о том, что ананьинская керамика типа Красная Гора, носители которой пришли в юго-западное Прибеломорье из бассейна р. Вычегда, со временем приобрела гляденовский облик. На памятниках Карелии А. М. Жульников выделяет серию сосудов с гляденовскими признаками в орнаментации [Жульников, 2008, рис. 4]. В бассейне Онежского озера и Юго-Западном Прибеломорье население с ананьинской керамикой контактировало с носителями культуры лууконсаари, в результате чего в керамическом комплексе этой АК имеются признаки, указывающие на ананьинское влияние [Жульников, 2008, с. 41]. Граница, сложившаяся в середине I тыс. до н. э. между носителями культуры лууконсаари и населением, принесшим ананьинские традиции изготовления глиняной посуды, сохраняется и в конце I тыс. до н. э. между населением с керамикой лууконсаари, наследующей традиции сетчатой керамики, и группами населения с керамикой гляденовского облика, генетически связанной с ананьинской. А. М. Жульников подчеркивает, что по ряду признаков может быть намечена хронологическая параллель между керамикой лууконсаари и гляденовской

[Жульников, 2005, с. 37, 38; 2008 с. 41]. Об этнокультурных связях с археологическими культурами, распространенными на территории Карелии писал и автор этих строк [Васкул, 1997, с. 382]. О связях с территорией ЕСВ свидетельствует также находка обломка имитации гребня со стоянки Золотец X в низовьях р. Выг в Карелии, найденная вместе с керамикой типа кьельмо. Автор раскопок предполагает его восточное происхождение [Титов, 1969, с. 238]. Это изделие чрезвычайно близко имитации гребня найденного в погр. 29 Шиховского могильника [Васкул, 2002, рис. 20, 1]. Погребение по радиоуглеродным датам относится к III–IV вв. н. э. Оба изделия отлиты в односторонней форме. В верхней части этих предметов помещена фигура животного (на «гребне» из Шиховского могильника — изображение лошади), верхняя часть изделий отделена от нижней насечками, имитирующими шнур, нижняя представляет собой неразделенные зубья.

На памятниках позднекаргопольской и лууконсаари культур найдены прямоугольные бляшки с треугольным орнаментом, крупная круглая плоская бляшка с двумя петельками на оборотной стороне [Манюхин, 2002, рис. 29, 5–8], изделия, характерные для финно-угорских культур Западного Приуралья. ЕСВ — один из возможных путей распространения подобных украшений на территорию Северо-Запада.

Исследование взаимодействия культур Северо-Востока и Северо-Запада лесной полосы Восточной Европы имеет значение для изучения генезиса керамических комплексов, содержащих сосуды, украшенные горизонтальными каннелюрами. На территории ЕСВ подобная керамика распространяется в гляденовское время. Сосуды, декорированные каннелюрами, представлены на памятниках пиджской АК в бассейне р. Печоры, судя по материалам могильника у с. Новый Бор, с конца III–II вв. до н. э. В Вычегодском бассейне каннелюры имеются на раннегля-

деновской керамике поселения Вис I [Буров, 1967, табл. XXIX, 1–2, XXX, 8], Себъяг I (раскопки автора в 2008 г.). В орнаментации глиняной посуды ананьинского времени подобные узоры не известны. Во второй четверти I тыс. н. э. пиджская АК сменяется бичевницкой, сложившейся на ее основе под влиянием кулайской АК Западной Сибири [Мурыгин, 2000, с. 199, 200; 2007, с. 207; Савельева, 2004, с. 44; Холопов, 2002, с. 120–124]. Для бичевницкого керамического комплекса также характерны горизонтальные каннелюры в верхней части сосудов, выступающие в сочетании с ямками, овальными вдавлениями, зубчатыми отпечатками, оттисками отступающей лопаточки. Керамика бичевницкого типа присутствует в позднегляденовских комплексах поселений верхней и средней Вычегды. В результате взаимодействия носителей двух керамических традиций вырабатываются гибридные «формы» в орнаментации глиняной посуды. Так, например, смешение традиций фиксируется в орнаментации сосудов поселения Себъяг I в устье р. Северная Кельтма, расположенного на водном пути, соединяющем Вычегодский край с верхним и средним Прикамьем: в орнаменте сочетаются шнуровые линии, ямки и овальные вдавления. Кроме того, здесь же получена серия сосудов с минеральными примесями в глиняном тесте, декорированных узорами характерными для пиджской АК бассейна р. Печоры. В целом материалы этого памятника маркируют один из путей миграций населения ЕСВ и Прикамья.

В соседних регионах наиболее ранние комплексы с сосудами, декорированными каннелюрами, представлены на поселениях позднебеломорской, позднекаргопольской и лууконсаари АК Беломорского бассейна. Исследователи полагают, что каннелюры, наряду с использованием поясков из прочерченных линий, проташенного или отступающего гребенчатого штампа являются специфическим признаком орнаментации глиня-

ной посуды культуры лууконсаари. Наиболее полная характеристика древностей этой АК на территории Карелии представлена в работах М. Г. Косменко [1992, с. 183–193; 1996а, с. 238–253] и И. С. Манюхина [2002, с. 135–177]. Для керамического комплекса культуры лууконсаари характерны кругло и плоскодонные сосуды с различной профилировкой верхней части. В глиняном тесте содержатся примеси асбеста, слюды, органики. Значительная часть сосудов (особенно ранних) имеет примесь песка. Стенки сосудов заглажены или покрыты штриховкой. По сравнению с позднекаргопольской (как и керамикой типа кьельмо) уменьшается число сосудов с валиками и воротничками на шейке. Орнаментация керамики характеризуется уменьшением доли шнуровой орнаментации и увеличением процента посуды, декорированной проташенной гребенкой, горизонтальными каннелюрами, широким зубчатым штампом [Косменко, 1996а, с. 246; Манюхин, 2002, с. 156–159]. «Эти орнаменты представляют собой местные модификации шнуровых оттисков, доля которых сокращается с юго-востока на северо-запад пропорционально увеличению прочерченного штампа и каннелюр» [Манюхин, 2002, с. 149]. Считается, что культура лууконсаари сформировалась на основе позднекаргопольской [Косменко, 1996а, с. 250; Манюхин, 2002, с. 159]. К сожалению, нет единства в датировках этой культуры. М. Г. Косменко датирует культуру в рамках второй половины I тыс. до н. э. — VI вв. н. э., выделяя два этапа в ее развитии [Косменко, 1996а, с. 252]. И. С. Манюхин по прикамским аналогиям и радиоуглеродным датировкам (для памятников типа кьельмо) датирует ее между VI в. до н. э. — I–II вв. н. э., хотя не исключает возможность омоложения датировок керамики кьельмо и лууконсаари [Манюхин, 2002, с. 177]. Сосуды, украшенные каннелюрами появились на раннем этапе существования культуры лууконсаари (9,3%), датирующемуся в пределах второй половины I тыс. до н. э. (соответ-

ствуует позднеананьинскому — раннепьяноборскому времени в Прикамье). На позднем этапе в первой половине I тыс. н. э. их число возрастает до 16,4% [Косменко, 1996а, с. 252]. В это же время увеличивается количество посуды с каннелюрами и проташенным штампом в позднекаргопольской АК, что маркирует поздний этап развития позднекаргопольской АК [Манюхин, 2002, с. 130]. Сосуды с каннелюрами появляются в позднебеломорской культуре, что, по мнению М. Г. Косменко, является отражением связей с культурами лууконсаари и «арктического типа» (кьельмо) [Косменко, 1996в, с. 261, 262]. В связи с вышесказанным крайне интересна мысль А. М. Жульникова о том, что по ряду признаков может быть намечена хронологическая параллель между керамикой лууконсаари и гляденовскими древностями [Жульников, 2008, с. 41]. Возможно, в результате этих контактов и появляются каннелюры на керамике ЕСВ.

В Прикамье глиняная посуда с каннелюрами до первой половины I тыс. н. э. не известна. По данным А. Ф. Мельничука, бичевницкая керамика имеется в коллекции из раскопок поселения Скородум, местонахождения в окрестностях г. Добрянка. Ее наличие связывается с проникновением в Верхокамье бичевницкого населения [Мельничук, 2002, с. 105]. Длительное время появление сосудов с каннелюрами на ЕСВ связывали с культурами Западной Сибири. Однако и в этом регионе керамика с каннелюрами появляется во второй четверти I тыс. н. э. на горносталевском этапе развития потчевашской АК, где составляет незначительный процент [Елагин, Молодин, 1991, с. 77, 78], и на памятниках карымского этапа в Нижнем Приобье (керамика с валиково-желобчатой орнаментацией [Чемякин, 2008, рис. 96, 98]). Присутствие этой посуды в карымском керамическом комплексе одни исследователи связывают с миграцией восточно-сибирского населения [Чемякин, 2008, с. 94], дру-

гие — с подражанием орнаментации ранних хуннских и гуннских бронзовых котлов [Зыков, Федорова, 2001, с. 28]. Таким образом, происхождение керамики с каннелюрами на раннегляденовских памятниках ЕСВ не связано с культурами Западной Сибири.

В то же время взаимодействие культур населения ЕСВ, с одной стороны, и Зауралья и Западной Сибири, с другой, отчетливо фиксируется на протяжении всего рассматриваемого периода [Канивец, 1964, с. 97; Буров, 1989, с. 6–8; Васкул, 1997, с. 380–382]. В. И. Мошинская включала Канинское пещерное святилище в круг памятников устьполуйской культуры [Мошинская, 1965, рис. 1]. В. А. Могильников полагает, что к этой культуре относится часть памятников правобережья р. Печоры [Могильников В. А. Усть-Полуйская культура / Культурное наследие Югры. Электронная антология / <http://hmao.raisa.ru/object/1808741068?lc=ru>]. Н. В. Федорова и А. В. Гусев выделяют в Нижнем Приобье два ареала древностей раннего железного века, разделенных руслом р. Оби: западный (представлен памятниками бассейнов рр. Сыня, Войкар, Сось) и восточный (памятники бассейнов рр. Полуй и Куноват). По их мнению, «западный ареал обнаруживает тяготение к культурному кругу Северного Приуралья и Республики Коми, начиная с раннеананьинского времени и даже, возможно, ранее. Восточный ареал теснее связан с собственно кулайским ареалом Среднего Приобья» [Федорова, Гусев, 2008, с. 36].

Параллели прослеживаются в вещевом инвентаре памятников, домостроительстве, погребальном обряде. При этом наибольшее представление о связях с Зауральем дают материалы поселений, пещерных святилищ и погребальных комплексов бассейна р. Печоры, где зауральские элементы фиксируются на протяжении всего гляденовского периода. В Вычегодском крае материалы, свидетельствующие о связях с Западной Сибирью и Зауральем, получены во время

раскопок верхневычегодских и средневычегодских поселений, датирующихся первыми веками нашей эры.

В керамических комплексах печорских и верхневычегодских памятников содержатся сосуды, в орнаментации которых выявляются черты, характерные для глиняной посуды кулайской АК. В коллекциях поселений Корольки II, Китостав, Палью IV–V (бассейн р. Печоры), Пожегдин II, Ягкодж II, поселения-святилища Мыелдино (верхняя Вычегда) имеются сосуды, украшенные изнутри горизонтальным пояском ямок [Васкул, Холопов, 2005, рис. 5, 9, 12; Лузгин, 1965, рис. 15, 2; 17, 3]. Часть глиняной посуды поселения Корольки II декорирована «паркетным» орнаментом (обращенными вершинами друг к другу треугольными вдавлениями Ашихмина, Васкул, 1995, рис. 3, 15). Сосуд с «паркетным» орнаментом, но выполненным змеевидными линиями обнаружен в ходе раскопок поселения Китостав. «Паркетный» орнамент характерен для древностей кулайской АК [Косарев, 1974, рис. 48, 8, 15–16, 18; Чиндина, 1984, табл. 6, с. 82; Чемякин, 2008, рис. 76, 7; 77, 13]. Необходимо отметить, что посуда западносибирского облика, являясь ярким свидетельством связей населения двух регионов, представлена в коллекциях поселений статистически незначительным числом сосудов. В керамических комплексах западносибирских памятников присутствует глиняная посуда характерная для археологических культур ЕСВ. Так, в ходе раскопок святилища (поселения) Усть-Полуй в г. Салехарде [Мошинская, 1953б, табл. I, 5; 1965, рис. 11; Федорова, Гусев, 2008, рис. 22, 2], городища Няксимволь [Мошинская, 1965, табл. 21, 14, 29–35] обнаружена керамика типологически близкая пиджской АК бассейна р. Печоры, входящей в гляденовскую КИО. Влияние северо-приуральских традиций на формирование ярсалинского и карымского керамических комплексов в Нижнем Приобье отмечено В. М. Морозовым и Ю. П. Чемякиным [1991, с. 101,

102]. Важно так же и то, что памятники с керамикой типа поселения Бичевник I (ранний этап бичевницкой АК по А. М. Мурыгину, относящийся к раннему железному веку [Мурыгин, 1997, с. 506]), генезис которых связан с взаимодействием населения ЕСВ и Западной Сибири, распространены как на территории ЕСВ, так и в Нижнем Приобье и на полуострове Ямал [Мошинская, 1953б, с. 107–111, 118; Федорова, 2000, с. 63; Федорова, Гусев, 2008, с. 35]. Это дает возможность рассматривать носителей бичевницкой археологической культуры в качестве одного из ретрансляторов культурных новаций в обоих регионах.

Наряду с керамическими комплексами параллели отмечены в погребальном обряде [Васкул, 2002, с. 19, 20]. В ходе раскопок Шеркалинского могильника I–III вв. н. э. кулайской археологической культуры в Нижнем Приобье были обнаружены три погребения по обряду кремации. Захоронения совершены в небольших округлых ямах (12×20–35 см). В могилах найдены вещи приуральского происхождения [Чиндина, 1984, с. 51, 54–57]. Обряд погребения (трупосожжение), незначительные размеры, округлая форма могильных ям в плане сближают этот памятник с Шиховским могильником на Печоре и могильником на оз. Пожемты в бассейне р. Усы.

Общие черты прослеживаются в домостроительстве населения ЕСВ и Западной Сибири в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. Прямоугольные, слегка углубленные в землю жилища небольших размеров, отапливавшиеся очагами-кострищами, обнаруженные в ходе раскопок поселений в бассейне р. Вычегда, аналогичны жилым сооружениям кулайской археологической культуры [Васкул, 1994, с. 23, 24].

О связях населения двух регионов убедительно свидетельствуют найденные на территории ЕСВ во время раскопок могильников, поселений, пещерных святилищ, в составе кладов предметы вооружения, украшения, культовые из-

делия. Здесь, прежде всего, необходимо отметить бронзовые трехлопастные кулайские наконечники стрел (группа 2 в по классификации Л. А. Чиндиной [1984, с. 34]), костяные двушипные бесчерешковые наконечники стрел [Полосьмак, 1987, табл. IX], бобовидные бляшки [Чиндина, 1984, рис. 34, 4], найденные в Адакском I, Канинском и Уньинском пещерных святилищах бассейна р. Печоры [Vaskul, 1992, abb. I, 1,3,15; Канивец, 1964, рис. 37, 23–25], на поселении Себъяг I в бассейне р. Выечгды.¹

Интересные материалы, свидетельствующие о западносибирских контактах населения Печорского края в первой половине I тыс. н. э., получены в ходе раскопок захоронений на оз. Пожемты. Здесь в погребении 3, помимо прочих изделий, были найдены два бронзовых массивных овальнощитковых перстня и бронзовая бляха, изготовленная из зеркала с боковой ручкой-штырем (ручка спилена). В центре изделия отверстие для крепления к основе, по краю нанесены насечки треугольной формы. Близкой аналогией нашему изделию являются зеркала с боковой ручкой-штырем декорированные по краю мелкими треугольными насечками из соплясского клада [Aspelin, 1877, № 515] и из собрания Ханты-Мансийского музея [Чернецов, 1953, табл. XIV, 4]. Различие между предметами заключается в том, что в центре зеркал из соплясского клада и из Ханты-Мансийска находится умбоновидный выступ. Перстни — уникальная находка эпохи железа на территории ЕСВ. Они богато орнаментированы. В центре щиток украшен шаровидными выпуклинами, под каждой из которых находятся по три мелких точечных выпуклины. От боковых частей щитка центр отделен гладкими рельефными линиями. По обе стороны от рельефных линий нанесен сложный геометрический узор, представляющий собой три соеди-

ненных друг с другом ряда «уточек» (два ряда развернуты влево, один — вправо). Массивные овальнощитковые перстни известны в Западной Сибири в материалах кулайской культурной общности (Усть-Полуйское поселение–святилище [Чернецов, 1953, табл. IV, 9, 10; Гусев, Федорова, 2012, рис. 32, 17, 18]; городище Няксимволь [Мошинская, 1965, с. 19, 10]; городище Ус-нел [Бауло, 2009, с. 97, 98, рис. 4а]), а также сменяющей ее релкинской археологической культуры второй половины I тыс. н. э. (могильники Релка, Красный Яр I и др. [Чиндина, 1991, рис. 32, 32, 34, 35]), где входят в состав предметов определяющих этнографический облик культуры [Чиндина, 1991, с. 66]. Близки размеры этих украшений. Для усть-полуйских металлических изделий характерно декорирование щитка шаровидными выпуклинами, уточками, изображением медведя в жертвенной позе [Чернецов, 1953, табл. III, 3, 4, IV, 9, 10; Чиндина, 1984, рис. 8, 23; Гусев, Федорова, 2012, рис. 32, 18]. Геометрический узор на щитках перстней из погребения 3 на оз. Пожемты в целом соответствует второй группе устьполуйских орнаментов [Мошинская, 1953а, с. 105, табл. XVII, 2]. Представляется, что приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что в Северное Приуралье перстни попали с территории Западной Сибири, где был центр их бытования в I тыс. н. э.

Ярким свидетельством контактов населения двух регионов являются бронзовые бляхи с изображением всадников, обнаруженные на поселениях Ягкодж II и III [Vaskul, 1997, рис. 11, 12, 13], аналогии которым также уводят нас к западносибирским древностям (Айдашинская пещера, Холмогорский клад [Молодин и др., 1980, с. 62, 63, табл. XXI, 7; Зыков, Федорова, 2001, с. 107, фото 23]).

О связях с культурами Западной Сибири в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. убедительно свидетельствуют предметы культового литья. Так изделие, подобное бронзовой антропоморфной фигурке в головном уборе в

¹ Раскопки О. А. Лыскова — фонды Национального музея РК, КП 10607

виде хищной птицы из могильника Новый Бор I, найдено на р. Рогалиха в окрестностях г. Тобольска. Фигурки имеют согнутые в локтях руки, упирающиеся в схематично отлитое туловище, сомкнутые внизу ноги, отчетливо переданные половые признаки. Отличия состоят в отсутствии головного убора у фигурки с р. Рогалиха, каплевидного орнамента на туловище, более округлой форме головы у изделия из Западной Сибири. В. Н. Чернецов датирует находку с р. Рогалиха усть-полудийским временем [Чернецов, 1953, табл. XXIV, 2, с. 177]. Параллели в древностях Западной Сибири имеет антропоморфная фигурка с согнутыми и разведенными в стороны руками и ногами из сопляского клада [Aspelin, 1879, № 523; Кисель, 2005, рис. 2]. О связях населения ЕСВ и Западной Сибири убедительно свидетельствуют находки изображений хищных птиц с опущенными крыльями, характерных для уральского язычества в эпоху железа. На территории ЕСВ они найдены на поселениях гляденовского времени Пожегдин II и Угдым III на Вычегде, в составе Уньинского и Сопляского кладов в Печорском крае [Буров, 1989, рис. 1, 6–9, 11–13; Aspelin, 1879, № 529–531]. Общими для культовой практики обитателей ЕСВ и Западной Сибири являются также изображения человеческих личин, отлитых как отдельно, так и в составе сложных композиций, прочерченных на металлических предметах. Г. М. Буров относил эти находки, как и птицевидные изображения, к западносибирскому звериному стилю [Буров, 1989, с. 26, 27]. На ЕСВ длительное время подобные изделия датировались эпохой средневековья. Это было обусловлено тем, что они были обнаружены случайно, в составе «кладов» найденных в XIX–XX вв., происходили из раскопок святилищ и поселений, содержащих разновременные материалы. В последние годы ситуация несколько изменилась. В ходе раскопок поселений и могильников получены материалы, позволяющие уточнить датировку этого вида изделий. Трехрогие бляшки–личины, изображения личин в

составе сложных композиций (человеческие личины на доске, между двух птичьих изображений, птицевидные изображения с человеческими личинами на груди) получены при раскопках поселения–святилища Мьелдино, поселений Пожегдин II, Себъяг I и Угдым II на верхней и средней Вычегде [Васкул, 1997, рис. 10, 5; Васкул, Холопов, 2005, рис. 6, 8–12; Королев, 2002, рис. 42, 4]. Вместе с этими предметами обнаружены бронзовые бляхи и бляшки, обоймицы, бусина из египетского фаянса, железный двухперый черешковый наконечник стрелы, датирующиеся первой половиной I тыс. н. э. Для поселения–святилища Мьелдино имеется радиоуглеродная дата [Васкул, Холопов, 2005, с. 38]. Прочерченное изображение человеческого лица нанесено на одну из блях, найденных в погребении 3 могильника на оз. Пожем-ты, также имеющего радиоуглеродную датировку [Васкул, Селезнева, 2004, с. 52–57]. Кулайским временем датирует личину с поселения Море-ю А. М. Мурыгин [1997, рис. 8, 39]. Все это позволяет отнести, по крайней мере, перечисленные изделия к гляденовскому времени, к первой половине I тыс. н. э. Этим же временем следует датировать бляшку с поселения Пижма II [Мурыгин, 1997, рис. 8, 24], на которой изображение человеческой личины помещено между двух звериных голов. Орнамент на бляшке имитирует типичные для керамики гляденовского типа резные узоры. Вне всяких сомнений перечисленные предметы являются свидетельством связей с культурами Среднего и Нижнего Приобья, где подобные изделия известны на памятниках кулайской и устьполудийской культур [Косарев, 1974; Чиндина, 1984, рис. 18, 6, 9; рис. 35, 1–5]. Интересно отметить, что часть предметов и на ЕСВ и в Западной Сибири отлита из так называемых белых бронз, изготовление которых стало широко распространяться с рубежа эр [Кузьминых, 2001, с. 147].

Об «общей моде» носителей археологических культур Приуралья и Западной

Сибири свидетельствуют также украшения, имеющие более широкое территориальное распространение в пределах археологических культур Уральского региона, такие как: овалы плоские бляхи с отверстием в центре, трапециевидные подвески, прямоугольные бляшки, украшенные треугольным орнаментом, одинарные, двойные и четверные окантованные шнуры бляшки.

Из случайных находок кулайского облика следует упомянуть бронзовый шестигранный в сечении, украшенный меандровым орнаментом кельт, найденный в окрестностях д. Усть-Лыжа [Канивец, 1964, рис. 29, 1], относящийся к типу II группы 2 по классификации Л. А. Чиндиной [1984, с. 28, 29, рис. 8, 8–9].

Таким образом, наличествующие материалы свидетельствуют о том, что для обитателей Печорского края характерны устойчивые связи с носителями археологических культур Западной Сибири на протяжении всего рассматриваемого периода. Причем керамические материалы позволяют говорить об участии кулайцев в формировании культуры населения бассейна р. Печора в пьяноборскую эпоху. В Вычегодском крае находки, свидетельствующие о контактах с Зауральем, фиксируются только на памятниках первой половины I тыс. н. э. и связаны с проникновением в культуру вычегодского населения печорских и зауральских (кулайских) элементов.

Устойчивость этнокультурных контактов с обитателями Зауралья и Западной Сибири объясняется постоянным присутствием в раннем железном веке в бассейне р. Печоры групп населения, культура которых имела зауральское происхождение [Канивец, 1965, с. 98], усилившимися со II–I вв. до н. э. миграциями носителей кулайской культуры [Чиндина, 1984, с. 254, рис. 48]. Несомненно, усилению культурных связей между регионами способствовало развитие с конца I тыс. до н. э. транспортного оленеводства [Федорова, 2000, с. 61], что вызвало увеличение мо-

бильности населения, связало отдаленные территории севера Евразии друг с другом. В свою очередь, материалы памятников Нижнего Приобья отражают устойчивые связи с населением ЕСВ.

В целом развитие этнокультурных связей между населением ЕСВ и сопредельных территорий, как и в предыдущую эпоху, было вызвано различными факторами. Среди них — внутри и межкультурное взаимодействие, миграции, вызванные климатическими изменениями, хозяйственно-культурным типом населения региона, предполагавшим его достаточно высокую подвижность. Свою роль сыграли события первого этапа великого переселения народов, приведшие к изменениям внутри существовавших ранее и формированию новых археологических культур. В итоге в результате взаимодействия различных групп населения и связанных с этим процессом влияний и заимствований, происходила интеграция различных культурных элементов (Массон, 2006, с. 5, 6). Наиболее ярким свидетельством подобной интеграции стало формирование в первой половине I тыс. н. э. памятников бичевницкого культурного типа.

Литература

Ашихмина Л. И., Васкул И. О. Поселение Корольки II // *Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железного века и средневековья в Северном Приуралье*. — Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1995. — С. 65–77.

Бауло А. В. Сокровища священной реки // *Археология, этнография и антропология Евразии*. — Новосибирск: Наука, 2009. — Вып. 1 (37). — С. 95–100.

Буров Г. М. Древний Синдор. — М.: Наука, 1967. — 220 с.

Буров Г. М. Железный век Крайнего Европейского северо-востока (от начала до столетия VIII н. э.). — Симферополь, 1989. — 48 с. (деп. 38239).

Васкул И. О. Поселения пьяноборской эпохи на Европейском Северо-

Востоке (конец I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) / Научные доклады. — Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 1994. — Вып. 338. — 36 с.

Васкул И. О. О культурной принадлежности памятников Европейского Северо-Востока в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. — Сыктывкар: изд-во Коми НЦ УрО РАН, 1995. — С. 93–102.

Васкул И. О. Памятники гляденовской культурной общности // Археология Республики Коми. — М.: ДиК, 1997. — С. 349–399.

Васкул И. О. Шиховской могильник раннего железного века (первые результаты исследований) / Научные доклады. Коми научный центр УрО РАН. — Сыктывкар: изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2002. — Вып. 451. — 52 с.

Васкул И. О., Холопов М. И. Поселение-святилище первой половины I тыс. н. э. Мыедино на верхней Вычегде (по материалам раскопок 1999–2001 гг.) // Материалы по археологии европейского Северо-Востока. — Сыктывкар: изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2005. — Вып. 17. — С. 34–46.

Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. — Ижевск, 1970. — 256 с.

Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. — М.: Наука, 1988. — 240 с.

Голдина Р. Д. Этническая история пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. — М.: Наука, 1989. — С. 24–26.

Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. — Ижевск: изд-во УдГУ, 1999. — 464 с.

Голдина Е. В., Голдина Р. Д. «Дальний импорт» Прикамья — своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н. э. — IX в. н. э.) / В кн.: Голдина Е. В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв. н. э.). — Ижевск, 2010. — С. 156–247.

Гусев А. В., Федорова Н. В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. — Салехард: изд-во ГУ «Северное издательство», 2012. — 59 с.

Жульников А. М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. — Петрозаводск: «Паритет», 2005. — 310 с.

Жульников А. М. Западное Беломорье в эпоху раннего железа: динамика межкультурного взаимодействия // Российская археология. — 2008. — № 4. — С. 34–42.

Елагин В. С., Молодин В. И. Бараба в начале I тыс. н. э. — Новосибирск: Наука, 1991. — 126 с.

Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Приуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. — М.: Языки Славянской Культуры, 2009. — 264 с.

Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад. Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. — Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. — 176 с.

Иванов В. А. О времени функционирования могильников раннего железного века в Приуралье // Древности Среднего Поволжья. — Куйбышев: б.и., 1985. — С. 85–99.

Канивец В. И. Канинская пещера. — М.: Наука, 1964. — 136 с.

Канивец В. И. Древние поселения Южно-Печорской равнины // Древние поселения на Печоре и Вычегде (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока; Вып. III). — Сыктывкар: Коми книжн. изд-во, 1965. — с. 97, 98.

Кисель В. А. Чудские древности из этнографических коллекций Кунсткамеры // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2005. — № 3 (23). — С. 120–129.

Королев К. С. Керамика поселений гляденовского типа на Средней Печоре и Усе // Пятая Коми республиканская молодежная конференция. Тез. докладов. —

Сыктывкар: изд-во Коми Филиала АН СССР, 1972.

Королев К. С. Угдымский археологический комплекс на Средней Вычегде (эпоха железа). — Сыктывкар: КомиИИЦ, ИЯЛИ УрО РАН, 2002. — 112 с.

Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. — М.: Наука, 1974. — 220 с.

Косменко М. Г. Многослойные поселения южной Карелии. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992. — 222 с.

Косменко М. Г. Культура лууконсаари // Археология Карелии. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1996а. — С. 238–253.

Косменко М. Г. Культура с керамикой «арктического» типа // Археология Карелии. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1996б. — С. 253–257.

Косменко М. Г. Позднебеломорская культура // Археология Карелии. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1996в. — С. 257–267.

Косменко М. Г. Проблемы изучения этнической истории бронзового века — раннего Средневековья в Карелии // Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит–средневековье). — Петрозаводск, 2006. — С. 158–229.

Кузьминых С. В. Цветной металл Холмогорской коллекции // В кн.: Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад. Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. — Екатеринбург: «Сократ», 2001. — С. 146–140.

Кузьминых С. В. Этно- и культурно-генетические процессы на севере Восточной Европы в финале бронзового и раннем железном веке // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Материалы I Всероссийской научной конференции. — Сыктывкар: ООО «Полиграфсервис», 2007. — С. 41–47.

Лепихин А. Н., Мельничук А. Ф. Гляденовское костыще (из собрания Пермского областного краеведческого музея). Ка-

талог. — Пермь: Типография ПВВКИУ, 1997. — Вып. 3. — 64 с.

Лепихин А. Н., Мельничук А. Ф. Гляденовское костыще (Материалы раскопок 1995–1997 гг. из собрания Пермского областного краеведческого музея). Каталог. — Пермь: Типография ООО «Печатник», 1999. — Вып. 4. — 78 с.

Манюхин И. С. Позднекаргопольская культура // Археология Карелии. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1996. — С. 220–238.

Манюхин И. С. Происхождение саамов. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2002. — 242 с.

Массон В. М. Культурогенез Древней Центральной Азии. — СПб: изд-во СПбГУ, 2006. — 384 с.

Мельничук А. Ф. Этнические процессы и освоение Северного Прикамья в эпоху раннего железного века — позднего средневековья // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Материалы международной конференции. — Ижевск: Удмуртский университет, 2002. — С. 101–109.

Могильников В. А. Усть-Полуйская культура // Культурное наследие Югры. Электронная антология. — <http://hmap.raisa.ru/object/1808741068?lc=ru> (дата обращения 08.09.2014 г.)

Мокрушин В. П. Раннегляденовское поселение у д. Севастьяны близ г. Перми // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. — Сыктывкар, 1992. — С. 106–111.

Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдашинская пещера. — Новосибирск: Наука, 1980. — 208 с.

Морозов В. М., Чемякин Ю. П. Культуры Нижнего Приобья эпохи железа и их связи с Европейским Северо-Востоком // Проблемы историко-культурной среды Арктики. Сыктывкар. 16–18 мая 1991 г. Тезисы докладов. — Сыктывкар, 1991. — С. 100–102.

Мошинская В. И. Материальная культура Усть-Полуя // МИА. — 1953а — № 35 — С. 72–106.

Мошинская В. И. Керамика усть-полуйской культуры // Древняя история Нижнего Приобья // МИА. — 1953б — № 35. — С. 107–120.

Мошинская В. И. Археологические памятники севера Западной Сибири // САИ — 1965. — Вып. ДЗ-8. — 88 с.

Мурыгин А. М. Памятники позднего железного века лесной и тундровой полосы Печорского Приуралья / Археология Республики Коми. — М.: ДиК, 1997. — С. 478–560.

Мурыгин А. М. Особенности культур раннего средневековья (V–X вв. н. э.) Печорского Приполярья // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. Материалы междунар. науч. конф. Отв. ред. Э. А. Савельева. — Сыктывкар, 2000. — С. 199–201.

Мурыгин А. М. Миграционный фактор как основной вектор формирования и развития культур Северного Приуралья // Экология древних и традиционных обществ. — Тюмень, 2007. — Вып. 3. — С. 205–208.

Оборин В. А. Культурные связи племен Верхнего Прикамья и северо-востока Европы в эпоху железа // МИА. — 1969. — № 169. — С. 156–167.

Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. — Новосибирск: Наука, 1987. — 144 с.

Савельева Э. А. Архаичные общества на территории Коми края // История Коми с древнейших времен до конца XX века. — Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. — Т. 1. — С. 15–61.

Савельева Э. А. Итоги археологического изучения Европейского Северо-Востока // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Материалы I Всероссийской научной конференции. — Сыктывкар: ООО «Полиграф-сервис», 2007. — С. 48–60.

Селезнева О. М., Васкул И. О. Новые данные об этнокультурных связях на-

селения Европейского Северо-Востока и Зауралья в эпоху железа // Этнодемографические и этнокультурные процессы на крайнем севере Евразии. — Сыктывкар: ООО «Полиграф-сервис», 2004. — С. 52–57.

Спицын А. А. Гляденовское костеище. — СПб: Типография И. Н. Скороходова, 1901.

Холопов М. И. К вопросу о генезисе бичевницкой археологической культуры // Древние этнокультурные связи финно-угров. — Йошкар-Ола: б.и., 2002. — С. 120–124.

Федорова Н. В. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя // Древности Ямала. — Екатеринбург–Салехард: УрО РАН, 2000. — Вып. 1. — С. 54–66.

Федорова Н. В., Гусев А. В. Древнее святилище Усть-Полуй: результаты исследований 2006–2008 гг. // Усть-Полуй — древнее святилище на Полярном круте / Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. — Салехард, 2008. — Вып. 9 (61). — С. 3–36.

Чемякин Ю. П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут–Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — 224 с., 99 рис.

Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени // МИА. — 1953. — № 35. — С. 121–178.

Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху раннего железа. — Томск: изд-во Томского ун-та, 1984. — 256 с.

Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. — Томск: изд-во Томского ун-та, 1991. — 182 с.

Aspelin J. R. Antiquites du Nord Finno-Ougrien. — Helsinki, 1877.

Vaskul I. O. Der Komplex der Glijadenovzeit aus Adak I Hohle // Specimina Sibirica. — Savariae, 1992. T. V. — S. 275–281.

Л. Л. Косинская

*Уральский федеральный университет,
пр. Ленина, 51, г. Екатеринбург, 620000, Россия
E-mail: ver2142@yandex.ru*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УРФУ В ПУРОВСКОМ РАЙОНЕ

Многолетними работами археологической экспедиции Уральского федерального университета в южной части Пуровского района выявлено значительное число памятников археологии, большая часть которых сосредоточена в двух локальных районах. Результаты стационарных исследований ряда памятников позволяют наметить в первом приближении культурно-хронологическую шкалу района исследований. В верховьях Пякупура открыты мезолитические памятники и уникальные для Западной Сибири поселения-мастерские эпохи неолита. Материалы поселений энеолита–бронзы, относящиеся к массиву культур с гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой, свидетельствуют о северном, южном и восточном векторах связей местного населения. С раннего железного века рассматриваемый район входит в состав кулайской, а затем Обь-Иртышской КИО.

Ключевые слова: Уральский федеральный университет, археологические исследования, бассейн р. Пур, мезолит, неолит, эпоха бронзы, ранний и поздний железный век, поселения, камнеобрабатывающие мастерские, ловчие ямы.

Исследования археологической экспедиции УрГУ (ныне — УрФУ) в Пуровском районе ЯНАО были начаты в 1990 г. и с перерывами продолжаются до настоящего времени. Они сосредоточены преимущественно в южной части района, в бассейнах Пякупура и Айваседы, проводятся в форме разведок, главным образом, в рамках историко-культурной экспертизы земельных участков, а также спасательных и целевых раскопок отдельных памятников. Разведками выявлены локальные районы высокой концентрации археологических объектов в истоках Пякупура (оз. Пякуто, р. Сугмутен-ягун) и в бассейне Айваседы (р. Харампур), где число обнаруженных памятников приближается к полутора сотням (рис. 1). Весьма перспективными для изучения представляются долины рр. Айваседа и Вынгапур. Заказчиками стационарных исследований в разные годы выступали промышленные предприятия (ОАО Ноябрьскнефтегаз, Пурнефтегаз, Геоилбент), Администрация ЯНАО, Служба по охране и использованию объектов культурного наследия ЯНАО, местные музеи (Музей освоения Севера, г. Губкинский). С 2012 г. исследования выполняются в рамках Окружной долгосрочной целевой программы «Развитие научной деятельности Ямало-Не-

нецкого автономного округа в области археологии на 2012–2015 годы» (Департамент по науке и инновациям ЯНАО, ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»). Задача статьи — краткое представление результатов исследований, частью опубликованных [История Ямала, 2010, с. 22–60; Косинская, 2000, с. 13–23], частью впервые вводимых в научный оборот.

Главным фактором повреждения и разрушения памятников археологии в этом районе является промышленное освоение земельных участков предприятиями нефтегазового комплекса. Поэтому выбор памятников для стационарных исследований в значительной степени обуславливался их расположением в зонах промышленной деятельности и степенью сохранности. Раскопки проводились в первую очередь на поврежденных участках и объектах памятников.

Используя периодизацию, разработанную для Сургутского и Нижнего Приобья, можно констатировать, что материалы разведок и раскопок в южной части Пуровского района отражают почти все периоды эпох камня, бронзы и железа. Накопленные материалы позволяют наметить в первом приближении культурно-хронологическую шкалу района исследований, сформулировать гипотезы

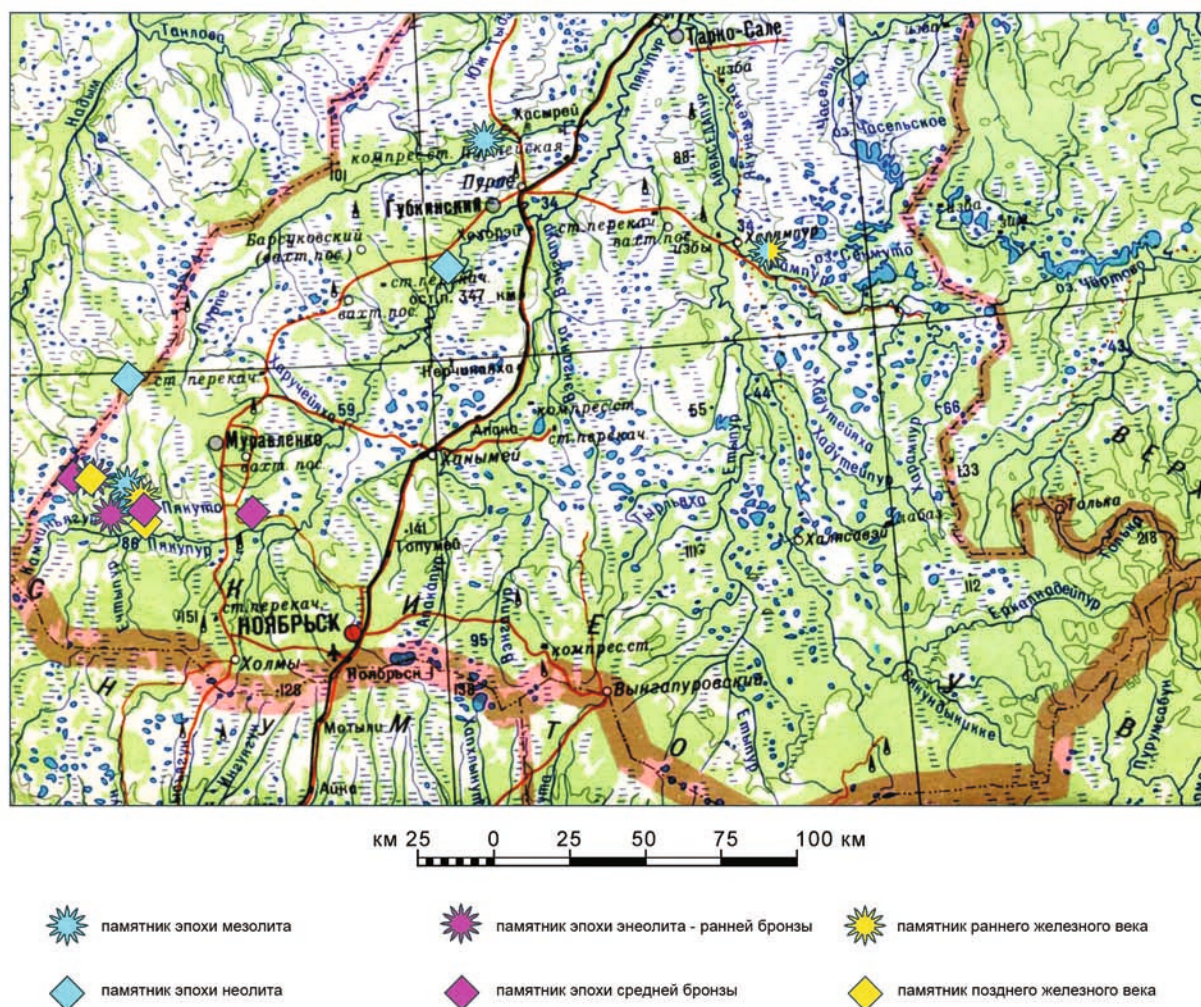

Рис. 1. Исследованные памятники археологии в южной части Пуровского района

для исторической интерпретации археологических данных и выделить наиболее проблемные точки, требующие дальнейшего изучения.

Памятники эпохи мезолита

На рассматриваемой территории это пока древнейшие из известных памятников: ст. Пямали-яха IV на оз. Пякуто [Погодин, 2000, с. 68–78], пос. Тоньяха I на р. Пурпе [Зах, 1999а, с. 277; Зах, 2001, с. 226, 227] и промысловый объект Харампур 4 (рис. 2) на р. Харампур [История ЯНАО, т. 1, кн. 1, с. 31, 32.]. Возраст двух последних определяется по данным палинологии и результатам радиоуглеродного датирования в рамках рубежа мезолита–неолита. Ст. Пямали-яха IV отнесена к позднему мезолиту по типологии каменного инвентаря. Памятник ин-

тенсивно разрушается эрозией и требует скорейшего исследования.

Памятники эпохи неолита

Обнаружены на останце Увыр-Пай (граница Надымского и Пуровского районов ЯНАО) на Надым-Пуровском водоразделе (рис. 3). Судя по результатам радиоуглеродного датирования, на пос. Ет-то I представлены объекты раннего и среднего неолита. К раннему неолиту относятся жилища 3–5 (рис. 4, 5), содержащие оригинальную керамику еттовского типа с гребенчатым орнаментом и маловыразительный каменный инвентарь (рис. 6). Установлена отчетливая их специализация как поселения-мастерской по первичной обработке каменного сырья. Жилище 2, датированное средним неолитом, является, судя по составу находок, остатка-

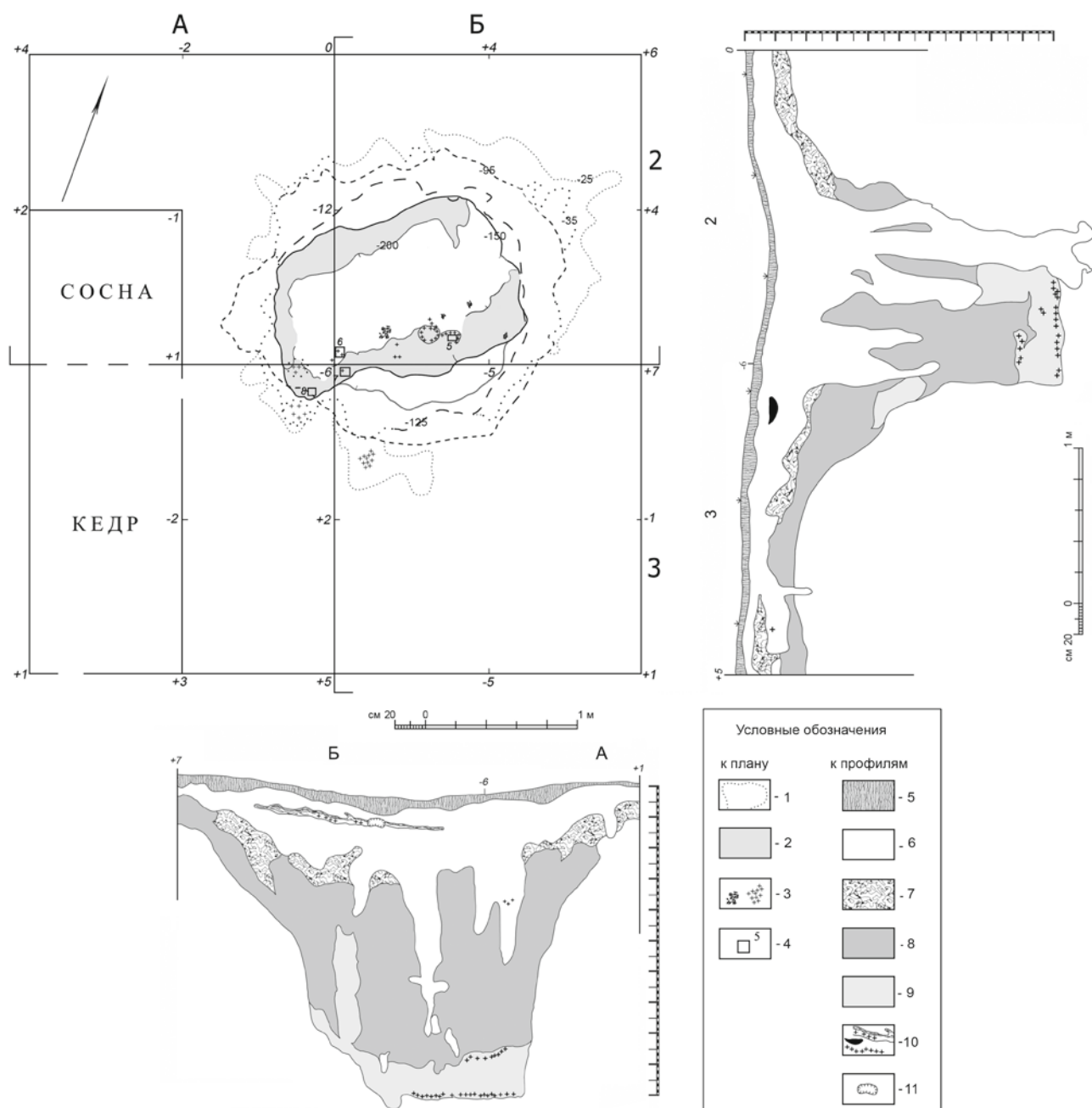

Рис. 2. Памятник Харампур 4. План и профили объекта 3 (ловчая яма)

ми сезонного промыслового комплекса [Косинская, 2005; 2013]. Соседний памятник Ет-то II представляет собой крупное скопление археологических объектов — впадин различной формы и размеров, сосредоточенных на вершинном гребне останца (рис. 7). По результатам разведочного обследования предполагалось, что некоторые из них могли быть жилищами, другие — промысловыми сооружениями (ловчими ямами) или ямами-копиями для добычи поделочного камня. Исследование пяти впадин в юго-восточной части

памятника выявило более сложную и неоднозначную картину. Вскрыты остатки шести разновременных и разнотипных сооружений. Объект 1 (впадина 55) — остатки крупной (10,2×7,6 м) прямоугольной наземной постройки с центральной углубленной частью, предварительно отнесенной к неолиту или энеолиту (рис. 8). В северном углу постройки располагалась ниша с хозяйственной ямой, у стен зафиксированы столбовые ямки, в центре котлована расположен очаг, наличие которого позволяет предположить жилое назна-

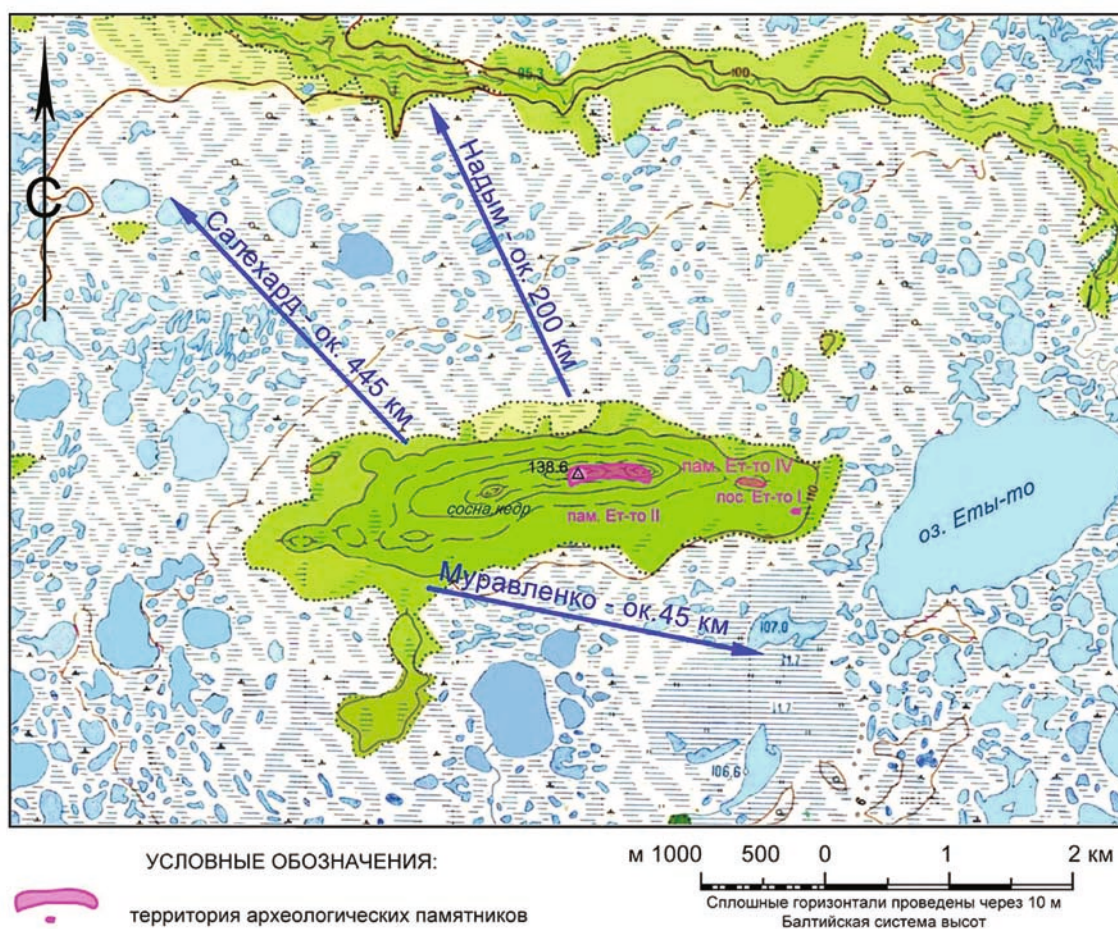

Рис. 3. Памятники археологии на останце Увыр-пай

чение сооружения. Культурный слой заполнения жилища окрашен в розоватые охристые тона. Его центральная углубленная часть размерами 6,7×3,6–4,6 м и глубиной 0,7–0,8 м была впущена во впадину, образовавшуюся на месте более раннего объекта 3 (55a) (рис. 9). От него сохранился котлован неправильной подовальной формы. Размеры в верхней части (под полом сооружения 1) 7,25×2,8–3,5 м, глубина 1,5–1,6 м в материке. У дна объект распадается на два небольших подпрямоугольных плоскодонных углубления. На перемычке между ними зафиксировано несколько ямок. В центре западного углубления в дно врезана глубокая (0,9 м) столбовая яма. Конфигурация объекта 3 отдаленно напоминает котлован жилища 2 пос. Ет-то I [Косинская, 1998]. Сооружение 2 (впадина 54) типологически напоминает жилище 1. Оно состоит из квадратного плоскодонного котлована и «закрылков», слегка углубленных относительно древней

дневной поверхности (рис. 10). Ширина «закрылков» 0,9–1,3 м, с их учетом размеры сооружения составляют примерно 5,5×6,8 м. Размеры котлована по верхнему краю 4,1×3,7 м, глубина от древней дневной поверхности (кровли погребенного подзола) — 1–1,2 м. В стенках котлована на высоте 0,4 м от дна фиксируется уступ, в наземной части сооружения — несколько ям. Следов очага не зафиксировано. На роль выхода претендует канавка в северо-восточной стене наземной части постройки либо узкий выступ в его южной стенке. Стратиграфически сооружение 2 моложе жилища 1: его обваловка и погребенный подзол перекрывают отложения неуглубленной части жилища.

Находки из описанных объектов ограничены исключительно каменным инвентарем своеобразного состава. Основную часть составляют гальки, валуны и их обломки с негативами сколов, а также нуклеусы в начальной стадии утилизации,

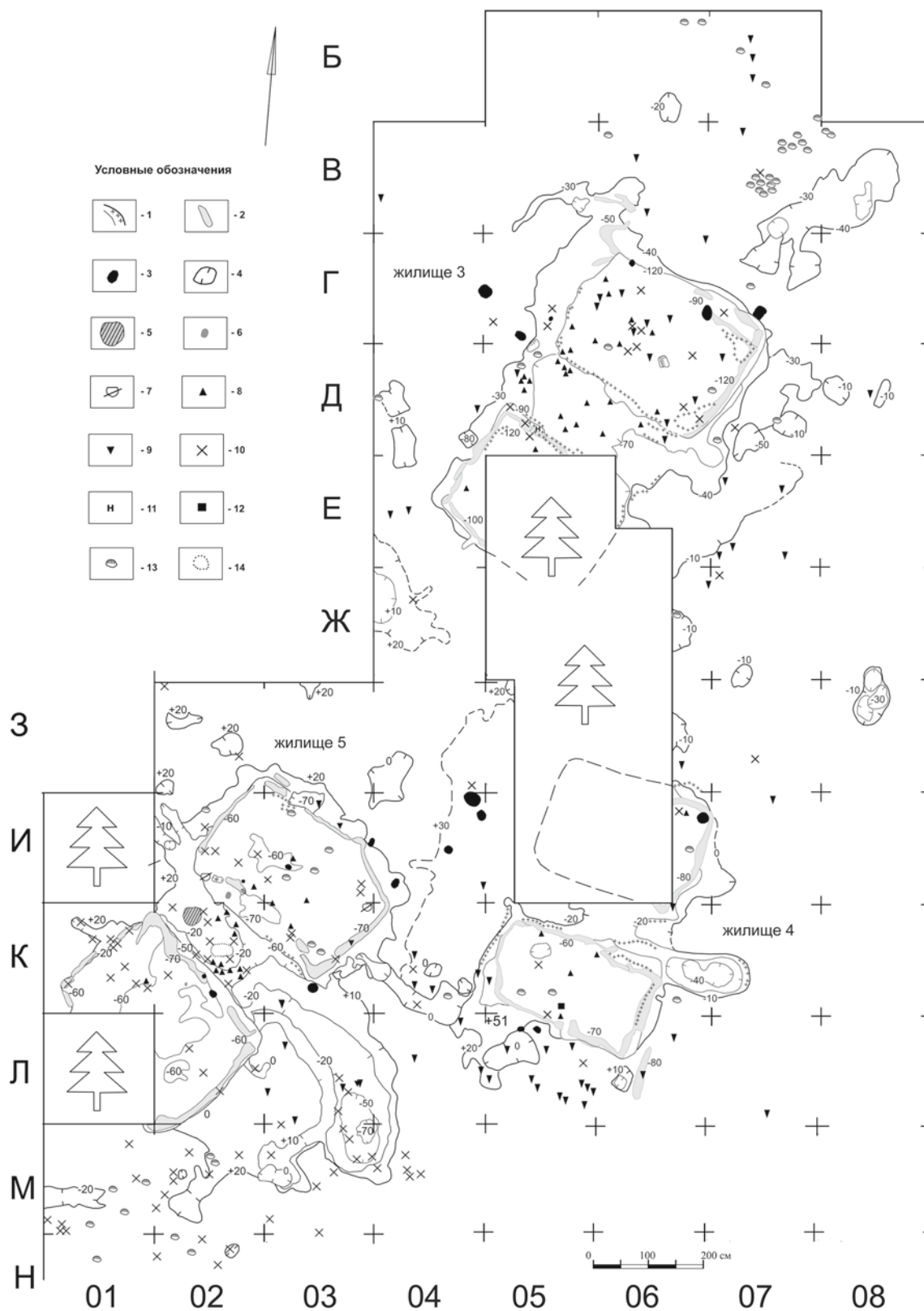

Рис. 4. Пос. Ет-10 I. План жилищ 2-5

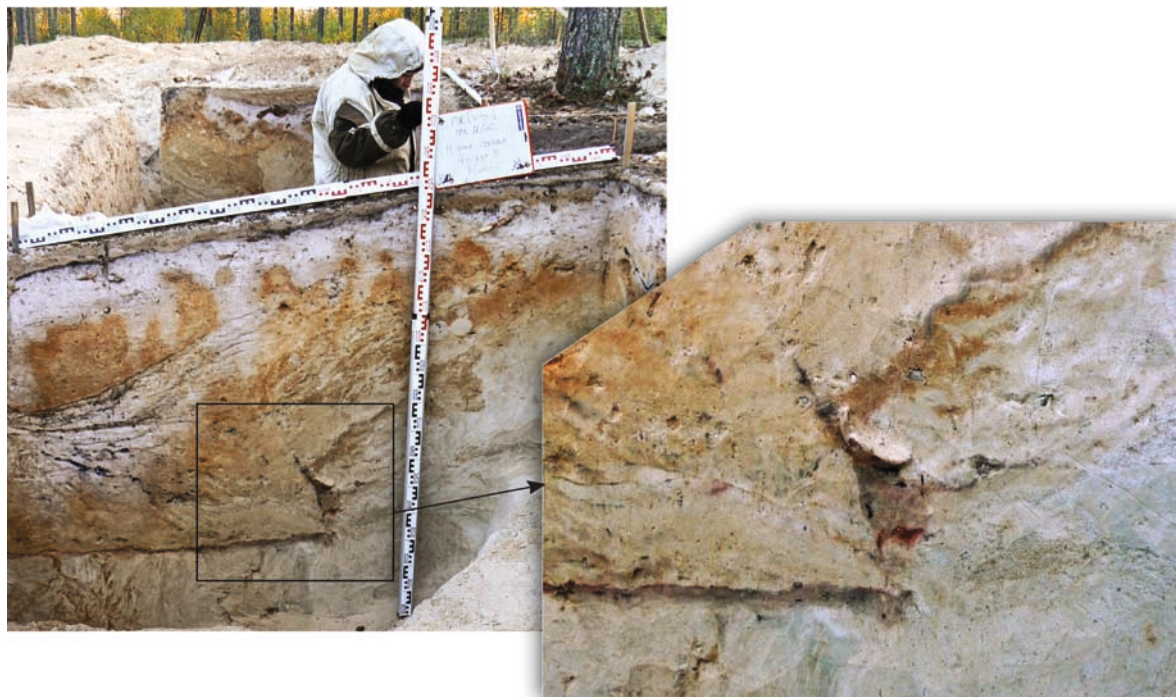

Рис. 5. Пос. Ет-то I. Разрез котлована жилища 5. Раскоп 3. Уч. И/02. Вид с С

среди сколов преобладают первичные. Крайне бедный орудийный набор носит не бытовой, а скорее производственный характер: почти половина орудий — гальки-отбойники, имеются шлифовальные плитки, немногочисленны сколы с ретушью или следами сработанности.

Остальные раскопанные объекты (впадины 1–3) представляют собой подпрямоугольные котлованы с вертикальными стенками, размерами примерно 4×2,5 м и глубиной более 1 м, с канавками и отдельными столбовыми ямками вдоль стен. Состав каменного инвентаря сходен с вышеописанным. Анализ угля из объекта 2 (впадина 2) дал даты: SPB_894 5 930±100 BP (образец из придонного заполнения) и SPB_895 6 000±70 BP (образец со дна), что соответствует среднему неолиту. Однозначно определить назначение исследованных сооружений памятника Ет-то II пока невозможно. Ясно лишь, что они связаны с добычей и первичной обработкой каменного сырья, как и три жилища пос. Ет-то I. Отсутствие керамики пока не позволяет определить культурную принадлежность этих комплексов.

Другую сторону производственной деятельности неолитического населения

характеризует промысловый объект — одиночная ловчая яма Вора-яха на р. Пякупур, датированная по C^{14} ранним неолитом [История ЯНАО, т. 1, кн. 1, с. 41].

Памятники энеолита–бронзы

Обнаружены в бассейнах Пякупура и Вэнгопура, но все исследованные раскопками сосредоточены на Пякупуре.

К энеолиту, судя по C^{14} датировке, относится комплекс пос. Сугмутен-ягун IV, жилище 10 (рис. 11). Малочисленность и плохая сохранность керамики затрудняет его культуру атрибуцию. Особенности жилища близки постройкам кульгганского типа, аналогии кремневым наконечникам стрел встречаются на памятниках, относящихся к области культур с гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой Среднего Приобья [Сергеев, Погодин, 2008, с. 186] и Сибирских Увалов [История ЯНАО, т. 1, кн. 1, с. 57, 58]. На пос. Улова II разведочным шурфом зафиксирована часть жилища с гребенчатой плоскодонной керамикой и кварцевым инвентарем. Памятник ориентировочно отнесен к ранней бронзе. Он находится в аварийном состоянии и требует стационарных спасательных раскопок.

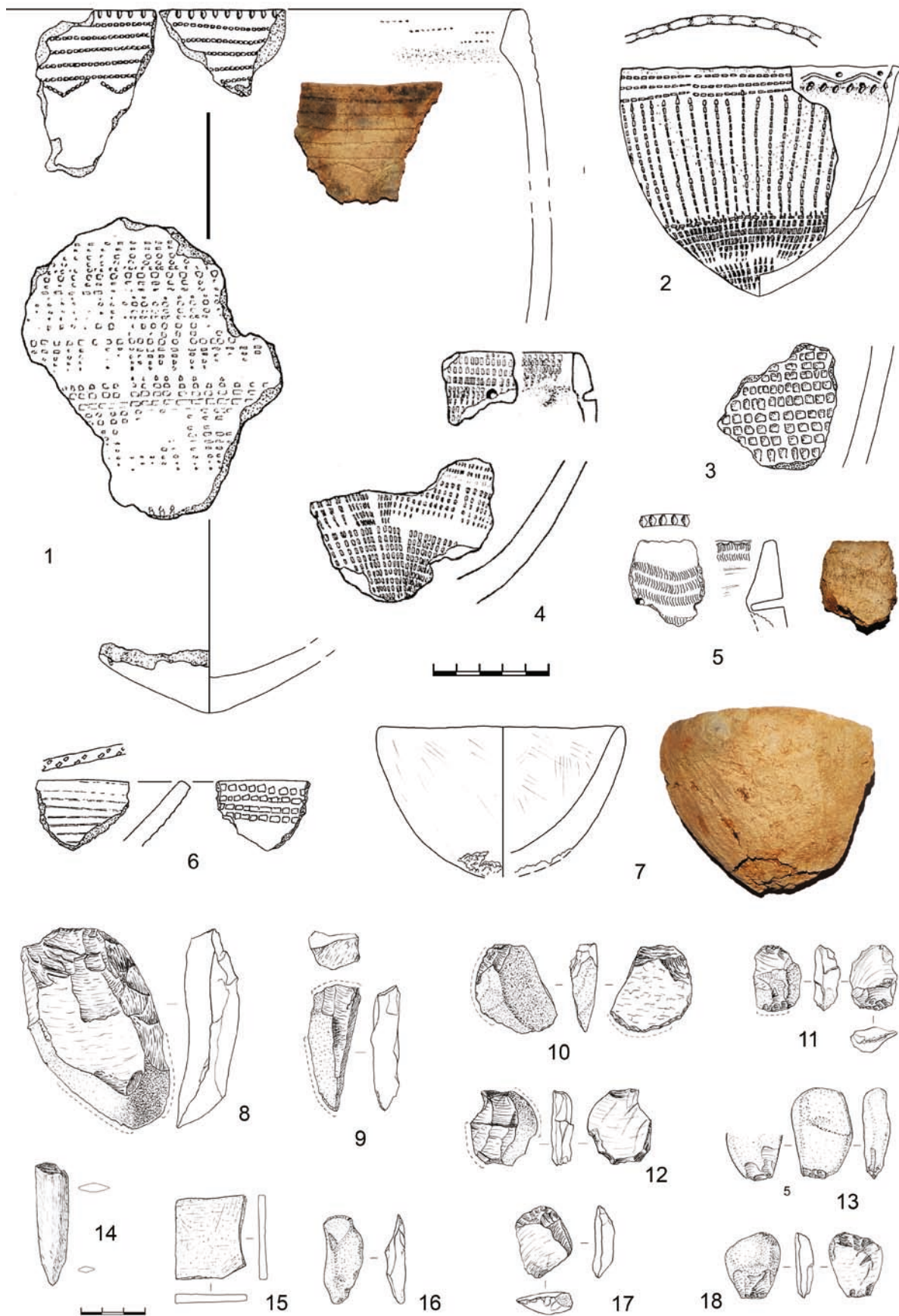

Рис. 6. Пос. Ет-то I. Керамика и каменный инвентарь жилищ 3–5

1–7 — фрагменты сосудов; 8, 9 — ножи; 10, 16, 17 — скребки; 11, 18 — долотовидные орудия; 12 — скобель; 13 — струг; 14 — наконечник стрелы; 15 — абразивная плитка

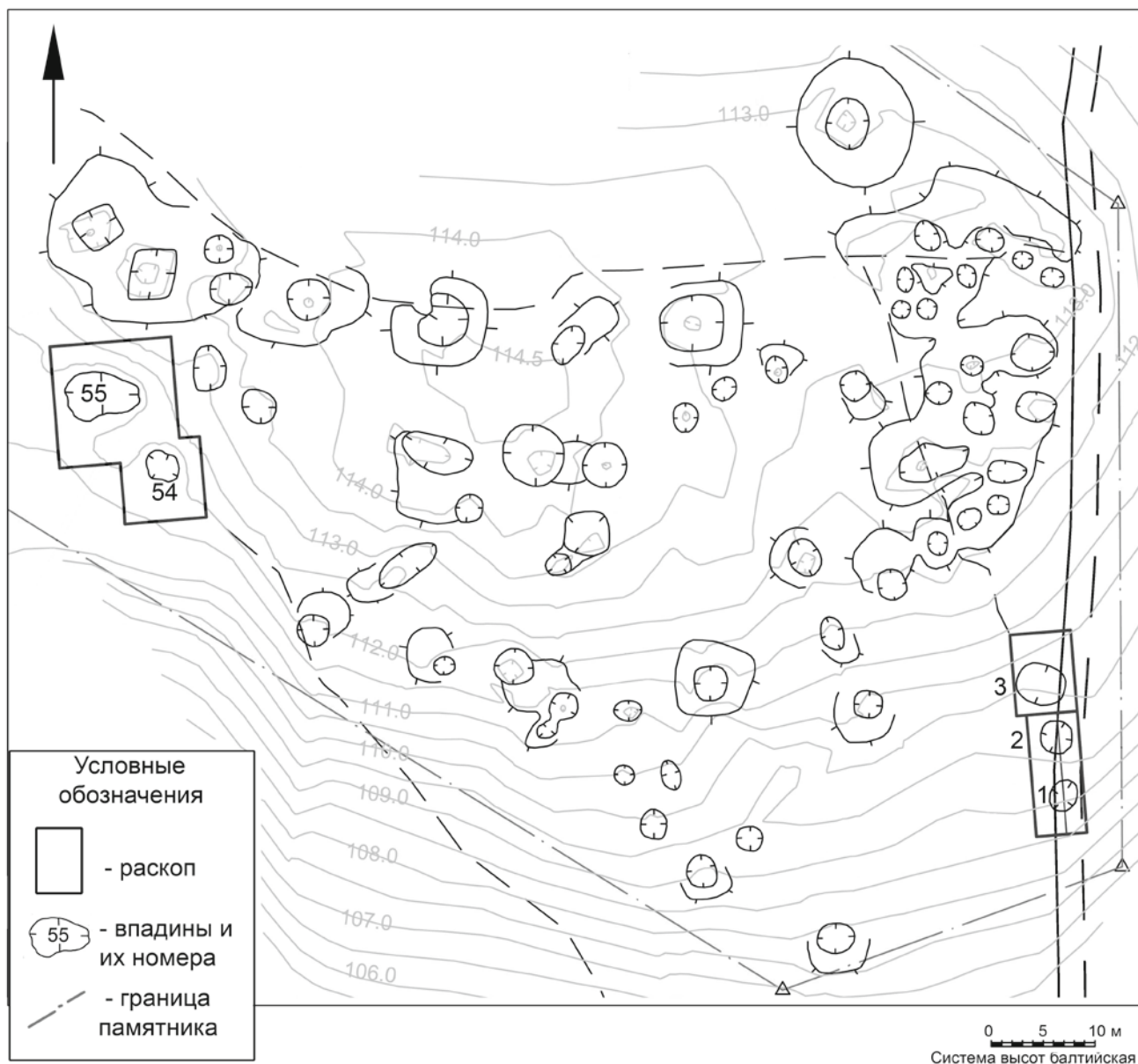

Рис. 7. Памятник Ет-то II. План восточной части памятника

Период ранней бронзы представлен пос. Пякупур 3, исследованным экспедицией ИПОС СО РАН [Пошехонова, Скочина, 2012]. Оно содержит каменный инвентарь, сопоставимый с комплексами Сугмутен-ягун IV и Улова II, следы достаточно развитого бронзолитейного и металлообрабатывающего производства. Керамический комплекс технологически однороден, но по морфологическим и стилистическим характеристикам выглядит как многокомпонентный и не имеет полных аналогий в бассейне Пура.

Жилище 1 пос. Щетнмат-лор [Косинская, 2000] представляет тип так называемых «укрепленных жилищ», или

«городищ об одном дворе» [Борзунов, 1997, с. 224–230]. Керамика аналогична комплексам кульгганского типа Сургутского Приобья ранней — средней бронзы, ориентировочно датируемым первой половиной II тыс. до н. э. [Стефанов, 2002, с. 111], но, в отличие от них, в жилище представлен комплекс каменного инвентаря, свидетельствующий о развитых технологиях обработки различных пород камня.

Богатый материал дали исследования многослойного поселения Пяку-то I. Памятник представляет собой серию поселений на песчаных береговых дюнах (рис. 12). В раскопе 1 очаги, ямы, в том

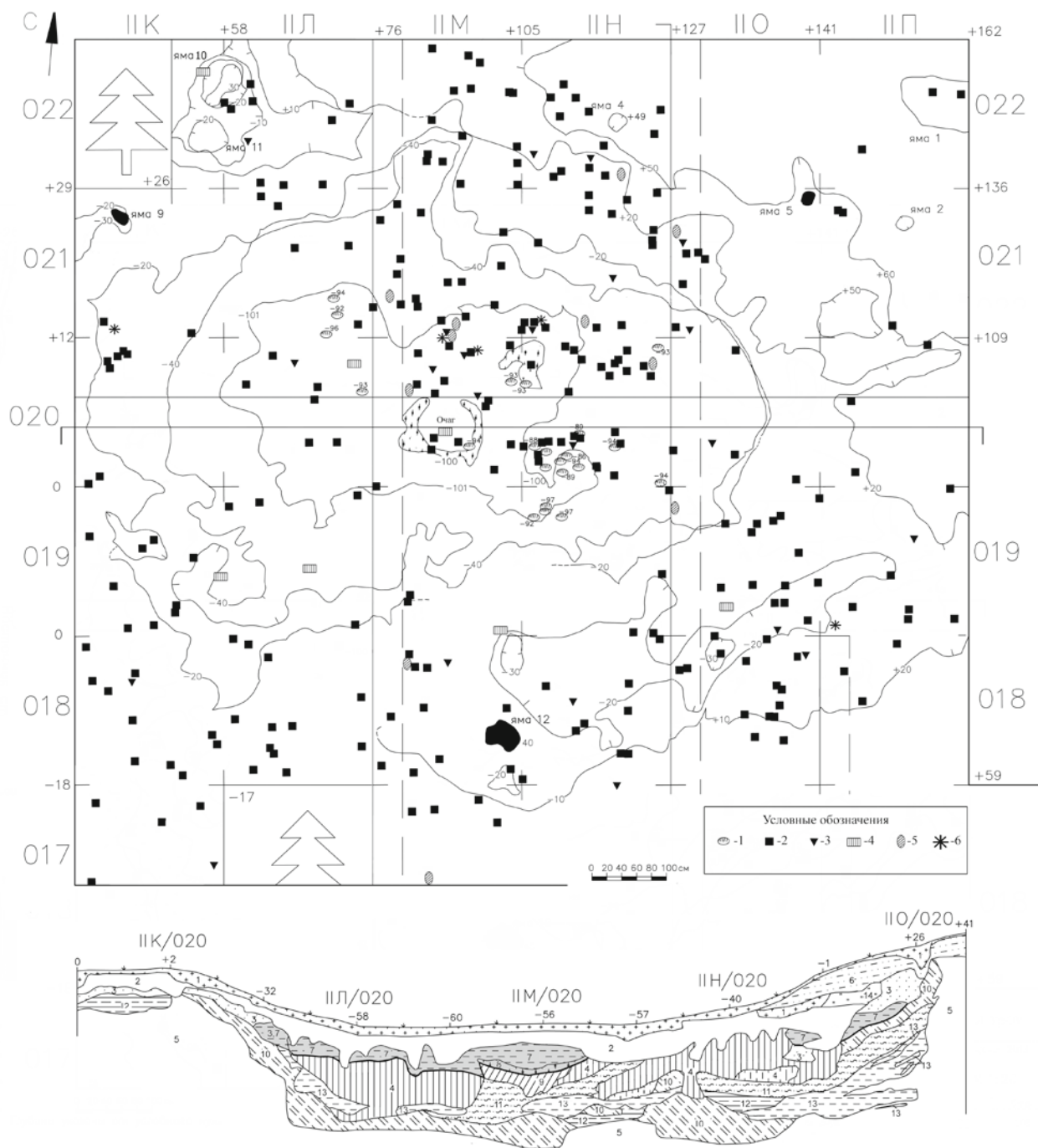

Рис. 8. Памятник Ет-то II, раскоп 4. План и разрез сооружения 1 (55)

Условные обозначения. План: 1 — галька, валун; 2 — колотая галька, скол; 3 — нуклеус; 4 — абразив; 5 — отбойник; 6 — орудие со вторичной обработкой. Разрез: 1 — напочвенный растительный покров, оторфовка; 2 — белесый песок (подзол); 3 — ярко-желтый, коричнево-желтый песок (иллювий); 4 — коричневый железненый песок, отрзанд; 5 — светло-желтый песок (материк); 6 — мешаный серо-желтый песок (современное нарушение); 7 — красновато-коричневый песок с угольками (заполнение сооружения 1); 8 — желто-серый песок с угольками (очажный слой); 9 — красновато-желтый песок (прокал); 10 — светлый серовато-желтый, розовато-коричневый песок с галечником и редкими угольками (заполнение сооружения 3); 11 — слоистый коричнево-желтый песок с галечником; 12 — серо-коричневый песок; 13 — пятнистый красно-желтый, красно-желто-коричневый песок; 14 — серовато-желтоватый песок (погребенный подзол)

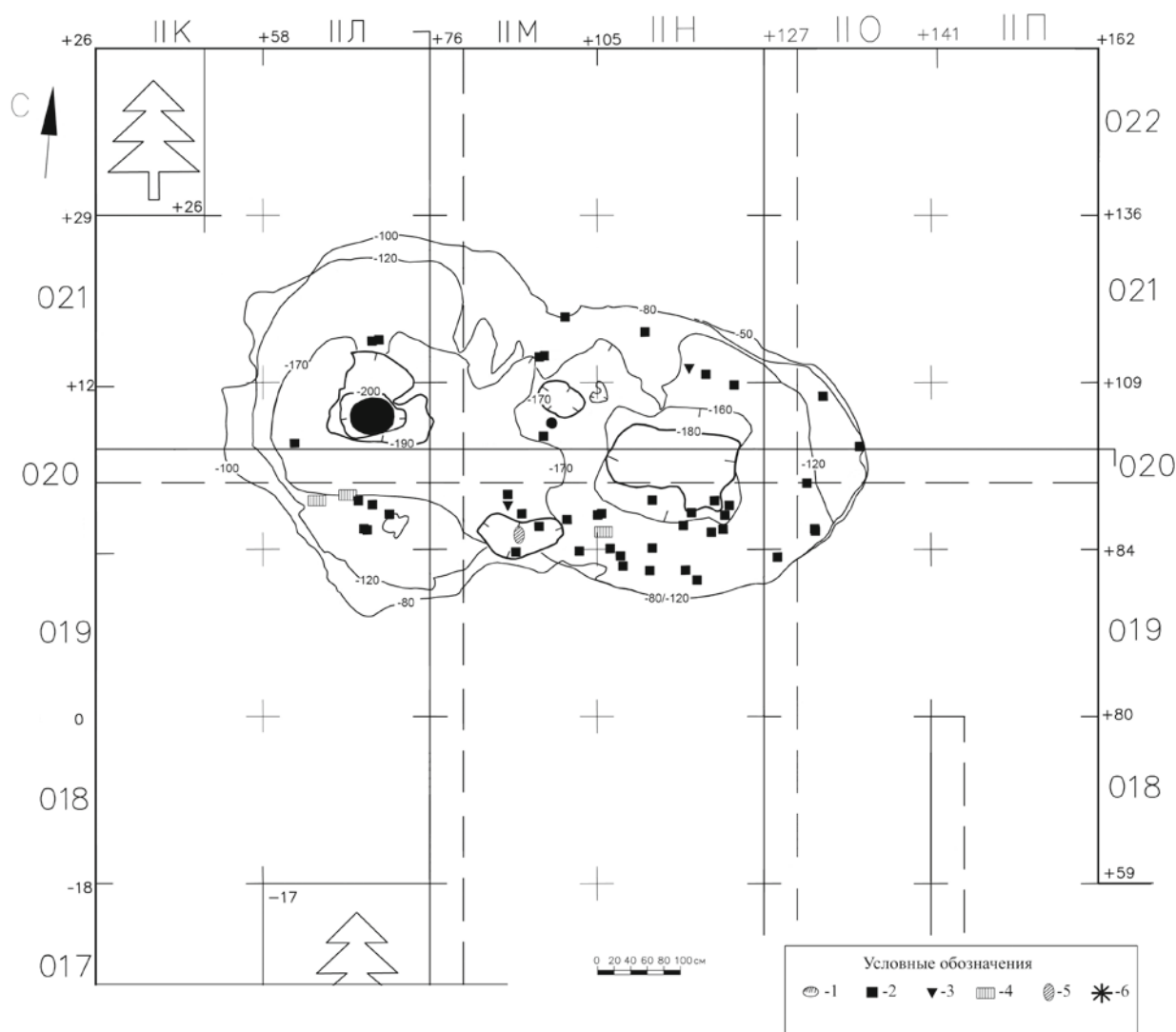

Рис. 9. Памятник Ет-то II, раскоп 4. План сооружения 3 (55а)

1 — галька, валун; 2 — колотая галька, скол; 3 — нуклеус; 4 — абразив; 5 — отбойник; 6 — орудие на сколе

числе множество столбовых (видимо, следы наземных сооружений), а также артефакты приурочены к трем основным слоям и представляют собой открытые комплексы, частично перемешанные под воздействием активной ветровой эрозии, а также в результате неоднократного заселения. Разновременные остатки слабо стратифицированы, что вызывает затруднения при выделении отдельных комплексов. Судя по подъемному материалу и результатам раскопок, наиболее ранний культурно-хронологический пласт составляют находки эпохи бронзы [История ЯНАО, т. 1, кн. 1, с. 58, 59]. К нему относятся немногочисленные обломки сосудов из раскопа I с гребенчато-ямочным

орнаментом и один фрагмент, близкий кульганскому типу (рис. 13, 1–9). С этой керамикой соотносится комплекс кремневой отщепово-пластинчатой индустрии (рис. 13, 11–41). В его состав входят мелкие и микропластинки и их сечения без вторичной обработки, а также набор изделий с краевой ретушью и резцовыми сколами: концевые скребки, резцы, острия, вкладыши. Из отщепов изготовлены мелкие долотовидные орудия, скребки, в том числе подпрямоугольные и трапециевидные с тесаной спинкой и подтёской брюшка, прямоугольные и треугольные вкладыши ножей с двусторонней ретушью (рис. 13, 16–23), наконечники стрел с частичной или полной вторичной обра-

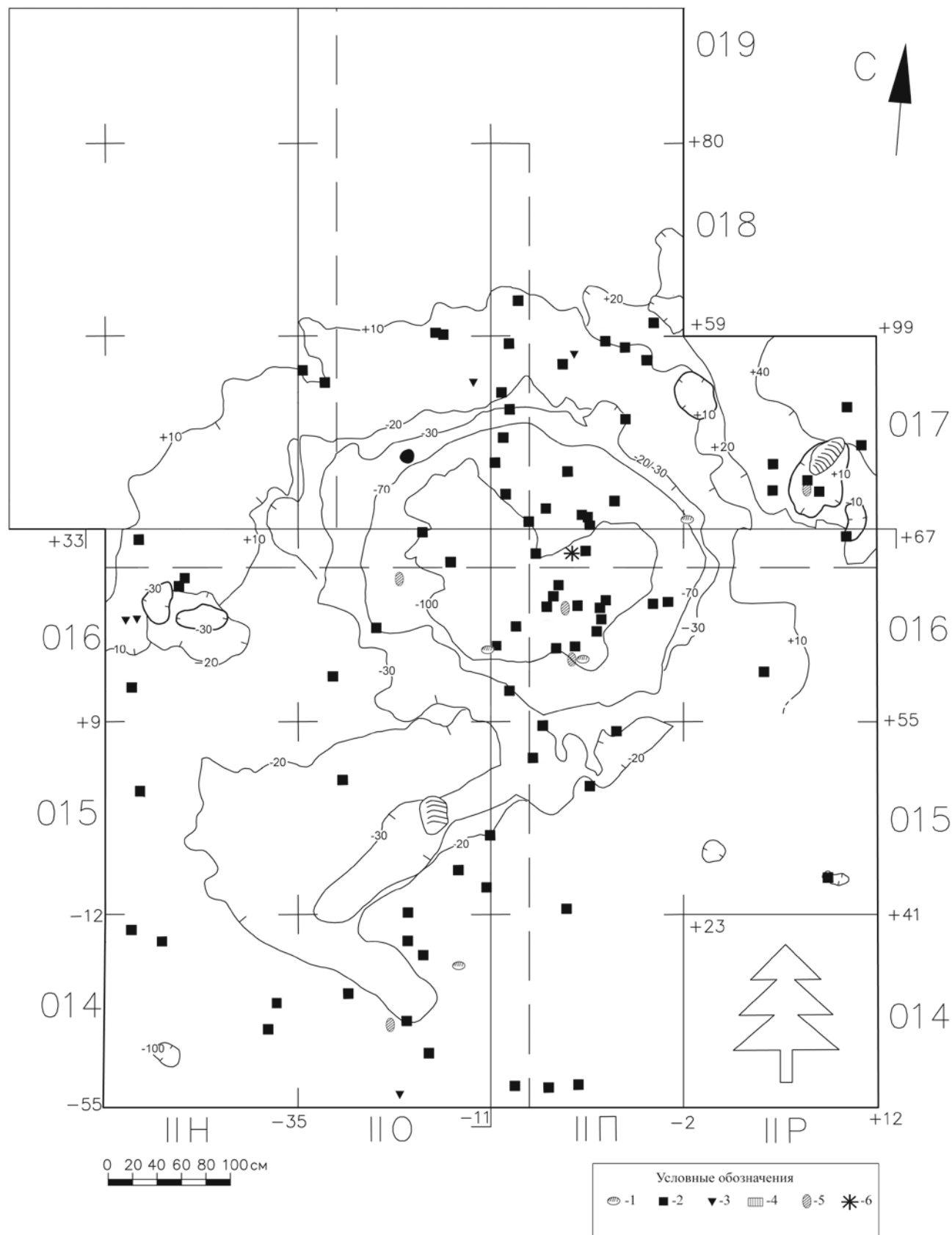

Рис. 10. Памятник Ет-то II, раскоп 4. План и разрез сооружения 2 (54)

План: 1 — галька, валун; 2 — колотая галька, скол; 3 — нуклеус; 4 — абразив; 5 — отбойник; 6 — орудие со вторичной обработкой

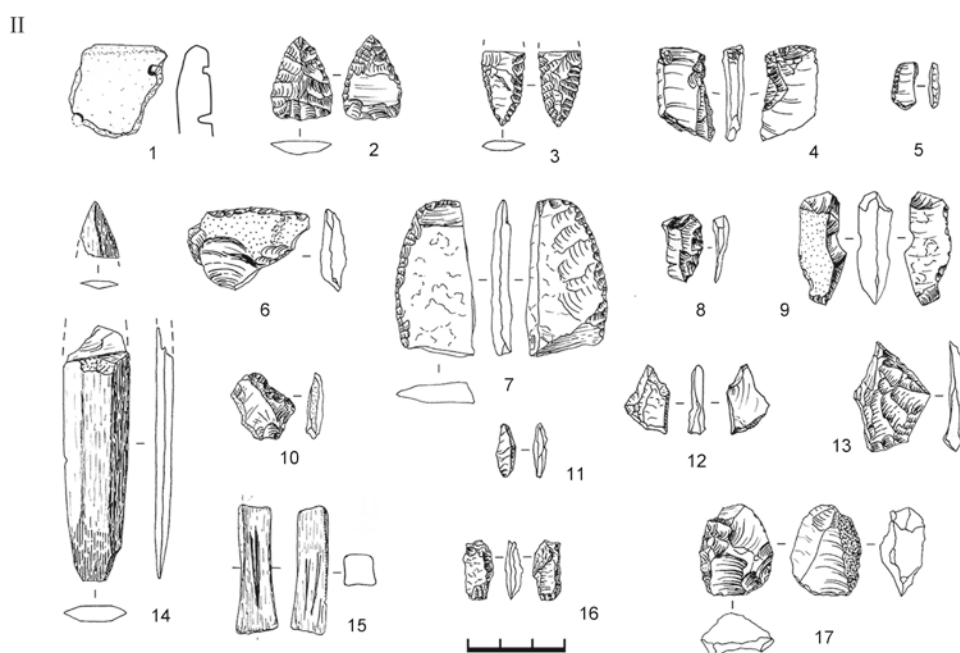
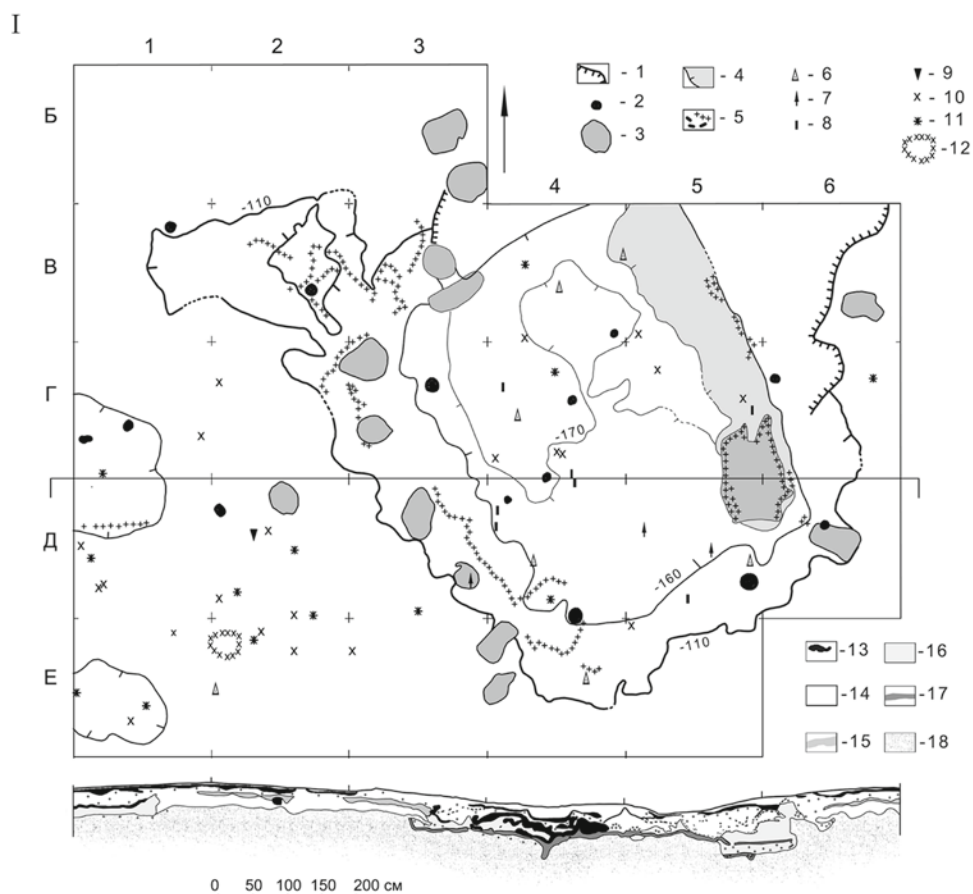
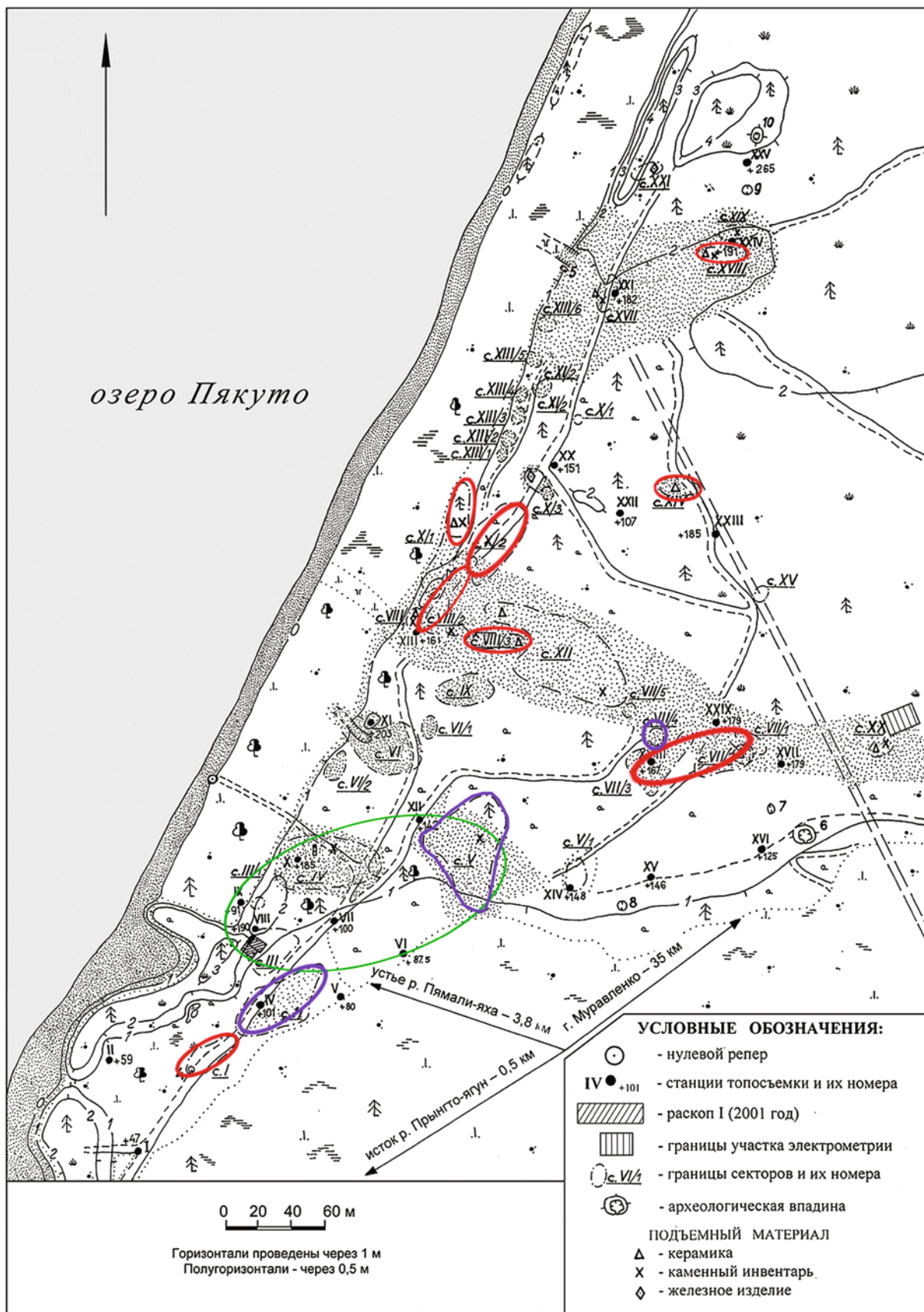

Рис. 11. Пос. Сугмутен-ягун IV

I — план и разрез жилища 10: 1 — граница современного разрушения; 2 — столбовая ямка; 3 — яма; 4 — канавка; 5 — угли, головешки; 6 — фрагмент керамики; 7 — наконечник стрелы; 8 — пластинка; 9 — нуклеус; 10 — отщеп; 11 — орудие на отщепе; 12 — скопление кремня; 13 — углистые прослойки (следы современного пожара); 14 — подзол; 15 — погребенный подзол; 16 — беловато-серый песок (заполнение котлована жилища); 17 — серый углистый песок на полу котлована; 18 — иллювиальный и материковый песок.

II — инвентарь жилища 10: 1 — керамика; 2, 3 — кремневые наконечники стрел; 4–6 — скребки; 7, 8 — ножи; 9, 10 — скобелы; 11, 12 — сверла; 13 — проколка; 14 — фрагменты шлифованных наконечников стрел; 15 — абразив; 16, 17 — долотовидные орудия

○ бронза   ○ РЖВ   ○ ПЖВ

Рис. 12. Пос. Пякуто I. План памятника

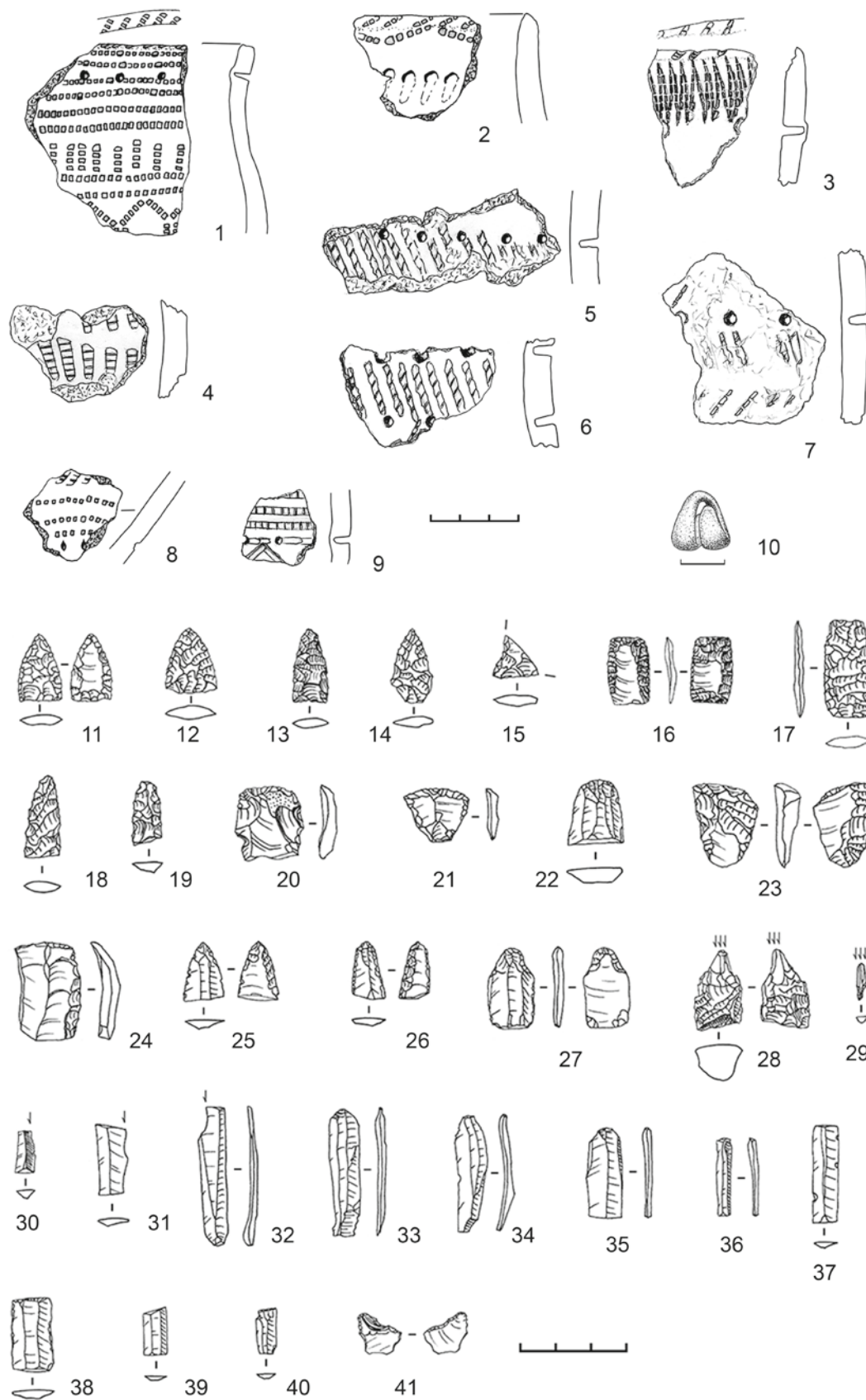

Рис. 13. Пос. Пякуто I

Находки эпохи бронзы. 1-9 — керамика; 10 — бронзовая подвеска; 11-15 — наконечники стрел; 16-19 — вкладыши ножей; 20-24 — скребки; 25, 26 — остря; 27 — сверло; 28, 29 — многофасеточные резцы (дрилы); 30-32 — резцы; 33-36 — пластинки; 37-40 — сечения пластинок; 41 — фигурный кремль

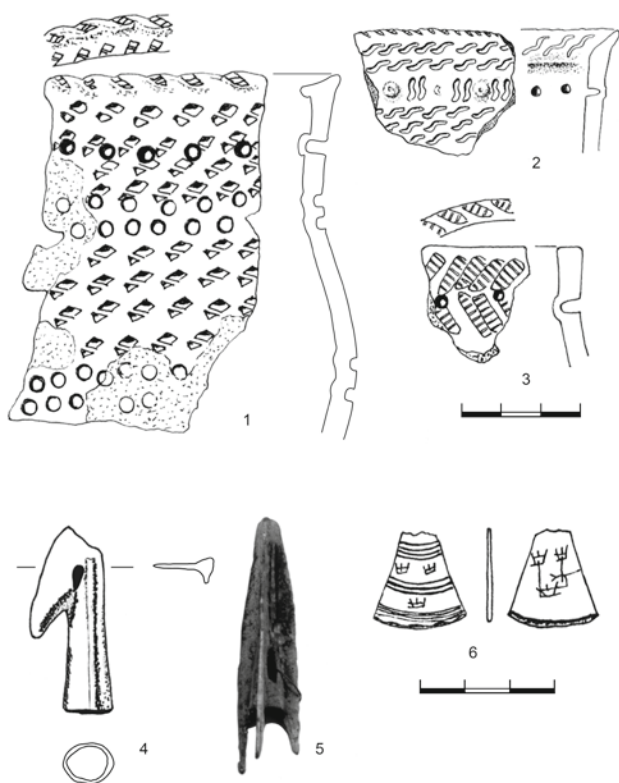

Рис. 14. Пос. Пякуто I

Находки раннего железного века

1–3 — керамика кулайского типа; 4, 5 — бронзовые наконечники стрел; 6 — обресток бляхи с гравировкой

боткой — подтреугольные с усеченным и округлым основанием, с оттянутым в сторону шипом (рис. 13, 15), два фигурных изделия из миниатюрных отщепов, напоминающие фигурки птиц.

Типология кремневых изделий хорошо ложится в самусьско-сейминский хронологический горизонт Западносибирского региона, таких как могильники Сатыга XVI в бассейне Конды [Сатыга XVI, 2011, с. 44–51] и Товкуртлор 3 в Нижнем Приобье [Стефанов, 2006, с. 53], памятники Васюганья [Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 72, 73]. Эти параллели не только определяют наиболее вероятную датировку пякутинских материалов периодом средней бронзы (вторая–третья четверть II тыс. до н. э.), но и относят их к соответствующему кругу памятников с гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой западносибирской тайги. Наиболее полные, хотя и территориально отдаленные аналогии кремневому инвен-

тарю по специфическим типам изделий (прямоугольные и треугольные вкладыши ножей, скребки с тесаной спинкой, остря, полиэдрические резцы-дрилы, треугольные наконечники с оттянутым шипом) обнаруживаются в комплексах ымыяхтахской культуры эпохи бронзы II тыс. до н. э. Таймыра [Хлобыстин, 1987, с. 336–338; 1998, с. 92–94]. С описанным комплексом гребенчато-ямочной керамики и кремневого инвентаря может быть соотнесена бронзовая височная подвеска в форме овального кольца в 1,5 оборота (рис. 13, 10). Состав медно-серебряного сплава может указывать на абашевско-сейминский или абашевско-синташтинский источник металла или самого изделия в пределах начала–второй четверти II тыс. до н. э.

Ранний железный век

Памятники этого времени исследовались на оз. Пякуто и на р. Харампур.

На пос. Усть-Кальпяс-яха 20 исследовано крупное наземное жилище 9 с центральной углубленной частью и центральным очагом (рис. 17), содержащее керамику белоярского типа (рис. 18, 1–4). Яркой особенностью комплекса, по сравнению с памятниками Сургутского Приобья, является плоскодонность посуды и наличие кремневых орудий: нуклеусов, скребков, острий (рис. 18, 5–11). Аналогии по признакам профилировки сосудов и орнаменту позволяют предварительно отнести его к раннему периоду белоярской культуры, около середины I тыс. до н. э.

На Харампуре обнаружены два береговых городища с кольцевой фортификацией и с бастионами. Раскопками на гор. Усть-Кальпяс-яха 21 исследован один из бастионов, отрезки оборонительной системы и небольшая углубленная хозяйственная постройка [Косинская, 2000, с. 20, 21]. Коллекция находок, крайне малочисленная (несколько фрагментов керамики, каменный инвентарь, обломок бронзового изделия) предположительно

относится к кулайскому или белоярскому времени. Радиоуглеродный анализ дал следующие результаты. Образец угля из сгоревшего бастиона: Le-6587 2620 ± 25 ВР; образец угля из основания вала: Le-6589 2670 ± 60 ВР. Калиброванные значения (68% вероятности, 1σ) 814–799 лет до н. э. и 900–800 лет до н. э., т. е. IX в. до н. э.

Многослойное пос. Пяку-то I дало комплекс керамики раннекулайского облика и классической кулайской (рис. 14, 1–3) в сопровождении кварцевой индустрии, не содержащей выразительных орудий. С этим комплексом можно соотнести несколько открытых очагов-кострищ и небольших ям, а также часть обломков тиглей из раскопа 1 и некоторые бронзовые изделия, в частности, бронзовые наконечники стрел кулайского типа (рис. 14, 4).

Поздний железный век

Памятники этого времени исследовались в истоках Пякупура и на р. Харампур.

На пос. Сугмутен-ягун IV раскопано наземное жилище 2 с керамикой карымского или раннего зеленогорского типа, неподалеку обнаружен фрагмент пода железодельного горна того же времени (местонахождение Сугмутен-ягун Va) [Косинская, 2000, с. 21]. На пос. Пяку-то I в раскопе 1 средневековые отложения содержали небольшое количество керамики карымского этапа, в том числе с желобчатым орнаментом (IV–VI вв. н. э.) (рис. 15, 1–3). Значительная часть находок из сборов с поверхности и из раскопа 1 относится к кучиминскому времени, датируемому VIII–IX вв. н. э. (рис. 15, 4–8). Наиболее поздний пласт представлен отдельными фрагментами керамики кинтусовского этапа (X — перв. пол. XII вв.). Часть изделий из бронзы: литые трехлопастные наконечники стрел с выступающей втулкой (рис. 14, 5), обрезок бронзовой бляхи с циркульным орнаментом и гравировками на обеих сторонах (рис. 14, 6), обломок бляхи с рельефным изображением головы медведя

и обломки прямоугольных литых блях (рис. 16, 12, 13), судя по их типологии и распределению в раскопе, относятся к кулайскому или карымскому комплексам. Большую часть обломков железных изделий (рис. 16, 1–11), в том числе вильчатые наконечники и часть тиглей следует связывать с верхним культурным слоем и керамикой кучиминского этапа; какая-то их часть может относиться к карымскому времени.

На памятнике Улова II из переотложенного поверхностного слоя происходит несколько металлических предметов, в том числе железные наконечники стрел, умбоновидные бляшки белой бронзы, обломок плоской полированной бляхи и круглая бляшка с изображением птицы с распростертыми крыльями, выполненная в технике ажурного одностороннего литья. Предметы, по-видимому, относятся к разрушенному культовому комплексу и по аналогиям датируются кучиминским/кинтусовским временем в пределах VIII–X вв. [Косинская, Федорова, 1994, рис. 8]

Выводы

На основании представленных материалов можно утверждать, что первоначальное заселение бассейна Пякупура имело место не позднее среднего голоцена, в конце мезолитической эпохи (более 8000 л. н.). Слабая изученность открытых памятников пока не позволяет прояснить истоки мезолита. Продвижение древних групп могло происходить как с ЮЗ, из бассейна Оби, так и с В, из Восточной Сибири.

В эпоху раннего неолита здесь обитало население, изготавливавшее керамику с гребенчатым орнаментом. По-видимому, оно имело контакты с группами, обитавшими в Нижнем и Среднем Приобье, но генетические корни этого населения также не установлены. К числу особенностей местной культуры следует отнести оригинальные черты домостроительства, сооружение ловчих ям для охоты на лесных

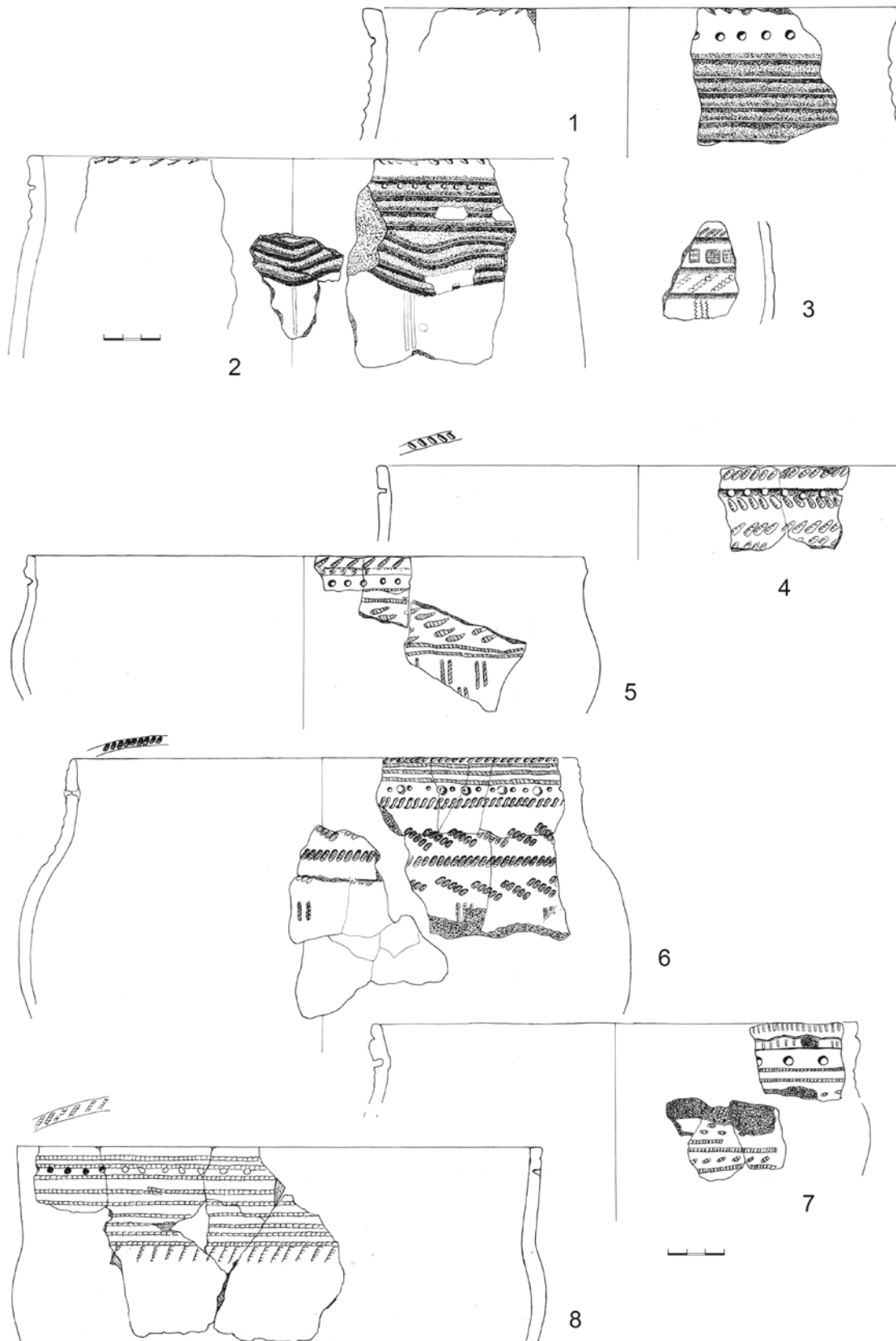

Рис. 15. Пос. Пякуто I. Керамика позднего железного века
1–3 — керамика карымского этапа; 4–8 — керамика кучиминского этапа

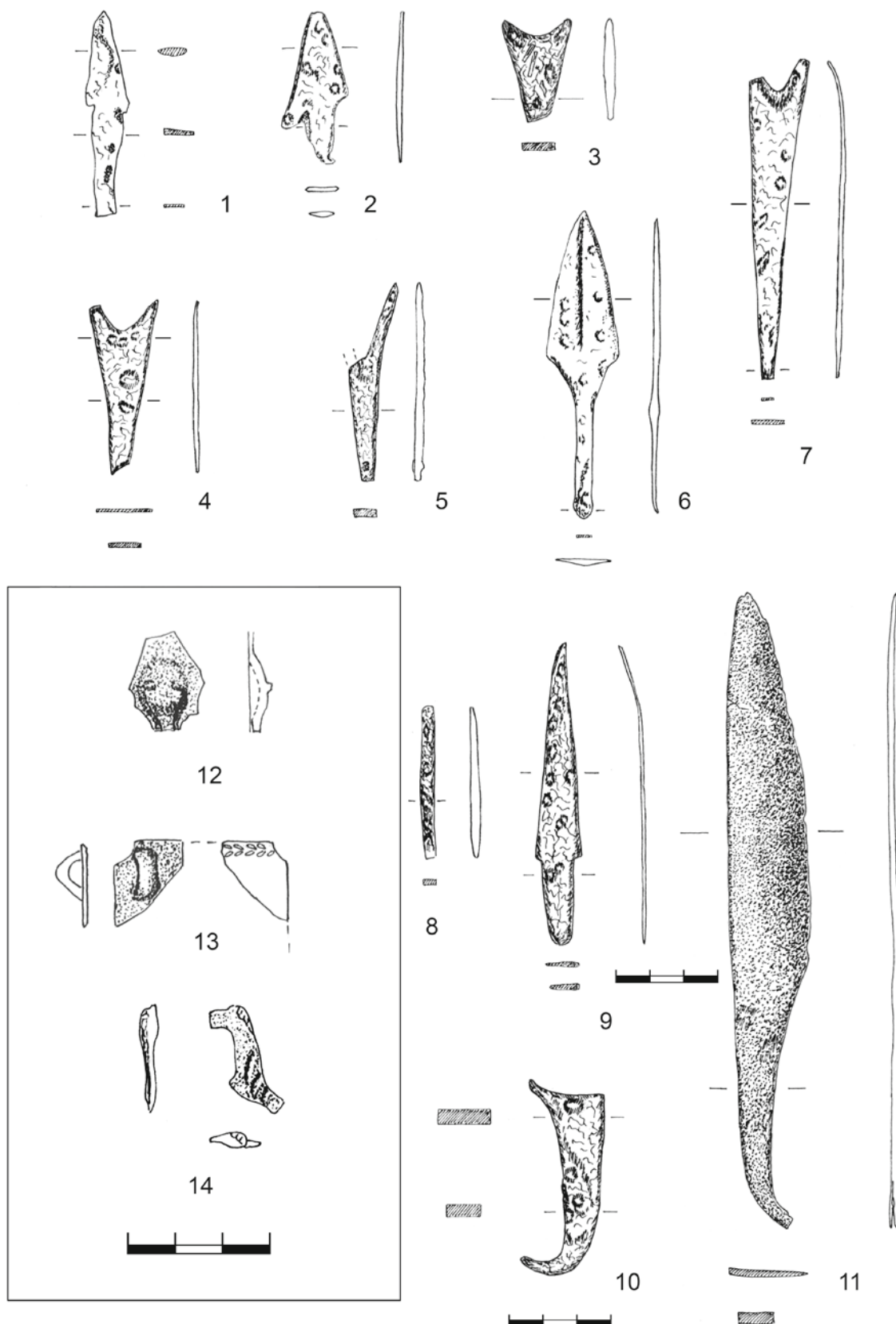

Рис. 16. Пос. Пякуто I. Железные (1–11) и бронзовые (12–14) изделия железного века
 1–7 — наконечники стрел; 8 — стержень; 9–11 — ножи; 12 — обломок бляхи с изображением медвежьей
 головы; 13 — обломок прямоугольной бляхи; 14 — зооморфная (?) отливка

Рис. 17. Пос. Усть-Кальпяс-яха 20, жил. 9. Вид с юга

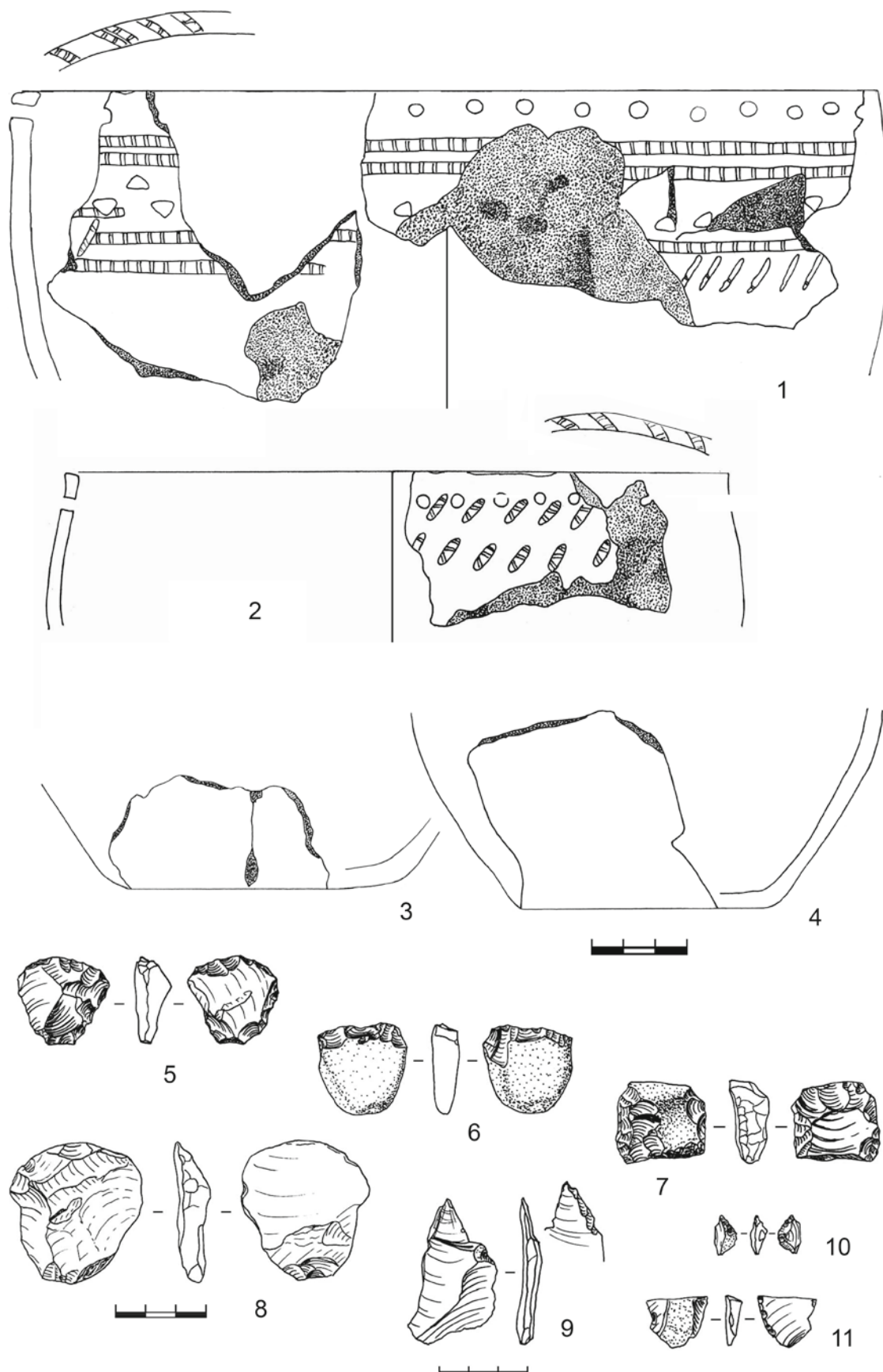

Рис. 18. Пос. Усть-Кальпяс-яха 20. Инвентарь жилища 9
 1-4 — керамика белоярского типа; 5-8 — скребки; 9, 10 — проколки; 11 — осколок с ретушью

копытных (зарождение этого способа восходит к местному мезолиту), выявление и интенсивную разработку редких мест концентрации каменного сырья, о чем свидетельствуют уникальные для Западной Сибири поселения-мастерские на останце Увыр-пай. По мере накопления материалов становится все более актуальной проблема интерпретации обнаруженных здесь небольших одиночных сооружений (котлованов), на первый взгляд напоминающих объекты, трактуемые обычно как ловчие ямы.

С эпохи энеолита–ранней бронзы территория входила в ареал гребенчатой, а позднее — гребенчато-ямочной керамической орнаментальной традиции. В то же время, установлены и факты присутствия здесь комплексов с фигурно-штамповой и накольчатой керамикой нижнеобского облика. В эпоху средней бронзы территория бассейна Пякупура оказывается вовлеченной в широкомасштабные процессы культурных связей и контактов самуьско-сейминского хронологического горизонта, простиравшихся на юг вплоть до лесостепного Зауралья. Получено и первое свидетельство восточного вектора связей северотаежных районов Западной Сибири с Таймырским Заполярьем в эпоху бронзы. До сих пор география находок восточносибирского облика, в частности, вафельной керамики, ограничивалась тундровой зоной, документируя, по мнению Л. П. Хлобыстина [1998, с. 101, 102], пути продвижения на запад носителей ымыяхтахской культуры. Одной из задач дальнейших исследований должно стать определение характера связей населения бассейна Пякупура и севера Восточной Сибири и их интерпретация.

Период поздней бронзы пока не документирован находками, но уже с переходного периода к раннему железному веку рассматриваемый район входит в состав кулайской, а затем Обь-Иртышской КИО. Явственной особенностью культур бассейна Пякупура в эпоху раннего железа является, видимо, сохранение квар-

цевой индустрии, что могло быть вызвано окраинным положением территории по отношению к магистральным торговым путям. Дальнейшие исследования позволят выявить специфику ее культурного и хозяйственного развития, особенности культурогенеза, к чему имеются хорошие предпосылки в виде множества открытых, но неисследованных разновременных памятников.

Литература

Борзунов В. А. К вопросу о генезисе и функции урало-сибирских укрепленных жилищ // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. — Томск: ТГУСУР, 1997. С. 224–236.

История Ямала: в 2-х томах / Под общ. ред. В. В. Алексеева. — Екатеринбург: Издательство «Баско», 2010. — Т. 1. Ямал традиционный. Кн. 1. Древние культуры и коренные народы / под ред. Н. В. Федоровой, А. П. Зенько и др. — Гл. 1. — С. 22–60.

Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М. Бронзовый век Васюганья. — Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1979. — 182 с.

Косинская Л. Л. Археологические памятники бассейна р. Пур (итоги исследований 1990–1998 гг.) // Научный вестник. — Вып. 3. — Издание администрации ЯНАО. — Салехард, 2000. — С. 13–23.

Косинская Л. Л. Неолит Надым-Пуровского водораздела: источники и проблематика // Вестник Томского государственного университета. История. — Томск, 2013. — № 3 (23). — С. 240–245.

Косинская Л. Л., Федорова Н. В. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. Препринт. — Екатеринбург: УрО РАН, 1994. — 114 с.

Пошехонова О. Е., Скочина С. Н. Комплекс эпохи ранней бронзы многослойного поселения Пякупур 3 в северотаежной зоне Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2012. — № 1 (16). — С. 31–41.

Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. — Ека-

теринбург: изд-во «Уральский рабочий», 2011. — 192 с.

Сергеев А. С., Погодин А. А. Культурно-хронологические комплексы пос. Котим 1 // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург–Сургут: Уральское издательство, 2008. — С. 170–194.

Стефанов В. И. Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. — Сургут: МУ ИКНЦП «Барсова гора», 2002. — С. 97–112.

Стефанов В. И. Могильник Товкуртлор 3: сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье // РА. — 2006. — № 1. — С. 44–58.

Хлобыстин Л. П. Бронзовый век Восточной Сибири // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — М: Наука, 1987. — С. 327–350.

Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. — СПб.: изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. — 342 с.

Б. Фитцхью

Департамент Антропологии, Университет Вашингтона,
Seattle, WA 98195–3100, USA
E-mail: Fitzhugh@u.washington.edu

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ КАТАСТРОФИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ОХОТНИКОВ-СОБИРАТЕЛЕЙ

В настоящей статье рассматриваются вопросы уязвимости общин охотников-собирателей в контексте относительной изоляции и крайне динамичной природной среды. Уязвимость и адаптация задают рамки для рассмотрения того, как небольшие группы населения охотников-собирателей могут быть подвержены влиянию неблагоприятных природных факторов. В результате было выяснено, что население Курильских островов в северо-восточной Азии было удивительно приспособленным к воздействию природных явлений, таких как извержения вулканов, землетрясения, цунами и изменения климата, но оказалось в конечном итоге менее устойчивым к внешнему давлению со стороны конкурирующих групп и расширению спроса на добываемые на Курилах товары.

Ключевые слова: Курильские острова, Курильский биокомплексный проект, динамика среды, вулканы, землетрясения, цунами, уязвимость, адаптация.

В настоящей статье рассматриваются вопросы уязвимости общин охотников-собирателей в контексте относительной изоляции и крайне динамичной природной среды. Полевые исследования проводились в период с 2006 по 2008 год на территории Курильских островов в Северо-Западном регионе Тихого океана, материалом для исследования послужили данные за 4000-летний период истории заселения человеком и динамики окружающей среды, собранные междисциплинарной международной исследовательской группой Курильского биокомплексного проекта.

Исходные предпосылки данного проекта состояли в том, что этот относительно изолированный, подверженный воздействию вулканов, землетрясений и цунами субарктический регион, должен входить в разряд наиболее трудных для выживания древних охотников-собирателей мест, а потому его заселение едва ли носило постоянный характер. Исходя из этого, археологические данные должны отражать факты периодического ухода населения по крайней мере с наиболее изолированных (и самых мелких) центральных островов. Однако полученные

результаты говорят не в пользу такого эвристического предположения, а скорее поддерживают идеи устойчивости и сопротивляемости перед лицом обеднения окружающей среды, природных катастроф, и изменения климата. Раскрываемая нами история подчеркивает значение взаимосвязи социальных, экономических, демографических процессов в формировании условий уязвимости и выживаемости людей в окружающей среде.

Угрозы и катастрофы привлекают все большее внимание представителей как естественнонаучных, так и общественных дисциплин, такой интерес также подогревается растущим вниманием СМИ к природным катастрофам по всему миру. Призывы к повышению качества прогнозирования природных катастроф способствовали усилению поддержки ретроспективных исследований исторических моделей и периодичности землетрясений, цунами, извержений вулканов, наводнений, засух, изменений климата и других потенциально опасных природных явлений. Представители общественных наук включились в эту работу с целью добиться более полного понимания

реакции человека на природные катастрофы и изменения окружающей среды, что в последнее время вызвало необходимость в проведении комплексных исследований социо-природной динамики катастроф [Blaikie et al., 1994; Oliver-Smith, 1996; Oliver-Smith and Hoffman, 2002; Sidle et al., 2004; Torrence and Grattan, 2002]. Этот последний подход признает, что катастрофы являются сложным результатом взаимосвязанных общественных и экологических процессов, а также часто определяют тяжесть воздействия последствий чрезвычайных событий на людей.

Попытки понять социо-экологическую динамику катастроф, как правило, фокусировались на изучении аграрных и индустриальных обществ [при этом см. Saltonstall and Carver, 2002; Sheets, 1999]. На материале сравнительного археологического изучения социо-экологических последствий крупных извержений вулканов на территории Мезоамерики Пейсон Шитс [Sheets, 1999] предположил, что масштаб воздействия таких катастрофических событий будет расти по мере возрастания организационной сложности и вложений в «антропогенную среду». По его утверждениям, небольшие эгалитарные общества, по крайней мере, в Центральной Америке, обладали наибольшей организационной устойчивостью. Если исходить из того, что Шитс не ошибался в своих выводах, нам следует ожидать обнаружения аналогичной степени сопротивляемости в иных контекстах, где малочисленные сообщества подвергались воздействию катастрофических событий. Курильские острова предлагают еще одну возможность для изучения сопротивляемости таких сообществ.

Курильские острова

Курильские острова представляют собой полу-управляемую среду для изучения исторического воздействия вулканической активности, цунами и изменений климата на общества морских

охотников-собираателей на протяжении последних 4000 лет. Представляя собой группу экологически простых и географически небольших вулканических островов, протянувшуюся на 1100 км в неспокойных субарктических водах океана, эти острова, казалось бы, могут символизировать собой чрезвычайно уязвимую среду для заселения человеком. Относительная изолированность центральных Курил может служить объяснением тому факту, что они оставались незаселенными до времени примерно 4000 лет назад, и служили скорее барьером, нежели мостом, между Японским архипелагом и Камчаткой (рис. 1).

С биогеографической точки зрения Курильские острова¹ служат «переходными островами» между островом Хоккайдо и полуостровом Камчатка, выполняя роль одновременно канала и фильтра для перемещения растений, животных и людей между этими массивами суши. Острова служат, преимущественно, фильтром для распространения таксонов наземных растений и животных, обладающих ограниченными возможностями пересечения широких каналов с быстрыми морскими течениями. В результате для островов к северо-востоку от о. Итуруп и до о. Онекотан характерны относительно небольшое биоразнообразие наземных видов с доминированием тундровых лугов и альпийских экосистем, наличием небольшого числа наземных млекопитающих, лучше других приспособленных к освоению новых земель, таких как лиса и полевка. Птицы, напротив, представлены в изобилии и видовом многообразии: благодаря отсутствию большинства видов хищников, Курилы служат домом десяткам ви-

¹ В настоящей главе термином «Курилы» обозначаются острова «Большой Курильской Гряды», соединяющей Хоккайдо и Камчатку. Более короткая цепь островов, известная как «Малая Курильская Гряда», простирается на приблизительно 100 км к северо-востоку от полуострова Немура на Хоккайдо. Эти острова выходят за рамки рассмотрения данной главы.

Рис. 1. Курильские острова. Иллюстрация Бена Фицхью на основе картографической проекции Адама Фрибурга

дов постоянно живущих и перелетных водоплавающих птиц [Hacker, 1951].

Морские млекопитающие также хорошо представлены на берегах и в прибрежных водах многих из Курильских островов. Морские львы, котики и тюлени являются наиболее распространенными сегодня видами, особенно на центральных островах, где они обитают в больших количествах и растят потомство в летние месяцы. Морские выдры изобилуют в некоторых местах, особенно вокруг северных и южных островов, при полном их отсутствии на других. Их распространение, по-видимому, отражает экологические различия в количестве и разнообразии моллюсков и рыбы, которые также наиболее выражены на северной и южной оконечностях гряды по сравнению с центром. Полученная экологическая картина указывает на большее таксономическое разнообразие как морских, так и наземных ресурсов на крайне южных и северных островах, являющихся также крупнейшими и наиболее приближенными к «материковым» ресурсам. Центральные острова, особенно острова от Чирпои до Онекотана, отличаются незначительным

биоразнообразием: важными для охотников-собирателей морскими животными, птицами (и их яйцами), ограниченным числом видов рыб. Археологические свидетельства соответствуют представлениям о меньшем разнообразии в диете и более ограниченном числе вариантов стратегий адаптации в центральной зоне по сравнению с остальными [Fitzhugh et al., 2004].

Целью Курильского биокомплексного проекта (КБП) было комплексное изучение истории человека, флоры, фауны, геологии, океанографии и климата в рамках проведения совместного, скоординированного междисциплинарного исследования. После проведения подготовительных работ в 1999 и 2000 гг. [Fitzhugh et al., 2002; Pietsch et al., 2003], летом 2006 г. началась полевая фаза работы КБП с участием специалистов разных дисциплин из США, России, и Японии. На протяжении трех летних сезонов с 2006 по 2008 год проводилась разведка, нанесение на карты и контрольная шурфовка археологических памятников; отбор проб вулканического пепла, озерной воды и горных пород; изучение стратиграфии береговой линии и отложений, сформированных цунами;

измерение высоты наката волны на материалах недавних и древних отложений; отбор керн из озер и торфяников в целях изучения пыльцы и других климатических и экосистемных индикаторов; а также изучение современных подвижек земной коры с целью лучшего понимания динамики сейсмоактивности Курил. В процессе работы КБП было выявлено и обследовано 70 археологических памятников на территории от острова Кунашир до Шумшу. В результате были составлены карты памятников и окружающего ландшафта; получены радиоуглеродные датировки (286 археологических дат и 17 чисто геологических датировок, все датировки были получены методом AMS (масс-спектрометрия с ускорителем)); собраны артефакты из камня, керамики и кости; сделаны стратиграфические описания археологических и геологических отложений; получены результаты физического и геохимического анализа образцов вулканического пепла; образцов озерного керн на северных, центральных и южных островов; стратиграфически упорядоченных образцов торфа почти со всех островов. Команда проекта провела всесторонний анализ полученных материалов с целью достичь более полного понимания комплексной истории позднего голоцена на Курилах. Именно в контексте такого объединения усилий мы попытались сделать предварительные выводы в отношении факторов, повлиявших на заселение и уклад жизни человека на Курилах.

Археологическая история Курильских островов

Самый древний из датированных археологических памятников на Курилах расположен на центральном острове Итуруп, его возраст примерно 8000 лет (около 6000 до н. э.)² [Vasilevsky and Shubina, 2006;

² Датировки, если не указано иное, приведены в калиброванных календарных годах до н. э. или н. э. Некалиброванные радиоуглеродные датировки (необработанные датировки) помечаются как «дднв».

Yanshina and Kuzmin, 2010; Zaitseva et al., 1993]. Его население относилось к раннему периоду культуры дземон. Датировки этого памятника и подъемного материала ранним и средним периодом культуры дземон указывают на присутствие человека на южных Курилах (ближе к Хоккайдо) в среднем голоцене (около 6000–2500 до н. э.). Следующие по возрасту радиоуглеродные датировки, также с южных островов, указывают примерно на период около 2500 до н. э. и коррелируют с относительной стабилизацией местного климата и растительности [Anderson et al., 2009].

Между 1900 и 1400 г. до н. э. начинают появляться свидетельства поселений на многих из центральных и северных островов. Можно предположить, что такое расселение было связано с распространением более эффективных мореходных технологий на Японский архипелаг и способствовало миграциям населения на Курилы, подобно тому, как это, очевидно, произошло в предшествующем тысячелетии с островами юго-восточной Азии [Oppenheimer and Richards, 2001]. Возможно, что на этой самой ранней стадии заселения Курил население с юга Камчатки могло мигрировать на самые северные острова Шумшу и Парамушир. Однако в целом, все диагностические культурные черты (преимущественно, декорированная керамика) этого времени и всех остальных исторических периодов указывают на южное происхождение: с Хоккайдо, либо миграцию через Хоккайдо на Курилы.

Наша база радиоуглеродных дат указывает на резкий скачок в заселении Курил, начиная приблизительно с 500 г. до н. э. Этот всплеск отражает начало почти 1500-летнего более или менее непрерывного присутствия населения в течение периода эпи-дземон с появлением большого количества поселений из землянок на многих островах Курильской гряды. Представители культуры эпи-дземон были преимущественно морскими охотниками и рыбаками, жившими на Ку-

рилах в небольших землянках примерно 3–5 метров в диаметре, и оставившими после себя посуду с веревочным орнаментом, разнообразные каменные орудия и, в редких хорошо сохранившихся отложениях, костяные и деревянные артефакты, включая наконечники к зазубренным и поворотным гарпунам. Эпи-дземон отражает преемственность уклада жизни охотников-собирателей дземон на Хоккайдо и Курилах в то время, когда рисоводческая культура йяой ассимилировала и вытеснила уклад жизни дземон из более южных регионов Японии [Nabu, 2004; Hudson, 1999; Imamura, 1996].

В середине первого тысячелетия н. э. новая культура, известная как охотская, берущая начало в низовьях Амура, на острове Сахалин, или на обеих этих территориях, широко распространилась по всему южному побережью Охотского моря [Amano, 1979; Оно, 2008]. Представители охотской культуры заселили Курилы где-то около 800 г. н. э., более или менее вытеснив население эпи-дземон. Начиная с около 800 г. н. э. и до 1300 г. н. э. охотская культура доминировала на всех Курилах с юга на север. Они использовали характерную толстостенную посуду, жили в более просторных овальных или пятиугольных жилищах от 5 до 15 м в диаметре, вели промысел различных видов от рыб и моллюсков до птиц и млекопитающих.³ В течение этого периода на юге и в центре Хоккайдо была распространена культура, известная как сатсумон, возникшая в результате ассимиляции эпи-дземона Хоккайдо и переселенцев с севера Хонсю, принесших с собой смешанный тип экономики возделывания проса и охоты и собирательства [Crawford, 1992, 2008; Crawford and Takamiya, 1990].

³ Население эпи-дземон, вероятно, использовало в пищу тот же набор продуктов на Курилах, но фаунистические остатки, датирующиеся более ранним периодом, чем охотский, трудно поддаются обнаружению в сильноокислом вулканическом грунте Курил.

Любопытно отметить, что археологические свидетельства присутствия человека на Курилах исчезают примерно с 1300–1400 гг. н. э. на период не менее 200 лет. Этот провал в данных о заселении Курил совпадает по времени с появлением культурных традиций, считающихся предшественницами современной этнической культуры айну. На Хоккайдо появление айну характеризуется полным отказом от жилищ земляночного типа и керамической посуды в пользу наземных жилищ и импортных железных и лаковых сосудов. На Курилах и юге Камчатки при этом археологически выявленные материалы культуры айну указывают на продолжение использования землянок и изготовление посуды «найдзи» с внутренними ушками, напоминающими железные котлы, использовавшиеся на юге.

По данным этно-исторических материалов, с начала восемнадцатого века Курильские айну («курильцы» или «коуши») проживали на всей территории северных, центральных и южных Курильских островов. Они говорили на выраженном северном и южном диалектах языка айну, отличном от диалектов Хоккайдо и южного Сахалина. Суффикс «-котан» на языке айну означает «деревня», отсюда можно предположить, что на островах Онекотан, Харимкотан, Шиащкотан и Чиринкотан располагались деревни айну. Степан Крашенинников [Крашенинников, 1972]⁴ отмечает, что северо-курильские айну проживали на территории от Симушира до Шумшу, и что население Симушира совершало сезонные миграции на остров Чирпой для охоты на птиц и торговли с южно-курильскими айну с Урупы. На Кунашире и Итурупы Игорь Самарин и Ольга Шубина [2007] задокументировали несколько укрепленных поселений, которые они ассоциируют с населением айну. Таким образом, этноисториче-

⁴ Путешествие Степана Крашенинникова на Камчатку состоялось в 1737–1741 гг. — Прим. редактора.

ские данные дают серьезные основания полагать, что айну жили на Курилах до встречи с русскими первопроходцами в начале восемнадцатого века, в то время как археологические свидетельства указывают, что они не могли появиться там более чем за сто лет до этого. Каким бы ни было разрешение этого противоречия, можно с определенностью сказать, что айну не имели значительных поселений на Курилах (особенно в центральной части), подобно более ранним культурам эпи-дземон и охотской. К этому времени что-то радикально изменилось в природе отношений между человеком и окружающей средой.

После контакта с представителями расширяющихся российской и японской империй, численность курильских айну постепенно сокращалась, и, в конечном итоге, оставшиеся жители были насильственно переселены на Шикотан, входящий в состав Малой Курильской Гряды, в 1883 г. В конце второй мировой войны власти СССР выслали немногочисленных оставшихся айну на Хоккайдо, где, как полагают, последний их представитель умер в 1960 г. (Kaoru Tezuka, из личного общения 2006). Скорость, с которой была завершена эта депортация, в отсутствие свидетельств значительного геноцида указывает на малочисленность населения до контакта с пришлым.

Заселение в девятнадцатом и двадцатом веке все более происходило посредством строительства российских и японских факторий. Эти фактории первоначально строились с целью развития богатого мехового промысла морской выдры и котика, но в двадцатом веке они стали служить двум целям: геополитической военной конкуренции и коммерческому рыболовству. На сегодняшний день на островах Кунашир, Итуруп и Парамушир существуют три поселка. Удаленные военные базы и форпосты, протянувшиеся по всей территории Курил, многие из которых были первоначально построены японской армией во время второй ми-

ровой войны, были заняты советскими/российскими армейскими гарнизонами вплоть до конца 1990-х гг. Окончание холодной войны и развал экономики Российской Федерации⁵ привели к тому, что большая часть этих форпостов была заброшена. Сегодня лишь три или четыре человека постоянно живут на пространстве между островами Уруп и Онекотан (личные наблюдения 2006–2008 гг.).

Подводя итог, можно сказать — археологические свидетельства показывают, что Курилы были более или менее непрерывно и относительно плотно заселены, начиная приблизительно с 3000 лет назад и примерно до 800 лет назад. Позже эти территории использовались, по-видимому, значительно менее многочисленными группами населения. Существует вероятность, что в течение последних 800 лет, как и сегодня, население концентрировалось на северной и южной оконечностях островной гряды. Таким образом, центральные острова снова представляют собой своего рода пробел в заселении человеком, как, вероятно, это было и в период до 1900 г. до н. э.

Основные негативные факторы, прошлые воздействия и реакция на них человека

С геологической точки зрения Курилы являются продуктом тектонического столкновения океанических и континентальных плит в Курило-Камчатской зоне субдукции.⁶ Этот продолжающийся процесс служит причиной относительно час-

⁵ В настоящее время делается все возможное для подъема экономики Дальнего Востока и, в частности, острова Сахалин и островов Курильской гряды. — Прим. редактора.

⁶ Субдукция — процесс в тектонике литосферных плит, при котором более плотные породы океанического дна при столкновении плит подвигаются под более легкие породы континентальной коры. В этом процессе высвобождается огромное количество энергии в виде землетрясений, часть погруженных пород плавится в виде магмы и вырывается через жерла вулканов. — Прим. редактора.

тых извержений вулканов, землетрясений и цунами, осложняющих жизнь для населения островов. Кроме того, большую часть года острова окутаны туманом, подвержены влиянию сильных штормов, и в разной степени скованы льдами в течение зимних месяцев. Изменения климата влияют на частоту штормов и продуктивность морских экосистем. Вкупе с относительной изоляцией, эти условия делают Курилы опасными для проживания человека, особенно при низкой численности населения и трудности поддержания социальных контактов между изолированными поселениями [Fitzhugh, Phillips and Gjesfeld, 2011]. Все эти факторы делают Курилы (особенно удаленные и небольшие центральные острова) на первый взгляд довольно рискованным выбором для проживания человека, особенно для охотников-собирателей, жизнеобеспечение которых зависело от относительно непродуктивных экосистем.

Фактор 1: Извержения вулканов

На сегодняшний день известно тридцать два активных вулкана, извергавшихся хотя бы один раз за последние 300 лет, двадцать из них — в период после второй мировой войны. В то время, как большая часть извержений были не сильными, и затрагивали лишь ограниченную часть острова, некоторые все-таки порождали обширные оползни и пирокластические потоки (взвесь из раскаленных камней, грязи и прочего шлама), менявших окружающий ландшафт и экологию. Отложения вулканического пепла оказывали менее разрушительное воздействие, но при этом они могли сопровождаться выбросом горячих и ядовитых газов, оказывавших влияние на живые организмы вблизи от извергающегося вулкана.

Пепел может в таких случаях распространяться на большие расстояния, иногда оставляя видимые слои в почве на расстоянии десятков километров от места извержения. Некоторые отложения пепла прослеживаются на расстояниях более

чем в 1 000 км по всей Курильской гряде в результате благоприятного направления ветра и достаточного объема выброшенного пепла. Пепел может смешиваться с токсичными газами, и сами осаждаемые частицы также могут быть опасны для вдыхания в больших количествах. При достаточной толщине слоя отложения вулканического пепла препятствуют развитию растений и возвращению растительного покрова до тех пор, пока сам пепел не выветрится с образованием пригодной для жизни растений почвы [Griggs, 1918].

Одно из наиболее впечатляющих извержений ($VEI=4$) произошло в период с 11 по 21 июня 2009 г. на пике Сарычева, о. Матуа. Это извержение привлекло внимание международной общественности благодаря вызванному им нарушению воздушного сообщения между Северной Америкой и Восточной Азией. Извержение, задокументированное экипажем Международной космической станции (Рис. 2), привело к образованию обширных пирокластических потоков и частичному обрушению северо-западной оконечности острова, что привело к существенному изменению очертаний береговой линии. Поскольку шлейф пепла поднимался высоко в атмосферу, его влияние на земле было ограниченным. Ветер отнес часть облака сернистого пепла на восток на довольно большое расстояние над Тихим океаном, и частично на запад в регион Охотского моря, где он выпадал над некоторыми районами острова Сахалин, удаленными от места извержения более чем на 600 км. Интересно отметить, что южный склон вулкана Сарычева и прилегающее к нему побережье, включая место доисторического археологического памятника и заброшенной советской базы, практически не пострадали. Тонкий слой пепла и несколько мертвых полевков и лис, обнаруженных на этой, в остальном, незатронутой извержением южной части острова в августе 2009 г., служат косвенным подтверждением выброса

Рис. 2. Извержение вулкана Сарычева 12 июня 2009 г. Фото с МКС. Фото предоставлено Лабораторией космических исследований Земли и анализа изображений, Космического центра Джонсона НАСА (ISS020E9048; <http://eol.jsc.nasa.gov>)

смертельных токсичных газов, сопровождавших извержение. В то же время морские млекопитающие и птицы остались, или вернулись на остров менее чем через месяц после извержения (Надежда Разжегаева, из личного общения 2009).

Извержение 2009 г. было одним из двух наиболее мощных в серии из тринадцати извержений пика Сарычева в период с 1923 г. На протяжении большей части прошлого века на сегодня необитаемом острове Матуа находилась действующая военная база. В то время как задокументированные извержения вулкана Сарычева были направлены в сторону, противоположную поселку и, таким образом, не приводили к человеческим жертвам, геологические свидетельства с юго-восточной части острова указывают на иную модель извержений в прошлом. По меньшей мере, одиннадцать пирокластических потоков и толстые слои отложений тефры накрывали ландшафт с тех пор, как люди заселили остров 2500 лет назад [Fitzhugh et al., 2002;

Ishizuka, 2001]. В менее отдаленном прошлом вся территория низменного мыса, на котором селились люди, представляющего собой юго-восточную треть острова, была образована одним или несколькими массивными обрушениями конуса и последующими оползнями. Таким образом, история этого вулканического острова поддерживает вывод о том, что площадь, направление и степень воздействия любого конкретного извержения индивидуальны и непредсказуемы.

Вулканическая история Матуа находит свое зеркальное отражение на других островах по всей гряде. Прошлые потоки и оползни изменяли участки нескольких островов. Оползни часто формируют низменные основания, наиболее пригодные для последующего заселения людьми, что подтверждается археологическими памятниками, расположенными на участках бывших оползней на мелких островах Маканруши, Харимкотан и Экарма. Например, на Харимкотане есть два низменных образования — по одному с каж-

дой стороны — образованных оползнями за последние 2000 лет. Жизнь на склоне действующего вулкана всегда опасна, а большая часть центральных Курил — не что иное, как конусы вулканов с узкими береговыми террасами, пригодными для заселения людьми.

Отложения пепла не столь опасны, как потоки лавы и оползни, но они могут распространяться на гораздо большие площади и расстояния. Слои пепла встречаются повсеместно на территории Курил, образуя один из основных источников скопления отложений. Некоторые из наиболее широко распространенных типов тефры относятся к кальдеро-образующим извержениям на Камчатке и Хоккайдо. Два извержения с образованием кальдер произошли на Курилах в позднем голоцене: извержения с образованием кальдеры Медвежья на о. Итуруп около 400 г. до н. э. и извержение вулкана Ушишир около 200 г. до н. э.

Говоря о воздействии и последствиях прошлых извержений вулканов, начиная от среднего до позднего голоцена, на основании датированных и химически коррелированных образцов тефры, отобранных в ходе КВП, Мицухиро Накагава с соавторами [2009] отмечали, что частота и интенсивность извержений на Курилах существенно менялась на протяжении голоцена. По-видимому, в районе центральных Курил постоянно наблюдалась наибольшая частота извержений во все временные периоды (там находится большая часть всех вулканов гряды) по сравнению с севером и югом. Значительные (но относительно небольшие) извержения, оставившие ограниченное количество пепловых отложений обнаруживаются с относительно высокой частотой. Например, за последние 2000 лет Накагава с соавторами [2009, рис. 7] зафиксировали девять значительных извержений между островами Кунашир и Чирпои (южные Курилы), девятнадцать между островами Симушир и Расшуа (центральные Курилы), и более тридцати в районе от островов

Чиринкотана/Шиашкотана до о. Шумшу (северные Курилы). Небольшие извержения, оставившие ограниченное количество пепловых отложений встречаются с относительно высокой по времени частотой. Надо отметить, что количество отложений пропорционально возрасту, вероятно, в результате процессов формирования почвы, что ограничивает возможности идентификации более старых слоев. С другой стороны, крупные (плинианского типа и кальдеро-образующие) извержения демонстрируют выраженную неравномерность по времени: пять таких извержений произошли в раннем голоцене (9500–6500 лет до н. э.; около 8700–5400 лет до н. э.), перерыв в среднем голоцене (6500–4000 лет до н. э.; 5400–2500 лет до н. э.), и восемь извержений в позднем голоцене (от 4000 лет до н. э. / 2500 лет до н. э. — до настоящего времени). Четыре из крупных извержений в позднем голоцене произошли между 3000 и 2000 лет назад в период быстрого роста населения на Курилах. Плотность населения на Курилах, по-видимому, оставалась высокой на протяжении всего этого интервала высокой вулканической активности, ее резкое снижение произошло только приблизительно 800 лет назад, существенно позже прекращения периода наибольшей интенсивности вулканической активности. Таким образом, в целом, мы можем заключить, что извержения вулканов оказали минимальное негативное влияние на историю заселения человеком островов Курильской гряды. Эти события могли даже способствовать заселению, обеспечивая увеличение количества питательных веществ в близлежащих морских системах и стимулируя рост биологической продуктивности.

Трудно найти археологические свидетельства прямого воздействия вулканической активности. Многие отложения содержат линзы вулканического пепла, сохранившиеся внутри археологических слоев, указывая, что небольшие извержения, по-видимому, оказывали минималь-

Рис. 3. Композитный фото коллаж, на котором на внешних/нижних кадрах изображен гребень кальдеры вулкана Ушишир с островом Расшуа в отдалении. В центре представлен 20-сантиметровый 2000-летний слой пепла с в. Унашир, обнаруженный при раскопках на острове Расшуа между двумя археологическими слоями культуры эпи-дземон (Расшуа 1, шурф 2). Фото в. Ушишир — Владимира Голубцова; фото вставки — Бен Фитцхью

ное воздействие на население. В тех случаях, когда археологические отложения перекрываются относительно мощными вулканическими слоями, возникает искушение вообразить катастрофическое разрушение поселений и исход с территории или смерть жителей [см. Dumond, 2004; Dumond and Knecht, 2001]. С геоархеологической точки зрения такие выводы редко бывают обоснованными. В отсутствие иных значительных источников формирования отложений, кроме извержений вулканов и человеческой деятельности, завершение формирования отложений, связанных с пребыванием человека, могло произойти за десятилетия или столетия до формирования перекрывших их вулканических слоев.

Иллюстрацией такого развития события может служить памятник Расшуа 1 на южной оконечности острова Расшуа. Примерно 2400 лет назад этот памятник был густо заселен охотниками-собирающими эпи-дземон. Около 2200 лет назад

произошло извержение вулкана Ушишир в 25 км к югу, оставившее после себя погрузившуюся кальдеру, которая сегодня представляет собой остров Янкича. На Расшуа 1 обнаружен примерно 15 см пепловопемзовый слой, толщина которого в прошлом была, вероятно, вдвое больше (рис. 3). Легко представить себе сцену, подобную последнему дню Помпеи, с бегущими, и задыхающимися от газа и пепла людьми, но в действительности, мы даже не знаем, были ли там люди вообще на момент извержения. Культурные слои наблюдаются также и поверх этого мощного слоя тефры. Радиоуглеродные датировки из слоев над и под вулканическим слоем помещают возраст тефры в диапазон между 1990 ± 30 лднв (OS-67131) и 2430 ± 25 лднв (OS-67086). В настоящее время мы не можем сказать, когда именно в пределах этого интервала произошло выпадение тефры. Если в начале — это могло быть тем событием, которое заставило людей покинуть поселение. Полу-

чение дополнительных радиоуглеродных дат может помочь сузить это временной интервал. К сожалению, недостаток точности радиоуглеродного датирования будет по-прежнему влиять на степень определенности, с которой мы можем связать археологические и геологические события на основании данных такого рода. Лишь в редких случаях археологам сопутствует такая удача, как обнаружение прямых и недвусмысленных свидетельств воздействия вулканической активности в форме свидетельств катастрофической смертности [напр., Cooley, 2003], или структурных разрушений из отложений пепла, сохранившихся в пепловых следах [Shimoyama, 2002].

Единственное, что мы можем заключить на основании имеющихся на сегодняшний день данных, это то, что мелкие, средние и крупные извержения, происходившие между 3000 и 1000 лет назад, либо оказали незначительное влияние на заселение Курил, либо вовсе не повлияли на этот процесс. Возможно, население покидало острова на какое-то время после крупных извержений и выпадения пепла, но заселение быстро возобновлялось в пределах самое большее нескольких сотен лет. Местным экосистемам также, вероятно, наносился ущерб в результате более крупных извержений, в зависимости от характера изменения ландшафта и погребения наземной растительности, но общий экологический эффект за пределами отдельных островов, или даже на разных частях извергавшегося вулкана оставался минимальным. В целом, чаще всего отложения вулканического пепла, вероятно, повышали продуктивность растений на земле и продуктивность фитопланктона в воде [Griggs, 1918]. Нет никаких свидетельств того, что люди практиковали какие-то особые стратегии расселения с целью минимизации риска последствий извержений. Хотя мы и можем допустить, что извержения время от времени разрушали поселения и приводили к гибели людей, эти факторы были

недостаточны, чтобы препятствовать заселению или повлиять на модели выбора места для поселений. Морские охотники-собиратели мирились с угрозой извержения вулканов на всем протяжении истории заселения.

Фактор 2: Землетрясения и цунами

Землетрясения наиболее опасны для людей, живущих в больших, хрупких и высоких зданиях, зависящих от стационарной инфраструктуры [Sheets, 2012]. До середины двадцатого века население Курильских островов проживало в домах полу-земляночного типа, или, в самое последнее время, в наземных одноэтажных бревенчатых строениях, и наибольшей прямой угрозой от землетрясений были бы локализованные оползни в тех местах, где профиль ландшафта вынуждал людей селиться на крутых склонах. Что более важно, крупные землетрясения в зоне субдукции часто порождают сильные цунами, затрагивающие жителей прибрежной зоны и экосистемы, от которых они зависят. В ноябре 2006 г., через четыре месяца после завершения первой полевой экспедиции КБП, в результате сильного землетрясения неподалеку от центральных Курил волны цунами обрушились на побережье по всему региону, достигая высоты на 20 м выше обычного уровня прилива [MacInnes et al., 2009b]. Эти волны затопили один из наших (к счастью, покинутых) летних полевых лагерей 2006 г. Землетрясение и цунами несколько меньшей силы наблюдались в январе 2007 г. в том же регионе. Сочетание этих двух явлений повредило большую часть береговой линии, сдвинуло крупные валуны и бетонные бункеры, оставшиеся после второй мировой войны, и разрушило мелководную сублиторальную и литоральную экосистемы.

Исследования КБП показывают, что цунами такой силы происходили на всем протяжении от среднего до позднего голоцена. Свидетельством таких прошлых событий являются отложения песка, пе-

реслоенные между торфом и тефрой на высоте выше уровня штормового нагона. Моделирование и геологические свидетельства позволяют предположить, что побережье Тихого океана, обращенное к Курило-Камчатскому желобу, было наиболее подвержено такому воздействию по сравнению с Охотскими (западными) берегами. Возможно, именно в результате этого мы обнаружили большую часть археологических памятников на охотской стороне островов, хотя это в какой-то степени может также отражать неравномерность отбора образцов, учитывая более благоприятные условия для выхода на берег и проведения исследований на более спокойной стороне островов со стороны Охотского моря. Что более важно, большая часть археологических памятников была расположена на возвышенностях между 20 и 40 м (а в одном крайнем случае 100 м) над уровнем моря, на вершине террас с крутыми обрывистыми берегами. В то время как археологические памятники, расположенные ближе к берегу на побережье или низких платформах вблизи от мест, удобных для выхода на берег, могли быть частично утрачены в результате эрозии, представляется вероятным, что высокое расположение существующих археологических памятников на всей территории Курил отражает стратегию по уменьшению угрозы цунами.

Для населения, чье жизнеобеспечение было связано с морем, цунами представляли угрозу также для лодок на мелководье, или людей, оказавшихся на берегу во время удара цунами. Как и в случае с извержениями вулканов, люди, несомненно, погибали от цунами и, если только их деревянные долбленые лодки не выносило на вершину террас, они иногда теряли и свои лодки. Экологический ущерб в результате цунами остается неизученным, но цунами, вероятно, оказывали существенное, если и не долговременное влияние на экологическую продуктивность литоральной зоны. С другой стороны, нарушение среды в результате цунами

со стороны тихоокеанского побережья в сочетании с более защищенными «буферными» зонами на стороне Охотского моря, придает дополнительную устойчивость системе в масштабе островов и более крупных регионов. До тех пор, пока население не становилось слишком большим, эти нерегулярные воздействия, скорее всего, требовали лишь незначительных перемещений, но не ухода с островов.

Хотя наши исследования и не предоставили каких-либо доказательств прямого воздействия цунами на поселения людей, постоянство присутствия довольно значительного населения на всей территории центральных островов в период позднего голоцена, несмотря на свидетельства нескольких крупных цунами с частотой один раз в каждые 500–1 000 лет, указывает на то, что цунами сами по себе не приводили к существенным изменениям в истории или культуре населения островов. Единственным свидетельством адаптации по нашим данным было размещение поселений на высоких террасах и в более защищенных местах.

Фактор 3: Погода и изменения климата

Несколько менее катастрофичны, но потенциально не менее опасны непредсказуемые изменения погоды и климата, которые могут повлиять на возможность навигации между островами, и потенциально изменить продуктивность морской среды. Термин «погода» используется здесь для обозначения годовых конфигураций атмосферных явлений, особенно в их взаимодействии с поверхностью моря и морскими течениями, вызывающими меняющиеся условия возникновения туманов, прибоя и волн, являющихся по своей природе опасными в этом океанском ландшафте. Статистически Курилы представляют собой самое туманное место на земле, там редко можно увидеть горизонт, а часто, на самом деле, видимость ограничивается собственной лодкой. Современные мореплаватели, включая уче-

ных КБП, при плавании в районе Курил полагаются практически исключительно на GPS и навигационные карты. Раньше морякам приходилось изучать ландшафт скорее по ощущениям, читать подсказки в волнах и течениях, поведении птиц и морских организмов для перемещения между островами. Туманы наиболее распространены в летние месяцы, когда шторма не так сильны и менее часты.

Сильные шторма проходят через Курилы на протяжении всего года, но пик их интенсивности приходится на период между сентябрем и маем. Зимние шторма отличаются большей силой и приносят с собой опасный морской лед и другие наносы в Охотское море и на южную (а иногда и северную) часть Курил. Швартовка в шторм особенно рискованна, и может быть чрезвычайно трудной на многих из мелких островов, практически не защищенных от ветра и волн. Штормовые волны и ветер могут выбрасывать бревна и лед высоко на берег и даже на низкие береговые террасы, создавая угрозу для вытасненных на берег лодок и любых жителей, поселившихся слишком близко к уровню моря. Понимание того, как взаимодействуют погода и течения при создании опасных условий, должно было быть основным условием для любых прошлых колонистов при заселении центральных Курил.

Изменения в конфигурации, частоте и интенсивности погодных явлений за периоды в диапазонах от десятилетий до тысячелетий представляют собой изменения климата. Изменения в таких масштабах меняют динамику возмущенности, степень опасности мореплавания и производительность экосистем таким образом, что это должно отражаться на стратегиях адаптации человека и, возможно, вызывать изменения в природе поселений, поскольку они влияют на устойчивость пищевого обеспечения и поддержание социальных связей между островами, как показано ниже. В холодном климате северо-тихоокеанская система

низкого давления, как правило, усиливается, что ведет к образованию сильных северных ветров, увеличивающих скорость течения Оясио, приносящего богатые пищей холодные арктические воды на юг из Берингова моря на Курилы [Qiu, 2001].

Тот же механизм усиливает циркуляцию в обратном направлении в Охотском море, принося обогащенные железом воды из устья р. Амур к восточным берегам Хоккайдо и южным Курилам. В более теплые климатические периоды течение Оясио, включая Охотский водоворот, ослабевает, и более стратифицированные поверхностные слои ограничивают степень питательного обогащения для фото-синтеза и первичного воспроизводства [Там же]. Влияние северо-тихоокеанской системы низкого давления особенно сильно в зимние месяцы, когда в субарктические воды Курил и Охотского моря поступает меньше всего света. В результате, повышенное перемешивание в зимние месяцы снижает первичную продуктивность, ограничивая проникновение имеющегося света в толщу воды, несмотря на наличие питательных веществ. На юге, у восточного побережья Хоккайдо и южной оконечности Курильской гряды, где зимний свет сильнее, первичная продуктивность коррелирует с силой течения Оясио [Chiba et al., 2008]. Хотя эти механизмы еще требуют дальнейшего изучения [напр., Schneider and Miller, 2001], первичная продуктивность в целом должна усиливаться на южной оконечности Курил/Хоккайдо в холодные периоды, в то время как на центральных и, в первую очередь, северных Курилах, продуктивность фактически повышается в более теплые периоды, когда весеннее солнце возвращается в регион [Chiba et al., 2008; Heileman and Belkin, 2008]. Таким образом, в общем, мы можем ожидать, что холодный климат должен был привести к увеличению биомассы, доступной для морских охотников-собирателей на южных Курилах, в то время как потепление климата могло сделать эти острова менее

привлекательными. С другой стороны, теплый климат, уменьшая производительность на юге, мог вынудить людей переместиться дальше на север на относительно продуктивные центральные и северные острова.

Комбинация индикаторов изменения климата с Хоккайдо [Tsukada, 1988; Yamada et al., 2010], материковой части побережья Охотского моря [Korotky et al., 2000], и морских кернов со дна Охотского моря [Kawahata et al., 2003] позволяет нам заключить, что климатические изменения происходили с интервалом порядка каждых 600–1200 лет на протяжении последних 2500 лет. Данные между источниками не вполне коррелируют, но в целом указывают на перемены климата с теплого на холодный (около 400 лет до н. э.) на теплый (между 200 и 800 г. н. э.), и снова на холодный (1200 г. н. э.), сменяясь теплым примерно к 1800 г. н. э. Эти условия должны были проявиться в изменениях морской продуктивности Курил, но они не оставили последовательного отпечатка на истории заселения островов человеком.

В соответствии с ожидаемой продуктивностью, о которой говорилось выше, и, исходя из того, что наличие пищи было ограничивающим фактором для плотности населения после колонизации островов человеком, во время холодных климатических периодов мы могли бы ожидать, что южные Курилы были наиболее плотно заселены в течение периодов между 400 г. до н. э. и 200–800 г. н. э., а также между 1200 и 1800 г. н. э., в то время как на центральных и северных островах прирост населения наблюдался в теплые периоды. В действительности, первый крупный всплеск численности населения на всей территории архипелага произошел во время существенного похолодания между 400 г. до н. э. и 200 г. н. э., и продолжался вплоть до следующего потепления. С другой стороны, холодный период 1200–1800 г. н. э. соответствует тому, что представляется почти полным оставле-

нием людьми центральных Курил, как говорилось ранее, в противоположность ожиданиям. Независимо от того, полагаем ли мы, что миграции населения на центральные и северные Курилы были вызваны перенаселением южных островов (из-за высокой продуктивности в этом районе), либо относительными преимуществами несколько более благоприятных условий добычи пропитания на севере в течение теплых периодов, исторические модели расселения не соответствуют этим ожиданиям. Очевидно, что изменения климата были незначительной, хотя, вероятно, и имевшей место, причиной переменной в наблюдаемых изменениях [ср. Hudson, 1999].

Фактор 4: Социо-экономическая изоляция и интеграция

В контексте уже перечисленных угроз, относительная изолированность Курильских островов порождает еще один тип опасности для человеческих поселений, а именно социальной изоляции и сложности поддержания активных контактов для обмена важной информацией, брачных союзов, и поддержки в те времена, когда местные условия в любой части архипелага ухудшаются [Fitzhugh, Phillips and Gjesfeld, 2011]. Социальные контакты легче поддерживать при большей плотности населения и более близком расположении поселений. На центральных Курилах поддержание контактов между мелкими и удаленными друг от друга островами требовало более дорогостоящих экспедиций, которые были тем более важны, чем выше опасность изоляции. Эти контакты могли бы связать Курилы экономически и социально с более густо населенными регионами Хоккайдо и Камчатки. Они, таким образом, соединяли Курилы с более широкими социополитическими и экономическими «мир системами» этих более крупных регионов [Hudson, 2004]. Эти связи, в свою очередь, давали доступ к полезным материалам [таким как обсидиан: Phillips and

Speakman, 2009] и информации. Они также вовлекали население Курил в более широкие потоки экономических и политических отношений. Эти связи, при всем их значении для уменьшения негативных последствий географической изоляции, также приводили островитян к участию в более широких исторических процессах в регионе, и делали их потенциально уязвимыми к социо-экономическим и политическим изменениям за пределами Курил.

Наиболее интересная динамика в этом контексте наблюдалась на юге Курил, где Хоккайдо служил последним крупным анклавом традиции дземон охотников-собираателей-рыбаков, после того, как земледельцы рисоводы вытеснили ее с остальной части Японского архипелага. Несмотря на распространение земледельческого населения к югу от Хоккайдо около 500 г. до н. э., мы не располагаем достаточными доказательствами того, что население Курил было существенно вовлечено в отношения экономической взаимозависимости с отдаленными регионами. В этом отношении мы рассматриваем население Курил периодов дземон и эпи-дземон как в значительной степени самодостаточное, которое обращалось к соседям за помощью преимущественно в трудные времена. Ситуация изменилась между 700 и 1000 гг. н. э. с приходом охотского населения. Охотское население было связано отношениями экономического обмена с Маньчжурией, и можно даже допустить, что мотивом для пересечения Охотского моря и заселения Курил было желание добыть ценные меха для восточно-азиатских рынков [Hudson, 1999]. В то же время японские рынки стимулировали расширение северо-восточных границ, постепенно вовлекая северный Хонсю и, в конечном итоге, Хоккайдо в выгодные торговые отношения. Южная продукция, такая как железная и лаковая посуда, огнестрельное оружие продавались на север, а северные товары, такие как котиковый мех, орлиные перья

и лосось уходили на юг. Стали появляться политические посредники, контролирующие эту торговлю, которые, в конечном итоге, стали оказывать жесткое давление на коренных охотников, требуя увеличения производства товарной продукции. Такое развитие и в какой-то степени параллельные ему процессы на севере, в конце концов, привели к конкуренции между Россией и Японией за контроль над Курильскими островами и изгнанию Курильских айну с архипелага [Walker, 2001].

Наличие социальных связей с Хоккайдо и Камчаткой, по-видимому, имело различные последствия для населения Курил в разные периоды времени. В целом, по-видимому, Камчатка была поставщиком обсидиана для островитян центральных и северных Курил [Phillips and Speakman, 2009], несмотря на более тесные культурные связи с югом. На настоящий момент у нас нет доказательств отрицательного влияния в результате таких северных связей, и можно даже предположить, что связи с севером могли оказаться благотворными для айну в интервале между 1200 и 1800 гг. н. э., когда на южных Курилах ощущалось растущее давление в отношении товарного производства. Малочисленность поселений айну на центральных Курилах могла отражать перемещение айну на север в их стремлении избежать политического и экономического давления безжалостных торговцев с юга. На южных Курилах и Хоккайдо давление на айну с целью увеличения товарного производства в конечном итоге привело к нескольким бунтам, наиболее известный из них случился на о. Кунашир в 1789 г. и был подавлен японскими военными, ознаменовав поворотный момент в истории прямой заинтересованности Японии в Курильских островах [Walker, 2001].

Создается впечатление, что существенное влияние на успешные поселения охотников-собираателей на Курилах объяснялось в равной степени как социаль-

ными, так и экологическими факторами. В период распространения охотской культуры Курилы были хотя бы слабо, но связаны с расширяющейся торговой системой обмена морепродуктов с восточно-азиатскими материковыми политиями. Более теплый и влажный климат мог способствовать распространению населения и эксплуатации продуктивной ниши для охоты на морских млекопитающих. Охотское население могло колонизировать Курилы больше в качестве предпринимателей, использующих территорию, богатую природными ресурсами, чем в процессе «естественного» расселения, связанного с миграциями в поисках новых возможностей жизнеобеспечения. Пока неясно, вытеснили ли они население эпидземон, или ассимилировали его.

Более холодный климат, возможно в сочетании с меньшей продуктивностью на более удаленных и отличающихся меньшим экологическим разнообразием центральных островах, вкупе с развитием политической экономии на юге, вовлекающей население Курил в орбиту расширяющихся экономических связей с политическими центрами на Хоккайдо и в центральной Японии, по-видимому, способствовали ускорению процесса ухода населения с большей части Курил. В этом контексте мы можем ожидать, что айну центральных и северных Курил воспользовались географическими характеристиками Курил, с целью самоизоляции от нежелательных контактов на юге. Вслед за приходом русских на северные острова, процесс пошел в обратном направлении, когда группа северных айну вернулась на центральный остров Расшуа, чтобы уйти от русских налогов (V. O. Shubin, из личного общения 2008).

Адаптация и уязвимость

Эти сравнения навели нас на более общие размышления о человеческой уязвимости и адаптации в небольших мобильных обществах охотников-собирателей по сравнению с более крупными и плотно

заселенными группами населения, привязанными к определенной территории и инфраструктуре. На примере Курил можно сделать несколько выводов.

Во-первых, становится понятно, что природные факторы Курил оказывали относительно небольшое влияние на жизнеспособность населения, которое изначально сумело заселить острова и обеспечить там свою жизнь. Это не противоречит аргументу Шитса [1999] о том, что небольшие сообщества обладают способностью довольно хорошо адаптироваться в условиях экологических «катастроф». Хотя такой вывод и соответствует общим представлениям о мобильных популяциях, живущих в условиях низкой плотности населения, для такой среды как Курилы это выглядит довольно удивительным, поскольку, казалось бы, эти условия должны были поставить охотников-собирателей на грань выживания. Имеющиеся на сегодняшний день свидетельства не поддерживают представление о Курилах, как о такой крайне неблагоприятной среде, хотя мы пока не можем объяснить, почему население эпидземон и охотской культуры покинуло острова 1300 и 800 лет назад соответственно, если они действительно это сделали. Возможно, природная катастрофа сыграла какую-то роль в качестве катализатора в ослаблении привязанности населения к островам и открыла их для новой колонизации.

Второй, и возможно, более интересный вывод состоит в том, что пример Курил подчеркивает значение социо-экологической динамики в истории заселения территории человеком. Мы начинаем видеть историю Курил, как и в других частях света, как глубокое отражение сложной взаимосвязи социальных, политических и экономических факторов, взаимодействующих с экологическими и географическими факторами. Охотники-рыболовы-собиратели на Курилах не были «сложно-организованным обществом охотников-собирателей» в том смысле, в каком этот термин упо-

требуется по отношению к этнографическим народностям северо-американского тихоокеанского северо-запада [Ames and Maschner, 1999], островов Чэннел-Айлендс у побережья Калифорнии [Arnold, 1996], Калузы у берегов Флориды [Marquardt, 1988], или культуре среднего дзедмона северной части Хонсю [Habu, 2004]. Они жили более мелкими группами, обеспечивали свои жизненные потребности и производили товары для торговли в географически труднодоступном регионе океана с ограниченными экологическими ресурсами, при этом они поддерживали социальные и экономические контакты на всем протяжении гряды островов и за ее пределами, и научились использовать географию островов стратегически и политически в своих собственных интересах. Они переживали последствия локальных природных катастроф, но их образ жизни и постоянство их присутствия на Курилах указывают на высокую степень адаптации к таким факторам. С точки зрения заселения, таким образом, уязвимость в модели колонизации Курил (хотя при этом не обязательно населения), по-видимому, лежит больше во взаимозависимости с внешним миром и, в конечном итоге, вероятности того, что расширяющиеся политические державы, заинтересуются возможностью контроля над меховым промыслом посредством территориальных приобретений.

Заключение

Уязвимость и адаптация задают рамки для рассмотрения того, как небольшие группы населения охотников-собирателей могут быть подвержены влиянию неблагоприятных природных факторов. В этой статье я показал, что население Курильских островов в северо-восточной Азии было удивительно приспособленным к воздействию природных явлений, таких как извержения вулканов, землетрясения, цунами и изменения климата, но оказалось в конечном итоге менее устойчивым к внешнему давлению со сто-

роны конкурирующих групп и расширению спроса на добываемые на Курилах товары. В результате более богатая и более достоверная картина социо-экологической динамики еще только начинает складываться из анализа данных, полученных в ходе нескольких лет междисциплинарных исследований Курильского биокомплексного проекта.

Ценность этой проявляющейся картины для современного управления факторами риска состоит не в том, что мелкие и мобильные группы более адаптированы к воздействию природных катастроф, хотя это, безусловно, также один из выводов проекта. Общества двадцать первого века не могут позволить себе роскошь вернуться к состоянию такой адаптации. Значение, скорее, состоит в том, что уязвимость, по сути, представляет собой социо-экологическое условие. По иронии судьбы практически полное оставление Курильских островов и полное исчезновение населения Курильских айну в последние столетия стали результатом все большей взаимозависимости и глобального масштаба социо-политического и экономического взаимодействия. Курилы активно оспариваются в международных спорах между Россией и Японией, но на самом деле они находятся на задворках цивилизованного мира, лишены своей прошлой культурной, экономической и геополитической жизни в результате изменений в текущей глобальной политике. Геологически и экологически не менее активные, чем когда-либо эти острова остаются по большей части покинутыми, и ждут следующего цикла человеческой заинтересованности и освоения.

Выражение признательности

Исследование было проведено при поддержке Курильского биокомплексного проекта, международной междисциплинарной исследовательской программы, при финансовой поддержке Национального научного фонда США (ARC-0508109; Ben Fitzhugh, PI). Допол-

нительная помощь была предоставлена Вашингтонским университетом, г. Сиэтл, штат Вашингтон, США; музеем Университета Хоккайдо, г. Саппоро, Япония; историческим музеем Хоккайдо, г. Саппоро, Япония; Сахалинским краеведческим музеем, г. Южно-Сахалинск, Россия; и Дальневосточным отделением Российской академии наук (ИМГиГ: Южно-Сахалинск, ИВиС: Петропавловск-Камчатский, НЕИСРИ: Магадан, ТИГ: Владивосток). Автор выражает признательность за глубокие комментарии и редакторскую правку текста настоящей статьи Пат Андерсон, Ладе Биланюк, Сесилии Биц, Эндрию Дагмору, Эрику Гесфельду, Бре МакИннз, и Голби Филлипс. Конечно, все возможные ошибки остаются на моей совести.

Понимание негативных факторов, смягчение воздействий, предупреждение катастроф

Заявление для политиков и профессионалов, специализирующихся на управлении рисками

Опасности существуют везде, и во многих случаях их невозможно избежать. Вопрос состоит в том, как уроки прошлого могут помочь нам понять, что работает, а что нет? Стратегия, работавшая на Курилах, была основана на глубоком историческом знании о частоте и потенциальных масштабах катастрофических явлений, что помогало людям селиться в наименее уязвимых местах, сохранять способность гибко реагировать на последствия природных катастроф, когда они наступали, и сохранять жизнестойкую и обладающую достаточными резервами инфраструктуру. Экстраполируя археологическую ситуацию на Курилах на современные общества с их высокой плотностью населения, серьезными инфраструктурными требованиями и критической зависимостью от сетей распределения не местных ресурсов, мы можем заключить, что планирование противостояния угрозам должно включать в себя

наращивание потенциала децентрализации систем реагирования. Семьи, домохозяйства, и местные общины должны иметь возможность реагировать креативно, при поддержке децентрализации принятия решений вышестоящими государственными институтами, с тем, чтобы принимаемые меры соотносились с возможностями. Это также требует системы быстрого и децентрализованного обмена информацией.

Литература

Amano T. Ohotsuku bunka no tenkai to chi'ikisa [Development and Formation of Okhotsk Culture] // Hoppo Bunka Kenkyu. — 1979. — 12. — P. 75–92 (Japanese).

Ames K. and Maschner H. D. G. Peoples of the Northwest Coast: Their Archaeology and Prehistory. — London: Thames and Hudson, 1999.

Anderson P. M., Lozhkin A. V., Minyuk P. S., Pakhomov A. Yu. and Solomatkina T. V. Pollen Records and Sediment Ages from Lakes of Kunashir and Iturup Islands (Southern Kuril Islands) // Environment Development of East Asian Pleistocene–Holocene (Boundaries, Factors, Stages of Human Mastering). Proceedings of the International Scientific Conference, September 14–18, 2009, Vladivostok, Russia. — Vladivostok: Dalnauka, 2009. — P. 13–16.

Arnold J. E. Archaeology of Complex Hunter-Gatherers // Journal of Archaeological Method and Theory. — 1996. — 3 (2). — P. 77–126.

Blaikie P., Cannon T., Davis I. and Wisner B. At Risk: Natural Hazards, People's Vulnerability, and Disasters. — New York: Routledge, 1994.

Chiba S., Aita M. N., Tadokoro K., Saino T., Sugisaki H. and Nakata K. From Climate Regime Shift to Lower-Trophic Level Phenology: Synthesis of Recent Progress in Retrospective Studies of the Western North Pacific // Progress in Oceanography. — 2008. — 77. — P. 112–126.

Cooley A. Pompeii. — London: Duckworth, 2003.

Crawford G. W. The Transitions to Agriculture in Japan // *Transitions to Agriculture in Prehistory*. Ed. A. B. Gebauer and T. D. Price. — Madison, WI: Prehistory Press, 1992. — P. 117–132.

Crawford G. W. The Jomon in Early Agriculture Discourse: Issues Arising from Matsui, Kanehara and Pearson // *World Archaeology*. — 2008. — 40 (4) — P. 445–465.

Crawford G. W. and Takamiya H. The Origins and Implications of Late Prehistoric Plant Husbandry in Northern Japan // *Journal of Archaeological Science*. — 1990. — 64. — P. 889–911.

Dumond D. E. Volcanism and History on the Northern Alaska Peninsula // *Arctic Anthropology*. — 2004. — 41 (2). — P. 112–125.

Dumond D. E. and Knecht R. An Early Blade Site in the Eastern Aleutians // *Archaeology in the Aleut Zone of Alaska*. Ed. D. E. Dumond. Department of Anthropology and Museum of Natural History, University of Oregon, Eugene. — 2001. — P. 9–34.

Fitzhugh B., Moore S., Lockwood C. and Boone C. Archaeological Paleobiogeography in the Russian Far East: The Kuril Islands and Sakhalin in Comparative Perspective // *Asian Perspectives*. — 2004. — 43 (1). — P. 92–121.

Fitzhugh B., Phillips S. C. and Gjesfeld E. Modeling Hunter-Gatherer Information Networks: An Archaeological Case Study from the Kuril Islands // *Information and Its Role in Hunter-Gatherer Bands*. Ed. R. Whallon, W. A. Lovis and R. K. Hitchcock. — Los Angeles: Cotson Institute of Archaeology Press, 2011. — P. 85–115.

Fitzhugh B., Shubin V., Tezuka K., Ishizuka Y. and Mandryk C. A. S. Archaeology in the Kuril Islands: Advances in the Study of Human Paleobiogeography and Northwest Pacific Prehistory // *Arctic Anthropology*. — 2002. — 39 (1–2). — P. 69–94.

Griggs R. F. The Recovery of Vegetation at Kodiak. Part 1 in the series “Scientific Results of the Katmai Expeditions of the National Geographic Society” // *Ohio Journal of Science*. — 1918. — 19 (1). — P. 1–57.

Habu J. Ancient Jomon of Japan. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Hacker W. R. The Kuril and Ryukyu Islands // *Geography of the Pacific*. Ed. Otis W. Freeman, John Wiley and Sons. — New York, 1951. — P. 495–521.

Heileman S. and Belkin I. Oyashio Current LME // *The UNEP Large Marine Ecosystem Report: A Perspective on Changing Conditions in LMEs of the World’s Regional Seas*. Ed. K. Sherman and G. Hempel. UNEP Regional Seas Report and Studies 182. United Nations Environment Programme, Nairobi, Kenya, 2008. — Chapter 24.

Hudson M. J. Ruins of Identity: Ethnogenesis in the Japanese Islands. — Honolulu: University of Hawaii Press, 1999.

Hudson M. J. The Perverse Realities of Change: World System Incorporation and the Okhotsk Culture of Hokkaido // *Journal of Anthropological Archaeology*. — 2004. — 23. — P. 290–308.

Imamura K. Prehistoric Japan: New Perspectives on Insular East Asia. — London: University College London Press, 1996.

Ishizuka Y. Volcanic Activity and Recent Tephra in the Kuril Islands: Field Result during the International Kuril Island Project (IKIP) 2000. Report on file with the Ben Fitzhugh Project (PI). — Seattle: University of Washington, 2001. Available at <http://www.anthro.washington.edu/Archy/IKIP/Geology/volcanismindex.htm>.

Kawahata H., Oshima H., Shimada C. and Oba T. Terrestrial-Oceanic Environmental Change in the Southern Okhotsk Sea during the Holocene // *Quaternary International*. — 2003. — 108. — P. 67–76.

Korotky A., Razjigaeva N., Grebennikova T., Ganzey L., Mokhova L., Bazarova V., Sulerzhitsky L. and Lutaenko K. Middle- and Late-Holocene Environments and Vegetation History of Kunashir Island, Kurile Islands, Northwestern Pacific // *The Holocene*. — 2000. — 10. — P. 311–331.

Krashennnikov S. P. Explorations of Kamchatka, 1735–1741. Translation of the original 1955 Russian publication by E. A. P. Crown-

hart-Vaughan. — Portland: Oregon Historical Society, 1972.

MacInnes B. T., Bourgeois J., Pinegina T. K. and Kravchunovskaya E. A. Tsunami Geomorphology: Erosion and Deposition from the 15 November 2006 Kuril Island Tsunami // *Geology*. — 2009a. — 37 (11). — P. 995–998.

MacInnes B. T., Pinegina T. K., Bourgeois J., Razhigaeva N. G., Kaistrenko V. M. and Kravchunovskaya E. A. Field Survey and Geological Effects of the 15 November 2006 Kuril Tsunami in the Middle Kuril Islands // *Pure and Applied Geophysics*. — 2009b. — 166 (1–2). — P. 9–36.

Marquardt W. H. Politics and Production among the Calusa of South Florida // *Hunters and Gatherers 1: History, Evolution, and Social Change*. Ed. T. Ingold, D. Riches and J. Woodburn. — Berg, London, 1988. — P. 161–188.

Nakagawa M., Ishizuka Y., Hasegawa T., Baba A. and Kosugi A. Preliminary Report on Volcanological Research of KBP 2007–08 Cruise by Japanese Volcanology Group. Unpublished report on file with the author, 2009.

Oliver-Smith A. Anthropological Research on Hazards and Disasters // *Annual Reviews of Anthropology*. — 1996. — 25. — P. 303–328.

Oliver-Smith A. and Hoffman S., eds. Catastrophe and Culture: The Anthropology of Disaster. School of American Research Advanced Seminar Series. — Santa Fe, NM: School of American Research Press, 2002.

Ono H. Differences in Environmental Adaptation between Northern and Eastern Okhotsk Cultures and Their Cultural Backgrounds. Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. Том 1: Археология, Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырье приемы обработки. — СПб.: Наука, 2008. — С. 186–196 (English with Russian abstract).

Oppenheimer S. and Richards M. Fast Trains, Slow Boats, and the Ancestry of the Polynesian Islanders // *Science Progress*. — 2001. — 84 (3). — P. 157–181.

Phillips S. C. and Speakman R. J. Initial Source Evaluation of Archaeological Obsidian from the Kuril Islands of the Russian Far East Using Portable XRF // *Journal of Archaeological Science*. — 2009. — 36 (6). — P. 1256–1263.

Pietsch T. W., Bogatov V. V., Amaoka K., Zhuravlev Y. N., Barkalov V. Y., Gage S., Takahashi H., Lelej A. S., Storozhenko S. Y., Minakawa N., Bennet D. J. and Anderson T. R. Biodiversity and Biogeography of the Islands of the Kuril Archipelago // *Journal of Biogeography*. — 2003. — 30 (9). — P. 1297–1310.

Qiu B. Kuroshio and Oyashio Currents. In *Encyclopedia of Ocean Sciences*, ed. J. Steele, S. Thorpe and K. Turekian. — New York: Academic Press, 2001. — P. 1413–1425.

Saltonstall P. G. and Carver G. A. Earthquakes, Subsidence, Prehistoric Site Attrition and the Archaeological Record: A View from the Settlement Point Site, Kodiak Archipelago, Alaska // *Natural Disasters and Cultural Change*. Eds. R. Torrence and J. Grattan. — London: Routledge, 2002. — P. 172–192.

Samarin I. A. and Shubina O. A. Fortified Settlements of the Chasi Type on Kunashir Island: Kurile Isles of the Russian Far East // *North Pacific Prehistory*. — 2007. — 1. — P. 235–236.

Schneider N. and Miller A. J. Predicting Western North Pacific Ocean Climate // *Journal of Climate*. — 2001. — 14. — P. 3997–4002.

Sheets P. The Effects of Explosive Volcanism on Ancient Egalitarian, Ranked, and Stratified Societies in Middle America // *The Angry Earth: Disaster in Anthropological Perspective*. Ed. A. Oliver-Smith and S. Hoffman. — New York: Routledge, 1999. — P. 36–58.

Shimoyama S. Volcanic Disasters and Archaeological Sites in Southern Kyushu, Japan // *Natural Disasters and Cultural Change*. Ed. R. Torrence and J. Grattan. — New York: Routledge, 2002. — P. 326–341.

Sidle R. C., Taylor D., Lu X. X., Adger W. N., Lowe D. J., de Lange W. P., Newnham R. M. and Dodson J. R. Interactions of Natural Hazards

and Society in Austral-Asia: Evidence in Past and Recent Records // *Quaternary International*. — 2004. — 118–119. — P. 181–203.

Torrence R. and Grattan J. The Archaeology of Disasters: Past and Future Trends // *Natural Disasters and Cultural Change*. Ed. R. Torrence and J. Grattan. — New York: Routledge, 2002. — P. 1–18.

Tsukada M. Japan // *Vegetation History*. Ed. B. Huntley and T. Webb III. — Boston: Dordrecht, 1988. — P. 459–517.

Vasilevsky A. and Shubina O. Neolithic of the Sakhalin and Southern Kurile Islands // *Archaeology of the Russian Far East: Essays in Stone Age Prehistory*. Ed. S. M. Nelson, A. Derevianko, Y. Kuzmin and R. Bland. BAR International Series 1540. — England, Oxford: Archaeopress, 2006. — P. 151–166.

Walker B. The Conquest of Ainu Lands: Ecology and Culture in Japanese Expansion,

1590–1800. — Berkeley: University of California Press, 2001.

Yamada K., Kamite M., Saito-Kato M., Okuno M., Shinozuka Y. and Yasuda Y. Late Holocene Monsoonal-Climate Change Inferred from Lakes Ni-no-Megata and San-no-Megata, Northeastern Japan // *Quaternary International*. — 2010. — 220 (1–2). — P. 122–132.

Yanshina O. V. and Kuzmin Y. V. The Earliest Evidence of Human Settlement in the Kurile Islands (Russian Far East): The Yankito Site Cluster, Iturup Island // *Journal of Island and Coastal Archaeology*. — 2010. — 5 (1). — P. 179–184.

Zaitseva D. I., Popov S. G., Krylov A. P., Knorozov Y. V. and Spevakovskiy A. B. Radiocarbon Chronology of Archaeological Sites of the Kurile Islands // *Radiocarbon*. — 1993. — 35. — P. 507–510.

О. П. Бачура

Институт экологии растений и животных УрО РАН,
ул. 8 Марта, 202, 620144, г. Екатеринбург
E-mail: olga@irae.uran.ru

П. А. Косинцев

Институт экологии растений и животных УрО РАН,
ул. 8 Марта, 202, 620144, г. Екатеринбург
E-mail: kra@irae.uran.ru

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КОСТНЫХ ОСТАТКОВ СОБАКИ В РАСКОПАХ ПАМЯТНИКА УСТЬ-ПОЛУЙ*

В работе рассмотрено распределение костных остатков собаки по площади раскопов 2006–2013 годов памятника Усть-Полуй. Показано, что костные остатки собаки распределены на всей площади памятника. Отсутствует избирательность в захоронении отдельных частей тела собаки на определенных участках памятника. Все кости собак происходят от целых скелетов, которые закапывали (забрасывали) землей целиком, но возможно, без шкур в определенной части памятника, а именно на краю комплекса в северной его части. Данные захоронения могли носить ритуальный характер.

Ключевые слова: археозоологические исследования, собака, северные археологические памятники.

Введение

В настоящей работе рассматриваются материалы из памятника Усть-Полуй 2006–2013 гг. раскопок. Раскопки памятника проводились под руководством Н. В. Федоровой и А. В. Гусева [Гусев, Федорова, 2012]. За это время раскопок была собрана представительная археозоологическая коллекция, состоящая из более чем 52 тыс. костных остатков млекопитающих, птиц и рыб [Бачура, 2010; 2011а; 2011б; Косинцев, Бачура, Корона и др., 2012; Некрасов, Косинцев, 2011; Пантелеев, Косинцев, 2010]. Млекопитающим принадлежит 12 809 остатков. Кости собаки в материалах 2006–2013 годов раскопок занимают второе место по числу остатков после северного оленя и составляют от 10 до 36%. Это самая крупная остеологическая коллекция остатков собаки, аналогов которой нет ни в одном северном памятнике [Визгалов и др., 2013].

Ранее были опубликованы материалы из раскопок разных лет, где приводится общая характеристика видового

состава костных остатков млекопитающих [Бачура, 2010; 2011а] и сравнительный анализ характера раздробленности, соотношения элементов скелета северного оленя и собаки из раскопок разных лет [Бачура, 2011б].

Целью данной работы является описание характера распределения костных остатков собаки по площади вскрытого культурного слоя памятника Усть-Полуй.

В работе решались следующие задачи:

— оценивалась равномерность распределения отдельных частей скелета собаки по площади памятника;

— проводилось сопоставление соотношения анатомических частей тела в одном скелете собаки и в материалах памятника, а так же оценивалась устойчивость такого соотношения в разных квадратах;

— оценивалось равномерность распределения всех остатков собаки на разных участках памятника.

Настоящая работа позволит выявить наличие или отсутствие скоплений костей и/или частей скелетов собаки на определенных участках памятника. Такой анализ необходим для понимания роли собаки в жизнедеятельности населения Усть-Полуя.

* Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 12-4-7-035 Арктика

Материал и методы

В данном исследовании использованы материалы из раскопок 2006, 2009, 2010, 2011, 2012 и 2013 годов. К сожалению, нет возможности включить материалы 2007 и 2008 годов, т. к. эти коллекции были утрачены в результате пожара. Материалы 1993–1995 годов раскопок имеются в нашем распоряжении, но мы располагаем информацией о распределении этих материалов по площади, т. к. для настоящей работы мы использовали только данные о костях собаки с точной привязкой к квадрату. Распределение по слоям не учитывалось, так как памятник культурно однослойный [Гусев, Федорова, 2012].

Среди костных остатков собаки представлены все элементы скелета [Бачура, 2010; 2011а; 2011б]. Для оценки равномерности распределения разных частей скелета собаки по площади памятника было выделено несколько групп остатков: черепа, нижние челюсти, позвонки, ребра, лопатки, трубчатые кости (плечевые, лучевые, локтевые, бедренные, малые и большие берцовые кости), тазовые кости, метаподии, кости запястья и заплюсны, фаланги пальцев. Для каждой кости учитывалась сумма целых экземпляров и фрагментов. Отдельные зубы не включались в расчеты. Все они происходят из черепов или нижних челюстей и искусственно увеличивают количество остатков собаки. Не включались в расчеты так же кости грудины, т. к. незначительное их количество не влияет на общую картину распределения костей собаки.

Для каждого квадрата было подсчитано количество костей каждой группы. Затем эти данные наносились на план раскопок (рис. 1–3). Для оценки равномерности распределения остатков по площади памятника было рассмотрено распределение долей остатков по квадратам внутри каждой группы. Это позволит выявить наличие скопления отдельных частей скелета на определенных участках памятника.

На втором этапе работы для квадратов с большим количеством костей собаки (около или больше 100 костей) вычислялось соотношение остатков основных отделов скелета или иными словами анатомических частей тела: голова (череп+нижняя челюсть), тело (позвонки+ребра), верхние отделы конечностей (трубчатые кости, лопатка и тазовые кости) и нижние отделы конечностей (метаподии, кости запястья и заплюсны, фаланги пальцев). Полученные соотношения для разных квадратов сравнивались между собой для того, чтобы оценить устойчивость распределения различных частей скелета на разных участках памятника. Дополнительно проводилось сравнение с соотношением отделов в одном скелете собаки [Хромов и др., 1972].

Третьим этапом работы была оценка равномерности распределения в целом всех остатков собаки по площади памятника, для выявления массовых скоплений. Для этого для каждого квадрата вычислялась доля остатков собаки по отношению к остаткам северного оленя и костям, отнесенным к категории неопределимые, т. к. среди них 90% с большой долей вероятности принадлежит северному оленю. Количество костей остальных видов очень мало, поэтому ими можно пренебречь [Бачура, 2010; 2011а].

Результаты

Рисунки 1 и 3 описывают распределение и количество костей собаки по всей площади памятника 2006, 2009–2013 годов раскопок. Из рисунков видно, что кости собаки присутствуют практически на всех участках памятника, кроме участка квадратов К–М/16–19 (рис. 1–3). Эта часть памятника была повреждена при строительстве здания Гидропорта и находок костей там нет. Практически каждый квадрат содержит все части скелета собаки (рис. 1–3). Доля черепов в каждом квадрате от общего количества найденных черепов варьирует от 1 до 8% (табл. 1). Сходная картина получается и для нижних челюстей (табл. 1) и других

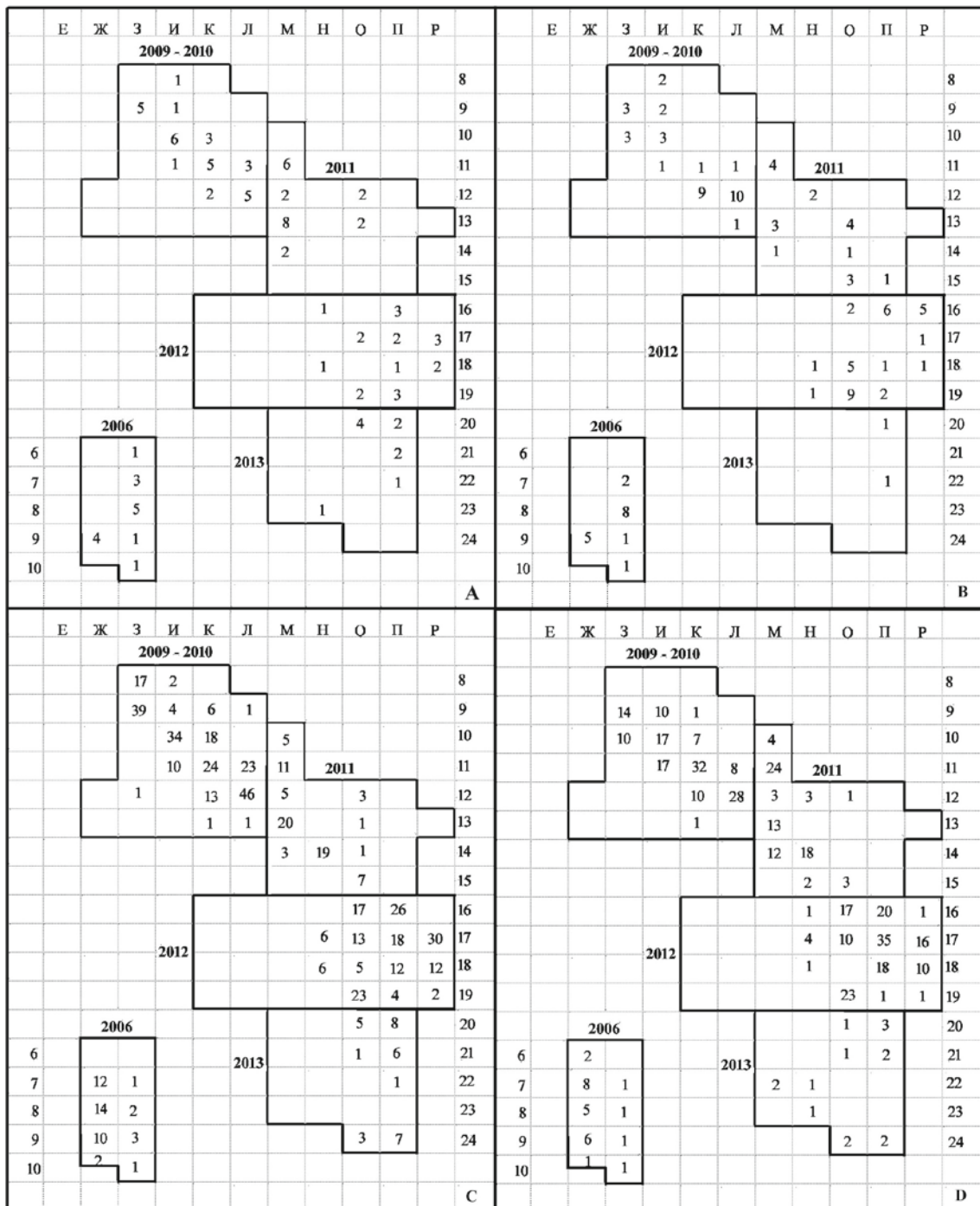

Рис. 1. Распределение черепов (А), нижних челюстей (В), позвонков (С) и ребер (D) собак по площади раскопов 2006, 2009–2013 гг. памятника Усть-Полуй

отделов скелета. Это говорит об отсутствии избирательности в накоплении отдельных частей скелета на определенных участках памятника.

Среди костей собаки представлены все элементы скелета [Бачура, 2010; 2011а]. Большая часть костей — целые. Фрагментирована значительная часть черепов. Небольшая часть трубчатых костей сломана на две части в средней части.

Все кости можно объединить в несколько основных отделов тела: голова, тело, верхний отдел конечностей и нижний отдел конечностей. Встает вопрос, различаются ли соотношения этих групп в каждом квадрате и соответствуют ли они таковому в одном скелете. Соотношение отделов тела в разных квадратах практически одинаковое (табл. 2). Минимальную долю составляют кости головы, основу

А											Б												
Е	Ж	З	И	К	Л	М	Н	О	П	Р	Е	Ж	З	И	К	Л	М	Н	О	П	Р		
2009 - 2010											2009 - 2010												
		2								8			21	1							8		
		11	2							9			35	9	1	6					9		
		1	3	3	1					10			10	28	10		4				10		
			1	4	5	1	2011			11				12	23	14	21	2011			11		
				6	5	3			2	12					20	32	2	2	13	4	12		
										13					2	1	32				13		
						4	3			14							13	16	2		14		
								2		15								7	12		15		
									4	16								1	11	36	2		
							1	2	3	2	17								5	14	24	29	
									2	3	18								2		15	15	
							1	4		19								1	19	11	5		
									1	20								1	6	18	20		
6			1						2	21	6		1						8	17	21		
7			2	2						22	7		10					5		8	22		
8			1							23	8		17	1				1	1		23		
9										24	9		14	6					2	3	24		
10			1							10	10		4	8							10		
С											D												
Е	Ж	З	И	К	Л	М	Н	О	П	Р	Е	Ж	З	И	К	Л	М	Н	О	П	Р		
2009 - 2010											2009 - 2010												
		3		1						8				4	2						8		
			8	2	1					9			2	13	5		2				9		
			2	6	2	3	2011			10				9	13		4	2011			10		
				4	7	1	1	1		11					4	21	3	2	2		11		
						3				12					4						12		
						2	6			13								9	1		13		
										14								8	9		14		
								2		15									5	2	15		
									2	5	16								1	7	15	16	
									1	3	2	17								2	3	6	11
									1	4	18								1	2	2	5	
									2	1	19									2	2	1	
									1	4	20									2	2	20	
6									1	21	6		1						2	2	21		
7			4							22	7		2	1							22		
8			3	4						23	8				10				2	1		23	
9			1	2						24	9		6	15						1	3	24	
10										10	10			3								10	

Рис. 2. Распределение лопаток (А), трубчатых костей (В), тазовых костей (С) и метаподий (D) собак по площади раскопов 2006, 2009–2013 гг. памятника Усть-Полуй

составляют кости тела и верхних отделов конечностей, доли которых практически равны (табл. 2). Такое соотношение в целом сходно с естественным соотношением отделов в одном скелете собаки, где минимальную долю составляют кости головы, а максимальную — кости тела (табл. 2). Более высокая доля головы и верхних отделов конечностей в археоло-

гических материалах обусловлена тем, что часть костей этих отделов были фрагментирована и полученные фрагменты искусственно повышают количество данных элементов. Судя по отсутствию следов человеческой деятельности, а также по характеру сломов, фрагментация трубчатых костей произошла уже в захороненном состоянии. В скелете собаки

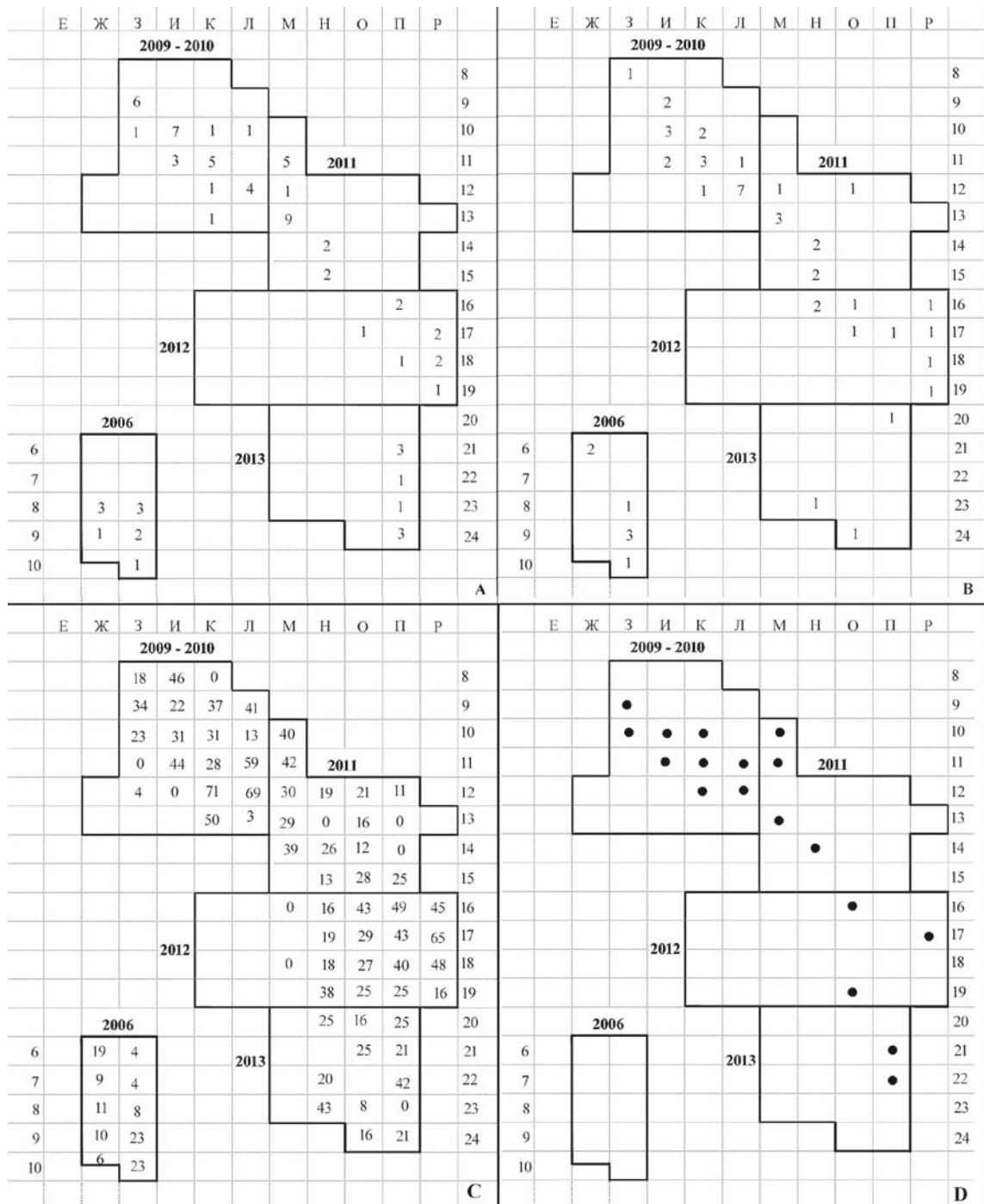

Рис. 3. Распределение костей запястья и заплюсны (А), фаланг пальцев (В), долей остатков собак к остаткам северного оленя (С) и находок частей скелетов собак (D) по площади раскопов 2006, 2009–2013 гг. памятника Усть-Полуй

в естественном состоянии очень большую долю составляют кости нижних отделов конечностей (кости запястья, предплюсны, метаподии и фаланги). В материалах памятника доля этих элементов невысокая. Среди фаланг пальцев 93% приходится на первые фаланги, вторые фаланги составляют остальные 7%, а когтевых фаланг (фаланга 3) не найдено ни одной. Учитыва-

вая тщательность сбора материалов, отсутствие третьих фаланг может говорить о том, что они не попадали в культурный слой. Возможно, что и часть других костей лапы (метаподии, первая и вторая фаланги и кости запястья и заплюсны) собаки не попадали в культурный слой.

Таким образом, можно с большой долей вероятности утверждать, что най-

Таблица 1

Доли остатков черепов и нижних челюстей в квадратах памятника Усть-Полуй

Квадраты	2006 г.		2009–2013 гг.								
	Ж	З	З	И	К	Л	М	Н	О	П	Р
Череп											
6		1									
7		3									
8		5		1							
9	4	1	5	1							
10		1		6	3						
11				1	5	3	6				
12					2	5	2		2		
13							8		2		
14							2				
15								1			
16									2	3	
17								1		2	3
18									2	1	2
19									4	3	
20										2	
21										2	
22										1	
23								1			
Нижняя челюсть											
6		1									
7											
8		2									
9		7		2							
10	4	1	3	2							
11		1	3	3							
12				1	1	1	4				
13					8	9		2			
14						1	3				
15							1	3			
16								1		1	
17										5	4
18											1
19								1		1	1
20								1		2	
21										1	
22											
23										1	

Таблица 2

Соотношение анатомических частей тела собаки в материалах памятника Усть-Полуй и в одном скелете

Анатомическая часть тела	Скелет	Квадраты								Всего
		З/9	И/10	К/11	Л/12	М/13	П/16	П/17	Р/17	
Голова	2	7	7	5	9	11	8	2	4	9
Туловище	40	47	42	49	45	33	39	58	47	41
Верхние отделы конечностей	9	41	32	28	27	35	38	33	34	35
Нижние отделы конечностей	49	5	19	18	19	21	15	8	14	15

Таблица 3

**Доля остатков собаки по отношению к остаткам северного оленя
в раскопах разных лет памятника Усть-Полуй**

Вид	1993		2006		2009–2010		2011		2012		2013	
Собака	232	20	259	10	1509	30	766	32	809	39	187	24
Северный олень	939	80	2356	90	3456	70	1624	68	1264	61	580	76
Всего	1171	100	2615	100	4965	100	2390	100	2073	100	767	100

денные кости собаки на памятнике Усть-Полуй происходят от целых скелетов и избирательности в накоплении тех или иных частей тела не было. Судя по количеству практически целых черепов, которые были найдены за эти годы раскопок, все кости собак принадлежат как минимум 80 особям.

При анализе распределения костей собаки по площади памятника обращает на себя внимание более высокая концентрация костей на одних участках и более низкая на других (рис. 1–3). Основное количество остатков собаки (82%) сосредоточено в раскопах 2009–2012 годов, причем почти половина из них (40%) приходится на раскоп 2009–2010 годов. В раскопах 2006 и 2013 найдено 7 и 5% всех остатков собаки, соответственно. Это может быть обусловлено двумя причинами: накопление (захоронение) собак происходило преимущественно на определенных участках памятника либо, из-за, в целом, более высокой концентрации костей млекопитающих в отдельных частях памятника. Для выяснения этого вопроса была вычислена доля костей собаки по отношению к костям наиболее массового вида — северного оленя (с включением костей из категории неопределимые). Полученные доли были нанесены на план раскопа (рис. 3, С). Доли костей собаки распределены случайным образом. На одном участке встречаются квадраты, где доля собаки может варьировать от 0 до 70% (рис. 3). Но обращает на себя внимание то, что на участке раскопов 2009–2012 годов доли собаки по отношению к северному оленю в среднем выше, чем на других участках (рис. 3). К такому же выводу приходишь, если рассматри-

вать долю остатков собаки от количества остатков северного оленя по годам раскопок (табл. 3). В эти расчеты были включены все кости собаки и северного оленя независимо от привязки к квадрату и привлечены материалы из раскопок 1993 года. Наибольшую долю остатки собаки имеют в раскопах 2009–2012 годов (табл. 3).

Следует уделить внимание находкам практически целых или частей скелетов на памятнике. Всего в раскопах 2006, 2009–2013 годов найдено: 3 практически полных скелета с черепами и 5 скелетов без черепов взрослых особей и 2 полных скелета щенков; части скелетов (трубчатые кости, позвонки, ребра, пояса конечностей) 13-ти взрослых особей; части позвоночника с ребрами 13-ти взрослых особей; кости ног от 9-ти взрослых особей; кости лап от 16-ти взрослых особей. Кроме того, среди разрозненных остатков часто встречаются парные (правые и левые) кости от одной особи. Те находки, которые имеют привязку к квадрату, были нанесены на план раскопа (рис. 3, D). Эта категория остатков сосредоточена преимущественно в пределах раскопов 2009–2012 годов. А наибольшая концентрация частей скелета находится на участке раскопа 2009–2010 годов (рис. 3).

Следует так же упомянуть о наличии следов пребывания костей собаки в огне и погрызов хищников (песец, волк) на костях собаки. На нескольких костях (три нижние челюсти, одна тазовая кость) собаки имеются искусственные отверстия.

Обсуждение

Все остатки собаки, найденные на памятнике Усть-Полуй, происходят от

целых скелетов как минимум 80 особей. Так как почти все кости целые, можно с большой долей вероятности говорить о том, что мясо собак в пищу не употребляли. Судя по значительному количеству практически полных скелетов или частей скелетов, тушки собак не разделявали. Наличие большого количества скелетов и их частей может свидетельствовать так же о том, что трупы собак не бросали просто так, а захоранивали. Отсутствие третьих фаланг и небольшое количество других фаланг пальцев может говорить о том, что с собак могли снимать шкуру. При съеме шкуры надрез идет именно в районе третьих (когтевых) фаланг. У северных хантов известно использование шкуры собак для отделки одежды [Перевалова, 2004, с. 289]. Тушки собак, скорее всего, без шкуры, захоранивали целиком. Судя по тому, что основное количество остатков собаки находится на участках раскопок 2009–2012 гг., останки этих животных захоранивали преимущественно в этой части памятника. К сожалению, отсутствуют материалы 2007–2008 гг. раскопок, а так же мы не располагаем сведениями о материалах из раскопок 1935–1936 годов. Поэтому мы не можем на данный момент обозначить весь участок, наибольшего скопления остатков собак. В раскопе В. С. Адрианова 1935 года упоминается о 15 черепках собаки, которые были сосредоточены в одном месте на очень небольшой площади в 80 см² [Мошинская, 1953], а «в одном из черепков собаки в височную кость продета плечевая кость собаки» [Мошинская, 1965]. Причем, у всех этих черепков были повреждены мозговые коробки. В раскопе 2007 г. в процессе раскопок были зафиксированы три черепа собаки, расположенные рядом друг с другом, один из которых, по-видимому, был надет на палку [Гусев, Федорова, 2012, с. 18]. Основываясь на таких сведениях о находках остатков собаки и не имея в распоряжении полной остеологической коллекции остатков собак с этих участков памятника, говорить о каких-либо особенных скоплениях черепков собак мы не

можем. Тем более что в раскопах 2009 и 2011 годов в некоторых квадратах так же довольно большое количество черепков (рис. 1). Но в этих же квадратах найдено и большое количество других костей собак (рис. 1–3).

Можно лишь предположить, что собак захоранивали преимущественно в северной части памятника Усть-Полуй. В этой части расположен ров, который ограничивает территорию комплекса [Гусев, Федорова, 2012, с. 32]. Возможно, трупы собак закапывали преимущественно на краю комплекса Усть-Полуй, вдоль рва.

Убивали собак или они умирали сами ответить трудно. Судя по наличию сильно фрагментированных черепков, а так же черепков с поврежденной мозговой коробкой, часть собак могли убивать ударом по голове. Для чего захоранивали собак так же сказать трудно. Возможно, эти захоронения имели какое-то ритуальное значение. Именно в северной части памятника, где преимущественно захоранивали собак, найдены предметы, имевшие сакральное значение: антропоморфные деревянные и роговая скульптуры, деревянные скульптуры птиц, берестяные орнаментированные коробки с костями животных [Гусев, Федорова, 2012].

Усть-Полуй как место, которое люди посещали, или жили там постоянно, существовало очень продолжительное время [Усть-Полуй — древнее святилище..., 2008, с. 65]. Вероятно, в периоды присутствия людей на территории памятника могло происходить разрушение могил ранее захороненных собак и растаскивание останков по территории либо хищниками, либо в результате каких-то других процессов. Растасканные кости собак впоследствии грызли те же хищники, а часть костей случайно могли попадать в огонь.

Заключение

Костные остатки собаки распределены на всей площади памятника Усть-Полуй. Отсутствует избирательность в

захоронении отдельных частей тела собаки на определенных участках памятника. Соотношение костей различных анатомических частей в материалах памятника совпадает в разных квадратах, а так же с естественным соотношением в скелете собаки.

Все кости собак происходят от целых скелетов, которые закапывали (забрасывали) землей целиком, но возможно, без шкур. Вероятно, закапывали собак в определенной части памятника, а именно на краю комплекса в северной его части, а не по всей площади. Впоследствии, в процессе жизнедеятельности людей происходило разрушение захоронений собак, а их останки растаскивались случайным образом по поверхности памятника хищниками или в результате каких-то других естественных процессов. Захоронения собак могли носить ритуальный характер.

Литература

- Бачура О. П.* Остатки млекопитающих из археологического памятника Усть-Полуй (раскопки 2009 года) // Динамика экосистем в голоцене. — Екатеринбург, Челябинск: Рифей, 2010. — С. 40–44.
- Бачура О. П.* Костные остатки млекопитающих из археологического памятника Усть-Полуй (раскопки 2006 г.) // Экология древних и традиционных обществ. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011а. — Вып. 4. — С. 145–147.
- Бачура О. П.* Остатки северного оленя и собаки в археологическом памятнике Усть-Полуй // Шестые Берсовские чтения. — Екатеринбург: Изд-во Квадрат, 2011б. — С. 223–226.
- Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Косинцев П. А., Лобанова Т. В.* Историческая экология населения севера Западной Сибири. — Нефтеюганск: Институт археологии Севера, Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2013. — 374 с.
- Гусев А. В., Федорова Н. В.* Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. — Салехард: Изд-во ГУ «Северное издательство», 2012. — 59 с.
- Косинцев П. А., Бачура О. П., Корона О. М., Некрасов А. Е., Пантелеев А. П.* Историко-экологические исследования археологического памятника Усть-Полуй // Археология Арктики : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». — Екатеринбург: «Деловая пресса», 2012. — С. 80–85.
- Некрасов А. Е., Косинцев П. А.* Остатки рыб из археологического памятника Усть-Полуй // Экология древних и традиционных обществ. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. — Вып. 4. — С. 210.
- Мошинская В. И.* Материальная культура и хозяйство Усть-Полуй // Материалы и исследования по археологии СССР. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. — Т. 35. — С. 72–106.
- Мошинская В. И.* Археологические памятники севера Западной Сибири // САИ. — 1965. — Вып. ДЗ-8 — 87 с.
- Пантелеев А. П., Косинцев П. А.* Орланбелохвост (*Haliaeetus albicilla*) из археологического памятника Усть-Полуй // Вест. археол., антропол. и этногр. — 2010. — № 2. — С. 214–218.
- Перевалова Е. В.* Северные Ханты: этническая история. — Екатеринбург: УрО РАН, 2004. — 413 с.
- Усть-Полуй — древнее святилище на Полярном круте* // Научн. вестн. Ямало-ненец. авт. окр. — 2008. — Вып. 61. — 89 с.
- Хромов Б. М., Короткевич Н. С., Павлова А. Ф., Пояркова М. С., Шейко В. З.* Анатолия собаки. — Л.: «Наука», 1972. — 232 с.

Т. Н. ГлушковаСургутский государственный университет,
ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2, 628412 Сургут,

E-mail: tam.g@mail.ru

ТЕКСТИЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА УСТЬ-ПОЛУЙ

Статья посвящается анализу текстильных материалов археологического памятника Усть-Полуй раннего железного века. Проведенный материаловедческий и структурный анализы текстиля позволили автору с использованием специальных методов сравнить атрибутированный археологический текстиль с материалами из других памятников Сибири, Алтая и Казахстана в синхронном и диахронном диапазонах. Полученный результат позволяет констатировать южные аналогии технологии изготовления найденных на памятнике тканей. Однако вопрос его происхождения (местного или импортного) остается открытым.

Ключевые слова: текстильные материалы, материаловедческий и структурный анализ, атрибуция текстиля, метод технологических аналогий, традиционные технологии, общая текстильная евразийская традиция эпохи раннего железного века.

Работы на археологическом памятнике Усть-Полуй насчитывают уже восемь десятилетий [Археология Арктики, 2012]. За это время было изучено большое количество самых разнообразных материалов, однако текстильные находки изучаются и публикуются впервые. Они представляют собой фрагменты тканей самого разного размера, а также жгутики различных конфигураций. Хотя эта коллекция не велика по размерам, тем не менее, она также заслуживает внимания хотя бы в силу своей уникальности, тем более, что материалы памятника имеют четкую датировку — 76 г. до н. э. [Хантемиров, Шиятов, 2012, с. 62–64].

Лабораторные исследования текстиля (7 типовых образцов) проводились в Лаборатории по изучению традиционных систем жизнеобеспечения народов Севера Сибири Сургутского государственного педагогического университета (сейчас — Лаборатория исторических исследований). Для их изучения применялся комплекс методов и специальные методики, описанные в научно-методическом пособии [Глушкова и др., 2011]. Это методы визуального осмотра, микроскопического, органолептического исследования, материаловедческий и структурный анализ текстиля. Для сравнения с уже известными текстильными материалами эпохи

раннего железного века и более позднего времени с территории Западной, Южной Сибири и Алтая применялся метод технологических аналогий, который позволил выявить принадлежность выявленной текстильной технологии к более южным центрам.

Исследуемый текстиль имеет разную степень сохранности, однако во всех случаях возможно определить количественные характеристики нитей (тонина, их количество в раппорте); плотность нитей в структуре полотна, размеры фрагментов. Кроме того, вполне определимы и некоторые качественные характеристики: способ переплетения нитей (сама структура полотна или жгута); предварительно на основе органолептических исследований — сырье; характер поверхности текстильных образцов (во всех случаях отсутствует настил), внешний вид текстильных фрагментов (плотные или разреженные, мягкие, эластичные, одноцветные или с орнаментом и т. д.).

Описание текстильных образцов

Находки происходят из заполнения рва, окружавшего святилище Усть-Полуй, дендродата (76 г. до н. э.) [Хантемиров, Шиятов, 2012, с. 62–64].

Образец 1 — фрагменты текстиля с максимальными размерами 3×2,7; 4×2,2;

Рис. 1. Текстильный фрагмент. Образец 1.
Фото Андрея Гусева

3,2×2,5; 4×1,6; 5,7×1,5; 3,2×0,9; 4,7×2; 3×4,2; 1,8×1,4; 2×2; 2×1,5; 2×1,2; 4,3×0,9 см (всего 12 фрагментов) (рис. 1). Это отдельные кусочки полотна с общим размером 70×21 см. Все представленные фрагменты оборваны, являются идентичными по технологическим признакам и принадлежат одному полотну. Фрагменты сильно испачканы, некоторые так сильно, что не просматривается структура полотна. На фрагментах, которые состоят из не деформированных и достаточно чистых нитей, удалось снять следующие параметры. Размеры целого изделия составляют примерно 70×21 см (размеры целых изделий здесь и на других образцах сняты Ан. В. Гусевым).

Кромки в полотне отсутствуют, основа и уток неопределимы, поэтому нити в полотне ткани обозначаются как «нити первой структуры» и «нити второй структуры».

Нити первой структуры двойные слабой крутки Z2S; одинарные нити тониной 0,7–0,8 мм слабого Z-кручения, двойные — тониной 1–1,2 мм слабой S-крутки. Нити второй структуры совершенно аналогичны по своим характеристикам.

Плотность нитей первой структуры составляет 9–10 нитей на 1 см, второй структуры — 4 нити на 1 см. Переплетение без ошибок. Сырье — шерсть. Цвет — светло-коричневый. На красители образцы не тестировались. Текстиль атрибутируется как шерстяная ткань полотняного переплетения с репсовым эффектом.

Образец 2 — фрагменты текстиля не очень хорошей сохранности, только два из них позволили сделать замеры технологических параметров, остальные непригодны для технологического исследования. Их размеры — 8,7×1,2; 5,4×3 см. В образце имеется кромка, нити основа и утка определимы (рис. 2). Размеры целого полотнища составляют примерно 30×20 см.

Нити основы и утка одинаковы, двойные слабой крутки Z2S. Тонина одинарных нитей — 0,5–0,8 мм, двойных — примерно 1–1,1 мм. Одинарные нити имеют слабую Z-крутку, двойные — слабую S-крутку. Плотность по основе составляет 8–9 нитей на 1 см в кромке, в полотне — 7 нитей на 1 см, по утку — 3–4 нити на 1 см. Кромка более плотная. Переплетение без ошибок.

Рис. 2. Текстильный фрагмент. Образец 2.
Фото Андрея Гусева

Рис. 3. Текстильный фрагмент. Образец 3.
Фото Андрея Гусева

Рис. 4. Текстильный фрагмент. Образец 4.
Фото Андрея Гусева

Сырье — шерсть. Цвет — рыже-коричневый (под микроскопом наблюдается светло-коричневый цвет волокон с рыжими включениями). На красители образцы не тестировались. Текстиль атрибутируется как шерстяная ткань плотняного переплетения с репсовым эффектом.

Образец 3 — фрагмент ткани плотняного переплетения с ребристой поверхностью размерами 7,2×3,3 см. Кромки отсутствуют, основа и уток неопределимы (рис. 3). Полные размеры полотна — 60×14 см.

Нити первой и второй структур идентичны, двойные скручены по схеме Z2S. Тонина одинарных нитей составляет 0,5–0,6 мм, двойных — 1–1,1 мм, в утолщениях — до 1,3 мм. Нити неравномерно пропрядены. Одинарные нити Z-крутки,

двойные — сильной S-крутки. Плотность нитей по первой структуре составляет 10–13 нитей на 1 см, по второй — 4 нити на 1 см.

Сырье растительное, судя по органолептическим характеристикам. Цвет рыже-коричневый, часть отдельных волокон рыжеватого цвета, часть — светлые. Образец на красители не тестировался. Текстиль атрибутируется как ткань плотняного переплетения с репсовым эффектом (основный репс).

Образец 4 — фрагмент текстиля размерами 6,5×3,4 см (рис. 4). Размеры полного текстильного полотна составляют 24×16 см. В исследуемом образце кромки нет, нити основы и утка неопределимы. Нити двойные слабой крутки Z2S. Нити первой структуры: одинарные тониной 0,6 мм, двойные — 1 мм. Одинарные нити

Рис. 5. Текстильный фрагмент. Образец 5.
Фото Андрея Гусева

Z-крутки, двойные — S-крутки. Плотность по первой структуре составляет 12 нитей на 1 см, по второй — 4 нити на 1 см. Сырье растительное. Цвет рыже-коричневый, аналогичен обр. 3. Образец на красители не тестировался. Текстиль атрибутируется как ткань полотняного переплетения из растительного сырья с репсовым эффектом.

Образец 5 — фрагмент полосатой ткани размерами 13×6 см. Кромки нет, однако присутствие начала или окончания ткани (длинные оборванные нити без поворота) позволяют диагностировать их как основные, поэтому основа и уток определимы. Полосы образованы введением более темных нитей основы в текстильное полотно (через 6–7 более светлых нитей — 2–3 темные нити). Уток — только светлые нити, во всяком случае, в исследуемом образце (рис. 5).

Размеры полного полотна составляют примерно 45×50 см.

Нити двойные слабой крутки Z2S (крутка двойных нитей — 3–4 оборота на 1 см). Нити первой структуры одинарные тониной 0,5–0,6 мм, двойные — в среднем 1 мм (неравномерные от 0,6 до 1,2 мм). Одинарные нити Z-крутки, двойные — сильной S-крутки.

Плотность по первой структуре составляет 5–6 нитей на 1 см, по второй структуре — 3–4 нити на 1 см. Часть полотна растянута (деформирована в процессе эксплуатации?). Поскольку это край полотна, где нити могут находиться не на своем месте, и ткань растянута, показатели плотности здесь могут быть неточными. Визуально ткань полотняного переплетения, выглядит, как редкая, с просветами в структуре полотна (неплотное переплетение как по основе, так и по утку).

Сырье — шерсть. Цвет узких полос — темно-коричневый, более широких — светло-коричневый. Текстиль атрибутируется как шерстяная полосатая ткань полотняного переплетения.

Образец 6 — фрагмент двойной нити красно-рыжего цвета крученой в жгут, две нити жгута связаны узелком (длина нитей — 10,5 и 21 см). Толщина жгута 1–2 мм, имеет структуру Z2S, величина крутки двойных нитей 4 оборота на 1 см в той части, где он более тонкий, 3 оборота на 1 см — там, где более толстый. Сырье — шерсть. Цвет рыже-коричневый (рис. 6). Текстильное изделие атрибутируется как двужильный тонкий шерстяной жгут.

Образец 7 — фрагмент жгута из 4 одинарных нитей длиной 12 см (четырёхжильный жгут) (рис. 7). Толщина жгута составляет 2,1–2,3 мм. Схема крутки следующая: 2 одинарных нити первоначально были свиты в двужильный жгут Z2S, затем 2 двойных жгута — ссучены в четырёхжильный жгут Z-круткой. Одинарные нити Z-кручения слабой крутки.

Рис. 6. Текстильный фрагмент. Образец 6.
Фото Андрея Гусева

Рис. 7. Текстильный фрагмент. Образец 7.
Фото Андрея Гусева

Сырье растительное. Цвет светло-коричневый. Сложная витая структура изделия делает его более прочным. Текстильное изделие атрибутируется как тонкая веревка (четырёхжильный жгут) из растительного сырья.

Таким образом, среди семи изучаемых текстильных образцов из памятника Усть-Полуй пять представляют собой фрагменты ткани, два — фрагменты жгутов (в одном случае — тонкой веревки). Все текстильные образцы могут рассматриваться как полноценный археологический источник, который позволяет судить об их наиболее значимых технологических характеристиках. Некоторые сомнения вызывает образец 5, нити которого растянуты в полотне и вряд ли отражают реальную плотность.

Четыре текстильных фрагмента были изготовлены из шерстяного сырья (три фрагмента ткани и один жгут), еще три — из растительного сырья (два фрагмента ткани и тонкая веревка или бечевка). Более глубокие исследования сырья на видовую принадлежность не делались, также не проводились анализы на красители.

Судя по имеющейся кромке (образец 2), и наличию основных нитей в начале или конце изготовленного полотна с распущенными концами (это могут быть только нити основы в образце 5), большая плотность в этих тканях наблюдается по основе и превосходит плотность по утку в среднем в 2–3 раза. На этом основании ткани могут атрибутироваться как основной репс. Несмотря на то, что не у всех текстильных образцов фиксируются кромки, на основе метода аналогий по всем другим показателям (как количественным, так и качественным) возможно определять все четыре образца именно таким образом. Некоторые сомнения вызывает образец 5, где показатели плотности нитей на 1 см несколько отличаются от предшествующих ему образцов из-за некоторых погрешностей самого участка полотна, поэтому этот образец, к сожалению, не берем в расчет.

Если описывать технологию изготовления тканей, можно с уверенностью сказать, что для четырех первых образцов она типовая, в полотне четко фиксируется полотняное переплетение с репсовым эффектом. Это значит, что плотность по одной структуре нитей (по основе) превышает плотность по другой структуре нитей (по утку), благодаря чему нити утка не видны или плохо видны в структуре текстиля. Однако невысокая плотность в целом позволяет в ряде случаев фиксировать обе структуры нитей (и основу, и уток).

Поскольку многие характеристики нитей (тонина, направление крутки, структура нитей) являются практически одинаковыми для четырех образцов, логично будет предположить, что все они изготовлены на подобных приспособлениях. Судя по тому, что нити основы имеют большую плотность, чем уток, можно смело реконструировать одну значимую характеристику приспособления для ткачества: отсутствие развитого ремизного аппарата (например, берда перед ниченками, которое позволяет держать одинаковое заданное расстояние между нитями основы). В данном случае нити основы «сбегаются в полотне», что и заставляет предполагать использование примитивного ткацкого приспособления.

Если провести технологические аналогии с этнографическим материалом, это может быть горизонтальный ткацкий станок с основоразделителем, описанный для народов Сибири А. А. Поповым, на основе изучения коллекций орудий ткачества у разных народов Сибири из фондов Музея антропологии и этнографии АН СССР [Попов, 1955]. Им были описаны подобные приспособления у этносов Алтая — челканцев, черневых татар, шорцев [Там же, с. 126–128]. Аналогичные станки описаны у айнов [Там же, с. 130–132] и западных бурят [Там же, с. 128, 129].

Именно у подобных приспособлений, очень простых по своему устройству, и обнаружена такая характеристи-

ка, как отсутствие специальной детали станка (берда, расположенного перед работой) для распределения нитей основы, позволяющее нитям «сбегаться». Этот признак в текстильных материалах фиксируется как большая плотность по основе и меньшая — по утку. Подобные достаточно простые станки (приспособления), по всей видимости, были широко распространены у кочевников Евразии, до сих пор используются жителями Восточного Казахстана для производства ковров — алаша [Муканов, 1977; Глушкова, Октябрьская, 2007] (рис. 8, 9).

Современные ковры-алаша можно считать традиционными изделиями казахов, а, возможно, и других жителей степей. Однако по ряду самых разных причин эта технология уже в XX в. практически была утрачена, сохранившись только на локальной территории Северо-Восточного Казахстана, где имеется достаточно много образцов этих изделий в музейных фондах и домашнем быту [Глушкова, Октябрьская, 2007, с. 439–442]. Только отдельные, как правило, уже пожилые носители культуры сохраняют эту традицию изготовления ковров-алаша ко дню свадьбы для своих дочерей, внучек, а иногда на продажу.

Технологические характеристики ковров-алаша вполне сопоставимы с теми, которые описаны для тканей из Усть-Полуя, правда, казахские ковры толще, нити, которые используются для их получения, также имеют большую тонины. Однако такие характеристики, как: использование аналогичных по тонине и крутки нитей в основе и утке; соотношение плотности по основе и по утку всегда повторяются в обоих случаях.

Кроме того, алаша — это узорные ковры, традиционный геометрический орнамент в них формируется нитями основы, которые имеют большую плотность, чем уток, скрепляющий структуру узорного переплетения. Нити на станок для этого снуются по счету в соответствии с предполагаемым орнаментом. В материалах Усть-Полуя мы видим более простой ва-

Рис. 8. Общий вид горизонтального ткацкого станка с основоразделителем для изготовления ковров-алаша

Рис. 9. Образец узорного полотна ковra-алаша вариант (как правило, однотонный текстиль), лишь в одном случае полосатый узор сформирован снованием нитей разного цвета по счету (см. образец 5).

Таким образом, мы имеем достаточно оснований, чтобы говорить об использовании в изготовлении текстильных ма-

териалов из Усть-Полуя и современных ковров-алаша общей текстильной традиции, несмотря на столь длительный временной разрыв. Справедливости ради необходимо отметить, что эта технология различается в деталях, оставаясь общей в наиболее значимых характеристиках.

Экспериментально протестированный в 1990-е годы именно такой станок с основоразделителем дал текстиль с очень сходными признаками [Глушкова, 2002, с. 178, 179]. Особенностью усть-полуйских текстильных изделий является изготовление их из двойных нитей однотипной крутки (Z2S) и примерно одинаковой тонины и в основе, и в утке. Это очень специфические характеристики, которые требуют некоторых комментариев.

С одной стороны, использование идентичных нитей в основе и утке — это древняя текстильная традиция, которая фиксируется на западносибирских, южносибирских и алтайских материалах с эпохи бронзы до средневековья (во всяком случае, в Западной Сибири и на Алтае) [Глушкова, 2002, с. 118]. Затем, уже в XV–XVII вв. на территории Западной Сибири распространяется традиция использования в основе и утке нитей разного направления крутки (т. н. суконная технология), а с приходом сюда русского населения — использование в утке более толстых и менее круто свитых нитей для более быстрого набора полотна и получения мягкой толстой ткани. Таким образом, усть-полуйский текстиль в этом отношении вполне сопоставим с древней евразийской текстильной традицией.

Использование двойных скрученных между собой нитей в основе и утке более характерно для изготовления ковров, а не тканей для одежды. Однако использование тонких нитей в основе и утке позволяло получить негрубый текстиль, который также мог использоваться для одежды. Хотелось бы только заметить, что сама технология получения текстильных полотен из двойных нитей основы и утка сопоставима с ковроделием (изготовле-

нием безворсовых ковров). Эта технология также известна с глубокой древности, в текстильных материалах Западной Сибири она зафиксирована на памятнике II в. до н. э. Чепкуль 9 (курган 7, погребение 2) [Зах, Глушкова, 2009]. Эти материалы соотносимы с усть-полуйскими также по показателям соотношения плотности в основе и утке. Необходимо добавить, что аналогичный текстиль из Чепкуля 9, обнаруженный под костяком, был атрибутирован как ковер.

Сырье могло быть как животного (шерсть), так и растительного происхождения. Причем, необходимо отметить, что невозможно отметить даже каких-то тенденций в качестве текстиля в зависимости от сырья (и те, и другие имеют примерно похожие показатели тонины нитей и плотности нитей в полотне). Это обстоятельство, а также однотипность текстильных структур не может не свидетельствовать о том, что текстиль из разного сырья был изготовлен на одинаковых приспособлениях, возможно, одними и теми же мастерами.

Однако, к сожалению, по изучаемым материалам открытым остается вопрос о месте их изготовления; невозможно пока предположить и обосновать ни местное, ни импортное его происхождение. Можно быть уверенным в отнесении этих материалов к общей евразийской текстильной традиции и констатировать более южные аналогии обнаруженных текстильных находок, изготовленных в описанной технологии (направление крутки нитей, использование в основе и утке аналогичных нитей, соотношение плотности в основе и утке, использование двойных крученых нитей).

Шерстяной шнурок выполнен двойным кручением нитей, аналогичных нитям тканей. Витой четырехжильный жгут из растительного сырья представляет собой скрученные два шнурка (нити), которые образуют более сложную и более прочную структуру. Подобные находки встречаются на самых разнообразных

памятниках Сибири и Алтая в разное время, в том числе и в раннем железном веке. Это объясняется в первую очередь чисто утилитарной необходимостью использования специальных изделий для соединения, связывания или подвешивания каких-либо предметов.

Литература

Археология Арктики. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Доклады. г. Салехард, 27–30 ноября 2012 г. — Екатеринбург: Изд-во «Деловая пресса», 2012. — 224 с.

Глушкова Т. Н. Археологические ткани Западной Сибири. — Сургут: РИО СурГПИ, 2002. — 206 с.

Глушкова Т. Н., Ёлкина А. К., Ёлкина И. И. Методика исследования археологического текстиля (опыт обобщения): Научно-методическое пособие. — Сургут: РИО СурГПУ, 2011. — 149 с.

Октябрьская И. В., Глушкова Т. Н. Традиции ткачества у казахов Бухтармы (Восточно-Казахстанская область республики Казахстан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. — Т. XIII. — С. 439–442.

Зах В. А., Глушкова Т. Н. Тканые пояса из Саргатского кургана 7 могильника Чепкуль-9 // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2009. — № 4 (40). — С. 57–66.

Муканов М. С. Казахские домашние художественные ремесла. — Алматы: Казахстан, 1979. — С. 6–75.

Попов А. А. Прядение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // Сборник МАЭ. — 1955. — Т. XVI. — С. 41–146.

Хантемиров Р. М., Шиятов С. Г. Дендрохронологические датировки древесины из археологического памятника Усть-Полуй // Археология Арктики. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Доклады. г. Салехард, 27–30 ноября 2012 г. — Екатеринбург: Изд-во «Деловая пресса», 2012. — С. 62–64.

Список сокращений

Ин-т археологии и этнографии СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Академии наук;
РИО СурГПИ — редакционно-издательский отдел Сургутского государственного педагогического института;
РИО СурГПУ — редакционно-издательский отдел Сургутского государственного педагогического университета;
Сборник МАЭ — сборник Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера).

Ан. В. Гусев

ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»

Ул. Республики, 73, Салехард, 629008, Россия

e-mail: gusev_av2004@mail.ru

ОБРАБОТКА КОСТИ И РОГА ПО МАТЕРИАЛАМ ДРЕВНЕГО СВАТИЛИЩА УСТЬ-ПОЛУЙ (РАСКОПКИ 2006-2013 ГГ.)

Публикация посвящена анализу предметов косторезного производства археологического памятника Усть-Полуй раннего железного века. Рассмотрены заготовки, полуфабрикаты, готовые изделия из кости и рога, представленные в материалах памятника. Выделены основные типы первичных заготовок и реконструирована последовательность изготовления различных бытовых предметов. Представлена специфика сырьевого комплекса памятника. В общем виде представлены условия залегания находок, раскрывающие особенности обращения с различными категориями инвентаря на древнем святилище.

Ключевые слова: обработка кости и рога в древности, косторезное производство, ранний железный век севера Западной Сибири, древнее святилище Усть-Полуй.

Обработку кости и рога, наряду с камнем и глиной, следует относить к древнейшим технологическим традициям человечества. Ее формирование и развитие прошло сложный путь эволюции, в ходе которого сформировались разнообразные региональные традиции, отражающие историческое развитие материальной культуры в локальных частях света в различное время. В качестве одного из таких регионов может быть выделен север Западной Сибири, включающий в себя зону северной тайги, лесотундры, предгорий Северного и Полярного Урала. Условиями для обособления стали как своеобразный фаунистический набор, заданный природными условиями, определяющий характер ресурсной базы, так и диктуемые присваивающим хозяйством потребности проживающего здесь населения.

Одним, но, пожалуй, самым большим препятствием в реконструкции древних технологий обработки кости и рога, стала исключительная редкость этой категории изделий в археологических комплексах. Это и понятно, кость и рог, как другие органические материалы: дерево, береста, кожа — имеют гораздо меньший ресурс устойчивости во времени, в отличие от сопутствующих им и также

залегающих в культурном слое памятников камне, керамике и металлам. Потому обнаружение памятников с сохранившимися предметами из кости и рога, безусловно, событие для западносибирской археологии, а уж тем более, если удастся обнаружить целые серии готовых предметов, заготовки, полуфабрикаты, отходы производства. И уж почти совсем уникальным фактом выглядят находки предметов древнего искусства.

Часть коллекции с древнего святилища Усть-Полуй, рассмотрению которой посвящена эта публикация, была получена в ходе последнего периода раскопок 2006–2013 гг. Она хранится в фондах Музейно-выставочного комплекса им. И. С. Шемановского в Салехарде и насчитывает порядка 1,2 тыс. предметов, представленных хозяйственно-бытовыми предметами, художественными изделиями, заготовками и полуфабрикатами (рис. 1). По самым общим подсчетам около тысячи изделий хранится в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге. Таким образом, рассматриваемая выборка вполне может отражать основные особенности памятника, хотя и не исчерпывать при этом всего спектра приемов и достижений древних мастеров. Следует отметить,

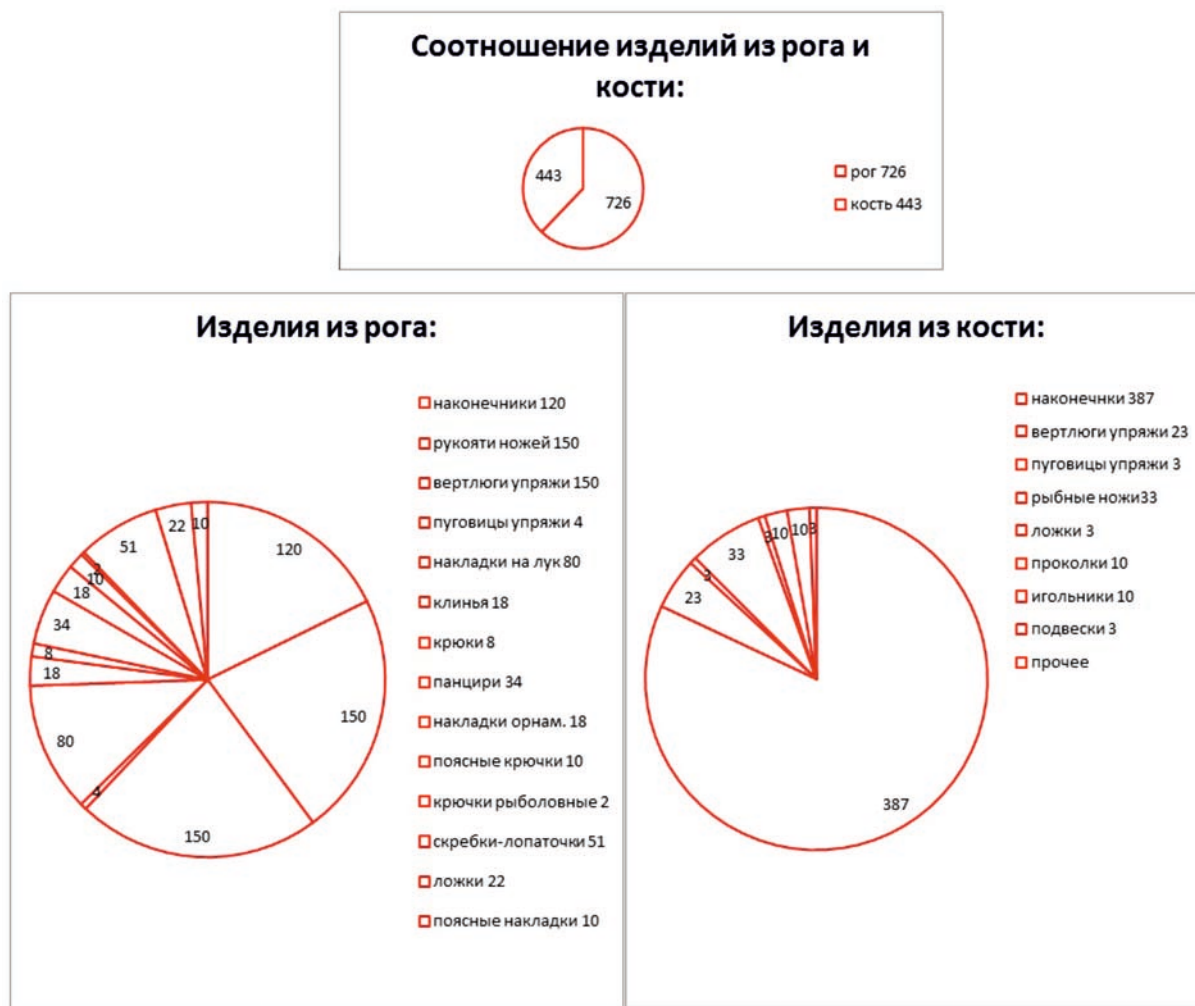

Рис. 1. Структура коллекции костяных и роговых изделий Усть-Полуя (2006–2013 гг.)

что необходимым условием для объективного анализа косторезного дела определенного культурно-хронологического периода необходимо наличие от 200–500 до 1000–3000 предметов [Бородовский, 1997, с. 40]. Комплекс источников Усть-Полуя вполне соответствует этим количественным параметрам.

В работе по реконструкции технологии косторезного производства важную роль играет выявление производственных алгоритмов, включающих в себя первичный выбор, подготовку и систему раскроя заготовки. Использование кости предполагало полное и частичное использование естественной формы сырья в конструкции предмета, использование сырьевых осколков для изготовления вещей, формирование системы раскроя и расщепления исходного сырья [Бородов-

ский, 2007, с. 44]. Комплекс находок Усть-Полуя демонстрирует следующее технологическое своеобразие.

Обработка кости

Основным сырьем для изготовления наиболее массовых категорий костяных предметов Усть-Полуя — наконечников стрел, некоторых видов скребков, проколок и т. д. — служили пластины из центральной или краевой части диафиза трубчатых костей северного оленя, в первую очередь — плюсневой кости задней конечности. Другими, хотя и менее востребованными в косторезном деле, являлись иные трубчатые кости скелета — плечевая, берцовая, лучевая, пястная, а также лопатка, грифельная кости (рис. 2). Использование остальных костей скелета: фаланг пальцев оленя, ребра, эпифизов и

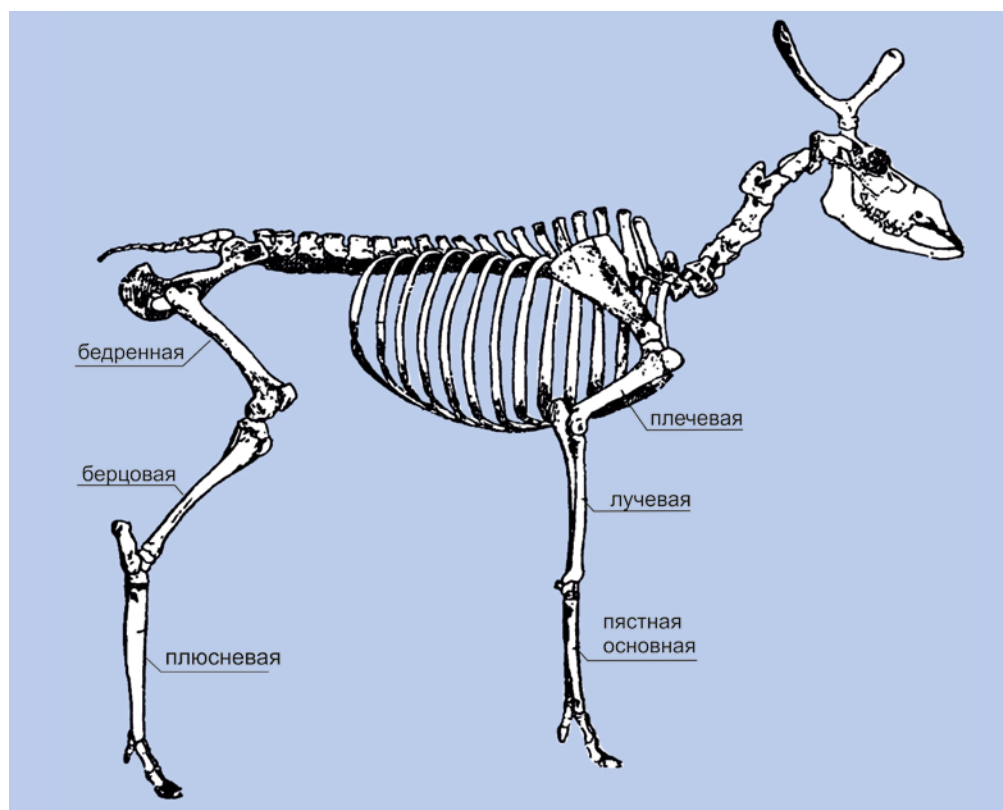

Рис. 2. Скелет северного оленя (по: Акаевский, 1939, с. 9, рис. 1)

диафизов других трубчатых костей в качестве сырья было встречено в единичных случаях.

Согласно разработанному А. П. Бородовским описанию технологических систем обработки сырья на материалах юга Западной Сибири было выделено несколько вариантов: а) полное использование естественной формы сырья в конструкции изделия; б) частичное использование; в) использование сырьевых осколков; г) системы раскроя и расщепления исходного сырья для изготовления готовой продукции [Бородовский, 2007, с. 44]. Особенности строения и структуры каждого материала (кость, рог, бивень) влияют не только на конечную продукцию, но и на применяемые технологические системы.

Следует сразу оговорить, что подсчет количества костей лося в составе комплекта изделий сложен, поскольку по готовым изделиям с детальной обработкой весьма непросто удастся установить вид сырья. По приблизительным подсчетам число готовых изделий из костей лося

не превышает 5–10%. Число же лосиных костей по отношению к оленьим в osteологической части коллекции как правило не превышает 1% [Косинцев и др., 2012, с. 82, табл. 1].

Основным сырьем для самой массовой категории находок Усть-Полуя — накопников стрел стали боковые части диафиза плюсневой кости, имеющие рельефные гребневидные мышечные выступы. Выбор именно этой части скелета оленя, по-видимому, был обусловлен оптимальным сочетанием прямизны плюсневой кости с толщиной компактного вещества. При этом избирательность обеспечивалась и большим количеством имеющегося в распоряжении сырья.

По материалам Усть-Полуя фиксируются следующие способы разделки сырья:

1) *Расчленение кости после удаления одного из эпифизов и разделения диафиза пополам.* Способ, получивший наибольшее распространение среди устьполуйских заготовок из трубчатых костей. Осуществлялся в двух вариантах: а) посредством

раскалывания; б) с помощью надрубания или надрезания и последующего раскалывания заготовки.

Раскалывание велось путем нанесения колющих ударов по наружной боковой части кости тяжелым каменным отбойником, возможно каменным песком, которые на территории памятника встречаются весьма часто. Задачей этой первичной операции было отсечение эпифиза, при этом в случаях с плечевой, лучевой, бедренной и берцовой костями, какой именно эпифиз отсекался, значения не имело, поскольку у них отсекались оба эпифиза. Применительно к плюсневым костям первым отсекался, как правило, нижний эпифиз, являющийся блоком для первой фаланги (рис. 3). Дело в том, что этот нижний предэпифизный участок плюсневой кости заметно меньше в сечении, нежели верхний, но при этом именно здесь толщина стенки кости гораздо больше. Тем самым, надломив кость в самой крепкой ее части, в дальнейшем было легче осуществить разделение диафиза максимально близко к заданной траектории.

После серии наносимых ударов по боковой поверхности плюсны через каждые 5–7 см заготовка разделялась на две половины. Каждая из двух половин пластин сохраняла сухожильный желоб, придающий прочность, своего рода «ребро жесткости» будущим изделиям.

Второй вариант с помощью надрубания или надрезания боковых поверхностей трубчатых костей также получил широкое распространение среди устьпольских заготовок. По существу велась разметка поверхности кости на будущие пластины. Надрубание могло осуществляться кончиком топора-кельта, надрезание — острием лезвия железного ножа (рис. 4, а, б). Так, на части заготовок присутствуют следы тонких резов, образующих пунктирные линии. Широкое применение ножа уже отмечала трасолог Н. А. Алексашенко, назвав его «основным орудием» для получения самых

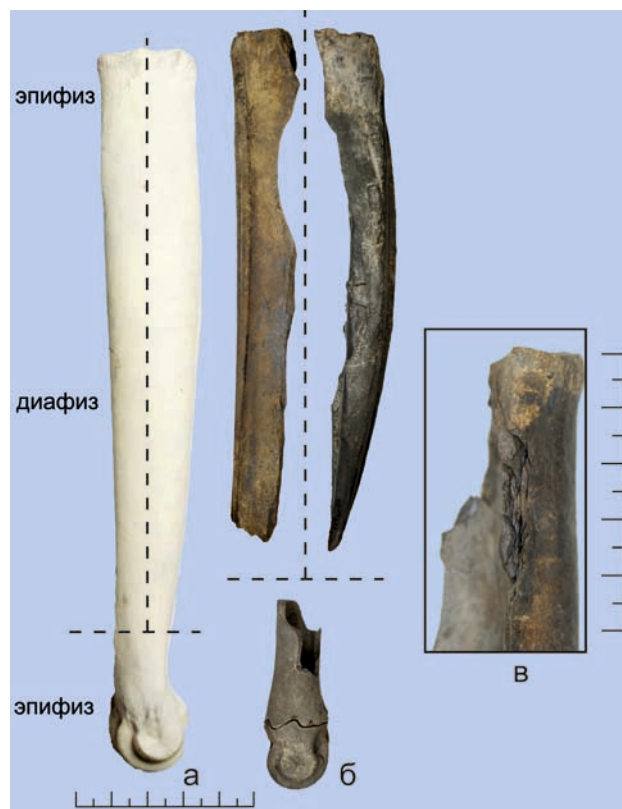

Рис. 3. Расчленение плюсневой кости северного оленя после отделения одного из эпифизов: а — целая кость; б — кости из культурного слоя памятника; в — следы от мощного удар в предэпифизной части кости

Рис. 4. Расчленение плюсневой кости оленя: а — с помощью предварительного надрубания; б — подрезание кости; в — подрезание второго эпифиза

различных предметов из кости и рога [Алексащенко, 2006, с. 270]. Очевидно, что трубчатые кости с предварительной разметкой изначально планировались в качестве будущих заготовок. Потому для максимально использования этого сырья верхний эпифиз на них уже не скалывался, а подрезался наклонными движениями ножа (рис. 4, в). Тем самым при раскалывании таких костей удавалось получать две заготовки максимально возможных размеров. На следующем этапе заготовки расчленялись на отдельные пластины в зависимости от формы конечного изделия. Наиболее часто встречаемыми стали наконечники стрел, где были задействованы плантарный и латеральный края плюсневой кости. Выбор именно плюсневых костей в качестве наиболее часто используемой категории сырья, очевидно, был обусловлен также исключительной прямизной их строения в сравнении с другими трубчатыми костями скелета северного оленя.

По мнению А. П. Бородовского основное распространение техника пунктирного надрубания получила в эпоху средневековья, не редки, по мнению автора, и

Рис. 5. Расколотые части диафиза костей оленя: а — бедренной кости; б — лучевой кости

случаи ее использования применительно и к памятникам раннего железного века [Бородовский, 2007, с. 58]. Применительно к Усть-Полую следует отнести столь широкое распространение пунктирного надрубания к числу одной из своеобразных черт этого комплекса.

2) *Расчленение кости после удаления двух эпифизов.* Этот способ тесно связанный с пищевой утилизацией костей, мог быть осуществлен по известным южно-западносибирским материалам в нескольких вариантах: посредством резания, распиливания, поперечного раскалывания полого диафиза [Бородовский, 2007, с. 53–55]. В устьполуйском комплексе абсолютное большинство заготовок из плечевой, лучевой, бедренной и берцовой костей представлены в виде грубых колотых фрагментов диафиза (рис. 5). Следов распиловки проследить не удалось. Негативы от срезов фиксируются редко, как правило, на предэпифизных окончаниях. Очевидно, что такое подрезание имело своей целью ослабить прочность эпифиза и предшествовало раскалыванию заготовок.

Бытование технологии продольного расчленения трубчатой кости ударом сверху с удалением эпифиза или без такового, на примере Усть-Полуя пока не встречалось. Физическое воздействие сосредотачивалось на предэпифизных частях либо самих диафизах трубчатых костей оленя. Это обстоятельство можно отнести так же к одной из своеобразных черт.

Наиболее характерными для комплекса Усть-Полуя становились наконечники, вырезанные таким образом, что с одной стороны фиксировался латеральный край плюсны, проходящий через перо и насад (рис. 6). Такие наконечники имели в сечении почти трехгранную, либо слегка сплюснутую форму в зависимости от размеров изделия и выбранной части заготовки [Федорова, Гусев, 2008, с. 15, 16]. Грани пера чаще всего приострялись, создавая дополнительный режущий эффект, черешок подрезался, иногда отде-

Рис. 6. Наконечники стрел

лялся небольшим уступом. Форма сечения черешка могла быть различной: чаще всего клиновидная; впрочем, нередко черешок продолжался от пера в виде трехгранного или полукруглого окончания, либо был сработан срезами до игловидного острия. Уместно отметить, что такие трехгранные и полукруглые в сечении насады известны и на других по форме трехгранных наконечниках без пазов. Пока не совсем понятно, как такой наконечник со сложной формы насадом закреплялся в деревянном древке стрелы. Можно предположить, что эти достаточно длинные наконечники были ориентированы на добычу крупных млекопитающих, а их древки имели набалдашники-утяжелители на концах, в которых удавалось закреплять и такие черешки. Подобные конструкции стрел были отмечены в обско-угорской этнографии Ф. Р. Мартинном [2004, табл. 1, рис. 9, 10].

Второй массовой формой наконечников являются удлиненно-листовидные

наконечники с граненым уплощенным сечением пера. К ним же следует отнести и изделия, сечение пера которых имеет близкую к ромбовидной форму. Они чаще всего изготавливались из тех же, столь подходящих для работы, участков плюсневых костей с учетом расположения латеральных краев желобков, которые придавали изделиям дополнительную прочность. Впрочем, судя по расположению сохранившегося губчатого вещества на части таких наконечников, отверстий от мозговых каналов, толщине сечения изделий, можно полагать, что сырьем для значительной их части служили прямые участки диафиза других трубчатых костей. Таковые вполне можно было извлечь из бедренной, берцовой, лучевой костей скелета.

Все остальные типы костяных наконечников составляют несоизмеримо меньшую часть коллекции. К ним относятся уже упоминавшиеся трехгранные в сечении массивные изделия, часть кото-

рых, вероятно, выполнена из костей лося. Однако большая часть трехгранных наконечников, судя по сохранившимся на них характерным желобкам, получалась из диафиза лучевой кости северного оленя, а именно, той части, где она сочленялась с локтевой. Потому отнесение таких наконечников к трехгранным до некоторой степени условно.

Нестандартными в устьполудийской коллекции являются наконечники малых размеров: длиной около 2,5–5,0 см с утолщенным граненым пером длиной 0,5–1,0 см и игловидным черешком. Сырьем также служили латеральные края и плоские участки диафиза.

Также была обнаружена редкая серия из костяных наконечников удлиненной до 17,2 см формы, без шипов, с круглым сечением и так называемым пулевидным (граненым и округлым) окончанием пера. Черешок сводился к клиновидной форме.

Наконечники с шипами, полученные из костяных заготовок, встречены в единичных случаях. Гораздо чаще они выполнялись из рога, позволяющего более удобно распорядиться формой будущего изделия. Одной из отличительных особенностей устьполудийского комплекса является преимущественная параллельная обработка пера и насада, отмеченная и А. П. Бородовским [2012, с. 31]. Широкое распространение такой техники отчасти объясняет отсутствие широкого использования подпрямоугольных плеч и шипов в конструкции костяных наконечников.

Немногочисленна категория костяных втульчатых наконечников — томаров, выполненных на отделенных эпифизах костей. Известны в коллекции и черешковые томары, при изготовлении которых использовались эпифизы костей. По мнению А. П. Бородовского это можно также рассматривать как одну из своеобразных черт косторезного комплекса Усть-Полудя. На других территориях наконечники такого типа изготавливались

исключительно из цельного рога или дерева [Бородовский, 2012, с. 31].

Судя по сохранившимся следам на заготовках наконечников и самим изделиям, основным орудием для изготовления орудий был железный нож. Им осуществлялось пунктирное надрезание заготовок, подрезание предэпифизных участков для более ровного раскалывания. По-видимому, последующая работа с заготовками предполагала их распаривание или вымачивание, придающее кости нужную пластичность. Результативность таких манипуляций с заготовками была доказана в ходе экспериментальных трасологических работ на памятнике, осуществленных Н. А. Алексащенко и Н. Н. Скакун в 2007 г. [Алексащенко, 2012, с. 57]. Косвенно о такой процедуре свидетельствует характер негативов от длинных ровных срезов, оставленных ножом на готовых изделиях. Для придания наконечникам нужной формы применялось шабрение, следы от которого также просматриваются на большей части находок. Завершала процесс изготовления готового изделия шлифовка на каменном абразиве. Использование техники оббивки на устьполудийских наконечниках зафиксировать пока не удалось, впрочем, установить ее присутствие не всегда возможно, если изделие в дальнейшем было подвергнуто тщательной шлифовке.

Условия нахождения костяных наконечников и ряд других специфических черт безусловно отражают особый характер памятника, как древнего святилища. Широко известно, что в определенных обстоятельствах утилитарным вещам могло придаваться совершенно иное значение, а манипуляциям с ними особый смысл. Кроме того, что основное число наконечников как и прочий вещевой набор, концентрировались вокруг очажных комплексов, при раскопках было зафиксировано и несколько ситуаций, когда наконечники обнаруживались, воткнутыми, очевидно, преднамеренно, в культурный слой под углом около 45°. При этом ни

разу за годы раскопок при полученной коллекции в несколько сотен наконечников не удалось обнаружить остатков древков. Можно было бы предположить, что древки не сохранились с течением времени, однако не удалось их обнаружить и при расчистке заполнения участка древнего рва, откуда происходит весьма многочисленная коллекция деревянных изделий и их фрагментов. Впрочем, история с деревянными древками не единственная, не найдено и фрагментов луков, при том, что число находок роговых концевых пластин от них также велико. Безусловно, при посещении площадки мыса оставляемый там вещевой набор был четко регламентирован. Потому складывается впечатление, что в абсолютном большинстве наконечники фигурируют сами по себе, как самостоятельная вещь в процессе неких действий, а не как сохранившаяся в процессе археологизации часть стрелы. Еще одна деталь, на которую стоит обратить внимание при анализе наконечников, это характер имеющихся на них повреждений. Для фрагментированных изделий число сломов на черешках преобладает над сколами пера. То есть, скорее всего, наконечник преднамеренно выламывался из древка, после чего «участвовал» в каких-то культовых действиях. Аналогичная ситуация отмечена для ножей, многие из которых также выламывались из своих роговых рукоятей, оставляемых на площадке.

На сегодняшний день очевидно и то, что важнейшую часть действий людей на Усть-Полуе составляли операции по изготовлению костяных и роговых изделий, о чем недвусмысленно свидетельствует обильный и разнообразный по своему составу набор находок, включающий заготовки, полуфабрикаты, щепу, незавершенные и готовые изделия. Это можно проследить и на примере костяных наконечников стрел, порядка 5–10% которых не имеют следов использования и были вырезаны здесь же. Противопоставляемая им часть наконечников имеет следы в виде блеска, залощенности на гранях, которые

могли появиться, вероятнее всего, в процессе их ношения в кожаном колчане.

Наконец есть еще одно интересное наблюдение, касающееся костяных наконечников стрел, на которое обратила внимание в свое время Н. А. Алексахенко. В частности, на вытянутых остриях части изделий с помощью микроанализа было выявлено их повторное использование в качестве проколов, инструментов для плетения (заметны следы натяжения нитей) [Алексахенко, 2006, с. 274]. Автор не исключила, что эти наконечники были предназначены для починки кожаных частей упряжи, для прокалывания шкур и для развязывания узлов, подобно известным этнографическим орудиям. Получается, что часть изделий имеющих форму традиционного наконечника стрелы с пером и насадом, никогда не закреплялись на древках стрел, возможно, и не для этого предназначалась.

Использование других костей скелета северного оленя

Вслед за трубчатыми костями оленя, вторым по многочисленности, стало использование лопаток — пластинчатых костей треугольной формы. Из них изготавливались многочисленные ножи для чистки рыбы (рис. 7). В единичных случаях лопатка служила материалом для из-

Рис. 7. Изготовление ножа для чистки рыбы из лопатки оленя:
а — исходная заготовка; б — готовое изделие

готовления костяной ложки и нескольких трапециевидных подвесок, имитирующих бронзовые прототипы. Ножи для чистки рыбы изготавливались путем подрезания лопаточной ости и рассечения суставной части на две половины. Таким образом, из одной заготовки могли получиться два изделия, одно из которых имело одно рабочее лезвие, а второе — два. Затем удалялись края лопатки, подрезался суженный конец, и на завершающем этапе формировалась рабочая кромка с одной или двух сторон. По наблюдениям Н. А. Алексашенко следы работы на этих изделиях отражают разнообразную кинематику движений орудия: на себя, от себя, правой или левой рукой [Алексашенко, 2006, с. 277]. Следует отметить, что традиция изготовления специальных ножей для чистки рыбы из оленьих лопаток просуществовала в среде обско-угорских народов до этнографической современности.

Интерес представляет изготовление костяных аналогов привозных украшений из металла, в данном случае — трапециевидных подвесок из пластинчатой кости

Рис. 8. Изделия из различных костей оленя:
а — трапециевидная подвеска из лопаточной кости;
б — проколка из грифельной кости;
в — пуговица из головки бедренной кости

лопатки северного оленя, имитирующих подвески вырезанные из сарматских бронзовых блях (рис. 8, *а*). Причем в костяных копиях повторялась не только сегментовидная форма оригинала, но и орнамент в виде дуговидных поясков, прорезанных ножом, аналогичный циркульному орнаменту бронзовых подвесок.

Использование грифельных костей в качестве проколов также относится к ряду универсальных явлений, возникших в глубокой древности и просуществовавших до этнографической современности. Это один из немногих примеров полного использования естественной формы сырья для получения готового изделия. Для превращения такой кости в проколку, либо орудие для развязывания узлов на ремнях требовалось лишь затачивание проксимального окончания.

В целом же проколки изготавливались из различных костей и частей рога, практически из того, что оказывалось под рукой. Основой мог стать наконечник стрелы, кусок расчлененного диафиза, сломавшаяся роговая рукоять ножа и т. д. Какой-либо устойчивой закономерности в подборе сырья для проколов не прослеживается.

Использование головки бедренной кости оленя нашло отражение в изготовлении пуговиц упряжи. Головка отделялась от эпифиза. Ее основание стачивалось на абразиве до получения ровной плоскости. В центре изделия прорезалось круглое сквозное отверстие для продевания ремешков.

На этом варианты использования трубчатых костей и их фрагментов для получения изделий исчерпываются. Представляется, что относительно небольшой ассортимент костяных орудий был обусловлен обилием другого, более пластичного по своей структуре материала — рога северного оленя.

Обработка рога

Сырьевой потенциал этого вида животных существенно отличается от дру-

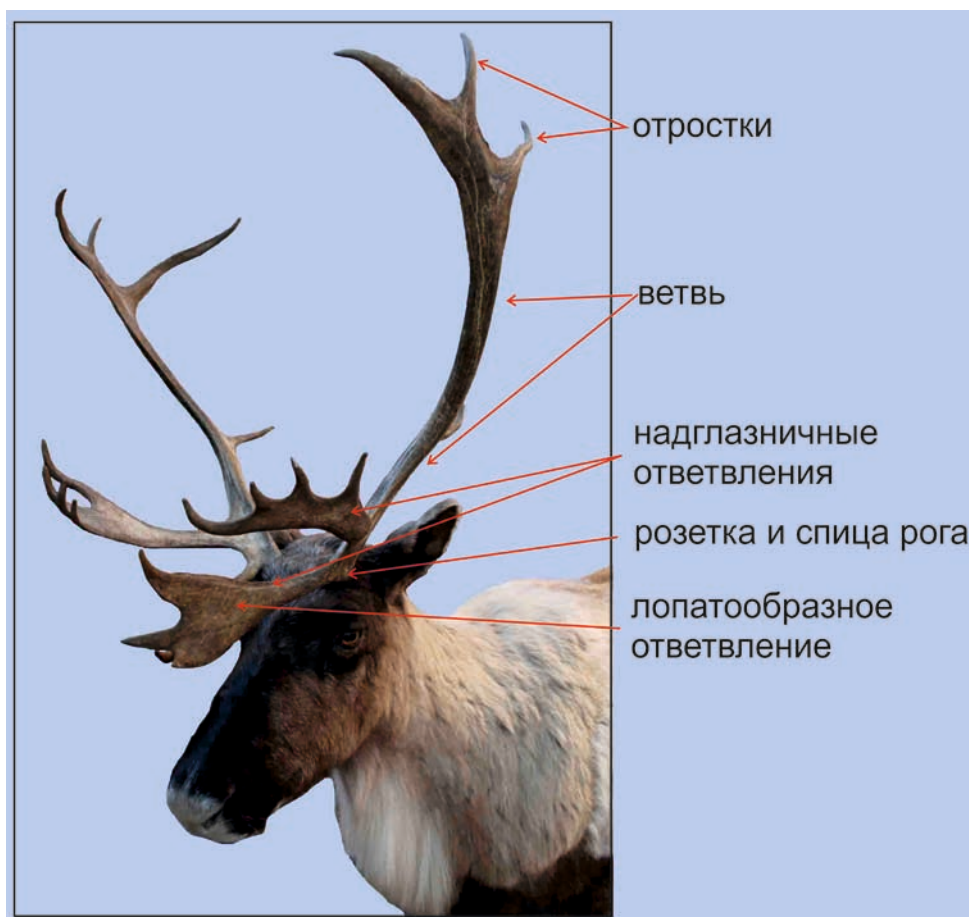

Рис. 9. Морфология рога северного оленя

гих цельнорогих животных. В отличие от остальных видов семейства оленевых, у северных оленей рога имеют не только самцы, но и самки. Отличаются рога друг от друга размерами (более крупными у самцов) и формой. У самок не выражен второй надглазничный отросток, к тому же практически отсутствуют лопатообразные разветвления. Взрослые половозрелые особи северных оленей сбрасывают рога ежегодно, самцы — поздней осенью — в начале зимы, самки — весной. По этой причине у человека существует возможность пополнения запасов рогового сырья каждые полгода, хотя оно и не всегда однородно по своему качеству. Точное разделение рогового сырья по половому признаку (самец/самка) непосредственно в работе с готовыми предметами Усть-Полюя затруднено ввиду однородности состава рога и характера имеющихся в нашем распоряжении предметов, уже прошедших первичную

обработку. Однако в том, что приоритетным было использование более массивных рогов самцов вряд ли стоит сомневаться. Это находит свое подтверждение в комплексе заготовок, где не редки фрагменты лопатообразных разветвлений или крупные куски ветвей.

Вопрос заготовки рогового сырья в отличие от костного материала остается также не до конца ясным. Лишь условно можно считать цельный рог охотничьей добычей или остатками жертвоприношений, но и то только в том случае, когда он представлен вместе с частью черепной крышки. На Усть-Полюе такой случай зафиксирован пока единожды. Впрочем, здесь необходимо учитывать контекст памятника и особенности традиции обращения с черепами животных, которые могли располагаться отдельно на ветвях или кольях и не сохраниться до наших дней. Наиболее логичным видится предположение о комбинированном харак-

тере заготовки сырья — как в результате охоты/жертвоприношений, так и в ходе попутного/целенаправленного сбора первичного сырья, т. е. сброшенных рогов, являющегося частью циклической хозяйственной деятельности. Этому не противоречат сведения, полученные от ненцев оленеводов, использующих для получения деталей упряжи рога, собранные в весенний период.

Другой особенностью является морфология сырья. Рога северного оленя в отличие от большинства их собратьев по семейству достаточно крупные, сложные, с длинной главной ветвью (иногда ее называют штангой), которая от спицы продолжается вверх и назад (рис. 9). Верхний конец рога увенчан вертикальной лопастью с 3–5 отростками, направленными частью назад, а частью вверх. Иногда хорошо выраженная лопасть не развивается, а имеются отдельные, направленные назад, небольшие отростки. Надглазничный первый и второй (иногда его называют ледовый) ответвления направлены вперед и обычно образуют вертикально поставленную лопасть с небольшими отростками. У самок второй отросток, как правило, отсутствует. Ствол рога уплощен и имеет эллипсовидное сечение, а более тонкие отростки могут иметь значительную длину и изогнутость. Поверхность оленьего рога в сравнении с рогами других цельнорогих животных (лосем, маралом, косулей) отличается слабо выраженным рельефом внешней поверхности. Ороговевшие кровеносные каналы, формирующиеся в процессе роста рогов, немногочисленны и слабо выражены. Компактный слой рогового вещества северного оленя достаточно тонок, а губчатая структура плотная, с мелкой пористой ячейкой. Сохранение рудиментов строения рога, особенно направления поверхностных ороговевших каналов и губчатого вещества, позволяет во многих случаях идентифицировать естественную топографию рогового сырья даже в готовых изделиях [Бородовский, 2012, с. 31].

Следует отметить, что обнаружение запасов рогового сырья со следами обработки не всегда может быть однозначно определено в качестве признаков обработки рога на памятнике, если в этом же комплексе не присутствуют заготовки, производственный брак и серия готовых изделий [Флерова, 2001, с. 116]. Об этом же свидетельствует наличие роговой щепы, сохранившейся на местах непосредственной обработки рогового сырья. Наличие на Усть-Полуе роговой щепы является одним из важных аргументов раскроя рога и изготовления из него заготовок непосредственно на памятнике.

Случаев полного использования сложных по своей форме рогов северного оленя среди известных материалов памятника не выявлено. При этом большая вариативность отмечена при частичном использовании естественной формы рогов в конструкции изделий. Так или иначе, для изготовления предметов требовались частичная разделка и раскрой рогового сырья. Ближайшей аналогией для сравнения операций по раскрою заготовок являются результаты проведенных наблюдений на археологических памятниках юга Западной Сибири, осуществленных А. П. Бородовским [1997, 2007]. Применительно ко всем видам рогов, имеющих ветвистое строение (косуля, марал, северный олень), отмечено расчленение по основным линиям разветвлений. При таком расчленении зафиксировано два варианта: разветвление отрубалось целиком, либо каждый отросток отсекался отдельно. Аналогичная последовательность может быть вполне применима и к северо-западносибирским материалам.

Для комплекса Усть-Полуя можно выделить следующую серию роговых заготовок:

1. ветвь, которая служила для расщепления на пластины с целью последующей обработки, либо использования ее цельных кусков в качестве вторичных заготовок;

Рис. 10. Расчленение рога северного оленя:
а — отсечение фрагмента ветви; *б* — получение пластин путем продольного расщепления

2. крупные стержневидные отростки использовались аналогично: как для расщепления на пластины, так и в качестве сырья для будущих изделий;

3. одинарные/расчлененные роговые пластины, получаемые из лопатообразной части разветвления;

4. роговые разветвления — комбинированные фрагменты, состоящие из частей ответвления/отростка и лопаты, применяемые как с полным, так и частичным продольным расщеплением (одинарные и двойные роговые пластины);

5. заготовки, состоящие из надглазничного отростка и части ветви (розетки/спицы);

6. сложные заготовки, сочетавшие в себе части надглазничных первого и второго ответвлений с краинами роговых лопатообразных частей.

Одной из отличительных черт рога северного оленя является наличие мощной длинной ветви. Эта часть рога от отростков отличается прямизной и обладает более мощной оболочкой из плотного рогового вещества. Именно она оказалась наиболее востребованной для получения вторичных заготовок — одинарных пластин. Расщепление ве-

лось в следующей последовательности. После отсечения отростков на куске ветви ножом с двух сторон намечалось поле будущего надреза (рис. 10, *а*). В сечении ветвь имеет овальную форму, потому для наибольшего использования ресурсов заготовки расщепление велось с учетом получения максимально широких вторичных пластин. Ширина срезанного поля составляла в среднем не менее 1 см, после чего вдоль него делался надрез. Осуществлялось это путем прорезания клиновидного углубления, V-образного в сечении. С одной стороны надрез должен был лишь ослабить оболочку компактного вещества для будущего разлома. С противоположной стороны заготовки прорезалось все компактное вещество, и после его прохождения, ножом же рассекалась губчатая составляющая (рис. 10, *б*). Завершалась первичная обработка разломом на две половины и удалением зазубрин с кромок полученных пластин. Получаемые таким способом из основной ветви заготовки обладали максимальным запасом компактного вещества, что позволяло либо сразу приступить к разметке будущего изделия, либо, при необходимости, продолжить

Рис. 11. Получение орудий из роговых пластин

а — пластины-заготовки из роговой ветви; б — заготовки орудий; в — готовые изделия

расчленение. Получение пластин может быть также одной из своеобразных региональных черт. Схожая процедура по материалам памятников юга Западной Сибири, предполагала получение сегментовидных заготовок.

По устьеполуйским материалам из одинарных пластин ветви изготавливали следующие категории орудий: концевые накладки луков; наконечники стрел, в том числе втульчатые и составные; вертлюги, как пластины, так и стержни; панцирные пластины; орнаментированные накладки; поясные крючки; ложки; гребни и др. (рис. 11). Аналогии этим предметам

можно встретить на других памятниках раннего железного века региона, включая памятники Приуралья: Туманское 1 селище и городище Няксимволь [Александренко, 1999; Стародумов, 2012].

Дальнейшее изучение коллекции как из раскопок В. С. Адрианова, так и новых позволили расширить их типологическое разнообразие. Н. А. Александренко, в частности, отметила следующие важные детали обработки рога. Для придания пластичности заготовка предварительно вымачивалась в холодной или горячей воде несколько часов. Это было подтверждено и результатами экс-

Рис. 12. Изделия из роговых пластин и ветви

а — наконечники стрел из роговых пластин; *б* — орудия из кусков роговой ветви

периментальных работ группы трасологов на памятнике в 2007 г. [Алексашенко, 2012, с. 57]. Выравнивание поверхности и снятие лишней костной массы производилось абразивом и металлическим ножом. Последний оказался даже более предпочтителен и легко справлялся с этой задачей при скоблении. Следы скобления были аналогичны тем, что образуются при шабрении. Лезвием ножа выполнялись канавки и валики, заостренным концом прорезались сквозные отверстия. Острием ножа были нанесены тамгообразные знаки и орнаментальные пояски. Забегая вперед, следует от-

метить, что все устьполуйские изделия выполнены в одной технике.

Наконечники стрел из рога не столь многочисленны в устьполуйской коллекции как костяные. Из рога изготавливались в большинстве случаев наконечники сложных форм, имеющие по одному или два шипа с перекрестиями в основании (гарпунные по терминологии В. И. Мошинской), а также составные наконечники (рис. 12, *а*). Толщина роговой пластины позволяла, используя главным образом компактное вещество, формировать у изделий как уплощенные, так и округлые стержни.

Рис. 13. Орудия из роговых отрезков

Из нерасщепленных кусков ветви рога получались клиновидные орудия, имеющие округлое рабочее лезвие. Осуществлялось это посредством косо́го среза с первичной заготовки, таким образом, что рабочая область формировалась на одной стороне компактной оболочки. По своему функциональному назначению эти изделия могут быть связаны с деревообработкой. Впрочем, возможно, эти орудия имеют отношение и к выделке шкур. Рабочее лезвие тщательно приострено и залощено.

Еще одна категория находок на Усть-Полуе — предметы, имеющие втулку и заостренное окончание, выполненные из роговой ветви. Изготовлены они также путем криволинейного по отношению к оси плоскости компактной оболочки надрезания, то есть, по сути, создавалась промежуточная заготовка. В дальнейшем острие дополнительно дорабатывалось иногда до придания ему ромбовидного сечения. Острие практически на всех предметах залощено. Еще одной функциональной особенностью является извлечение губчатого вещества у изделий для получения сквозной продольной втулки. Предварительно орудия интерпретированы как наконечники хореев, однако эта версия требует тщательных трасологических наблюдений.

Находки двухчастных вертлюгов на Усть-Полуе по форме приемника можно разделить на несколько типов: с плоской прямоугольной / округлой, «втульчатой», «Г-образной» и даже подковообразной пластинами [Гусев, 2014, с. 54–56, рис. 1, 3–6]. При этом гвоздевидная форма стержня оставалась неизменной. Самый многочисленный тип: с плоскими прямоугольными, реже округлыми пластинами, с пятью отверстиями. Центральное отверстие большего диаметра служило для закрепления стержня, боковые — для привязывания кожаных ремешков. Большинство приемников выполнено из мощных одинарных пластин роговых ветвей оленя, изредка для этого использовались двойные пластины лопатообразных разветвлений. В боковых отверстиях хорошо заметны следы сработанности от трения о ремешки. Такие вертлюги использовались для управления передовым оленем упряжки.

Весьма интересная категория предметов — это детали воинского рогового доспеха, а именно, панцирные пластины. В устьполуйской коллекции они представлены как в целом виде, так и в виде фрагментов изделий. Полуфабрикаты или определяемые заготовки для таких плас-

тин как будто неизвестны. Не исключено, что их изготовление особым образом регламентировалось в древности, и было «разрешено» не каждому члену коллектива. Отсутствие первичных заготовок, тщательная проработка готовых изделий со всех сторон несколько затрудняет реконструкцию процесса их изготовления. Уверенно можно говорить о том, что сырьем служили одинарные пластины, в большинстве случаев взятые с расщепленной ветви. Об этом говорит дуговидная форма сечения находок, характер расположения пористого вещества на оборотной стороне, наконец, особые требования к прочности, следующие из предназначения таких изделий. Впрочем, нельзя полностью исключать случаев использования в качестве сырья одинарных пластин с лопатообразных разветвлений рога. Применительно к панцирному набору следует отметить одну интересную деталь. Кроме подавляющего большинства пластин «малых» размеров, с двумя парами овальных отверстий украшенных горизонтальными поясками орнамента, присутствует группа находок из иных по своему устройству пластин. Их отличают крупные размеры, отсутствие резного декора и, наконец, совершенно иная система крепежных отверстий, состоящая из нескольких пар небольших округлых отверстий. Весьма отдаленные аналогии этим пластинам можно встретить среди воинских захоронений могильника бронзового века Ростовка, близ г. Омска [Матющенко, Синицина, 1988, с. 52, 53; рис. 65, 66]. Этот вопрос требует дополнительного изучения, пока представляется, что архаичные традиции эпохи бронзы на севере продолжали бытовать несколько дольше, чем в лесостепной зоне, и вполне могут быть встречены среди материалов раннего железа.

Использование роговых отростков, также как и ветвей, нашло применение в изготовлении различных категорий предметов (рис. 13). Отростки отличались от ветви меньшими размерами не только по длине, но и в сечении. Это не позволяло

столь широко использовать расчлененные заготовки, однако дало возможность пользоваться отростками при выполнении других изделий, и в первую очередь для изготовления рукояток ножей, которые известны на Усть-Полуе в большом количестве. Основными требованиями к заготовкам были прямизна и соответствие диаметру будущего изделия, с учетом последующей отделки. Ветвь же рога чаще всего имела несколько большие размеры. В процессе обработки с заготовки тщательно удалялись естественные неровности до придания сечению изделия овальной формы. Со стороны крепления лезвия в губчатом заполнении выбиралось клиновидное углубление, куда затем плотно вгонялся черешок лезвия. Пазы рукоятей часто имеют трещины или даже заметные сломы, что говорит о намеренном выламывании лезвий из рукоятей. На 150 находок рукоятей приходится не более 5 ножей с сохранившимися лезвиями. По форме рукояти чаще всего прямые, реже встречались изделия с расширяющейся головкой и/или резным орнаментом. Большинство рукоятей имеют прорезные отверстия у головки. Особую категорию составляют изделия, украшенные фигурками животных, головы оленя, хищной птицы.

В группу вещей, выполненных из роговых отростков, входит проковка с головой северного оленя. Острие изделия обломлено. А также фрагментированные зооморфные изображения, выполненные на отростках.

Из таких же заготовок выполнено несколько наконечников сложной формы, как правило, втульчатых, часть стержней от двухчастных вертлюгов и еще один вертлюг, имеющий своеобразную Г-образную форму с продолжающимся от втулки стержнем и отверстием на конце. Изделие выполнено на полуторной роговой пластине.

При изготовлении изделий из двойной роговой пластины полностью, либо частично сохранялась структура роговой лопатки, т. е. с сохранением на обоих или

Рис. 14. Изделия из пластин роговых разветлений

Рис. 15. Скрепки-лопаточки из роговых разветлений

одной из сторон изделия участков компактного вещества. Одинарная роговая пластина после разделения, соответственно, имела только с одной стороны компактное, а с другой губчатое вещество.

Роговые разветвления также служили сырьевым источником, однако их самостоятельное использование не получило большого распространения. Причиной тому стала сравнительно малая мощность компактной оболочки лопаты, пористая же часть не обладала надежными износостойчивыми качествами. Поэтому большая часть изделий из роговых разветвлений представлена предметами малых форм, выполненных из одинарных пластин, таких как различного рода накладок, декорированных резьбой, предназначение которых часто остается невыясненным ввиду фрагментированности изделий, поясных накладок, мотовила, миниатюрных ложечек, части гребней с художественными навершиями (рис. 14).

Куда более востребованными заготовками оказались части рога, совмещающие в себе части ветви или отростка и лопатообразной части. Такого рода за-

готовки отвечали самым разнообразным требованиям функционала будущих изделий — размеры, прочность, универсальность применения.

Использование ветви и отростка нашло применение в изготовлении скребков для выделки шкур в форме лопаточки (рис. 15). Отросток обрабатывался таким образом, что получалась овальная в сечении рукоять, к ней примыкала закругленная часть лопаты, на которой формировалось рабочее лезвие орудия. Учитывался естественный дуговидный изгиб заготовки. Сочетание ветви и роговой лопаты нашло отражение также при изготовлении скребков-лопаточек, но уже выполненных из одинарных пластин. Правда, таких изделий существенно меньше в коллекции. По функциональному назначению к ним примыкают Г-образные скребки, как плоские, так и с втульчатым насадом.

Широкое применение участок сочленения ветви и лопаты нашел в изготовлении роговых ложечек (рис. 16). Особое внимание уделялось соответствию формы заготовки и будущего изделия. Плоские ложечки, а также ложечки с у-

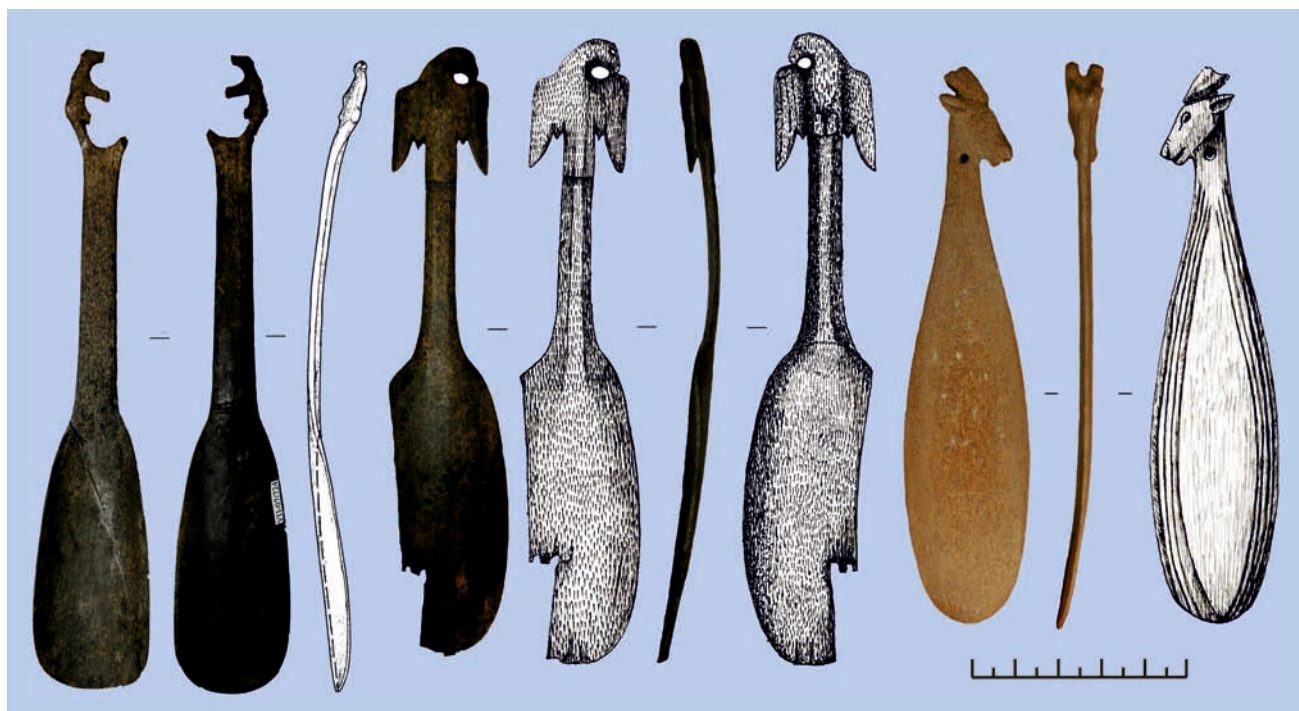

Рис. 16. Ложечки из пластин роговых разветвлений

Рис. 17. Изделия из роговой розетки и спицы лубленным черпаком, украшались изображениями птиц и животных.

Особенности строения рога северного оленя таковы, что участок, именуемый спицей, остается практически невыраженным, и его самостоятельное рассмотрение вне использования розетки будет неоправданным. Это также можно отнести к региональным особенностям сырьевой базы и сформировавшихся на ее основе технологическим традициям севера Западной Сибири. По устьполуйским материалам не прослеживается вовлечения отдельных розетки и спицы в круг сырьевых заготовок. Применение этих частей рога нашло выражение в комбинированном использовании, т. е. в сочленении с надглазничными отростками или основанием ветви.

Массивная часть спицы применялась для изготовления роговых молотков хозяйственного назначения. Такой молоток известен в коллекции В. С. Адрианова, он был позднее опубликован с пометкой «разбивалка для глины» [Усть-Полуй, с. 60, рис. 166]. Очевидно, что такие орудия использовались не только для подготовки глиняной массы. В составе устьполуйской коллекции представлены, как

минимум, два роговых клина, имеющие специфические следы сбитости на обушке, получить которые возможно было только от соприкосновения с торцом роговой розетки. Заготовка-обломок такого орудия представлена в современной коллекции.

Еще один вариант использования розетки известен при изготовлении объемных роговых изделий, в первую очередь роговой скульптуры (рис. 17). Среди таких изделий ложка с художественно оформленной рукоятью в виде совы. Изделие сложное, требующие при своем изготовлении значительных трудовых затрат и навыка расчета заготовки. Из массивной части плотного рогового вещества изготовлена пока единственная известная антропоморфная скульптура, изображающая мужчину с подогнутыми коленями, одетого в меховую (?) одежду и декорированный накладками пояс.

Наконец, завершающим типом роговых заготовок в устьполуйское время стали комбинированные куски рога, сочетающие в себе части надглазничных отростков или ветви, сочлененные с краями. Эти части рога были задействованы, когда целью было получение изделия, содержащего в своей конструкции угловой элемент. На примере Усть-Полуя известны разнообразные крюки хозяйственного назначения, роговые налобные элементы недоуздов оленьей упряжи.

Заключение

Итак, в результате выявлены следующие специфические черты комплекса косторезного производства Усть-Полуя:

- специфический сырьевой комплекс, обусловленный подавляющим использованием костей скелета и рогов северного оленя над костями других видов животных, в том числе птиц;

- своеобразие традиции отбора сырья, выразившееся в весьма избирательной форме утилизации костей скелета на фоне практически полного использования рога;

— повседневный характер обработки заготовок из трубчатых костей оленя, неразрывно связанный с утилизацией пищевых ресурсов;

— единый характер косторезного комплекса Усть-Полуя, проявившийся в формировании технологических систем расщепления и отбора заготовок, данные по которому могут быть вполне использованы для сравнительного анализа близких культурно-хронологических памятников региона раннего железного века и других эпох.

Литература

Акаевский А. И. Анатомия северного оленя. — Л.: Изд-во «Главсевморпути», 1939. — 327 с.

Алексашенко Н. А. Костяные изделия Усть-Полуя из собрания МАЭ РАН (результаты трасологического изучения) // Свод археологических источников Кунсткамеры. С-Пб.: Изд-во МАЭ РАН, 2006. — Вып. 1. — С. 265–301.

Алексашенко Н. А. Результаты технологического и экспериментально-трасологического исследования материалов Усть-Полуя // Археология Арктики. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Доклады. г. Салехард, 27–30 ноября 2012 г. — Екатеринбург: Изд-во «Деловая пресса», 2012. — С. 56–61.

Бородовский А. П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. — первая половина II тыс. н. э.). Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1997. — 224 с.

Бородовский А. П. Древнее косторезной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2007. — 176 с.

Гусев А. В. Комплекс предметов, связанных с оленеводством, по материалам святилища Усть-Полуй (Нижнее Приобье) // УИВ. — 2014. — № 2 (43). — С. 53–62.

Косинцев П. А., Бачура О. П., Корона О. М., Некрасов А. Е. Историко-экологические исследования археологического памятника Усть-Полуй // Археология Арктики. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Доклады. г. Салехард, 27–30 ноября 2012 г. — Екатеринбург: Изд-во «Деловая пресса», 2012. — С. 80–85.

Мартин Ф. Р. Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. Под ред. А. Я. Труфанова. — Екатеринбург–Сургут: «Уральский рабочий», 2004. — 144 с.

Матющенко В. И., Синицина Г. В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. — Томск: Изд-во ТГУ, 1988. — 134 с.

Мошинская В. И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // МИА. — 1953. — № 35. — С. 72–106.

Стародумов Д. О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — Вып. 10. — С. 137–154.

Федорова Н. В., Гусев А. В. Древнее святилище Усть-Полуй: результаты исследований 2006–2008 гг. // Научный вестник ЯНАО. — Салехард: б/и, 2008. — С. 3–36.

Усть-Полуй: I в. до н. э. Каталог выставки. — Салехард–Санкт-Петербург, 2003. — 76 с.

Флерова В. Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII вв. — СПб., 2001. — 254 с.

В. В. Питулько

Институт истории материальной культуры РАН,
Дворцовая набережная, 18, Санкт-Петербург,
191186, Россия
E-mail: pitulkov@gmail.com

Е. Ю. Павлова

Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт,
ул. Беринга, 38, Санкт-Петербург, 199397, Россия
E-mail: pavloval@rambler.ru

ИСКУССТВО ЯНСКОЙ СТОЯНКИ: ДИАДЕМЫ И БРАСЛЕТЫ ИЗ БИВНЯ МАМОНТА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОЛЛЕКЦИИ)*

В центре внимания — редкий вид верхнепалеолитических украшений, так называемых диадем — налобных обручей, и браслетов из бивня мамонта, обнаруженных при раскопках знаменитой Янской стоянки. Функциональное назначение предметов интерпретируется в русле информационного подхода. Украшения образуют трехуровневую систему, в которой орнаменты из бус и подвески из зубов животных составляли наиболее общий уровень, характеризующий принадлежность к группе в целом, орнаментация диадем, возможно, служила индикатором внутригруппового различия (для семейных групп), а браслеты являлись в прямом смысле личными, т. е. индивидуальными украшениями, содержащими информацию о носителе и его социальном статусе. Обладание подобными системами указывает на развитые представления о личности и сложную социальную организацию, присущую людям верхнего палеолита Северной Евразии.

Ключевые слова: Янская стоянка, верхний палеолит, диадемы, браслеты.

В слоях верхнепалеолитических поселений (стоянок) Северной Евразии обнаружено значительное количество предметов, которые рассматриваются как свидетельства символической деятельности людей. Преимущественно, это бусы или нашивные бисероподобные украшения из бивня мамонта и мелких костей, подвески из зубов животных и камня. Гораздо более редкими являются находки «диадем» и браслетов из бивня мамонта. Они известны на широкой территории (от Западной Европы и Моравии на западе до Сибири на востоке) в комплексах, чей возраст составляет, в основном, 30,000–14,000 лет [Абрамова, 1962; Абрамова и др., 1997; Шовкопляс, 1965; Abramova, 1995; Gvozdover, 1995; Svoboda et al., 1996; Medvedev, 1998; Taborin, 2004 и др.].

В Сибири подобные изделия обнаружены на стоянках Мальта [Medvedev, 1998], Каменка-А [Лбова, 2000], и Сохатино-4 [Окладников, Кириллов, 1980], время бытования которых совпадает с данным хронологическим диапазоном, хотя его нижняя граница может быть и несколько более древней, достигая в стоянке Каменка-А 40,000–36,000 л. н. [Лбова, 2000]. Редчайшей находкой такого рода (и, видимо, древнейшей из них), является каменный браслет из Денисовой пещеры, относящийся к начальному этапу местного верхнего палеолита [Деревянко и др., 2008].

Сибирские материалы, относящиеся к сфере символического поведения палеолитического человека, долгое время ассоциировались исключительно с находками из Мальты и Бурети. Согласно последней по времени краткой сводке [Medvedev, 1998], их общее количество незначительно превышало 600 предметов. Большинство предметов искусства происходит из комплексов послеледникового миниму-

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 33 (проект 1.11), при частичной поддержке РФФИ (проект 13–06–12044)

ма, а собственно мальтинско-буретский комплекс относится к началу сартанского криохрона (22 000–21 000 л. н.). В этом интервале лежат и памятники Русской равнины, характеризующиеся расцветом творческой деятельности [Абрамова, 1962; Abramova, 1995].

За последнее десятилетие корпус не утилитарных предметов пополнился находками из Денисовой пещеры, слой 11 (>37 235 С¹⁴ л. н.) [Деревянко, Рыбин, 2003], стоянок Кара-Бом, уровень 5 (43,300±1 800 С¹⁴ л. н. (GX-17596), Хотык, Каменка, Подзвонкая [Лбова, 2000; Деревянко, Рыбин, 2003; Ташак, 2009].

За пределами Южной Сибири, Алтая и Забайкалья подобные находки были известны в позднейших комплексах верхнего палеолита — Ушки I, слой 6 и 7 на Камчатке [Диков, 1977; 1979], на стоянке Хета в Верхнем Приколымье, имеющей предположительно финально-плейстоценовый возраст [Слободин, 1999], и в Берелёхском геоархеологическом комплексе в бассейне Нижней Индигирки [Pitulko, 2011]. Результаты исследований Янской стоянки, расположенной в нижнем течении р. Яна на севере Яно-Индигирской низменности под 71° с. ш. (рис. 1), существенно расширяют этот краткий список, как в качественном, так и в количественном отношении [Питулько, 2012; Питулько и др., 2012б; 2014].

Общая характеристика материалов Янской стоянки

Коллекция украшений Янской стоянки, рассматриваемая в настоящей работе, происходит из раскопок в пункте Северном, являющемся одним из компонентов пространственной структуры памятника [Питулько, Павлова, 2010; Pitulko et al., 2013]. Культурный слой вмещает многолетнемерзлые отложения II надпойменной террасы р. Яны. Его возраст определен в интервале 28,500–27,000 л. н. серийными ¹⁴С датами (рис. 1), полученными по фаунистическим остаткам, прямым датированием органических артефактов и очажных

масс, и контролируется датами подстилающих и перекрывающих отложений [Питулько, Павлова, 2010; Pitulko et al., 2013]. Культурный слой характеризуется разобщенностью единой прежде древней обитаемой поверхности на различные по конфигурации и площади полигоны (рис. 3), образованные вследствие роста повторно-жильных льдов. Ширина жил варьирует по разрезу, а на уровне культурного слоя составляет 2–3 м. Культурный материал в пределах таких полигонов полностью сохраняет состояние *in situ*, за исключением криогенных деформаций в краевых зонах [Питулько, 2008; Питулько и др., 2011]. На Янской стоянке центральные области грунтовых столбов полностью сохраняют изначальное положение, археологический материал и планиграфию. Как было установлено по материалам Жоховской стоянки, даже в случае существенной переработки культурных отложений в результате термоденудации, изначальные черты планиграфии памятника читаемы, и в них можно видеть отпечаток действий и поведения древнего человека [Питулько и др., 2012а; Питулько и др., 2013].

На участке стоянки, исследованном в пункте Северный, вскрыто сплошным раскопом и изучено около 2500 кв. м. Из этого участка происходит вся рассматриваемая ниже коллекция предметов древнего искусства (рис. 2). К массовым типам изделий относятся бусы из бивня и кости [Питулько и др., 2014], подвески из зубов животных, преимущественно копытных [Питулько и др., 2012в]. Категорию уникальных предметов составляют фрагменты двух орнаментированных сосудов из бивня мамонта и один целый сосуд, подвески из камня и янтаря, орнаментированные кости и небольшой фрагмент бивня мамонта с сюжетной гравировкой [Питулько и др., 2012б; Pitulko et al., 2012].

К серийным изделиям отнесены зооморфные скульптурные изображения из рогов северного оленя [Питулько, 2012], а также украшенные орнаментом изделия из пластинок бивня мамонта с отверсти-

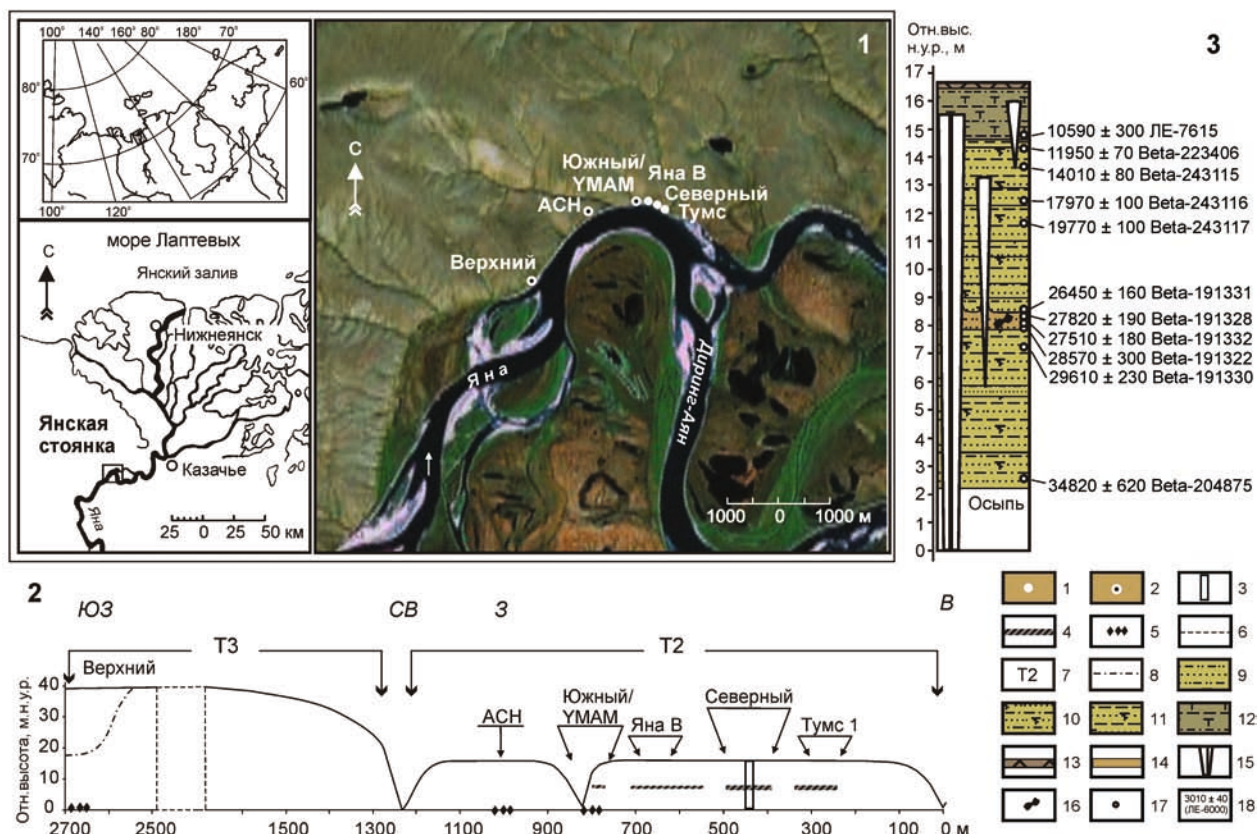

Рис. 1. Местоположение (1), схематический гипсометрический профиль Янской стоянки (2), литологическая колонка раскопа Северный (3)

1 — местоположение пунктов находок культурного материала *in situ*; 2 — местоположение пунктов находок подъемного материала; 3 — местоположение литологической колонки раскопа Северный; 4 — положение культурного слоя *in situ* на профиле; 5 — концентрации подъемного материала; 6 — часть гипсометрического профиля, отсутствующая на схеме; 7 — террасовый комплекс; 8 — предположительное положение размывной бровки второй террасы в районе пункта Верхний; 9 — песчаный алевроит; 10 — глинисто-песчаный алевроит; 11 — алевроит песчано-глинистый; 12 — толщина переслаивания глинистого и песчано-глинистого алевроита с прослоями и линзами торфа; 13 — почвенно-растительный слой; 14 — культурный слой *in situ* в литологической колонке; 15 — повторно-жильный лед; 16 — положение остатков *in situ* мелких и крупных млекопитающих; 17 — положение образцов растительных остатков, датированных по C^{14} ; 18 — значение C^{14} датировки и ее индекс

ями на концах. Подобные изделия принято называть налобными обручами или «диадемами». Они закреплялись на голове с помощью ремешка или волосяной веревочки, продетой в концевые отверстия. Целые (или археологически целые) предметы в коллекции единичны, в большинстве случаев изделия представлены концевыми и медиальными фрагментами, а также заготовками.

Впервые подобные украшения удалось идентифицировать, как пишет З. А. Абрамова [1962], благодаря мальтинским находкам М. М. Герасимова [1931]. Как правило, это относительно узкие плосковыпуклые пластинки из бивня мамон-

та с параллельными краями, на лицевую (выпуклую) сторону которых нанесен орнамент. Отдельные предметы имеют более сложные очертания в плане, с расширением в средней части. Чаще всего эти изделия находят в обломках, и в этом состоянии облик целого предмета и, что важно, его размер не всегда могут быть уверенно реконструированы. Как справедливо указывала З. А. Абрамова [1962], среди фрагментов могут быть, в том числе, и фрагменты нашивных украшений (нагрудных пластин), и фрагменты браслетов, что подтверждают находки из Мезени и Сунгира, где были найдены сложносоставные браслеты из тонких ор-

Рис. 2. Находки диадем *in situ* в культурном слое

1 — фрагмент культурного слоя в кв. 2Т49; 2 — фрагменты концевых частей двух диадем в кв. 2Т49 (крупный план к фото 1); 3 — почти целая диадема в кв. 4А41; 4 — фрагмент концевой части диадемы со сложным геометрическим орнаментом (тип 7) в кв. 4А56; 5 — фрагмент концевой части диадемы с орнаментом (тип 1 группа 1.2) в кв. 4L37; 6 — фрагмент медиальной части диадемы с орнаментом (тип 1 группа 1.2) в кв. 2N39; 7 — фрагмент медиальной части диадемы с орнаментом (тип 5 группа 5.1) в кв. 2L34; 8 — фрагменты заготовки диадемы в кв. 2U50

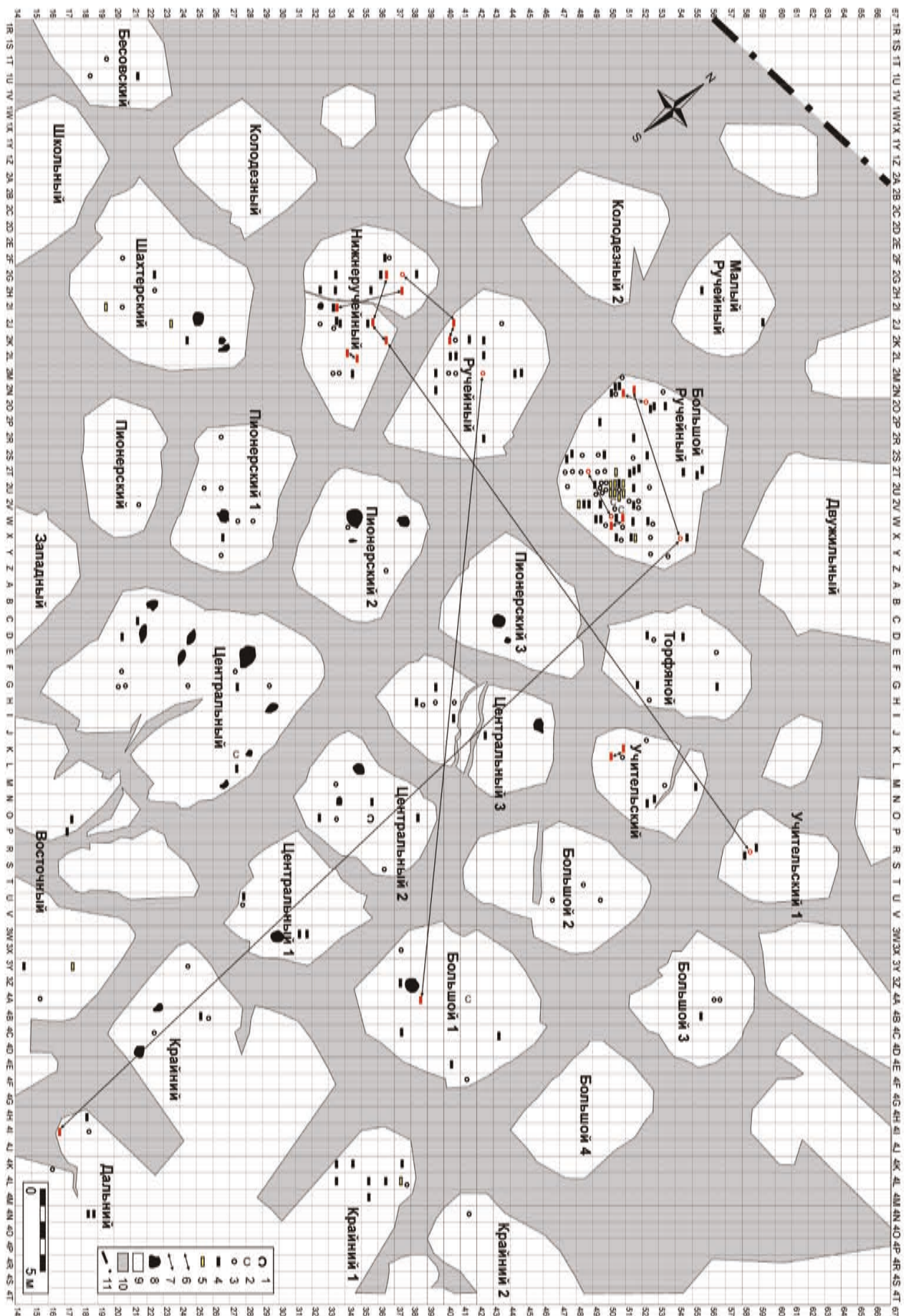

Рис. 3. План находок диадем и их фрагментов в раскопе Северный

- 1 — целая диадема; 2 — почти целая диадема; 3 — фрагмент концевой части; 4 — медиальный фрагмент;
 5 — фрагмент заготовки; 6 — местоположение фрагментов достоверно одного предмета; 7 — местоположе-
 ние фрагментов предположительно одного предмета; 8 — очажное пятно; 9 — грунтовые столбы (полигоны);
 10 — повторно-жильный лед; 11 — бровка раскопа

Рис. 4. Целая диадема с орнаментом тип 3 группа 3.2, находка из кв. О35
 1 — вид сверху, 2 — вид медиальной части с внешней стороны; 3, 5 — виды концевых частей с внешней стороны;
 4 — вид поверхности диадемы с внутренней стороны

наментированных полосок бивня мамонта [Шовкопляс, 1965; Бадер, 1998].

Таким образом, за данным термином может скрываться три категории украшений, во фрагментарном состоянии неразличимых. В результате внимательного изучения расположения различных предметов в Сунгирских захоронениях [Бадер, 1998, с. 90–93, табл. 18], выяснилось, что близкие по форме, размеру и конструкции изделия могли использоваться для бус, украшавших головной убор, плечи и ноги погребенного. Не исключено, что некоторые длинные пластинки с отверстиями на концах могли служить своеобразным замком, будучи, одновременно, частью композиции. В Янской коллекции есть изделия, которые могут быть уверенно определены как «браслеты».

Диадемы

Диадемы Янской стоянки представлены единичными целыми экземплярами (рис. 4), фрагментами и заготовками (табл. 1). Всего — 248 предметов. Готовые

изделия несут следы заполировки, снабжены отверстиями, некоторые покрыты орнаментом. На поверхности заготовок заметны следы резания, строгания, подрезки.

На поверхности готовых изделий, помимо намеренно нанесенных штрихов, линий, точек, образующих орнаменты, встречаются различные по протяженности и конфигурации углубления, чаще всего, криволинейные. Они представляют собой результат деятельности микроорганизмов и корневой системы растений в период относительно краткосрочного пребывания предметов в области деятельного горизонта и образуют палимпсест, в котором легко различить искусственные линии — они нанесены первыми и перекрываются следами корневой системы; кроме того, следы корешков и микроорганизмов имеют овальное дно и скругленные окончания. Иногда такие «рисунки» интерпретируют в качестве намеренных изображений [Окладников, Кириллов, 1980].

**Пространственное распространение фрагментов диадем
в пределах раскопа Северный Янской стоянки**

Байджарах	Целая диадема	Почти целая диадема	Фрагмент концевой части	Медиальный фрагмент	Фрагмент заготовки	Всего
Бесовский			2	1		3
Шахтерский			3	2	2	7
Нижнеручейный		1	8	21		30
Ручейный			5	12		17
Большой Ручейный		2	34	38	10	84
Малый Ручейный				2		2
Пионерский			1			1
Пионерский 1			6	1		7
Пионерский 2			2			2
Торфяной			3	4		7
Восточный			1	3	1	5
Центральный		1	6	4		11
Центральный 1			1	3		4
Центральный 2	1		3	3		7
Центральный 3			3	4		7
Учительский			3	5		8
Учительский 1			1	2		3
Большой 1		1	2	5		8
Большой 2			3			3
Большой 3			2	1		3
Крайний			3	1		4
Крайний 1			1	7	1	9
Крайний 2			1			1
Дальний			2	4		6
Подъемный материал						
Область 4A27-4G28			3			3
Область 4J19-4R26			3	3		6
Общее число	1	5	102	126	14	248

Фрагменты диадем были рассредоточены по всей площади раскопа (табл. 1; рис. 2, 3). Помимо участков, на которых в значительном количестве представлены законченные изделия (рис. 3), выделяется площадь, связанная с их производством. В этом качестве выступает байджарах (полигон) Большой Ручейный, для которого характерна высокая плотность находок этих изделий — треть общего их числа от найденных на участке Северный за все годы работ. Здесь же встречено наибольшее число заготовок (10) и предметов без орнамента (31), которые мы рассматриваем в качестве незавершенных поделок.

Определение метрических показателей изделий (рис. 5) включало в себя заме-

ры длины диадем и их фрагментов, замеры ширины и толщины в концевых и медиальных частях для целых и почти целых предметов, замеры ширины и толщины в концевых частях и месте слома для концевых обломков диадем, замеры ширины и толщины в местах слома для медиальных фрагментов (табл. 2, 3), замеры параметров отверстий при их наличии. Следует сразу отметить, что среди диадем и их фрагментов имеются изделия различных размерных классов, грубо их можно определить как крупные, средние и мелкие. Вероятно, разница в размерах подразумевает наличие «взрослых» и «детских» предметов.

Единственное полное изделие имеет длину 262 мм (рис. 4). Видимо, к тому же

Таблица 2

Метрические показатели диадем Янской стоянки (целые и почти целые предметы)

Параметр	Общее число	Длина (мм) для (°): мин/ср/макс	Ширина концевой части (мм) для (°): мин/ср/макс	Ширина медиальной части (мм) для (°): мин/ср/макс	Толщина концевой части (мм) для (°): мин/ср/макс	Толщина медиальной части (мм) для (°): мин/ср/макс
Целая диадема	1	262	5,8/5,9	7,2	1,6/1	3,6
Почти целая диадема ¹	5	113/133,6/157	3,8/5,9/7,5	6,1/7,8/9,8	0,5/0,9/1,7	0,8/1,4/1,9

Таблица 3

Метрические показатели фрагментов диадем Янской стоянки

Параметр \ Предмет	Общее число	Среднее	Минимальное	Максимальное
Фрагмент концевой части	102			
Длина (мм)		50,8	3	142,5
Ширина концевой части (мм)		16,6	2,7	6,3
Ширина в месте слома (мм)		7,8	3	23,8
Толщина концевой части (мм)		1,1	0,4	2,6
Толщина в месте слома (мм)		1,2	0,25	2,9
Медиальный фрагмент	126			
Длина (мм)		40	11,4	149,5
Ширина в месте слома ближе к концевой части (мм)		7,3	3	17,7
Ширина в месте слома ближе к средней части (мм)		7,9	3,1	18,6
Толщина в концевой части (мм)		1,3	0,4	2,6
Толщина в месте слома ближе к средней части (мм)		1,5	0,1	2,6
Фрагмент заготовки	14			
Длина (мм)		113,8	40	249
Ширина концевой части (мм)		6,6	4,4	11,7
Ширина медиальной части (мм)		8	6,1	11
Толщина концевой части (мм)		1	0,4	1,9
Толщина медиальной части (мм)		1,6	0,9	2,8

размерному классу, судя по имеющимся крупным фрагментам с максимальным размером до 142,5 мм (табл. 3), принадлежат и некоторые другие предметы, представленные фрагментами, соответствующими примерно половине целого изделия. Однако, есть и небольшие, в значительной степени полностью сохранившиеся, предметы (табл. 2).

Коллекция насчитывает 102 фрагмента концевой части диадем, 98 предметов имеют отверстия (34 из них обломлено). Только у трех предметов имеется по два отверстия на одном конце. Девять предметов сохранили следы переделки в виде пересверленных отверстий. У двух концевых фрагментов вместо отверстий фиксиру-

ются зарубки. Ширина изделий в средней части варьирует в пределах 3,1–23,8 мм, толщина — 0,4–1 мм.

В технологическом отношении производство диадем было довольно простым. Основная заготовка в виде длинной пластины/щепки снималась с бивня в продольном направлении ударом или расслоением. Дальнейшая обработка выполнялась строганием и резанием для создания плосковыпуклой пластины. Этап создания готовой формы завершался тщательной абразивной обработкой для удаления разнообразных неровностей и полировкой поверхности.

Выполнение концевых отверстий и нанесение орнамента выполнялись на

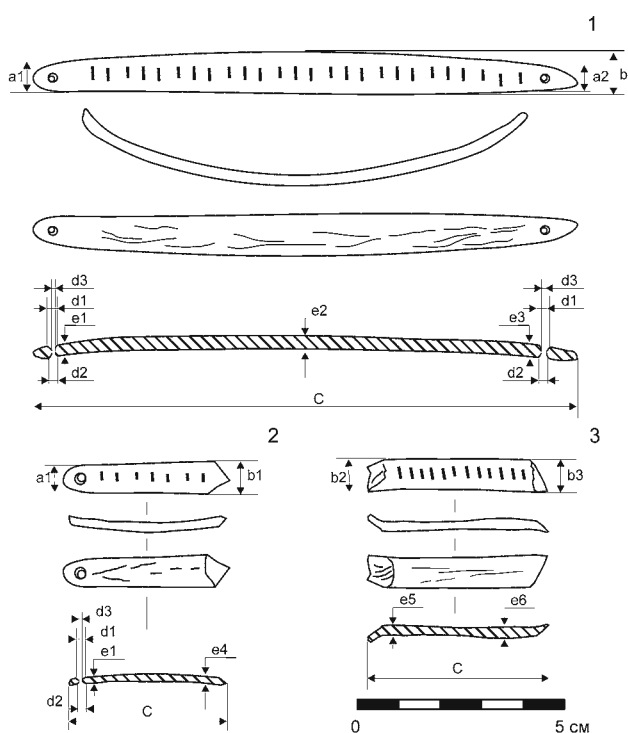

Рис. 5. Схема замеров диадем и их фрагментов

1 — целая диадема; 2 — фрагмент концевой части; 3 — медиальный фрагмент

a_1, a_2 — ширина в концевых частях; b — ширина медиальной части; b_1, b_2, b_3 — ширина в месте слома; C — длина предмета (целого или фрагмента); d_1 — диаметр отверстия, просверленного с внешней стороны диадемы; d_2 — диаметр отверстия, просверленного с внутренней стороны диадемы; d_3 — внутренний диаметр отверстия; e_1, e_3 — толщина в концевой части; e_2 — толщина медиальной части целого/почти целого предмета; e_4, e_5, e_6 — толщина в месте слома

заключительном этапе. Орнамент наносили нарезкой, гравировкой или процерчиванием. На этом же этапе высверливались односторонним или, чаще, биконическим сверлением, отверстия в концевых участках изделий. Далее выполнялась окончательная шлифовка/полировка изделия. В отличие от бус [Пит

тулько и др., 2014], готовые изделия не прокрашивались.

Украшения натирались жиром. В результате создавался преобразованный слой вещества бивня, консервирующий изделие и предохраняющий его от растрескивания. Использование этих приемов свидетельствует о глубоком знании свойств материала обитателями Янской стоянки.

Технология выполнения отверстий янских диадем была довольно своеобразной. О некоторых деталях сообщают метрические показатели отверстий (табл. 4). Отмечено 68 случаев биконического сверления, 18 предметов были просверлены с внешней стороны, 7 фрагментов с внутренней стороны изделия. Сверление отверстий, выполнялось, по-видимому, углом подходящего по форме отщипа/осколка камня. Никаких инструментов специфической формы, предполагающей использование орудия для этой цели, в коллекции каменных изделий Янской стоянки не встречается [Pitulko et al., 2013].

Коллекция диадем характеризуется заметным разнообразием орнаментов, которые имеют определенную повторяемость (рис. 6). Диадемы и их фрагменты по наличию (или отсутствию) орнамента подразделяются на 9 типов (табл. 5), определяющими признаками для которых являются число, расположение, графическое исполнение и конфигурация линий орнамента (табл. 6, рис. 3).

Орнамент состоит из штрихов и точек, расположенных линейно, параллельных краю, часто по продольной оси предмета (рис. 7). Значительно реже встречается линейно-волнистые узоры, а также орнамент из поперечных линий или близко расположенных наколов. Некоторые изделия

Таблица 4

Метрические показатели отверстий диадем Янской стоянки

Параметр	Общее число	Среднее	Минимальное	Максимальное
Диаметр отверстия, просверленного с внешней стороны диадемы (мм)	87	3,5	2,2	6,5
Диаметр отверстия, просверленного с внутренней стороны диадемы (мм)	75	3,4	1,3	5
Диаметр внутреннего отверстия (мм)	98	2,2	1,2	4,3

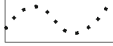

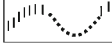
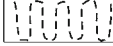
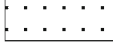

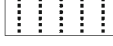
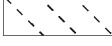
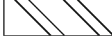

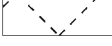
Тип	Г р у п п а				
0	 0				
1	 1.1	 1.2	 1.3	 1.4	
2	 2.1	 2.2	 2.3		
3	 3.1	 3.2	 3.3	 3.4	
4	 4.1	 4.2	 4.3	 4.4	 4.5
5	 5.1	 5.2	 5.3		
6	 6.1	 6.2	 6.3	 6.4	 6.5
7	Сложные регулярные орнаменты 71 - 79				
8	Сложные нерегулярные орнаменты 81 - 84				

Рис. 6. Классификационная таблица орнаментов (пояснения в тексте)

украшены сложными геометрическими композициями из прямоугольников. Специфическим элементом орнамента являются фигуры, выполненные в виде литеры «А» (рис. 8, 10).

Выделенные типы орнаментов и/или их группы далеко не равнозначны. Наиболее представительны группировки предметов, отнесенных к типам 1 и 2. Полная повторяемость рисунка вообще встречается довольно редко (табл. 5). Орнаменты, отнесенные к типам 4–8, индивидуальны.

Тип 0 включает в себя заготовки диадем, их фрагменты и фрагменты готовых диадем без орнамента (60 экз.). Из 60 предметов, относящихся к данному типу (табл. 5, 6), 14 изделий определяются как заготовки и их фрагменты; 46 — фрагменты готовых диадем без орнамента. Данные изделия локализируются в пределах полигона Большой Ручейный (рис. 3).

Наиболее распространенная орнаментация — орнамент типа 1 (91 фрагмент). Определяющий признак орнамента типа 1 — одинарная линия, расположенная по центральной продольной оси диа-

демы (рис. 6, рис. 7). Тип 1 подразделяется на 4 группы, в каждой из которых линия орнамента образована: точками (группа 1.1), перпендикулярными осевой линии (вертикальными) или наклонными штрихами (группа 1.2), горизонтальными штрихами (группа 1.3), сдвоенными точками или сочетанием сдвоенных точек с наклонными штрихами (груп-

Таблица 5

Встречаемость типов орнаментов и количество отдельных (самостоятельных, уникальных) предметов в коллекции диадем Янской стоянки

Тип	Число орнаментов	Число совпадений	Число отдельных самостоятельных предметов
0	60	0	60
1	91	6	85
2	27	0	27
3	12	3	9
4	19	1	18
5	9	3	6
6	8	1	7
7	13	1	12
8	9	0	9
Всего	248	15	233

Пространственное распространение типов орнамента фрагментов диадем
в пределах раскопа Северный Янсковый стоянки

Байджарах	Тип 0	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4	Тип 5	Тип 6	Тип 7	Тип 8	Общее число
Бесовский	1				1			1		3
Шахтерский	1	4	1					1		7
Нижнеручейный	7	9	6	4		2	2			30
Ручейный	5	11	1							17
Большой Ручейный	31	23	9		4	6	5	3	3	84
Малый Ручейный		1	1							2
Пионерский	1									1
Пионерский 1		4	1		1			1		7
Пионерский 2	1	1								2
Торфяной	1	5	1							7
Восточный	1	2			2					5
Центральный	1	5		1	2			2		11
Центральный 1		1		2	1					4
Центральный 2		4	1	1	1					7
Центральный 3	2	2			1				2	7
Учительский	1	3	2		2					8
Учительский 1			2	1						3
Большой 1		6						1	1	8
Большой 2	2							1		3
Большой 3	1						1	1		3
Крайний		1		2	1					4
Крайний 1	1	6			2					9
Крайний 2								1		1
Дальний	1	2	1			1		1		6
<i>Подъемный материал</i>										
Область 4A27-4G28			1						2	3
Область 4J19-4R26	2	1		1	1				1	6
Общее число	60	91	27	12	19	9	8	13	9	248

па 1.4). К типу 1 отнесен 91 фрагмент диадем (табл. 5, 6), часть из которых являются фрагментами одной и той же вещи. Всего идентифицируется 85 отдельных диадем с орнаментом типа 1.

Тип 2 (27 фрагментов) представляет одинарную линию вдоль одного из продольных краев диадемы, в виде единичных (группа 2.1) или сдвоенных точек (группа 2.2), коротких разнонаклонных насечек (группа 2.3) (табл. 5, 6; рис. 6, рис. 7).

Орнамент типа 3 (12 фрагментов от 9 изделий) представляет волнистую линию, образованную точками (3.1), вертикальными и субвертикальными короткими штрихами (3.2), или их комбинациями (3.3) (табл. 5, 6; рис. 6, рис. 7).

Орнамент типа 4 (19 фрагментов от 18 изделий) образован двойными про-

дольными линиями (рис. 6; рис. 8), нанесенными точками (группа 4.1), вертикальными, субвертикальными и наклонными штрихами (группа 4.2). В группе 4.3 одна линия образована вертикальными штрихами, вторая — горизонтальными. Вариант этого рисунка представлен в группе 4.4, где одну линию образуют вертикальные штрихи, а вторую — строенные точки. В группе 4.5 одна линия образована точками, вторая — горизонтальными штрихами (табл. 5, 6).

Орнаменты типа 5 (9 фрагментов от 6 предметов) образованы тремя линиями элементов, среди которых имеется две одинаковых линии по краям диадемы и одной отличительной линией по центральной продольной оси (рис. 6; рис. 8). В группе 5.1 обе линии по краям образо-

ваны вертикальными короткими штрихами, а средняя линия — горизонтальными штрихами, нанесенными по продольной оси диадемы. В группе 5.2 краевые линии имеют тот же рисунок, что и в предыдущей группе, а средняя линия выполнена точками. В группе 5.3 линии по краям представляют собой пунктир, выполненный горизонтальными штрихами, а средняя линия сформирована короткими вертикальными штрихами.

Тип 6 (8 фрагментов от 7 предметов) выделяется расположением элементов орнамента перпендикулярно или наклонно продольной осевой линии диадемы (рис. 6; рис. 8).

Помимо перечисленных, выделено два типа оригинальной орнаментации — тип 7 и тип 8 (рис. 6; рис. 8; табл. 5, 6). К типу 7 (13 экз.) относятся сложно-скомбинированные, регулярные геометрические орнаменты, тип 8 (9 экз.) отличают сложные нерегулярные орнаменты. Коллекция содержит 13 фрагментов с орнаментом типа 7, среди которых два являются частями одного предмета, а остальные — фрагментами отдельных уникальных диадем. Орнамент типа 8 представлен девятью фрагментами различных предметов.

Если рассматривать коллекцию диадем в целом, то можно говорить о 173 отдельных орнаментированных предметах, 46 предметах без орнамента, 14 заготовках (и их фрагментах) для производства диадем. В коллекции находится одна абсолютно целая диадема и 5 практически целых диадемы, у которых отсутствует один из концов небольшой длины. Таким образом, в коллекции Янской стоянки идентифицировано 219 экземпляров диадем и 14 заготовок для их производства.

Планиграфия диадем (рис. 3). Примерно половина находок рассеяна достаточно равномерно в центральной и южной части раскопа. В отдельных случаях находки диадем определены приурочены к участкам с очагами (байджарахи Пионерский-1, Центральный, Шахтерский и др.).

Высокая концентрация находок зарегистрирована в северной части раскопа (полигоны Нижнеручейный, Ручейный, Большой Ручейный) (рис. 3; табл. 6). Байджарах Большой Ручейный рассматривается как участок/мастерская по производству этих предметов. Здесь найден 31 экз. изделий, отнесенных к типу 0, который объединяет заготовки, незавершенные изделия и их фрагменты.

На перечисленных полигонах особенно многочисленны находки диадем типа 1. Нижнеручейный — 9 экз., Ручейный — 11 экз., Большой Ручейный — 23 экз. (табл. 6), т. е. около половины всех подобных изделий, найденных при раскопках (N=91). Подобным образом распределяются в пределах этих полигонов изделия типа 2. Только на полигонах Большой Ручейный и Ручейный найдены диадемы типов 5 и 6 (табл. 6).

Особого внимания заслуживают находки отдельных предметов. Зафиксировано 11 подобных случаев (рис. 3). Среди них имеются сборки, принадлежащие к различным типам — 1.1 (1 шт.), 1.2 (3 шт.), 3.3 (1 шт.), 4.2 (1 шт.), 5.1 (2 шт.), 6.3 (1 шт.), 7.5 (1 шт.). Обычно это компактные скопления в близлежащих квадратах, реже — удаленные друг от друга находки.

Браслеты

В материалах Янской стоянки браслеты представлены 66-ю фрагментами краевой, концевой, медиальной частей изделий. 44 предмета покрыты индивидуальным орнаментом.

Браслеты шириной 20,7–100 мм, толщиной 0,2–5,8 мм. Максимальная длина по дуге реконструированного браслета составила 113,5 мм, а его ширина — 85 мм. В краевых и концевых фрагментах имеются отверстия диаметром 1,2–5,9 мм, выполненные односторонним или биколическим сверлением. Большая часть отверстий сломана.

Фрагмент браслета из бивня мамонта с гравировкой размером 46,3×12,2 (16) мм, толщина — 1,3 мм (рис. 9). Поперечные

Рис. 7. Фрагменты диадем, относящиеся к типам орнаментации 0–4

1 — медиальный фрагмент готовой диадемы без орнамента (тип 0), кв. 4N18; 2 — заготовка диадемы без орнамента (тип 0), кв. 2I19; 3 — фрагмент концевой части с отверстием из кв. F20, группа орнамента 1.1; 4 — медиальный фрагмент из кв. O17, группа орнамента 1.2; 5 — медиальный фрагмент из кв. L27, группа орнамента 1.2; 6 — фрагмент концевой части с отверстием из кв. 2T48, группа орнамента 1.2; 7 — крупный фрагмент почти целой диадемы с отверстием из кв. 4A41, группа орнамента 1.2; 8 — фрагмент концевой части со сломанным отверстием из кв. W28, группа орнамента 1.2; 9 — фрагмент концевой части с отверстием из кв. 2H22, группа орнамента 1.3; 10 — фрагмент концевой части с отверстием из кв. 2M40, группа орнамента 1.3; 11 — медиальный фрагмент из кв. O32, группа орнамента 1.2; 12 — медиальный фрагмент из кв. 4L33, группа орнамента 1.4; 13 — фрагмент концевой части с отверстием из кв. 2K33, группа орнамента 2.1; 14 — фрагмент концевой части со сломанным отверстием из кв. 2I20, группа орнамента 2.2; 15 — фрагмент концевой части с отверстием из кв. Y26, группа орнамента 2.3; 16 — фрагмент концевой части незавершенной диадемы с отверстием из кв. U27, группа орнамента 3.1; 17 — фрагмент концевой части с отверстием из кв. 3Y24, группа орнамента 3.4; 18 — крупный фрагмент почти целой диадемы с отверстием из кв. K27, группа орнамента 3.2; 19 — концевая часть целой диадемы с отверстием из кв. O35, группа орнамента 3.2; 20 — медиальный фрагмент из кв. 4B25, группа орнамента 4.1; 21 — крупный медиальный фрагмент из кв. J42, группа орнамента 1.1; 22 — медиальный фрагмент из кв. G39, группа орнамента 4.3; 23 — фрагмент концевой части незавершенной диадемы с отверстием с площади 4A27-4G28, группа орнамента 2.3; 24 — фрагмент концевой части с отверстием из кв. 2V51, группа орнамента 4.2; 25 — медиальный фрагмент из кв. 3W31, группа орнамента 4.3; 26 — фрагмент концевой части с отверстием из кв. 2U25, группа орнамента 4.5; 27 — фрагмент концевой части со сломанным отверстием из кв. 2S49, группа орнамента 4.4

Рис. 8. Фрагменты диадем, относящиеся к типам орнаментации 5–8

1 — фрагменты крупной широкой диадемы, группа орнамента 5.1, найденные в разных частях раскопа в кв. Х54, 2N51, 4I16; 2 — фрагмент концевой части с отверстием из кв. Х52, группа орнамента 5.2; 3 — фрагмент концевой части с отверстием из кв. 2U49, группа орнамента 5.3; 4 — медиальный фрагмент из кв. 2K33, группа орнамента 6.1; 5 — медиальный фрагмент из кв. 2J35, группа орнамента 6.2; 6 — медиальный фрагмент из кв. W50, группа орнамента 6.3; 7 — медиальный фрагмент из кв. 2T51, группа орнамента 6.4; 8 — фрагмент концевой части с двумя сломанными отверстиями из кв. 2U26, группа орнамента 7.2; 9 — фрагмент концевой части с отверстием из кв. G24, группа орнамента 7.1; 10 — крупный фрагмент почти целой диадемы с отверстием из кв. 2V50, группа орнамента 6.5; 11 — фрагмент концевой части с отверстием из кв. 4K16, группа орнамента 7.3; 12 — фрагмент концевой части с отверстием из кв. 2T48, группа орнамента 7.5; 13 — фрагмент концевой части с отверстием из кв. F27, группа орнамента 7.4; 14 — фрагмент концевой части с отверстием из кв. 2F20, группа орнамента 7.5; 15 — фрагмент концевой части с отверстием из кв. 4N41, группа орнамента 7.4; 16 — медиальный фрагмент из кв. 3Z37, группа орнамента 7.6; 17 — фрагмент концевой части с отверстием из кв. T48, группа орнамента 7.7; 18 — медиальный фрагмент из кв. 2U47, группа орнамента 7.8; 19 — фрагмент концевой части с отверстием из кв. 4A56, группа орнамента 7.9; 20 — медиальный фрагмент из кв. I40, группа орнамента 8.2; 21 — фрагмент концевой части с пересверленным отверстием из кв. 2V51, группа орнамента 8.1; 22 — фрагмент концевой части со сломанным отверстием с площади 4A27–4G28, группа орнамента 8.4; 23 — медиальный фрагмент из кв. H38, группа орнамента 8.1; 24 — фрагмент концевой части незавершенной диадемы с отверстием с площади 4A27–4G28, группа орнамента 8.3; 25 — фрагмент концевой части незавершенной диадемы с отверстием с площади 4A27–4G28, группа орнамента 8.3

края обработаны, продольные имеют следы слома. В правой части лицевой стороны расположено антропоморфное изображение с отдельными штрихами внутри контура.

Среди декорированных предметов из Янской стоянки имеется еще один фрагмент довольно крупного тонкостенного изделия из бивня мамонта, размеры и форма которого говорят о том, что это часть какого-то объемного предмета (рис. 9), вероятно, составного браслета. Сохранившийся фрагмент размером 65×42 мм. На лицевой поверхности сохранился геометрический орнамент, составленный из редко расположенных параллельных пунктирных (точечных) линий, разделенных «диагоналями», или двоянным косым крестом. Сплошные линии, образующие его, дополнительно украшены короткими штрихами, примыкающими к ним под прямым углом всегда с одной стороны и через равные промежутки. Параллельно нижнему (?) краю предмета располагаются поставленные в ряд антропоморфные символы в форме литеры «А» (рис. 9).

На Янской стоянке встречаются браслеты двух типов. Первый тип — сложносоставное изделие из подквадратных пластинок, соединявшихся в готовое изделие путем скрепления отдельных звеньев

через угловые отверстия. Браслеты второго типа были разрезными, конструктивно подобные изделиям из Мезина [Шовкопляс, 1965] и Хотылево [Заверняев, 1987]. Хотылевское изделие не имеет орнамента, и рассматривалось Ф. М. Заверняевым как заготовка. Г. А. Хлопачевым [2006], разделяющим данное мнение, высказано в этой связи предположение о том, что с этой целью был использован бивень с выпавшими (?) конусами роста, т. е. заметно разложившийся. С подобным мнением согласиться невозможно, также как и с идеей И. Г. Шовкопляса [1965] относительно того, что рисунок на браслеты наносился ранее получения готовой формы. Последнее вообще трудно себе представить, поскольку во всех известных случаях (не только находок браслетов, а вообще любых орнаментированных предметов в любом из известных памятников) рисунок «привязан» к форме изделия и, следовательно, не может быть исполнен прежде, чем изделие окончательно сформировано. Бивни с нарушенной структурой и выпадающими конусами роста в качестве поделочного материала не пригодны даже ограниченно, за исключением производства бус-нашивок, подобных находкам из Юдиново [Григорьева, 2003–2004]. При этом, возможно, частичное

Рис. 9. Браслеты

1 — фрагмент, кв. I23; 2 — фрагмент, кв. N52; 3 — заготовка, кв. 3Z42; 4 — фрагмент, кв. 4P15; 5 — фрагмент, кв. 4A43

разложение бивня осуществлялось намеренно и было частью специфической технологии, практиковавшейся в Юдиново [Питулько и др., 2012в].

Технология изготовления разрезных браслетов, подобных хотылевскому и мезинскому, состояла в использовании альвеолярной части бивня, где имеется обширная пульпарная полость и где легко отрезать заготовку необходимого размера и диаметра. В материалах «янского кладбища» мамонтов (УММ), являющегося частью пространственной структуры памятника [Basilyan et al., 2011; Pitulko et al., 2013], во множестве встречаются фрагменты основания бивней мамонтов, извлеченных из черепов после того, как завершилась мацерация. Эти обломки образовались в результате намеренного слома бивней выше альвеолы; сам бивень забирали для использования, а его основание оставалось на месте. Единственная возможность извлечь его без повреждений появлялась только после разложения соединительной ткани. Намерение использовать эти куски для получения заготовок крупных разрезных браслетов представляется достаточной причиной для сохранения их целостности.

Обсуждение материала и выводы

В результате раскопок на пункте Северный Янской стоянки получена наиболее объемная коллекция диадем и браслетов, которая впервые позволяет провести их сравнительный анализ и реконструировать технологию их производства. Бытование данной категории личных украшений было широким во времени и пространстве. В сибирских памятниках они представлены уже около 40,000 л. н. [Деревянко и др., 2008; Лбова, 2000]. Интересно, однако, что на памятниках, например, Русской равнины они в целом немногочисленны, и дело здесь, видимо, не в тафономии, поскольку в тех же памятниках сохранились прекрасные изделия из бивня, достаточно многочисленные.

Сравнение янских находок с прочими известными в Северной Евразии находками диадем [Абрамова, 1962; Елинек, 1982; Abramova, 1995; Gvozdover, 1995; Tabořin, 2004 и др.] показывает, что наиболее близкими им технологически и стилистически являются несколько более молодые изделия из Мальты [Medvedev, 1998] и Сохатино-4 [Окладников, Кириллов, 1980]. Возраст обоих памятников — около 20,000 л. н.

Сходство технологий производства диадем и браслетов, широко проявляющееся во времени и пространстве, к сожалению, вряд ли может послужить основанием для формулировки выводов культурно-исторического характера. Так, технологические стратегии, использовавшиеся для производства бус, за исключением редких случаев, совпадают безотносительно времени и пространства [Питулько и др., 2014], однако же сами изделия оказываются территориально и/или хронологически специфичными.

Для производства диадем и браслетов, скорее всего, во всех случаях также использовалась идеальная, с точки зрения затрат и результата, последовательность операций, в которой были некие обязательные шаги — например, освобождение поверхности бивня от цементного слоя (на Яне, в Авдеево, Костенках и Мальте), или использование его альвеолярной части для получения кольцеобразных заготовок, что имело место, по-видимому, и на севере Яно-Индибирской низменности (см. выше), и в Подесенье на Мезинской стоянке [Шовокпляс, 1965].

В технологическом смысле важным, как представляется, могут быть различия в исполнении отверстий на диадемах и, в целом, способе их крепления на голове. Так, янские изделия крайне редко имеют вместо отверстий зарубки (только два предмета из 102 фрагментов концевых частей диадем). Возможно, они просто представляют собой вариант быстрого восстановления предмета в результате поломки. Все остальные — имеют свер-

ленные отверстия, чаще всего по одному, в некоторых случаях можно говорить о пересверливании/обновлении изделия.

Таким образом, в янской коллекции сверление, как технический прием оформления отверстий, имеет высокую повторяемость не только в производстве бус и подвесок из зубов животных [Питулько и др., 2012в; 2014], но и в производстве диадем. В Авдеево [Абрамова, 1962; Gvozdover, 1995] отверстия в диадемах — прорезные, а в Костенках встречаются как прорезные, так и сверленные отверстия [Абрамова, 1962]. В моравских [Klíma, 1983; Svoboda et al., 1996] и западноевропейских [Taborin, 2004] памятниках преобладают, как представляется, варианты со сверлением.

Элементы орнамента сами по себе, равно как и способы их нанесения на предметы, по-видимому, в данном случае не особенно информативны. Однако можно отметить, что, например, в моравских памятниках часто использовались глубокие и широкие нарезки, с клиновидным профилем, напоминающие зарубки, нанесенные встречными движениями в плоскостях, пересекающихся под углом, близким к 45° , или асимметричным профилем, выполненные нарезкой по касательной к плоскости рисунка [Елинек, 1982; Klíma, 1983; Svoboda et al., 1996]. Это своеобразный стиль, существенно преобразующий рельеф поверхности изделий, в отличие от геометрических орнаментов, состоящих из точек, штрихов и линий, особенно многочисленных в янской коллекции.

Набор приемов, которыми могут быть нанесены эти простейшие знаки, довольно ограничен, и сводится к резанию, прочерчиванию, наколу (точнее, набивке, как при чеканке) и комбинации двух последних. Насколько можно судить по иллюстрациям, все эти приемы представлены в материалах памятников, из которых происходят основные коллекции палеолитического «искусства» — в Мальте [Medvedev, 1998], Авдеево

[Gvozdover, 1995], Костенках [Абрамова, 1962; Abramova, 1995]. Комбинированный способ нанесения орнамента (накол/набивка+прочерчивание) распространен, вне пределов Сибири заметно реже. Так, в Мезинской коллекции, где он был отмечен Л. Е. Чикаленко еще в 1923 г., характерно его использование для «не самых совершенных» изделий [Шовкопляс, 1965]. Вероятно, тот же принцип нанесения орнамента набивкой применялся при декорировании мальтинских изделий полудлунными элементами — например, этого можно достичь, используя кость по сырой или имеющей естественную влажность поверхности.

Гораздо более важным является композиция орнаментов. Для янской коллекции характерны преимущественно простые геометрические орнаменты, расположенные линейно. Линии состоят из штрихов и точек и параллельны краю, часто нанесены по продольной оси предмета. Линейно-волнистое/зигзагообразное расположение узора, а также орнамент из поперечных линий, встречается заметно реже. Совсем редкими являются сложные геометрические композиции, образованные из прямоугольников. В качестве ограничителя орнаментального поля в сложных орнаментах могут выступать, как и на браслетах, антропоморфные символы — изображения в виде литеры «А», а также парные поперечные линии.

Перечисленные элементы орнамента и способы его организации в целом вписываются в контекст орнаментальных стилей, свойственных памятникам граветта, в особенности, моравской группы [Svoboda et al., 1996]. В отношении последней можно сказать, что ее орнаменты весьма разнообразны и сложны [Farbstein, Svoboda, 2007], при этом наблюдается стремление наносить на изделия сложные криволинейные заполняющие орнаменты. Орнаментацию, напоминающую павловскую, М. Д. Гвоздовер отмечала на диадемах из Авдеево [1995].

Улавливается нечто общее и в орнаментике диадем из памятников Русской равнины [Abramova, 1995; Gvozdover, 1995] — Авдеево, Костенках, Супонево (в последнем памятнике, помимо диадем, представлены звенья наборных браслетов, подобных янским), хотя между предметами из этих памятников гораздо более заметно внутригрупповое сходство. Это, например, орнаментация по краю крестиком, или мелкозубчатое оформление края. На Янской стоянке эти приемы неизвестны, но сам по себе принцип смещения орнаментальной линии к одному из краев предмета вполне представлен. Имеются в ней и орнаменты из мелких крестиков, образующих линию по оси диадемы. В орнаментах диадем из Авдеево [Gvozdover, 1995] можно видеть сходство с изделиями из Дольни Вистонице, но, в то же время, и с находками из Ложери-Басс и Истюриц [Tabořin, 2004]. Близки к ним и отдельные янские образцы (см., например, рис. 8, 1, 19 и др.).

В памятниках Русской равнины, Моравии и западноевропейских распространены, в том числе, орнамент в виде уголков или шевронов. На Янских изделиях он отсутствует, хотя сам по себе шеврон в орнаментированных вещах Янской стоянки встречается на отдельных предметах [Питулько и др., 2012б]. Уникальным элементом, в нашем случае, являются антропоморфные символы, используемые в качестве элемента орнамента. В янской (и, в целом, в сибирской культуре верхнего палеолита) имеется своеобразие, проявляющееся, в частности, в области производства украшений из зубов животных — в сибирских памятниках эти изделия изготовлены из зубов травоядных, на Русской равнине и в Моравии — хищных, и в этом, разумеется, есть определенный смысл.

К янским диадемам, на наш взгляд, наиболее близкими являются аналогии, которые можно усмотреть в орнаментации диадем из Мальты [Medvedev, 1998].

Хотя совпадения между янскими орнаментами и рисунками на изделиях из других регионов не столь рельефны, как в случае сходства между пронизками из Костенок и Денисовой пещеры [Синицын, 2005]. Природа этих совпадений состоит в том, что эти удаленные друг от друга комплексы происходят от единого в прошлом корня [Питулько и др., 2012б], и увидеть это можно, по образному выражению Е. Карпентера, через унаследованные стили, которые их связывают [Schuster, Carpenter, 1996]. На наш взгляд, это наиболее важное свойство этих предметов, которое существенно для постижения круга проблем, обсуждаемых в контексте «искусства» палеолита.

О его смысле, и, в частности, о смысле орнаментальных гравировок на диадемах высказывались различные предположения. К. Абсолон [Absolon, 1938] связывал их со счетно-арифметическими знаниями и действиями. Эта идея была впоследствии воспринята, усовершенствована и развита А. Маршаком [Marshak, 1972], с добавлением предположений о календарно-астрономических знаниях древнего человека, их хранении и передаче. В отечественной историографии развитие подобных взглядов связано, в основном, с деятельностью В. Е. Ларичева [2003]. Однако, как было показано, сложное объяснение не является надежным [Прието, Карденас, 2005–2009].

Информационная сущность этих орнаментов, в то же время, совершенно очевидна. На наш взгляд, эти изделия, будучи в прямом смысле личными, индивидуальными украшениями, принадлежали конкретным людям, и несли какую-то важную для них информацию. В пользу такого предположения говорит разнообразие орнаментов, высокая степень их индивидуализации, наблюдаемая особенно для браслетов. Диадемы, в то же время, обнаруживают некоторую стандартизацию нанесенных рисунков, преимущественно простейших, среди которых имеется два наиболее распростра-

ненных типа изделий. Для Янской коллекции этот тип 1 и 2.

Безусловно, нам неизвестны ни сроки службы этих изделий, ни поведение, связанное с заменой испорченного украшения — т. е. заменялось ли оно таким же изделием или просто похожим. В то же время, простейших орнаментов — большинство. В связи с этим можно предположить, что, возможно, их повышенное, в сравнении с остальными, количество, может быть связано с каким-то специфическим поведением. Одна из его возможных форм может быть связана с необходимостью замены таких украшений при смене его обладателем внутригруппового статуса — например, при переходе из группы «дети» в «юноши» и далее — во взрослое состояние, когда появляется право на подлинно индивидуальный орнамент, говорящий что-то о его хозяине. Данное предположение, как представляется, имеет смысл, поскольку объясняет, с одной стороны, простоту орнаментов, возникающую, в том числе, в связи с отсутствием необходимости изготавливать сложный предмет, подлежащий относительно быстрой замене, а с другой — массовость изделий. Интересно, что среди простейших украшений имеется два наиболее распространенных типа, что позволяет предположить и гендерный аспект, который, возможно, также проявляется в орнаментации изделий.

Как отмечено выше, в янской коллекции представлено 173 орнаментированных предмета. Косвенно, это указывает на количество людей, побывавших в древности на раскопанном нами в пункте Северный участке. Понятно, что это очень приблизительный учет, по принципу 1 человек=1 диадема, при этом можно учесть только тех, кто расстался со своим украшением. Безусловно, не может идти речь о том, чтобы оценить таким образом число обитателей стоянки, культурный слой которой, как было неоднократно подчеркнуто, сформировался в результате неоднократных последовательных

эпизодов обитания, разделенных, быть может, сотнями лет [Pitulko et al., 2013]. Однако можно предположить, что группы, посещавшие ее, были численно довольно значительны, и включали в себя несколько десятков взрослых трудоспособных членов, а также детей и подростков, на что недвусмысленно указывают размеры диадем.

Эти люди любили и умели украшать себя, и у них было для этого время. Диадемы и браслеты, рассмотренные в первом приближении в данной работе, а также бусы и подвески из зубов животных [Питулько и др., 2012б; 2012в; 2014], найденные на Янской стоянке во множестве, наглядно убеждают в этом. Эти предметы украшали обычный повседневный костюм охотников верхнего палеолита, хотя, в отдельных случаях, богатство таких украшений воспринимают как нарочитое, указывающее на ритуал и/или особый социальный статус индивида, что предполагалось, в частности, для Сунгирских погребений [Бадер, 1998], а также и моравских.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что функция данной категории предметов — личных украшений (диадем, браслетов, подвесок и бус) была не только и не столько декоративной, сколько информационной. Представляется, что они образуют трехуровневую систему, в которой орнаменты из бус и подвески из зубов животных составляли наиболее общий уровень, характеризующий принадлежность к группе в целом, орнаментация диадем, возможно, служила индикатором внутригруппового различия (для семейных групп), и, наконец, браслеты являлись в прямом смысле личными, т. е. индивидуальными украшениями, содержащими информацию о носителе и его социальном статусе. Обладание подобными системами указывает на развитые представления о личности и сложную социальную организацию, присутствующую людям верхнего палеолита Северной Евразии.

Благодарности

Авторы считают своим долгом выразить признательность руководству Программы за оказанную поддержку и поблагодарить всех, кто принимал участие в очень непростых полевых работах на Янской стоянке, участвовал в обсуждении и обработке материалов. Осуществление значительной части проделанной работы было бы невозможным без многолетней ее поддержки в рамках проекта «ЗНОКНОВ-2000» фондом Rock Foundation (Нью-Йорк, США). Отдельная благодарность С. Г. Буршневой (полевая консервация и реставрация), А. О. Машезерской (графика), П. И. Иванову (фотоработы), В. В. Ивановой (статистическая обработка данных), В. Я. Стёганцевой (обработка изображений).

Литература

- Абрамова З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР. САИ, 1962. — Вып. А4-3. — 85 с.
- Абрамова З. А., Григорьева Г. В., Кристенсен М. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 1997. — Вып. 2. — 162 с.
- Бадер О. Н. Сунгирь. Палеолитические погребения // Бадер Н. О., Лаврушин Ю. А. Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). — М.: Научный Мир, 1998. — С. 5-164.
- Верещагин Н. К., Тихонов А. Н. Исследование бивней мамонтов // Труды ЗИН АН СССР, 1986. — Т. 149. — С. 3-14.
- Герасимов М. М. Мальта, палеолитическая стоянка. — Иркутск, 1931. — 34 с.
- Григорьева Г. В. Планиграфия буснашивок верхнепалеолитического поселения Юдиново // *Stratum plus*. — 2003-2004. — Вып. 1. — С. 467-481.
- Деревянко А. П., Рыбин Е. П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // *Археология, этнография и антропология Евразии*. — 2003. — № 3. — С. 27-50.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Волков П. В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // *Археология, этнография и антропология Евразии*. — 2008. — № 2. — С. 13-25.
- Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). — М.: Наука, 1977. — 395 с.
- Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности). — М.: Наука, 1979. — 354 с.
- Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. — Прага: Артия, 1982. — 560 с.
- Заверняев Ф. М. Техника обработки кости из Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // *Советская археология*. — 1987. — № 3. — С. 111-130.
- Ларичев В. Е. Преждевременное открытие (к началу изучения древнекаменного века Сибири) // *Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика*. — Новосибирск: Наука, 2003. — С. 162-186.
- Лбова Л. В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. — Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. — 240 с.
- Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. — Новосибирск: Наука, 1980. — 176 с.
- Питулько В. В. Основные сценарии раскопочных работ в условиях многолетнемерзлых отложений (по опыту работ на Жоховской и Янской стоянках, Северная Якутия) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. — 2008. — № 2. — С. 26-33.
- Питулько В. В. Древнейшее искусство Арктики (объемные изделия из Янской стоянки) // *Археология Арктики. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй»*. Доклады. г. Салехард, 27 ноября-1 декабря 2012 г. — Екатеринбург: Изд-во «Деловая пресса», 2012. — С. 153-160.

Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. — СПб.: Наука, 2010. — 264 с.

Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Басилян А. Э., Крицук С. Г. Особенности вертикального распределения вещества в краевых областях мерзлотных полигонов и его значение для датирования четвертичных отложений криолитозоны // Материалы VII-го Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода: «Квартер во всем его многообразии. Фундаментальные проблемы, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований». 12–17 сентября 2011 г., г. Апатиты. — Апатиты: ГИ КНЦ РАН, 2011. — Т. 2. — С. 149–153.

Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Иванова В. В., Гиря Е. Ю. Жоховская стоянка: геология и каменная индустрия (предварительный обзор работ 2000–2005 гг.) // *Stratum plus*. — 2012а. — № 1. — С. 211–256.

Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А., Иванова В. В. Янская стоянка: материальная культура и символическая деятельность верхнепалеолитического населения Сибирской Арктики // Российский археологический ежегодник. — 2012б. — Вып. 2. — С. 33–102.

Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А., Иванова В. В. Символическая деятельность верхнепалеолитического населения Арктической Сибири (бусы и подвески Янской стоянки) // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. — М.: РОССПЭН, 2012в. — С. 35–51.

Питулько В. В., Иванова В. В., Каспаров А. К., Павлова Е. Ю. Тафономия, пространственное распространение, состав и сезонность фаунистических остатков из раскопок Жоховской стоянки, о-ва Де Лонга, Восточно-Сибирская Арктика (сезоны 2000–2005 гг. с добавлением материала 1989 и 1990 гг.) // Археологические вести. — 2013. — Вып. 19. — С. 26–74.

Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Иванова В. В. Искусство верхнего палеолита Арк-

тической Сибири: личные украшения из раскопок Янской стоянки // Уральский исторический вестник. — 2014. — № 2 (42). — С. 6–18.

Прието А., Карденас Р. А. Мальтинская пластинка из бивня: технологический чертеж эпохи палеолита // *Stratum plus*. — 2005–2009. — № 1. — С. 334–336.

Синицын А. А. Стилистический аспект анализа. Кремневый инвентарь, орнаменты, нательные украшения // Актуальные вопросы Евразийского палеолитоведения. — Новосибирск: ИААЭТ СО РАН, 2005. — С. 172–178.

Слободин С. Б. Археология Колымы и Континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. — Магадан: СВКНИИ СВНЦ ДВО РАН, 1999. — 246 с.

Ташак В. И. Символизм в начале верхнего палеолита Западного Забайкалья // Записки ИИМК РАН. — 2009. — Вып. 4. — С. 50–62.

Хлопачев Г. А. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. — СПб.: Наука, 2006. — 262 с.

Шовкопляс И. Г. Мезинская стоянка. — Киев: Наукова думка, 1965. — 327 с.

Abramova Z. A. L'art Paléolithique d'Europe Orientale et de Sibérie. — Grenoble: Gêrôme Millon Editions, 1995.

Absolon K. Die Erforschung der diluvialen Mammutjäger-Station von Unter-Wisternitz in Mähren. Arbeitsbericht über das zweite Jahr 1925. — Brünn, 1938.

Basilyan A. E., Anisimov M. A., Nikolskiy P. A., Pitulko V. V. Woolly mammoth mass accumulation next to the Paleolithic Yana RHS site, Arctic Siberia: its geology, age, and relation to past human activity // *Journal of Archaeological Science*. — 2011. — № 38. — P. 2461–2474.

Farbstein R., Svoboda J. New finds of Upper Palaeolithic decorative objects from Předmostí, Czech Republic // *Antiquity*. — 2007. — № 81. — P. 856–864.

Gvozdover M. D. Art of the Mammoth Hunters. The Finds from Avdeevo. — Oxford Monograph 49. Oxford, 1995.

Klíma B. Dolní Věstonice, tábořiště lovců mamutů. — Praha: Academia, 1983.

Marshak A. The Roots of Civilization. New York: McGraw-Hill Book Company, 1972.

Medvedev G. I. Art from Central Siberian Palaeolithic sites // The Paleolithic of Siberia. — Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1998. — P. 132–137.

Pitulko V. V. The Berelekh Quest: A Review of Forty Years of Research in the Mammoth Graveyard in Northeast Siberia // Geoarchaeology. — 2011. — № 26. — P. 5–32.

Pitulko V. V., Pavlova E. Y., Nikolskiy P. A., Ivanova V. V. The Oldest Art of Eurasian Arctic // Antiquity. — 2012. — 86 (333). — P. 642–659.

Pitulko V., Nikolskiy P., Basilyan A., Pavlova E. Human habitation in the Arctic West-

ern Beringia prior the LGM // Paleoamerican Odyssey. — CSFA, Dept. of Anthropology: Texas A&M University, 2013. — P. 13–44.

Pitulko V. V., Nikolskiy P. A., Girya E. Y., Basilyan A. E., Tumskey V. E., Kulakov S. A., Astakhov S. N., Pavlova E. Y., Anisimov M. A. Yana RHS Site: Humans in the Arctic before the Last Glaciation // Science. — 2004. — № 303. — P. 52–56.

Schuster C., Carpenter E. Patterns that Connect. — H. N. New York: Abrams Publishers, 1996.

Svoboda J., Ložek V., Vlček E. Hunters between East and West. The Paleolithic of Moravia. — New York and London: Plenum Press, 1996.

Taborin Y. Langage sans parole. — Paris: la maison des roches, 2004.

Н. В. Федорова

ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»

Ул. Республики, 73, Салехард, 629008, Россия

e-mail: mvk-fedorova@mail.ru

СПРАВА ОТ СОЛНЦА, СЛЕВА ОТ МЕСЯЦА: БЛЯХИ С СОКОЛЬНИЧИМ (ПРЕДУРАЛЬЕ И ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ, ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)

Статья посвящена анализу так называемых блях с сокольничим – круглых серебряных с позолотой, иногда с чернью изделий, сцены и иконография персонажей на которых удивительно единообразны. К настоящему времени их известно более 30 экземпляров. Ареал распространения: северное Предуралье – северо-запад Западной Сибири. Подробно рассматривается иконография изображений и их атрибутов, композиция декора, датировка блях, а также место производства этой группы изделий и возможная интерпретация сюжета. В заключении предлагается вывод о том, что бляхи с сокольничим, наряду с другими категориями круглых блях (литых, чеканных с перловым орнаментом по краю) имели значение для фиксации своего рода «табели о рангах» в стремительно меняющемся мире начала – середины II тыс. н. э.

Ключевые слова: бляхи с сокольничим, иконография, композиция, серебро, «солнце» и «месяц», торевтика, Предуралье, северо-запад Западной Сибири, Волжская Болгария.

Начало II тыс. на севере Западной Сибири ознаменовалось глобальными переменами в жизни общества. В археологическом материале это выразилось в появлении так называемых городков – поселений с мощными круговыми оборонительными сооружениями; резком увеличении импортных предметов, в том числе постепенном вытеснении керамики привозными металлическими котлами; а также сменой стиля и набора предметов статусного искусства: украшений и принадлежностей костюма, деталей парадного вооружения. Случившееся с XIV в. и длившееся до начала XIX века похолодание, которое даже называют «малым ледниковым периодом», запустило цепочку ответных реакций. Резко интенсифицируется «северная» торговля, так как возросла потребность в мехах, сменивших шелк, как основную до того мировую валюту. Серьезные перемены произошли в экономике: становление к этому времени в тундрах Западной Сибири кочевого оленеводства, а в лесу – пушной охоты, рассчитанной на обмен, в свою очередь привело к обострению военной напряженности между относительно оседлым населением северной тайги и кочевым – тундры. Экономические сдвиги, расширение связей с центрами средневековых

цивилизаций, вынужденная военизация общества спровоцировали новации в социальном строе и культуре, отражением чего стало так называемое статусное искусство (подробнее об этих переменах см: [Федорова, 2014, с. 3–8]). В нем в этот период появляются ранее неизвестные (или почти неизвестные) сюжеты: всадник с ловчей птицей, изображение «солнца» и «месяца», фантастических зверей, в частности грифонов. Интересно отметить, что раз появившись, новые сюжеты прочно вошли в искусство населения севера Западной Сибири, сохранившись до этнографической современности. В Предуралье картина была иной – бытовавшие в регионе, примыкавшем к Северному Уралу – Зауралью подобные изделия, исчезли после конца XIV века.

Одной из наиболее ярких и многочисленных категорий предметов «нового искусства» являются так называемые бляхи с сокольничим, анализу которых и посвящена данная статья.

На рубеже XIII–XIV вв. в северном Предуралье и в северо-западной части Западной Сибири внезапно (по меркам археологии) появляется внушительная серия круглых блях с изображением всадника в окружении зверей и птиц. Обязательный атрибут изображения на бля-

хах — «солнце» и «месяц» по сторонам головы всадника. Бляхи хранятся в центральных и локальных музеях РФ, коллекциях различных культурных фондов и в частных коллекциях.

Подобных блях к настоящему времени известно более 30 экземпляров. Общепринятые названия — «бляшки с сокольниковым», «бляшки с охотничьим сюжетом». Все они представляют собой круглые серебряные с позолотой, иногда с чернью изделия, сцены и иконография персонажей на которых удивительно единообразны.¹ На всех бляхах изображен всадник анфас к зрителю, сидящий на идущем вправо коне, ноги всадника (вернее — одна нога) показаны в профиль, руки согнуты в локтях, раскинуты: одна поднята над шеей коня, чаще всего в ней всадник держит рог; вторая лежит на крупной животной, на локте ее сидит крупная хищная птица. Слева от головы всадника изображено «солнце», справа — «месяц». Вокруг лошади за редким исключением размещаются птицы и звери, в некоторых из которых опознаются медведь, олень, пушной зверь, водоплавающая птица. На некоторых бляхах животные отсутствуют, или изображено одно животное. Чаще всего фон заполнен чернью, там, где она не сохранилась — фиксируется разделка фона под чернь параллельными линиями, реже — точечным чеканом, или довольно грубой выемкой фона чеканом, оставившим зубчатые следы. Изображения всадника, его атрибутов и животных — позолочены. Края большинства блях отделаны так называемой катушечной филигранью — бордюром, имитирующим филигрань, между ним и центральным изображением — позолоченный желобок и еще один бордюр, имитирующий крупную зернь. С оборота на некоторых бляхах заметны следы припоя, по-види-

¹ Недавно автору стали известны две бляхи с сокольниковым, абсолютно идентичные остальным по иконографии изображений, набору персонажей и технологии изготовления, но имеющие подковообразную форму.

мому, от петли для привешивания. Кроме серебряных блях встречаются и бронзовые подражания им, в том числе иногда с упрощенной схемой декора.

До сегодняшнего времени наибольшее количество блях с сокольниковым было обнаружено в Предуралье — шестнадцать экземпляров [Белавин, 2000, с. 92], восемь экземпляров — в могильниках бассейна р. Вымь [Савельева, 1987, с. 114], один — на острове Вайгач [Хлобыстин, 1993, с. 17]. В Западной Сибири известно пока всего девять экземпляров, некоторые из которых опубликованы [Шатунов, 2008, с. 51]. Необходимо отметить, что в составе частных коллекций имеется довольно много подобных блях, которые в последнее время появились на различных сайтах. К сожалению, места их находок неизвестны, поэтому для статистики местонахождений они ничего не дают. По некоторым данным, три подобные бляхи происходят из бассейна р. Иртыш, но без детализации места (благодарю А. В. Бауло за предоставленные сведения). Между тем, сама по себе эта статистика довольно интересна. Так, в Предуралье находки конца XIX — начала XX вв. сосредоточены в пределах «Пермской губернии», там, где место известно более точно — Чердынского уезда этой губернии. Более современные находки происходят из раскопок археологических памятников того же региона — Искорского городища, могильников Телячий брод, Антыбарского и Кишертского [Белавин, 2000, с. 91]. В их числе не только серебряные бляхи, но и подражания им из бронзы или изделия, декор которых, весьма условно воспроизводящий всадника, выполнен только с применением зерни и скани. Вымские бляхи (Э. А. Савельева называет их медальонами) технологически и иконографически весьма разнообразны [Савельева, 1987, с. 118], среди них встречаются как «классические» бляхи с сокольниковым (бляха из погр. 7 Жигановского могильника) [Там же, с. 114], так и бронзовые подражания [Там же, с. 116.] Некоторые бляхи с изображением всад-

Рис. 1. Бляхи с сокольничим из Западной Сибири
 1 — бляха из коллекции Ф. Мартина; 2 — бляха из Сайгатинского 4 могильника;
 3 — бляха из Березовского округа; 4 — бляха из с. Анжигорт

ника выполнены в совершенно других иконографических традициях: так «медальон № 2» отлит в односторонней форме в невысоком рельефе, всадник сидит в профиль к зрителю, птица — на кисти руки, на поясе — сумка [Там же, с. 114]. Отмечу сразу, что этот экземпляр наиболее точно соответствует среднеазиатским/иранским образцам, изображающим сцену охоты с соколом.

Почти во всех случаях, где местонахождение блях было зафиксировано археологами, они располагались в могиле на груди захороненного [Белавин, 2000, с. 95; Иванов, Крыласова, 2006, с. 75; Савельева, 1987, с. 111].

В Западной Сибири известные находки блях с сокольничим распределяются в пределах Сургутского Приобья — Березовского округа. Самая северная находка — с. Анжигорт Шурышкарского

района современного ЯНАО, т. е. на юго-западе округа [Бауло, 2007, с. 148]. В более северных районах Нижнего Приобья подобных блях не обнаружено, хотя находки серебряных позолоченных изделий, выполненных в скано-зерновой технике с применением черни здесь известны. Встречаются и бляхи с изображением всадника, но более поздние, датированные временем около XIV–XV вв. и выполненные совершенно в другой традиции: тисненные из тонкой фольги, всадник изображен с копьем, поражающим повергнутого врага [Там же, с. 146].

Все найденные в Западной Сибири бляхи с сокольничим однотипны, лишь две из них характеризуются отсутствием бордюра из катушечной филигранны — бляха, опубликованная Я. И. Смирновым в атласе «Восточное серебро» [Смирнов, 1909, с. 16] и бляха из поселка Анжигорт [Ко-

мова, Приступа, 2012, с. 126, 127] (рис. 1). Бронзовых подражаний, или блях с другой иконографией всадника — как в вымских могильниках — не обнаружено, во всяком случае, там, где место нахождения зафиксировано более или менее точно.

Среди блях из частных коллекций, точное место нахождения которых не известны, встречаются очень интересные экземпляры, как «классического» облика (рис. 2), так и довольно необычные для этой категории вещей (рис. 3, 4). Две бляшки с упрощенным изображением: всадник на схематично прорисованном коне, положение рук стандартное, но рисунок очень грубый, рог и птица отсутствуют, на месте лишь солнце и месяц — абсолютно аналогичны как по размерам, так и по оформлению и рисунку изображений. Они различаются только способом крепления: у одной в грубо пробитое отверстие вставлено кольцо из круглого дрота, у второй припаяна широкая петля, закрывающая голову всадника. Наличие двух одинаковых блях, насколько мне известно, кроме этих было зафиксировано лишь один раз (бляха из Березова и Анжигортская). Еще одна бляха отступает от канонов даже сильнее, чем две вышеупомянутые: всадник сидит на коне, но нога его не прорисована, птица, солнце и месяц на месте, но вместо рога — сабля острием вверх, предельно странны звери вокруг коня: один напоминает собаку с задранной на спину хвостом, второй изображен с головой, повернутой назад, третий вообще не опознается — не то зверь, не то антропоморфный персонаж (рис. 5).

Датировки

Почти все авторы публикаций блях с сокольниковыми единодушны в вопросе датировок этих изделий, относя их к XIII–XIV вв., Э. А. Савельева, правда, приводит несколько отличную датировку: XI–XIII вв. [Савельева, 1987, с. 118]. Место производства определяется как городские центры Волжской Болгарии [Смир-

Рис. 2. Бляха с сокольниковым из частной коллекции, найдена в пос. Хулимсунт

Рис. 3. Бляха с сокольниковым из частной коллекции

Рис. 4. Бляха с сокольничим
из частной коллекции

нов, 1964; Белавин, 2000; Федорова, 2003]. В качестве подтверждения болгарской атрибуции блях некоторыми авторами полагается бронзовая матрица — случайная находка на городище Великие Болгары, хранящаяся в ГИМе [Лещенко, 1970, с. 136–138]. Изображенная на матрице сцена лишь в самом общем приближении напоминает бляхи с сокольничим — всадник сидит на животном, отдаленно напоминающем коня, вокруг него расположены птицы, рыбы и неясные звери. То есть, если она и употреблялась для отливки круглых блях, они ни в коей мере не являются однотипными тем бляхам с сокольничим, которые служат предметом рассмотрения в данной статье.

Композиция сцены

Композиция декора большинства блях (в данном случае имеются в виду серебряные бляхи с наиболее полным набором атрибутов и персонажей, бронзовые подражания им не рассматриваются) строится из трех частей. *Обязательные персонажи и атрибуты:* конь, всадник, хищная птица на его локте, «солнце» и

«месяц» по бокам головы всадника, рог, который всадник держит в левой руке. *Чаще всего встречающиеся персонажи:* водоплавающая птица под конем, ниже ее — зверь, напоминающий медведя, пушной зверь — перед грудью коня. Последний может располагаться как спиной, так и грудью по отношению к коню. Единственные бляхи, на которой отсутствует водоплавающая птица — бляха из Березова и Анжигорта [Бауло, 2007, с. 148; Комова, Приступа, 2012, с. 127]. *Не обязательные персонажи:* дополнительные животные вокруг всадника. Чаще всего изображается животное, напоминающее оленя [Угорское наследие, 1994, с. 111; Белавин, 2000, с. 92], реже — персонаж, напоминающий еще одного пушного зверя. На некоторых бляхах сзади коня изображен некий предмет в виде изогнутой полосы, орнаментированной круглыми углублениями [Белавин, 2000, с. 92], или таким же образом орнаментированный предмет треугольной формы. Назначение этих предметов неясно, А. М. Белавин предполагает, что полоса передает длинный пояс всадника, «хотя возможно, это плетка или повод от узды лошади» [Там же, с. 93]. К уникальным элементам изоб-

Рис. 5. Бляха с сокольничим
из частной коллекции

Рис. 6. Бляха с сокольничим из частной коллекции с изображением трилистника

ражения на бляхах относится нечто вроде пальметты, изображенной между ногами (на животе — ?) всадника [Там же, с. 92, рис. 40, б]. Можно было бы вообще не упоминать это изделие ввиду его абсолютной редкости, но недавно автору стали известны еще две подобные бляхи из

частных коллекций, на которых пальметта расположена в сердцевидном побеге и помещается между передними и задними ногами коня (рис. 6). По-видимому, декор блях может оказаться еще более разнообразным, чем мы сейчас это себе представляем.

Атрибуты всадника и окружающие его персонажи

Рог. На бляхах с сокольничим рог является практически обязательным атрибутом. Изображение рога в руке антропоморфного персонажа появляется в Предуралье и Западной Сибири не ранее XII в. — две фигурки так называемых «Перунов-Войпелей» [Там же, с. 152; Белавин, 2012, с. 131–136]. В декоре серебряного блюда, найденного случайно в верхнем течении р. Сыня (ЯНАО, Шурышкарский район) на бортике изображены два персонажа, держащие в руках рог (рис. 7). Блюдо датируется XII–XIII вв. [Федорова, 2011, с. 75–82]. Наиболее массово эта деталь встречается на бляхах с сокольничим. Б. И. Маршак в свое время обратил мое внимание на эти рога, он считал их

Рис. 7. Фрагмент блюда с изображением двух персонажей с рогом

питейными: персонажи на серебряном блюде с р. Сыни явно используют рог по прямому назначению. В Западной Сибири этот атрибут сохраняется до этнографического времени: человек с рогом изображен на перстне из Эссского могильника, в XIX–XX вв. конные персонажи с рогом в руке украшали жертвенные покрывала манси и северных хантов [Гемуев, Бауло, 2001, с. 122, 124]. В погребениях поздних могильников в Нижнем Приобье обнаружены медные рога, некоторые из них служили вложением в фигуру духа-покровителя. В XIX в. рога использовались в качестве табакерок [Мурашко, Кренке, 2001, рис. 60, 61]. В наши дни атрибутами одного из самых популярных божеств угорского пантеона — всадника Мир-Сусне-Хума — считаются бутылка водки в одной руке и табакерка с табаком в другой [Гемуев, Бауло, 2001, с. 21].

Шлем (?). Многие всадники остроголовы: очевидно, подразумевалось изображение шлема, у некоторых из них конический шлем заканчивается «изображением шарика — имитацией навершия шлема» [Белавин, 2000, с. 93]. Подобные шлемы с шариками — навершиями изображены на парных блюдах из деревни Большая Аникова (Пермский край) и Нильдинском [Даркевич, 1976, табл. 24; Бауло, 2004, с. 130, фото 5].

Одежда всадника. Несмотря на довольно условную передачу одежды всадника, можно отметить, что все они изображены в коротком верхнем одеянии с асимметричной застежкой. Ворот, застежка и пояс, как правило, украшены круглыми углублениями. Нижняя часть одежды не детализирована, очевидно, лишь, что всадник обут в мягкие сапоги.

Конь. Конь всегда идет вправо от зрителя — это тоже является обязательным для всех без исключения блях. Показан в спокойном шаге, так, что видны все четыре ноги, грива на многих изделиях передана рядом таких же углублений, как орнамент на одежде всадника или косо поставленных отрезков. Голова коня очерчена одной

плавной линией от кончика уха к носу, нос как бы срезан вертикальной линией, глаза крупные миндалевидной формы. Хвост коня имеет резкий уступ при переходе от спины. У некоторых коней можно разглядеть изображение нагрудного и подхвостного ремней, причем нагрудный ремень снабжен своеобразной фигурой в виде «птички» углом вверх.

Птица. Крупная хищная птица сидит в профиль на левом локте всадника, тогда как место ловчей птицы при изображении реальных сцен охоты с соколами — рукавица на левой руке, прижатой к груди. У птицы крупная голова с мощным клювом, круглый глаз. Изображение глаза представляется важным, так как в реальной охоте голова сидящего на руке всадника сокола обычно закрыта специальным кlobучком [Федоров, Матехина, Осипов, 2011, с. 199–212]. На шее птицы всегда рисуется своеобразный «ошейник» из двух линий, крыло откинута на спину, хвост сложен. Довольно часто хвост и крыло отделяются от туловища двойной линией.

Животные вокруг коня. Рисунок фигур животных имеет много общего: все они изображены в профиль, голова, так же как голова коня, обрисована одной линией, от уха до подбородка, глаза круглые, на шее — ошейник. Животное, идентифицируемое обычно как медведь, изображено с коротким хвостом и двумя мощными когтистыми лапами. У пушного зверя длинный хвост и также когтистые лапы. У «оленья» — небольшие рога. Водоплавающая птица изображена в «плывущей» позе.

Солнце и месяц. Относятся к атрибутам, которые присутствуют на всех без исключения бляхах, и всегда расположены на одном месте — солнце слева от головы всадника, месяц — справа. При этом рожки месяца могут быть повернуты вправо, влево или вверх.

Таким образом, технология изготовления блях, композиция сцены, иконография всадника, его атрибутов и окружающих его животных обнаруживают

удивительное единообразие, вне зависимости от района обнаружения блях. Вероятнее всего, это может свидетельствовать о том, что они были изготовлены в одном центре. Предполагать — как ранее — его локализацию в одном из городских центров Волжской Болгарии вряд ли правомерно. Тем более, что датировка блях XIII–XIV вв., то есть уже золотоордынским временем, ставит под сомнения массовое производство этих ювелирных украшений в одном из ее городов. Посуда золотоордынского времени, изготовленная, скорее всего в городских центрах Волжской Болгарии, довольно сильно отличается от домонгольской [Федорова, 1991], тогда как бляхи с сокольников обнаруживают некоторое сходство с изделиями западно-сибирских литейщиков, предуральских серебряников и домонгольских торевтов Волжской Болгарии. Скорее всего — если вспомнить большое количество бронзовых подражаний бляхам с сокольников, и различных вариантов самих блях, обнаруженных в Предуралье и даже в республике Коми — можно предположить работу мастеров болгарской выучки, переместившихся из этих городских центров на территорию Пермского края и имеющих тесные контакты с мастерами и заказчиками по обе стороны северного Урала.

Образцы и иконографические предпосылки

Бронзовые литые всадники в массовом исполнении появились в регионе Предуралья — севера Западной Сибири около IX–X вв. [Белавин, Крыласова, 2009, с. 79–88]. Они также сидят анфас к зрителю, но на бок коня спущены обе ноги. В это же время изготавливаются блюда с изображением всадника с птицей на локте, относящиеся к урало-венгерскому кругу [Федорова, 2003, с. 138–153].

Восточные образцы

Вопрос о механизмах заимствования с различных, чаще всего ближневосточных, иранских и среднеазиатских образ-

цов, ставился неоднократно. Что и как могли копировать мастера центров Восточной Европы? Нужно ли для такого копирования/подражания обязательное наличие государства с развитыми городскими центрами? Каким образом воспринимали изображения на привозных серебряных сосудах те, кто был заказчиками и покупателями этих изделий?

Не претендуя на исчерпывающее решение этих сложных вопросов в рамках данной статьи, отмечу, что можно разделить инокультурные образцы на две категории. Образцами так сказать «первой очереди», которые отчасти копировали мастера, могут быть вещи, обнаруженные в очерченном регионе, то есть заведомо известные в различных центрах востока и севера востока Европы, в том числе Волжской Болгарии и Предуралья. Серебряные блюда с изображениями всадников появились в Предуралье и Западной Сибири в сасанидское и постсасанидское время. С них вполне могли заимствовать как саму идею композиции — всадник, окруженный зверями, так и некоторые иконографические идеи: посадка всадника анфас к зрителю, с ногой в профиль, со спущенным носком. Важным представляется и то, что на одном из таких блюд с изображением всадника местный мастер нанес гравированные изображения солнца и месяца по бокам его головы [Лещенко, 1976, с. 176–187].

Образцы «второй очереди» — изделия мастеров Востока, которые, так или иначе, могли стать известны авторам блях. Тем более, что многочисленные факты, появившиеся в нашем распоряжении в последнее время, подтверждают, сколь мало до сих пор известно о контактах средневекового населения севера и востока Европы, Западной Сибири с так называемыми центрами средневековых цивилизаций. Сюжет «всадник с соколом» в исламской среде известен с IX в., причем он довольно быстро распространяется и в сопредельных странах. Так, серебряная пластина с изображением всадника с со-

колом на предплечье правой руки, держащего повод в поднятой левой, происходит из погребения прихожей Великоморавской церкви в Старе Место, датируется К. Бендой по инвентарю и истории церкви IX в. [Benda, 1963]. Золотая буидская медаль X в. имеет на обороте всадника с соколом, подобная же медаль из серебра из коллекции М. Бахрами также датируется X в. [Bahrami, 1952] Всадник с соколом на перчатке левой руки, плечи развернуты в фас (как и на бляшках) изображен на костяной шкатулке испано-мавританской работы [Migeon, 1907]. В XI–XII вв. подобные сюжеты в различном материале известны довольно широко в Средней Азии: бронзовое хорасанское зеркало интересно еще и тем, что на нем вокруг всадника изображены различные звери [Искусство Средней Азии., 1980, с. 169, 170]. На стеклянном медальоне из дворца Термезских правителей (XII в.) — всадник с соколом на фоне растительного орнамента [Там же]. В более позднее время встречается изображение всадника с соколом и собакой — зеркало из коллекции музея Виктории и Альберта XII–XIII вв. [A Survey of Persian Art, 1938–1939, p. 1301].

Интерпретация блях с сокольничим

Диапазон мнений исследователей колеблется от оценки блях, как предметов, связанных с охотничьей магией, шаманизмом, и даже определения их как отличительных знаков шаманов, до признания их знаками вассальной зависимости «официальных лиц, имевших право представлять интересы болгарской администрации в отдельных местностях Предуралья и Приобья» [Белавин, 2000, с. 95]. И. Н. Гемуев и А. В. Бауло рассматривают этот сюжет в контексте культа всадника, характерного для современных обско-угорских народов: манси и ханты [Гемуев, Бауло, 2001, с. 21].

На этом необходимо остановиться подробнее. Культ всадника на севере Западной Сибири, устойчивые прояв-

ления которого исследователи видят в некоторых артефактах эпохи средневековья и нового времени, явление, строго говоря, труднообъяснимое. Представить себе скачущего по болотистой тайге вооруженного всадника с ловчей птицей на локте одной руки и рогом в другой, человеку, хоть немного знакомому с природой западносибирского севера, просто невозможно. Местные герои первопредки и божества различных рангов обычно занимаются — с поправкой на божественную умелость — теми же делами, что и их потомки из людского племени — охотятся (миф о шестиногом лосе), воюют, ловят рыбу — и покровительствуют этим занятиям у людей. И лишь один из главных божеств — Мир-Сусне-Хум, «человек объезжающий землю, объезжающий воду» [Гемуев, Бауло, 2001, с. 8] — объезжает мир верхом на коне. Появление этого культа с позиций западносибирских реалий не объяснимо, поэтому исследователями привлекаются факты почитания иранского божества Митры: «говоря о Мир-Сусне-Хуме, необходимо отметить, что этот персонаж пантеона был заимствован предками манси и хантов из иранской мифологии — стабильные, многовековые контакты угров с Ираном (во время их проживания в степях Южной Сибири) не прошли бесследно» [Там же, с. 9]. И даже: «Идеи митраизма, по-видимому, в значительной мере определяли мировоззрение угров, идеологическая экспансия которых оказалась настолько мощной, что изменила систему традиционных верований (курсив мой — Н. Ф.), свойственных доугорскому (т. н. уральскому) населению Европейского и Сибирского Приуралья и бассейна р. Оби» [Там же]. Картина обско-угорского пантеона и, в частности, место Мир-Сусне-хума, который известен под различными именами, соответственно его сущности и задачам на земле людей, обрисованная А. В. Головнёвым, выглядит гораздо сложнее [1995, с. 549–554]. Не вдаваясь в тонкости обско-угорской мифологии

отмечу лишь то, что важно для темы: у Мир-Сусне-Хума не все в порядке с происхождением по отцовской линии: «его имена указывают на безотцовство» [Там же, с. 550, 551]. Не есть ли это отражение его позднейшего по сравнению с исконными божествами и духами появления в пантеоне? Столь глубокое влияние митраизма на народы, живущие в северной тайге и теснейшим образом связанные с окружающей средой уже в силу основных занятий — охоты и рыболовства, мне представляется сомнительным. Тем более, что у других степных и лесостепных народов Приуралья и Западной Сибири культ Митры никоим образом не фиксируется.

При попытках интерпретации блях с сокольным обычно делается ударение на изображении всадника. Остальные атрибуты и окружение упоминаются меньше, отмечается «привозной» характер сюжета, а также солнце и месяц как объекты почитания. «В основе композиции лежит сюжет соколиной охоты, не известный ранее в искусстве народов Предуралья и, видимо, заимствованный болгарскими ювелирами из Средней Азии» [Белавин, 2000, с. 91]. «Традиционно бляхи с «сокольным» оценивались как предметы, связанные с охотничьей магией, шаманизмом, их признавали также отличительными знаками шаманов. Культурное значение блях обычно обосновывали солярными знаками, которые... могли иметь не культовое, а геральдическое значение, придающее данному предмету особый юридический статус» [Там же, с. 95]

Важным для понимания значения и назначения этой категории вещей, на мой взгляд, являются следующие факты:

Иконографическое сходство с более ранними литыми из бронзы изображениями всадников [Белавин, Крыласова, с. 83]: посадка всадника анфас, шлемы с шишечками, движение коня вправо. Это может указывать на некоторое «идеологическое» единство тех, кто отливал и тех,

кто использовал изображения всадников на протяжении IX–XI вв. в регионе Среднего Предуралья — Западной Сибири [Там же с. 87], с теми, кто через одно-два столетия изготавливал бляхи с сокольным.

Наличие у изображений сокольного обязательных атрибутов в виде «солнца» и «месяца». Сама по себе интерпретация знаков, как солярного и лунарного, которая встречается как очевидная в работах практически всех авторов, на самом деле далеко не бесспорна (анализ происхождения, оформления и развития сюжета «солнца и луна у головы антропоморфного персонажа» вплоть до этнографической современности см: [Брусницына, Федорова, в печати]). Автору довелось, например, слышать и такое объяснение из уст ханты: эти знаки обозначают временной промежуток между ранним месяцем и полной луной. Таким образом — «возможны варианты». Наиболее ранние изображения этих знаков датируются временем около VIII — середины IX вв. [Там же].

Новый, ранее не известный атрибут — рог, впоследствии сохраняется до этнографического времени, тиражируется, как и некоторые другие аксессуары и иконографические особенности всадника на жертвенных покрывалах и шлемах манси и ханты [Гемуев, Бауло, 2001, с. 136, 139, 141].

Сокол, вернее крупная хищная птица всегда имеет на шее изображение ошейника — знак приручения? Есть некоторые факты, указывающие на умение приручать дневных хищных птиц на севере Западной Сибири еще со времени около рубежа эр. Известно также, что наиболее пригодных для великокняжеской и царской охоты соколов вывозили с Приполярного Урала [Кутепов, 1896]. Вывоз соколов для охоты был выгодной статьей торговли. Они высоко ценились как при дворе русского Великого князя, так и при дворах других европейских государей, их вывозили из Новгорода ино-

странные купцы, несмотря на трудности транспортировки [Хорошкевич, 1963]. Соколы ценились не только при европейских дворах, но во всем средневековом мире — от Китая [Шефер, 1981] до Британских островов. В грамоте великого князя Ивана Даниловича (Калиты), которая датируется 1328–1341 гг. говорится об освобождении печорских сокольников от некоторых повинностей [Ясински, Овсяников, 2003, с. 62]. В сообщениях ряда средневековых авторов (Павла Иовия, Рафаэля Барберини) приводятся следующие пассажи об Уральских горах, Западной Сибири и их обитателях в связи с вывозом соколов: «На вершинах их (Гиперборейских гор — Н. Ф.) ловят самых превосходных соколов»; «Горы эти, говорят, утесисты и бесплодны и водятся на них только белые соколы... Я видел их в Москве у государя, который очень любит их за храбрость». Неизвестный автор (1666 г.) сообщал о складе в Тобольске: «Сюда сносят все сокровища, которые собирают для царя со всей Сибири, как-то... замечательно красивых соколов» [Гемуев, Бауло, 2001, с. 20]. Если вдуматься в то, какое важнейшее значение в начале II тыс. играла, говоря современным языком, международная торговля для северо-востока Европы и севера Западной Сибири, то вопрос о назначении блях с сокольничим может обрести еще один аспект. Впрочем, рассуждать на эту тему можно до бесконечности.

В начале статьи упоминалось о появлении новых сюжетов в искусстве севера Западной Сибири и, отчасти, Предуралья. Некоторые из них труднообъяснимы: так, например, известны четыре литые бляхи с изображениями классических грифонов с распахнутыми крыльями явно местного, западносибирского производства. Всадники с птицей, устойчивая традиция изображения/размещения «солнца» и «месяца» также свидетельствуют о том, что местный набор фауны, который главным образом изображался на предметах статусного искусства, пере-

стал отвечать требованиям дня. Это с одной стороны. С другой, представляется очевидным, что контакты с иными цивилизациями не ограничивались меновой торговлей, но подразумевали и обмен какими-то знаниями, мифологическими/религиозными сюжетами, что позволяло идентифицировать, казалось бы, чуждые образы, как отражение своих новых реалий.

Абсолютно не случайным выглядит совпадение ареалов распространения четырех групп изделий: литых изображений всадников; круглых литых из серебра и бронзы блях с изображениями антропоморфных персонажей и различных фантастических зверей; круглых блях с перловым орнаментом по краям, чаще всего покрытых рисунками-гравировками, выполненными ножом уже после изготовления блях; и, наконец, блях с изображением сокольничих. Литые изображения и круглые литые бляхи производились, скорее всего, в Западной Сибири, бляхи с перловым орнаментом вдоль края, по видимому, изготавливались в северном Предуралье. Распространение трех последних категорий изделий в одно и то же время и в одном ареале дает возможность предположить их сходное назначение.

В заключение необходимо отметить, что бляхи с сокольничим вероятнее всего имели важное значение для фиксации своего рода «табели о рангах» в среде населения северо-восточной Европы и северо-западной — Западной Сибири, отражая какие-то новые представления средневекового населения региона в стремительно меняющемся мире начала II тыс. С точки зрения изучения формирования школ и центров производства художественного металла важно то, что они с одной стороны, явились показателем технического и художественного единства некоей группы (групп) высококлассных мастеров, с другой — явно впитали в себя множество, как местных, так и достаточно далеких территориально художественных и технологических идей.

Литература

Бауло А. В. Богатырь и невеста (серебряное блюдо с реки Сыня) // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2001. — 2 (6). — С. 123–127.

Бауло А. В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. — Новосибирск, издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. — 158 с.

Бауло А. В. Средневековые изделия из серебра на севере Западной Сибири: новые находки // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2007. — 1 (29). — С. 148.

Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. — Пермь, издательство ПГПУ, 2000. — 196 с.

Белавин А. М. Антропоморфные фигуры северной Евразии: Перун, Войпель или Нуми-Торум // Археология Арктики. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». — Екатеринбург: Издательство «Деловая пресса», 2012. — С. 131–136.

Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Предметы с изображением сюжета «животное/всадник на основании» в культуре средневекового населения Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2010. — 2 (42). — С. 79–88.

Брусницына А. Г., Федорова Н. В. Хозяйку берегущая. Бляха с изображением антропоморфного персонажа из с. Шурьшкары Ямало-Ненецкого округа // Археология, этнография и антропология Евразии. — В печати.

Гемуев И. Н., Бауло А. В. Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов. — Новосибирск, издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. — 159 с.

Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. — Екатеринбург: УрО РАН, 1995. — 600 с.

Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной тюретики на территории Европейской части СССР и Зауралья. — М.: издательство Наука, 1976. — 196 с.

Иванов В. А., Крыласова Н. Б. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). — Пермь, издательство ПФ ИИиА УрО РАН, 2006. — 163 с.

Искусство Средней Азии эпохи Авиценны. — Душанбе: Ирфон, 1980. — 168 с.

Копова Н. Г., Приступа О. И. Серебро древней Югры. Каталог. — Екатеринбург: Издательство «Баско», 2012. — 139 с.

Кутепов Н. И. Великокняжеская и царская охота на Руси. — СПб., 1896.

Лещенко В. Ю. Бляхи с охотничьими сценами из Поволжья // СА. — 1970. — № 3. — С. 136–148.

Лещенко В. Ю. Использование восточного серебра на Урале // Приложение к книге В. П. Даркевич. Художественный металл Востока. — М.: Наука, 1976. — С. 176–187.

Мурашко О. А., Кренке Н. А. Культура аборигенов Обдорского Севера в 19 веке. По археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ. — М.: Наука, 2001. — 155 с.

Савельева Э. С. Вымские могильники XI–XIV вв. — Л.: издательство ЛГУ, 1987. — 200 с.

Смирнов А. П. К вопросу о месте производства шаманских привесок // КСИА. — 1964. — Вып. 99.

Смирнов Я. И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. — СПб.: издательство Имп. Археол. Комиссии, 1909. — 18 с., 300 табл.

Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Кол. мон. — Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. — 159 с.

Федоров В. М., Матехина Т. С., Осипов Д. О. К истории соколиной охоты в

Новгородской земле // Записки Института истории материальной культуры РАН — СПб.: издательство «Дмитрий Буланин», 2011. — № 6. — С. 199–212.

Федорова Н. В. Золотоордынская торевтика в Приобье // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. — Ижевск, 1991. — С. 193–204.

Федорова Н. В. Торевтика Волжской Болгарии. Серебряные изделия X–XIV вв. из Зауральских коллекций // Труды КАЭЭ. — Пермь: изд-во ПГПУ, 2003. — Вып. 3. — С. 138–153.

Федорова Н. В. Серебряное блюдо со сценами борьбы из Нижнего Приобья // Археология, антропология и этнография Евразии — Новосибирск, 2011. — Вып. 4. — С. 75–82.

Федорова Н. В. Региональная экономика и стратегии адаптаций древнего и средневекового населения севера Западной Сибири // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Арктический вектор научного поиска: история и традиционная культура. Материалы научно-практической конференции «Обдорья: история, культура, современность». — Салехард: ЗАО «СПЭИБ», 2014. — Вып. № 1 (82). — С. 3–8.

Хлобыстин Л. П. Святилища Вайгача // AD POLUS. Памяти Л. П. Хлобыстина. Археологические изыскания. — СПб.: Издательство «ФАРН», 1993. — Вып. 10. — С. 15–18.

Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода в XIV–XV в. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 365 с.

Шатунов Н. В. Медальон с сокольным из сибирской коллекции Ф. Р. Мартина // Барсова Гора. Древности таежного Приобья. — Екатеринбург–Сургут: изд-во «Уральское издательство», 2008. — С. 50–55.

Шефер Э. Золотые персики Самарканда. — М.: Наука, 1981. — 607 с.

Ясински М. Э., Овсяников О. В. Пустозерск. Русский город в Арктике. — СПб.: издательство «Петербургское востоковедение», 2003. — 400 с.

Bahrami M. A. Gold medal in the Freer gallery of Art // Archeologica orientalia in memoriam Ernst Herzfeld. — N.Y., 1952.

Benda Kl. Stribrny terc se sokolnicem ze Stareho Mesta u Uherskeho Hradiste // Pamatky archeologcke. — LIV, 1963.

Migeon G. Manuel d'art musulman. — Paris, 1907. — V. II.

A Survey of Persian Art. — Oxford–New York, 1938–1939. — Vol. I–VI.

А. В. Бауло

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Пр. Академика Лаврентьева, 17,
Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bau194@ngs.ru*

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ РУССКИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX В. НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (НОВЫЕ НАХОДКИ)

Статья посвящена новым находкам изделий русских ремесленников конца XVIII — начала XIX в., сделанным на Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского АО. Вновь обнаруженные предметы расширяют наши знания об ассортименте тобольских мастерских, а также о вариантах их использования в обрядовой практике обских угров.

Ключевые слова: пластина, наруч, мастерские, Тобольск, обряд, ханты, манси.

На протяжении XIX–XX вв. исследователями в домашних и на поселковых святилищах обских угров было зафиксировано немало серебряных, медных и жестяных блюдец российского производства; этот факт отражал давнюю традицию употребления в обрядах серебряных сосудов [Прыткова, 1949; Бауло, 2009].

Эта традиция была сформирована поступавшими в Сибирь в IX–XIII вв. иранскими и среднеазиатскими сосудами. Уникальные образцы восточной торевтики оказались в центре ритуальной практики, а представленные на них сюжеты внесли лепту в развитие мифологических представлений и иконографии в искусстве обских угров.

В IX–XIV вв. в торговые связи с жителями Приобья включились ремесленники и купцы Прикамья и Волжской Булгарии. Их продукция продолжила традицию продвижения на север восточного серебра и функционирования его в религиозно-обрядовом комплексе остяков и вогулов. Новшеством стало изготовление серебряной утвари с учетом вкусов и запросов северян.

После распада Волжской Булгарии в XIII в. и до XVII в. художественное серебро поступало на север Сибири в минимальных величинах. Его поставки возоб-

новились с вхождением вогулов и остяков в состав Российского государства. При изготовлении серебряной и медной утвари для северян русские ремесленники ориентировались на более ранние образцы Ирана, Средней Азии, Волжской Булгарии. Большие литые серебряные иранские или болгарские блюда сменились штампованными тарелками, серебряными и медными блюдцами с изображениями всадников, животных и охотничьих сцен. В XIX–XX вв. в ритуальной практике пользовались русскими медными щитками для защиты запястья руки, напоминающими более ранние болгарские и прикамские образцы. Сохранение традиции во многом определялось заказом со стороны вогулов и остяков.

В 2013 г. на территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов были сделаны новые немногочисленные находки упомянутых русских изделий; к сожалению, большая их часть относится к результатам деятельности т. н. поисковиков, сами же находки ушли в неизвестные частные коллекции.

Находки на территории ЯНАО

Накладка (маска) на «лицо» фигуры духа-покровителя. Фотография этого изделия была опубликована на сайте <http://>

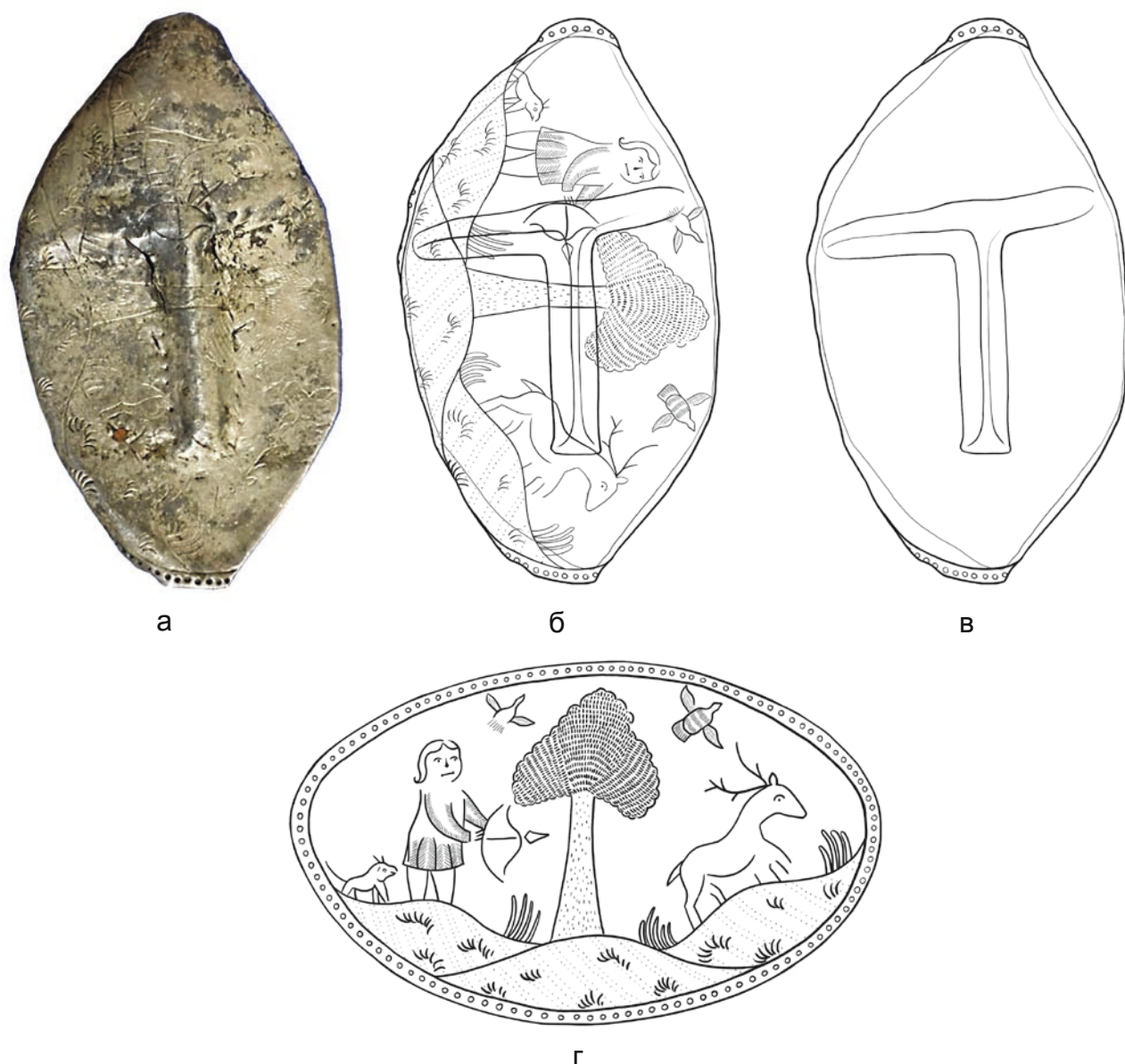

Рис. 1. Накладка (маска) на «лицо» фигуры духа-покровителя
 а — фото накладки; б, в — прорисовка накладки; г — прорисовка вотивного щитка

forums-su.com/ в июле 2013 г. (рис. 1, а, б, в). Судя по сопутствующей информации, находка относится к лету того же года, сделана жителем г. Салехарда, как я полагаю, в бассейне р. Подуй, возможно, в пос. Зеленый Яр.

Изначально изделие представляло собой русский вотивный серебряный щиток для защиты руки от удара тетивы (рис. 1, г). Его размеры ок. 12,5×8,5 см. На лицевой стороне щитка выгравирована сцена охоты на оленя с собакой. Наиболее близкими аналогами по сюжету и способу передаче основных персонажей

являются блюда из бассейна Северной Сосьвы (1795 г.) и прямоугольная пластина из Ломбовожа [Бауло, 2009, с. 75, 144]. Предположительно полуйский щиток изготовлен в конце XVIII в. в одной из тобольских мастерских.

В обрядовой практике хантов его использовали в качестве серебряной накладки на «лицо» фигуры семейного духа-покровителя, при этом черты лица самой деревянной фигуры стали своеобразной матрицей: образованные рельефные валики повторяют известный Т-образный рисунок бровей и носа.

Тожественный вариант оформления «лица» духа-покровителя был описан в 2002 г. в пос. Зеленый Яр. В доме сестры старейшего жителя поселка и, видимо, наиболее авторитетного в религиозных делах человека, П. Кали, хранилась фигура духа-покровителя — среднего из трех братьев. Старшего брата «держал» П. Кали. Длина «идола» около 45 см. Основа — деревянная фигура под многочисленными одеждами; лицо закрыто железной маской, заостренной вверху, лоб и нос рельефно выделены. Верхняя рубашка выполнена из красного клетчатого сукна. Часть рубах имеют ворот с завязкой, ворот одной рубахи застегнут на большую пуговицу. Голова фигуры выглядывает из-под меховой шапки. Сверху фигура духа завернута в большой кусок байковой ткани (рис. 2).

Традиция изготовления металлических личин для фигур обскоуторских божеств — достаточно давняя, свидетельства тому представлены в источниках XVIII–XIX вв. «В Шорковых юртах бе кумир изсечен из древа в подобие человеце, сребрено имеющ лице» (в другом варианте: «з жести изваянная личина»). Известный Нахрочинский идол представлял собой кумира, чье «злообразное лице белым железом обложено» [Новицкий, 1941, с. 55, 72, 93]. «Иноверцы Березовской округи» (1783 г.) «болванов имеют деревянных из обрубка лесины разной величин... а рожи приделывают высеченные на тонком железе...» [Андреев, 1947, с. 96]. Лекарем В. Шавровым в начале XIX в. были описаны наиболее видные фигуры остяцкого пантеона, в частности *Ортик*, «друг и помощник *Торыма*»: «Кумир сей так устроен: голову составляет деревянный обрубок, к коему приделано лице, выбитое из самага чистаго серебра...» [Белявский, 1833, с. 96]. По сведениям М. А. Кастрена, лица многих идолов обдорских остяков были «обложены листовым железом» [1860, с. 186].

Серебряный щиток с изображением лука и стрелы (рис. 3). Длина ок. 13 см. Края щитка оформлены полоской расти-

тельного орнамента. Стилистика изображения лука и стрелы напоминает способ передачи подобных атрибутов на тобольских серебряных изделиях конца XVIII в. [Бауло, 2009, с. 75, 135–139]. Судя по отсутствию каких-либо отверстий, можно предполагать, что щиток находился в священном сундуке (или священной нарте) хантов в качестве жертвенного дара семейным пенатам.

Оба щитка были выставлены на указанном электронном ресурсе одним человеком.

Находки на территории ХМАО-Югры

Пластина овальная с изображением оленя на фоне деревьев и кустов (рис. 4). Тобольск, 1820-е гг. Серебро. Размеры 10,6×6,7 см. Чеканка. Край оформлен валиком с насечками. По краю пластины в четырех местах пробито по два отверстия.

Над головой оленя выбито клеймо П•Б — тобольского мастера Петра Тимофеевича Брюханова. Он записан в делах Тобольского архива по Тобольской ремесленной управе в 1788 г. в возрасте 30 лет и упоминается вплоть до 1819 г.; самое позднее блюдо этого мастера датируется 1822 г. [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 91, рис. 83, 1]. До настоящего времени было известно 16 изделий с клеймом П. Т. Брюханова (11 блюдец, 3 прямоугольные пластины и две мужские статуэтки), овальная пластина работы этого мастера встречена впервые.

Она была обнаружена сотрудниками Приполярного этнографического отряда ИАЭТ СО РАН в 2013 г. на священном месте манси, которое расположено на левом берегу речки, вытекающей из старицы Норколн-урай («Зимнего дома старица» — манс.) и впадающей слева в Северную Сосьву выше пос. Верхнее Нильдино (Березовский р-н ХМАО-Югры). Фактически это небольшой холм у реки, местные жители называют его Ялпынг-нел «Священный мыс».

Информация о данном святилище крайне скудна: известно лишь, что его

а

б

в

г

Рис. 2. Фигура духа-покровителя с железным лицом из пос. Зеленый Яр
а — фигура; б, в — железная личина; г — железная личина сверху

Рис. 3. Серебряный щиток с изображением лука и стрелы. Тобольск, кон. XVIII в.

происхождение связано с тем, что здесь некогда жил шаман из рода Вынгелевых. После его смерти место стало почитаться как место Вынгелевых, оно приобрело высокий сакральный статус *ялынґ ма* «священной земли»: за тропинку, идущую параллельно реке, мог заходить только хранитель места. По рассказам манси, в середине XX в. здесь стоял священный амбарчик, упоминались сразу четыре старика-хранителя.

Выбитые в краях пластины отверстия указывают на то, что ее использовали в качестве вотивного щитка для защиты руки при стрельбе из лука, скорее всего,

на драматических сценках медвежьего праздника.

Медная квадратная пластина (рис. 5). Была обнаружена т.н. поисковиками на бывшем месте расположения дер. Мункес в бассейне р. Ляпин (Березовский район ХМАО-Югры). Размеры 8,3×8,3 см. В центре пластины показан охотник с луком и стрелой, углы изделия оформлены веерообразными полосками. На оборотной стороне видны следы припоя. В центре изделия с лицевой стороны просверлено отверстие, возможно, для крепления к чему-либо. Назначение предмета и вариант его использования в

Рис. 4. Пластина овальная с изображением оленя на фоне деревьев и кустов. Тобольск, 1820-е гг.

Рис. 5. Медная квадратная пластина.
Тобольск или один из ремесленных центров Западной Сибири, 1830-е гг.

Рис. 6. Серебряный перстень с изображением
собаки, стоящей под деревом.
Тобольск, кон. XVIII в.

обрядовой практике манси неизвестны. Подобное изображение охотника (с «подвернутой» рукой) встречалось на медных прямоугольных пластинах 1830-х гг. [Бауло, 2009, с. 149–156].

Серебряный перстень с изображением собаки, стоящей под деревом (рис. 6). Приобретен у частного лица в Ханты-Мансийске. Сюжет относится к известной сцене охоты, когда собака лает на спрятавшегося в кроне дерева пушного зверька; сюжет, а также способ передачи дерева, кустов и собаки позволяют отнести перстень к изделиям тобольских серебряных мастерских конца XVIII в. Ранее тобольские перстни с охотничьим сюжетом не встречались, подобная находка расширяет наши знания об ассортименте мастерских.

В заключение необходимо отметить, что малое количество находок с лихвой окупает их качество: серебряные тобольские вотивные щитки, медная квадратная пластина и серебряный перстень встречены и описаны впервые.

Литература

Андреев А. И. «Описание о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах» // СЭ. — 1947. — № 1. — С. 84–103.

Бауло А. В. «Тобольское серебро» в обрядах вогулов и остяков. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. — 176 с.

Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. — М.: Типогр. Лазаревых, 1833. — 262 с.

Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Культурные места XIX — начало XX в. — Новосибирск: Наука, 1986. — 190 с.

Кастрен М. А. Путешествие по Лапландии, северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849) // Магазин земледелия и путешествий. — М., 1860. — Т. VI. — Ч. II. — 436 с.

Новицкий Гр. Краткое описание о народе остячком. — Новосибирск: Новосибиргиз, 1941. — 107 с.

Прыткова Н. Ф. Металлическая культовая посуда у угров // СМАЭ. — 1949. — Т. 10. — С. 39–46.

А. В. Курбатов

Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая набережная, 18, Санкт-Петербург, 191186,
Россия
E-mail: alkurba@rambler.ru

ТРАДИЦИИ КОЖЕВЕННОГО РЕМЕСЛА В СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК МАНГАЗЕИ 2001–2007 ГГ.)

Коллекция кожаных находок в Мангазее является важным и оригинальным источником информации для реконструкции жизнедеятельности первых жителей города. Практика археологического изучения средневековых поселений показывает, что материальная культура народов приполярной зоны демонстрирует наиболее рациональное приспособление средств жизнеобеспечения к существованию в экстремальных условиях. Ограниченность ресурсов и возможностей приводят к выработке своеобразных приемов обработки подручных материалов, появлению оригинальных форм бытовых изделий и промысловых орудий.

На примере коллекции из Мангазеи показан процесс адаптации у русского населения производственных навыков, привнесенных из Европейской России, в новой природной среде, а также сложение клана кожевников в сибирских городах.

Ключевые слова: сибирский город, кожевенное и сапожное ремесло.

Введение

Местоположение древней Мангазеи входит в административное подчинение Красноселькупского района Тюменской области Ямало-Ненецкого АО. В географическом отношении памятник находится на севере Западно-Сибирской равнины, на южном берегу Тазовской губы, в 8,5 км севернее пос. Сидоровск. Поселение занимает мыс при слиянии правого берега р. Таз и ее притока — р. Мангазейки (в прошлом — р. Осетровка). Протяженность кремля и посада вдоль берега р. Таз составляет 250 м, а от берега — 155 м. Сохранившаяся часть поселения имеет форму равнобедренного треугольника площадью около 2 га. Поверхность ее покрыта березовым лесом и кустарником. В центре сохраняется обширная луговина, местами заболоченная. С севера и запада к городищу подходит моховая тундра, с юго-запада — русло р. Таз, с юго-востока — р. Мангазейка. Обрыв берега р. Таз в этом месте возвышается на 12 м над поймой и плавно понижается к устью р. Мангазейки.

Мангазее — первый русский город в Сибирском Заполярье и с ним связаны самые яркие события первоначального

освоения Сибири Русским государством. Основанный в 1601 г. в нижнем течении реки Таз, город существовал только 71 год, пережив за это время периоды стремительного взлета, расцвета и упадка. В 1672 г. жители города переселились на р. Турухан (левый приток Енисея) в Туруханское зимовье, позднее названное Новой Мангазеей, а затем Старотуруханском.

Недолгую историю Мангазеи удалось восстановить благодаря сохранившимся письменным источникам — сведениям из летописей и делопроизводства приказного управления XVII в. Характер и особенности документов рассмотрены во многих исследованиях, где были прослежены и все этапы изучения памятника. Настоящая работа основана на материалах третьего этапа изучения Мангазеи, начатого в 1999 г. совместной экспедицией Центра историко-культурного наследия Нефтеюганского района и Красноселькупского краеведческого музея. При осмотре мест раскопок 1968–1973 гг. экспедиции Арктического и Антарктического научно-исследовательского института Государственного комитета СССР по гидрометеорологии и контролю природной

среды (ААНИИ) был выявлен неразобраный культурный слой, содержащий многочисленные остатки деревянных сооружений. Лишенные защитного «панциря» из промерзшего культурного слоя во время раскопок тех лет, сегодня эти сооружения начали активно ветшать. Их поверхностный осмотр привел к выводу о необходимости возобновить научные раскопки наиболее разрушаемой части памятника.

Результаты раскопок Мангазеи в 1968–1973 гг. явились выдающимся событием в вопросе изучения всех сторон жизнедеятельности русского населения Сибири конца XVI–XVII вв. В двух томах коллективной монографии отражены все основные категории археологического материала [Белов, Овсянников, Старков, 1980; 1981]. Но кожаными предметам в ней отведен только небольшой раздел. Между тем, характер «обувной отрасли» северорусского ремесла представляет особый интерес. Во-первых, этот элемент культуры населения Северной России во многом связан со спецификой арктической деятельности — морские зверобойные и рыболовные промыслы, пушной промысел, морские походы и другое. Во-вторых, данная категория археологического материала несет оригинальную информацию, необходимую для описания первого русского города в Западносибирском Заполярье и его роли в формировании здесь культуры русского населения.

Начатые в 2001 г. экспедицией ООО НПО «Северная археология» (г. Нефтеюганск) аварийно-спасательные раскопки на недокопанном раскопе (№ 22) экспедиции ААНИИ дали неожиданные результаты. Выяснилось, что в ходе прежних раскопок была вскрыта лишь верхняя часть культурного слоя. Собранные здесь древние предметы по количеству и составу превосходят прежнюю коллекцию. Полный объем материалов позволяет дать объективную оценку системе жизнеобеспечения, включая хозяйство города, пищевой рацион, состояние здоровья и

гигиены его жителей [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 5, 11, 12].

Продолжающиеся и сейчас раскопки в Мангазее дают самую представительную коллекцию кожаных предметов, в сравнении с другими русскими городами, в значительной степени относящуюся к первой половине XVII в. Хорошая сохранность органических материалов, полный сбор всех кожаных находок в площади раскопа и выделение возможных кожевенных мастерских делают этот комплекс кожаных предметов, а также сопутствующих деревянных и железных изделий, эталонным для изучения ремесла в первых русских городах Сибири. Его можно использовать для сравнительного изучения кожевенного ремесла в русских городах Европейской России.

Кроме материала и техники изготовления, экстремальные условия жизни диктуют и особые формы эксплуатации изделий. Это заметно на массовой категории археологических находок — обуви. Рассматривая названия обуви, И. С. Вахрос предположил, что в холодном климате обувь должна быть значительно многообразнее, чем в зоне с умеренным климатом [Вахрос, 1959, с. 53, 54]. В определенной степени это подтверждается археологическими находками в Мангазее и Пустозерске, где встречены несколько устойчивых конструкций обуви. Надо полагать, что такое многообразие обувных конструкций является итогом длительного «сращения» разных культурных традиций, в т. ч. показателем поступления готовых изделий из Европейской России и стран зарубежной Европы. Здесь выделены формы обуви русского и аборигенного населения. Вторая группа была единообразной и наиболее приспособленной к экстремальным природным условиям. Заметно сходство аборигенной обуви Мангазеи и Пустозерска, что предполагает прямые контакты между этими, удаленными друг от друга, поселениями. В источниках упоминаются приезды в Мангазею «пустозерской самояди»: «(1607) А как дорога

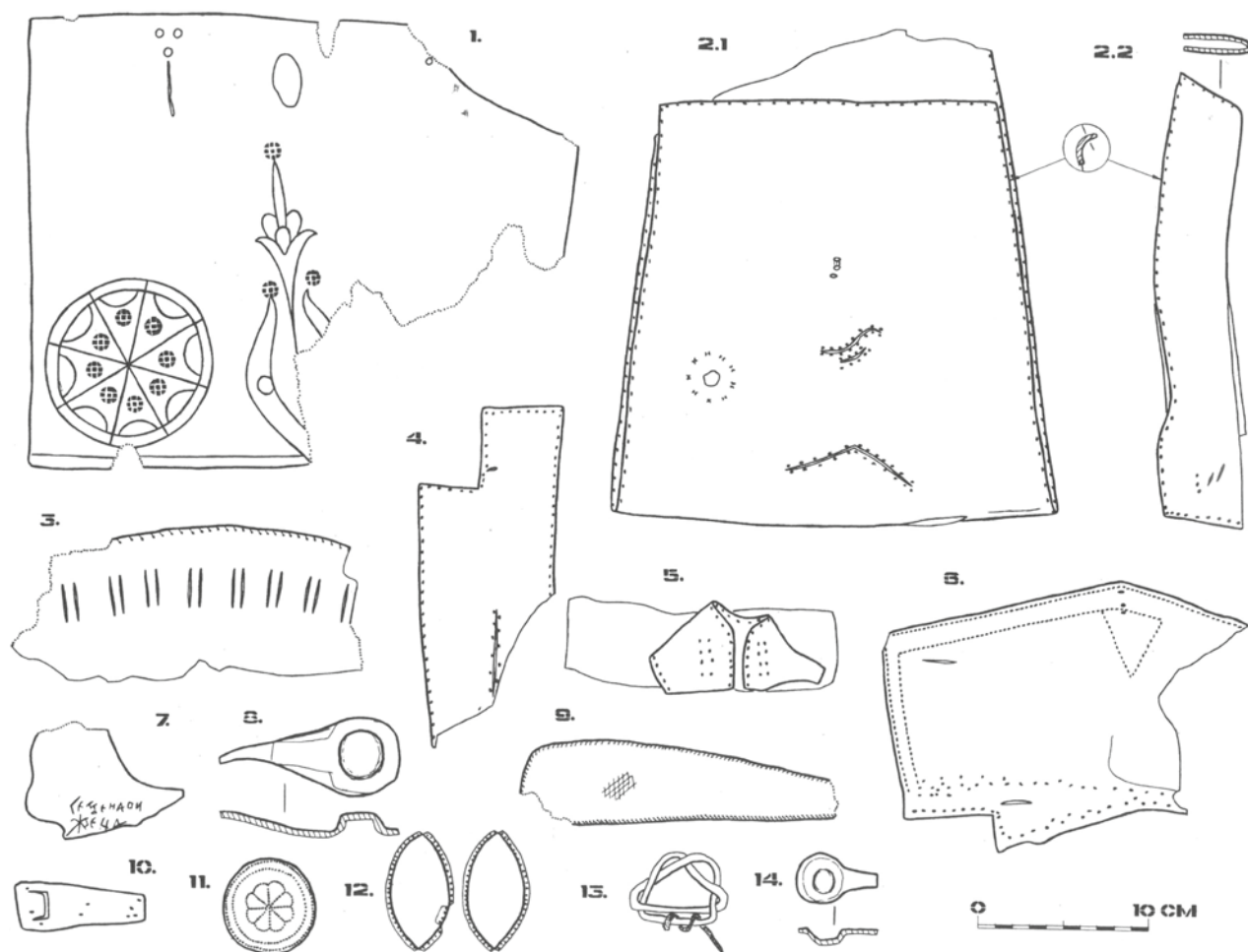

Рис. 1. Мангазея, 2005 г., кожаные изделия

1 — часть сумки (?); 2 — набор деталей сумки (2.1 — основа, 2.2 — боковая деталь); 3 — неопределенная деталь; 4 — чехол для ножа; 5 — усиленная накладка; 6 — клапан сумки; 7 — обрезок кожи с надписью; 8, 14 — прокладки для пробок в бутылки; 9 — боковая деталь сумки; 10 — петля для упряжи?; 11 — декоративная нашивка; 12 — две детали игрового мяча; 13 — завязка

станет, и к ним приезжают пустозерская каменная самоедь» [Словарь русского языка..., 2008, вып. 28, с. 26].

Целесообразность одежды и обуви жителей полярной зоны оказала влияние на сложение специфичного костюма новопоселенцев–русских. Оказавшись в новом окружении, русские переняли у коренных жителей и сами формы обуви, и их названия. При этом русские стали использовать в изготовлении одежды и обуви привычные для них материалы, например войлок, и свои технические традиции [Курбатов 2007, с. 164]. На этнографических материалах к такому же выводу пришла И. С. Слепцова, писавшая, что заимствование названий обуви аборигенов Севера в XIX в. означает специальную

обувь, пошитую в русских традициях, но приспособленную для полярных условий и имевшую характерные черты северных моделей [Слепцова 2001, с. 346–366].

Состав кожаных предметов

При раскопках 2001–2007 гг. в Мангазее было найдено 4537 кожаных предметов, в том числе 2331 деталь обуви, а также иные предметы и изделия: 64 рукавицы, 61 чехол для ножей, 1495 обрезков, 9 неопределенных деталей, 6 прокладок в пробку, 1 крышка, 18 деталей лыжных креплений, 3 футляра для компаса, 3 ремня, 6 деталей игровых мячей, 2 обрезка кожи с тиснением и надписью (рис. 1; 2). Среди обуви определены 200 деталей поршней, включая целые изделия, фрагменты и отдельные

детали, а также 2131 предмет детально-кроеной обуви разных видов.

Кроме обуви, среди кожаных предметов выделены детали одежды (рукавицы и пояса) и различные бытовые изделия. Всего определены 80 деталей рукавиц и 2 поясных ремня, из них один — с бронзовой пряжкой. Бытовые кожаные изделия включают хорошо известные по материалам раскопок многих средневековых памятников чехлы для ножей, сумки, наперстки и другое. Но есть и специфические предметы, найденные только здесь, такие как обтяжка деревянных коробок для компаса-маточки и прокладка для бутылок (рис. 2).

В 2001–2007 гг. найдены 68 чехлов для ножей, конструктивно делящихся на две группы. Изделия первой группы (не менее 15-ти), как правило, не имеют прошивки боковой стороны, а на некоторых прошит только нижний конец. Эти чехлы крупные, с горизонтально срезанным устьем, с 2–3-мя прямоугольными вырезами у верхнего конца и 1-м — у нижнего. Для них обязательна деревянная или берестяная основа. Есть и чехлы, устье которых охватывает сверху дополнительный прямоугольный кусок кожи. Вторая группа чехлов имеет боковую прошивку по всей длине изделия. Только в двух случаях встречен срединный шов. Швы на большинстве изделий выполнены в две противонаправленных нити. Чехлы имеют прямые или сужающиеся стороны, а конец — разную форму обреза. Из других элементов оформления отметим: 1) на конец чехла иногда пришивалась кожаная накладка, верхний край которой мог быть оформлен фигурными вырезами; 2) устье некоторых чехлов имело на обеих сторонах шлемовидный язычок, на котором сохраняются отверстия или вертикальные прорезы. Дополнительный декор составляли тисненые линии, образующие композиции. Тонкий резной орнамент имеется на 2-х чехлах: в одном случае — поперечные пояски, в другом — крупные и мелкие косые кресты и восьмилучевые

звезды, заключенные в квадратные рамки. Найдены экземпляры, оформленные сверху 2–3-мя поперечными ремешками шириной 0,6–0,7 см. Чехлы с таким оформлением известны по находкам XVII в. у берегов Таймыра [Исторический памятник, 1951, табл. II; 10–12], а также по этнографическим материалам у кереков на Чукотке [Ермолова, 2005, рис. 47].

По раскопкам 2007 г. представилась возможность обработать все количество обрезков от раскроя и фрагментов кожаных изделий, найденных в этот сезон. Ранее такие предметы закапывали обратно на месте раскопок, поскольку вывоз экспедиции на вертолете существенно ограничивал объем забираемого материала. Сам факт обработки материалов, относимых к категории обрезков и обрывков, дает возможность оценить состав и соотношение отдельных видов предметов, попадающих в разряд «незначительных находок», вынужденно оставляемых на месте раскопок.

Обувь. В коллекции серийно представлены детали 6-ти видов обуви, каждый — с вариантами раскроя и сборки. В пошиве обуви использованы 4 способа соединения деталей: сшивание растительными нитями, сухожилиями животных, скрепление деталей деревянными шпешками, соединение их железными гвоздями и/или подковками. Кроме пошива, для каждого вида обуви характерен свой декор.

Стандартность кроя деталей каждого вида обуви подчеркивает такую унифика-

Рис. 2. Прокладка для пробки в бутылку.
Фото автора

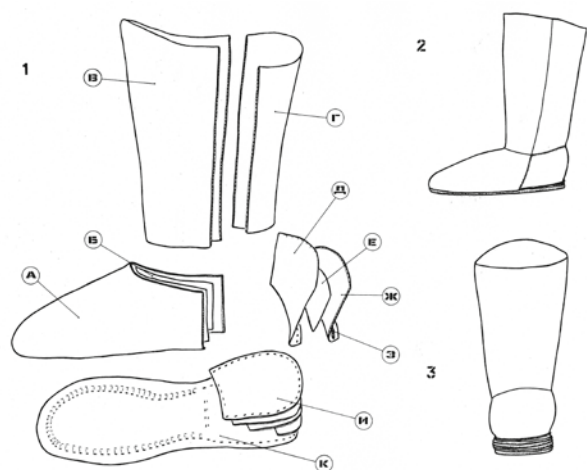

Рис. 3. Схема сборки сапога

1 — компоновка деталей: А — головка; Б — поднаряд; В — передняя половина голенища; Г — задняя половина голенища; Д — карман задника; Е — кожаная прокладка в задник; Ж — наружная деталь задника; З — крученая проволока; И — подпяточные подкладки; К — подошва.
2 и 3 — реконструкция, виды сбоку и сзади

цию работы сапожников, которая происходит при массовом, постоянном изготовлении однотипных вещей. Это позволяет выявлять традиции отдельных мастеров в «манере» раскроя, сшивания и декора. Описание всех видов обуви и других изделий подробно рассмотрено в ранних

работах, что позволяет ограничиться их краткой характеристикой [Курбатов, 2010; Курбатов, Овсянников, 1999; Визгалов, Пархимович, 2008; Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011].

Сапоги в основном представлены неполными комплектами деталей (рис. 3), среди них — 16 голенищ, различных по форме, манере сшивания и декору. С другой стороны, среди «обрезков» 2007 г. имелось 35 обрезков голенищ вполне стандартных форм. Малочисленность сапог, в сравнении с другими видами обуви, позволяет видеть здесь индивидуальный пошив каждой пары на заказ.

Уледи — самый массовый вид низкой обуви, представлен двумя вариантами. В коллекции преобладают изделия первого варианта, у которых основное соединение «в подтай» занимает весь периметр подошвы (рис. 4–6). После сшивания обувь выворачивали на лицевую сторону. Найденные в Мангазее колодки, судя по форме и размерам, вероятно, служили именно для расправления уледей, а также для сохранения их формы при ежедневной сушке. Эти уледи кроены и пошиты

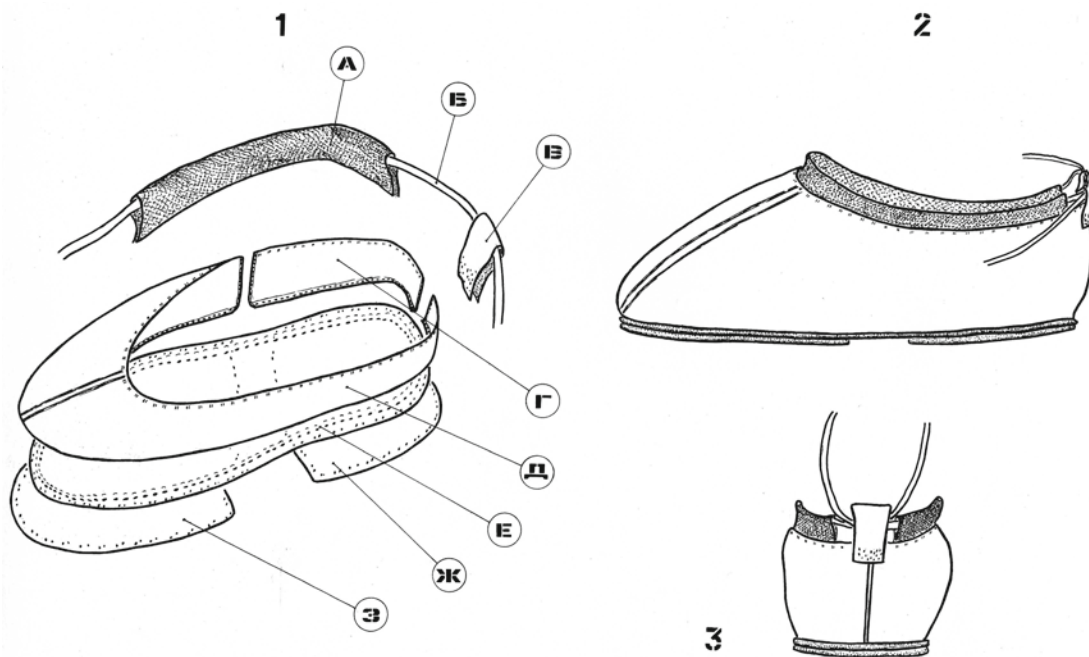

Рис. 4. Схема сборки уледей первого варианта

1 — компоновка деталей: А — тканая обшивка верхнего края; Б — плетеный или вязаный ремешок-обора; В — петля пяточная; Г — пришивное крыло; Д — основа верха; Е — подошва; Ж — пяточная подметка; З — носочная подметка. 2 и 3 — реконструкция, виды сбоку и сзади

Рис. 5. Находка уледи первого варианта в собранном виде. Фото автора

Рис. 6. Находка уледи первого варианта в собранном виде. Фото автора

из материала и в традициях русских кожевников XVI–XVII в., известных по находкам в городах Европейской России. При общей стереотипности кроя *уледи* встречаются индивидуальные признаки в отдельных моделях. Декор деталей верха однообразен — это тисненные линии по носку, симметричные оси детали. На 20 экземплярах сделаны две параллельные линии, а единичные детали украшены иначе: 1) двумя расходящимися к носку линиями, 2) тремя сходящимися к носку линиями и 3) сочетанием двух

симметричных линий по оси носка и двух линий, отходящих от середины подъема под острым углом.

Уледи северного типа (второй вариант) состоят из верха и низа, сшитых нитями из растительных или животных волокон и соединяемых сквозным вертикальным швом в одну нить т. н. швом «змейка» (рис. 7). Низ включает подошву и подметки, имевшие неправильную овальную форму. Все они были индивидуально вырезаны в одну или две детали, без соблюдения «стандартных» пропорций. Верх

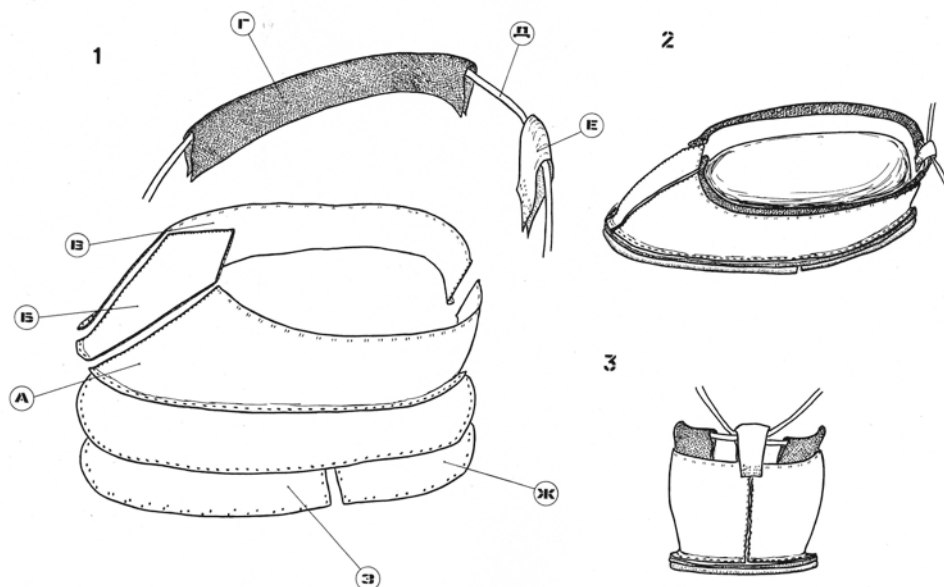

Рис. 7. Схема сборки улудей второго варианта («северного» типа)

1 — компоновка деталей: А — левая половина основы верха; Б — вставка в носок; В — правая половина основы верха; Г — тканая обшивка верхнего края; Д — плетеный или вязаный ремешок-обора; Е — петля пяточная; Ж — подметка пяточная; З — подметка носочная; И — подошва.
2 и 3 — реконструкция, виды сбоку и сзади

также индивидуально кроился в одну или нескольких деталей. Отдельные модели имели дополнительную трапециевидную деталь, вшиваемую в носок сверху, закрывавшую пальцы и подъем стопы. По устью верха делались мелкие парные прорезы для крепления обшивки (опушки). Можно считать, что улудей второго варианта были кустарными изделиями коренных жителей, приезжавших или живших в Мангазее. Аналогичные формы обуви есть в археологических материалах XVII в. из Пустозерска [Курбатов, 2003, с. 228, рис. 2; 5–7] и описаны этнографами в XX в. [Василевич, 1963 с. 3–64; Прыткова, 1953, с. 124–133, 160, 161; 1970, с. 208–222; Федорова, 1994, с. 145–153].

Башмаки-коты отличаются наибольшим числом деталей (кожаных и деревянных), сложностью раскроя и сборки (рис. 8). Башмаки имели жесткую подошву толщиной 3–4 мм, кожаный наборный или деревянный каблук, обшиваемый снаружи кожей [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 83]. Переход на деревянные обтяжные каблуки происходил, по нашему мнению, в середине — второй половине

XVII в., что подтверждает коллекция кожаных предметов из раскопок в Старотуруханске [Курбатов, 2009-А, Приложение] и на ул. Арбат в Москве [Векслер, Осипов, 2004, с. 339, 341]. Поэтому небольшое число головок с фигурными выступами и самих деревянных каблуков, видимо, отражают преобладание в Мангазее обувных форм первой половины XVII в.

Башмаки в большей степени, чем другие виды обуви, несут на себе отличительные черты модельной обуви, удовлетворявшей эстетические потребности. Отметим разнообразие приемов декора (6 приемов), использование тонкой кожи лучшей выделки, иногда имевшей яркий красно-коричневый цвет, а также профили носка и пятки. Для пятки можно различать наклон основания пяточного ложа, изгиб задней и передней линии и другое. Известны и модели с низким открытым верхом, без опушки.

Поршневидная обувь объединяет три группы конструкций, детально описанных в названных ранних работах. Поршни первой группы, имеющие регулярный крой и своеобразный декор, надо считать из-

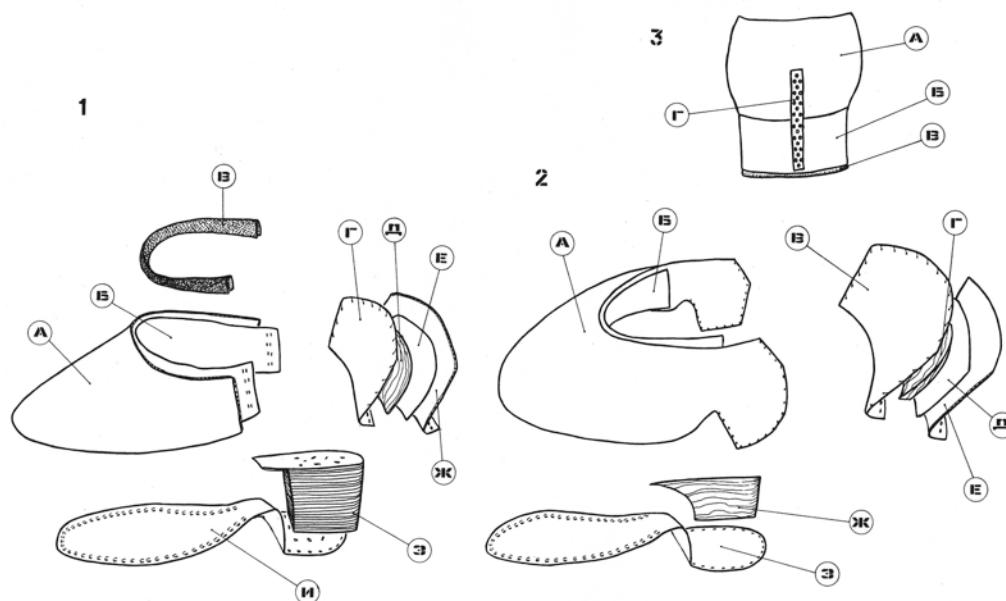

Рис. 8. Схемы сборки башмаков

- 1 — конструкция с наборным кожаным каблуком: А — головка; Б — поднаряд; В — тканая обшивка; Г — карман задника; Д — деревянный вкладыш; Е — кожаная прокладка; Ж — задник; З — наборный каблук; И — подошва.
- 2 — конструкция с деревянным каблуком: А — головка; Б — поднаряд; В — карман задника; Г — берестяной вкладыш; Д — кожаная прокладка; Е — задник; Ж — деревянный каблук; З — подошва.
- 3 — реконструкция башмаков, вид сзади: А — задник; Б — обтяжка деревянного каблука; В — подошва; Г — декоративная накладка

делями профессиональных обувщиков, обучавшихся или работавших в городах Европейской России. Ко второй группе отнесены изделия с раскройкой прямоугольной или трапециевидной формы, которые отличает упрощенность изготовления. Такие поршни малочисленны, что позволяет считать их вариантом поршней первой группы, изготовленными «по случаю» самими пользователями, хотя не исключается и профессиональный пошив. Третья группа включает нескольких десятков изделий и отдельных деталей специфического северного облика и способа кроя (рис. 9; 10). Основная деталь имеет подтрапециевидную форму, сильно расширенную в носке, с овальным или «шлемовидным» обрезом переднего края, с вытянутым в центре «язычком». Дополнительная треугольная деталь вшивалась на подъеме, закрывая пальцы и стопу. На нее иногда наносился декор из оттисков продольных, поперечных и диагональных линий, образующих треугольники, расходящиеся от центра лучи, «дорожки» или «елочку». Эти поршни являются

самобытной формой обуви аборигенных жителей севера Западной Сибири, сохранившиеся в традиции пошива до XX в. Подобная обувь встречена в Войкарском городке [Войкарский городок, 2008, рис. на с. 7].

Особый вид обуви — низкие башмаки без каблука и обшивки верха — выделен только в последние годы раскопок. Форма подошвы, головки и задника очень близка к деталям сапог. Но в отличие от сапог, верхний край головки и поднаряда сшивался между собой, а наружная деталь задника загибалась внутрь, заменяя карман задника. Между согнутыми половинами помещалась берестяная или деревянная прокладка. На внутренней стороне подошвы под пятку крепились 3–4 подпяточных подкладки. Такая конструкция исключала подшивание каких-либо деталей по верхнему краю (рис. 11).

Сырье. Специфика кожевенного сырья полярной зоны России по археологическим данным отражена в работах середины XX в. Так, при изучении материальных остатков стоянок русских мо-

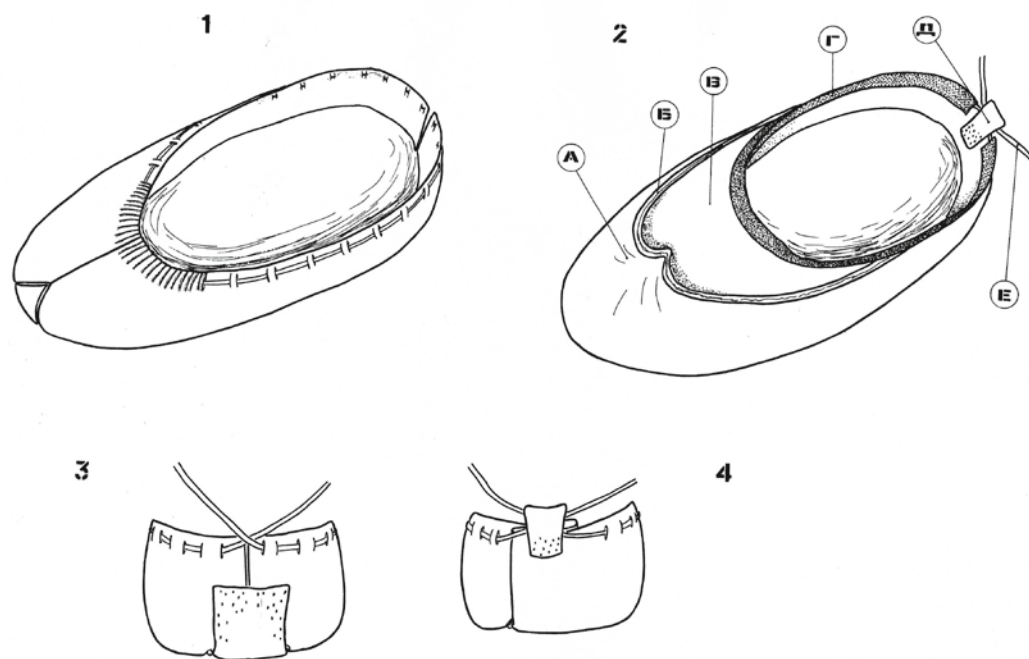

Рис. 9. Реконструкции поршневидной обуви

1 — общий вид поршня первой группы. 2 — общий вид и конструктивные элементы поршня третьей группы: А — основа раскройки; Б — кожаные прокладки; В — носок; Г — тканая обшивка верха; Д — петля пяточная; Е — ремешок-обора. 3 — конструкция пятки с полутрезным клапаном. 4 — пятка оформленная «внаклад»

реходов XVII в. на острове Фаддея и на берегу залива Симса, отмечено существенное различие в качестве выделки кож. Выделены группы изделий из «отлично обработанной юфти» и «предметы из грубого, плохо очищенного материала», а также предметы из бараньей или козьиной кожи [Фармаковский, 1951, с. 177,

178]. Эти наблюдения правомерны и для коллекции из Мангазеи. Здесь можно видеть хорошую выделку большей части кож. Основным сырьем служили шкуры КРС (крупного рогатого скота) различного возраста, и значительно реже использовались шкуры МРС (мелкого рогатого скота). Судя по деталям и обрезкам,

Рис. 10. Находка поршня третьей группы с собранном виде. Фото автора

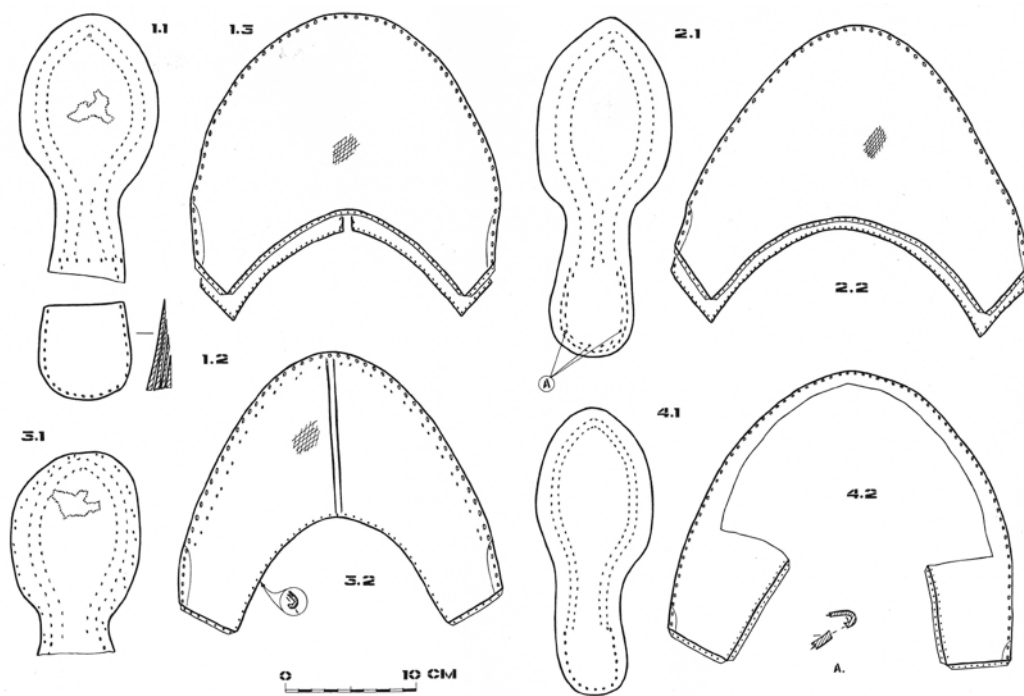

Рис. 11. Мангазея, 2007 г., низкие башмаки

1–4 — наборы деталей. 1.1, 3.1, 4.1 — подошвы; 1.2 — подпяточная подкладка; 1.3 — головка с двучастным поднарядом; 2.1 — подошва (А — железные гвозди); 2.2 — головка с одночастным поднарядом; 3.2 — головка; 4.2 — головка (А — разрез соединения головки с поднарядом на подъеме)

также использовали шкуры животных, характерных для приполярной зоны — оленя и тюленя.

Кожи хорошей выделки были выработаны по нормам, привитым в практике русских городских кожевников Европейской России в XVI–XVII вв. В основе обработки кож лежали методы таннидного дубления, дающие качественный *краснодубный товар* или *юфть*. Внутренняя сторона кожи была тщательно очищена от *мездры* (жировой клетчатки). Отсутствие расслоения показывает, что *продуб* кож был полным, на всю глубину кожи. При окончательной отделке, как правило, кожи с лицевой стороны натирали дегтем или вымачивали в настое железного лома, что придавало им черный цвет. На выделку таких кож, надо полагать, уходило не менее 4-х месяцев.

В то же время длительность отдельных технологических операций могла быть и меньшей. Будущий академик Иван Лепехин, проезжая в 1768 г. через г. Муром, записал следующие режимы дубления. «Дубят следующим образом: налив

в дщан одну половину простой воды, а другую сока опускают решотку. На решотку кладут кожи, и каждую кожу пересыпают дубовою или ивовою мятою корою, где мелкая кожа лежит неделю, а крупная долее. Из первого дубенья выняв кожи, переполаскивают и выминают ногами, и вымяздривают: по том кладут в другое дубенье, пересыпая новым дубом, и сие повторяют до четырех раз. Вся разность дубенья состоит во времени. В четвертое дубенье кожи дубятся до трех недель» [Лепехин, 1795, с. 41]. Из описания видно, что на дубление в 4-х *дубах* уходило не более 6–8 недель.

Из краснодубной кожи сшито большинство встреченной в Мангазее обуви, в том числе поршни первой группы. Эти поршни аналогичны изделиям профессиональных обувщиков XV–XVII вв. в городах средней полосы России — Новгороде, Пскове, Ивангороде, Чебоксарах и других [Изюмова, 1959, с. 200, 202, рис. 3, 9а; Курбатов, 199, с. 71, рис. 1–3; Краснов, Каховский, 1978, с. 145–46, рис. 79]. Учитывая профессиональный характер их

изготовления, а также влияние ремесленных традиций городов средней полосы России, надо полагать, что поршни 1-й группы производились в одном из крупных ремесленных центров Русского Севера того времени — Устюге Великом, Сольвычегодске, Холмогорах или же непосредственно в сибирских городах приезжим мастером-сапожником. Для ряда таких изделий можно указать своего рода «северную» манеру работы мастера, которая видится в использовании достаточно толстой кожи, что не характерно для изделий из центральной России.

С другой стороны, в мангазейской коллекции выделяются очень тонкие кожи для верха башмаков, сделанные из шкур МРС и имевшие красновато-коричневый оттенок поверхности. Сам материал, а также его использование для наиболее изысканных по манере пошива и декора башмаков на высоких каблуках, позволяют предполагать западноевропейскую выделку сырья и пошив обуви. Появление такой обуви кажется закономерным, учитывая активную европейскую торговлю на Русском Севере, проходящую через крупнейший порт Архангельска. Башмаки на высоком деревянном каблуке стали модными в Скандинавии в последние десятилетия XVI в., когда там появились каблуки, обтянутые красной кожей, а также обшивка края обуви металлической и растительной нитью [Курбатов, 2005, с. 239]. Находки модной западной обуви в заполярной Мангазее показывают оперативное поступление самых модных изделий на русский рынок, практически одновременный началу их изготовления в странах Западной Европы, а также постоянный спрос на такую обувь даже в условиях сурового арктического климата.

Совершенно иную манеру выделки сырья мы наблюдаем на тех формах обуви, которые можно считать изделиями местного производства. Так, для поршней третьей группы использована очень толстая кожа (до 5 мм, КРС или оленья),

сохраняющая светлый оттенок на срезе, что предполагает не *таннидное*, а *жировое дубление*. Кроме того, даже после размачивания, эта кожа оставалась необычно жесткой. Внутренняя сторона таких поршней сохраняет и следы некачественного выскабливания мездры. Все эти признаки могут быть отнесены к продукции, которую изготавливали непосредственно в Мангазее. Такая же обувь встречена и в Пустозерске, где отнесена к поршням «второй традиции конструирования» [Курбатов, 2003, с. 223].

Надо отметить, что некачественное мездрение и сгонка волоса встречается и на деталях других форм обуви, например, на подошвах улудей и деталях верха сапог, кроеных из *краснодубной* кожи. Такие признаки определяются на единичных деталях, поэтому их нельзя считать устойчивой манерой обработки шкур. Даже учитывая аналогичные признаки на поршнях 3-й группы, сапоги и уледи, использующие кожу некачественной выделки, нельзя относить к местным — сибирским изделиям, привезенным из ближайших центров кожевенно-обувного ремесла. Здесь надо предполагать только некачественную работу кожевников, в том числе работавших в Европейской части России. В городах центральной России также можно встретить небрежно выделанные кожи в слоях и комплексах разного времени.

На археологических кожаных предметах из Мангазее и других приполярных городов нередко встречаются трещины на поверхности мери, что объясняется их использованием в условиях очень низких температур. При этом дубленая и содержащая мало жира кожа может сломаться. В конце XIX — начале XX в. такие трещины называли *ломиной* [Поварнин, 1912, с. 224; Словарь русских народных..., 1981, вып. 17, с. 119]. Суровость и продолжительность зимы в Мангазее объясняют то предпочтение, которое аборигены отдавали обработке шкур жированием, а не растительным дублением.

Традиции кожевенного ремесла у русского населения Сибири

Однообразный по технике изготовления и стандартизации форм кроя археологический материал из Мангазеи может быть объектом изучения работы мастеров-обувщиков. В материалах такого рода на отдельных памятниках возможно даже выделять, с определенной степенью точности, приемы работы отдельных мастеров. Это, следовательно, дает возможность судить о количестве мастеров, делавших найденную обувь, качестве их работы и отличиях пошива отдельных изготовителей — как сапожников-профессионалов, так и непрофессионалов, шивших обувь для своей семьи.

Индивидуальный почерк средневековых ремесленников не является чем-то неизвестным. В последние годы появляются работы с описаниями «почерка мастеров», занимающихся изготовлением изделий из разных материалов. Для иных видов деятельности, имеются определенные наработки в изучении разных почерков писцов по памятникам средневековой эпиграфики. Особенно много таких наблюдений сделано при изучении берестяных грамот. Руку мастера выделяют и исследователи древнерусских миниатюр. Так, в миниатюрах Лицевого летописного свода (ЛС), особенности «руки» копиистов подмечал в конце XIX в. В. Н. Щепкин, а в последнее время такие наблюдения сделал В. В. Морозов. Последний писал: «Специфический язык миниатюр долгое время вызывал некоторую иронию со стороны исследователей, относивших миниатюры ЛС к русским народным картинкам, считавших их скорее ремеслом, нежели искусством. Этот скепсис, некоторая снисходительность сказываются до сих пор в том, что исследователи стараются скорее объяснить зрителю, непривычному к такого рода «картинкам», воспитанному на образцах западноевропейского искусства, изображенные объекты, нежели выявить суть

работы русского средневекового мастера» [Морозов, 2005, с. 170]. Надо отметить, что не меньший скепсис виден в отношении исследователей к обыденным ремесленным изделиям, например кожаной обуви. Хотя и здесь творческое отношение к работе можно проследить. В последнее время автор высказал свои взгляды на существование особой псковской школы кожевенно-обувного ремесла [Курбатов, 2013, с. 478 и сл.].

Массовый пошив найденной в Мангазее обуви производился, надо полагать, в Европейской части России — в городах Русского севера и других, поддерживающих тесные связи с Сибирью, через которые в Сибирь шли основные потоки населения и товаров. Техника пошива показывает высокую профессиональную квалификацию изготовителей обуви. В то же время, нельзя отрицать, что часть изделий могли шить непосредственно на месте, используя привозные кожи и раскроенные полуфабрикаты. Об этом свидетельствуют описи привозных товаров на мангазейской таможне.

Известно, что большой объем кож и иных вещей, необходимых при пошиве обуви, поступали в Сибирь из Москвы и Ярославля, бывших в XVII в. одними из крупнейших центров кожевенного ремесла и центрами торговли различными товарами. При анализе московской торговли второй половины XVII в. Д. И. Тверская отмечала, что там скапливалось огромное количество кож и мехов, которые затем отправлялись в разные районы страны и в за границу. Имеются данные об отправке *кож красных, черных, яловичных и сафьянов* в Устюг Великий, Соль Вычегодскую, Новгород Великий, Ярославль, Вологду, Каргополь, Архангельск, на Вагу, в Яренск, Тобольск, Енисейск, Илимский острог, Нерчинск, Якутск, Иркутск [Тверская, 1959, с. 104]. Кожевенные товары из Ярославля постоянно возили в Архангельск для продажи западноевропейским купцам. Много кож ярославские купцы везли продавать и в сибирские города. Че-

рез Ярославль проходили транзитом и партии кож, шедшие в Устюг и Соль Вычегодскую, а откуда они затем поступали в Сибирь, в том числе и в Мангазею.

Значение Ярославля в снабжении многих русских провинций промышленными товарами подробно рассматривал С. В. Бахрушин. Для примеров он приводил выписки из архивных документов, показывающих, что русские купцы, ехавшие из Москвы в Сибирь, часто останавливались в Ярославле для покупки ярославских товаров. Так, в 1681 г. приказчик гостя Гаврилы Романовича Никитина, ехавший в Сибирь с московским товаром своего хозяина, явил в Ярославле денег 535 рублей, на которые он купил «юфтей — кож красных яловичных, летчин и сукон анбурских, чекменей сермяжных, холстов хрящу, средних сукон, сермяжных, голиц, варег, крашенинной бумаги писчей, мелочи лавочные и сапогов». Из Ярославля везли и *сукна чирковые*, под которыми надо понимать ткани, используемые для обшивки верхнего края кожаной обуви — *чирков*, которые можно соотносить с мангазейскими *уледами* [Бахрушин, 1987, с. 144–146].

При рассмотрении обувных конструкций Мангазеи следует учитывать возможность появления здесь обуви жителей другого заполярного русского города — Пустозерска. О связях населения севера Западной Сибири с Пустозерском писал С. В. Бахрушин: «Как общее правило, березовские самоеды ежегодно ходили в Мангазейский уезд (на р. Таз) промыслять государев ясак. Приобретя у своих мангазейских сородичей пушнину, они партиями в несколько сот человек переправлялись через Уральские горы для торговли в Пустозерск, а оттуда ехали... дальше — на Мезин и даже на Канин» [Бахрушин, 1955, с. 5]. Подобная связь отмечается в материальной культуре и по этнографическим данным. Так, особая лыжная обувь коми — *лызьяком* вполне сопоставима с низкой обувью мангазейцев — *уледами* северного типа и *порш-*

нями третьей группы [Зырянский мир, 2004, с. 219, фото].

Найденные в Мангазее *коты* шились из тонкой кожи, обычно МРС, очень хорошего качества выделки. Судя по качеству и цвету (иногда вишневого оттенка) эта кожа отличалась от материала других мангазейских обувных изделий и может быть сопоставлена с кожей футляров для компаса. Как последние, так вероятно и первые, эти изделия были изготовлены в странах Западной Европы. Коты могли поступать в Россию в качестве западных товаров через Архангельск и Холмогоры и перевозиться морским путем в Мангазею. Хотя в отношении этих вещей требуются дальнейшие исследования, но допустимо видеть в них работу западных мастеров. В странах Западной Европы ранее, чем в России сложилась техника пошива каблучной обуви, где каблучки были деревянные, обтянутые снаружи кожей.

С другой стороны, надо учитывать и то, что поступление западных форм обуви в Мангазею могло иметь свои хронологические ограничения, в частности, связанные с личной инициативой тобольского воеводы князя Ивана Семеновича Куракина, стремившегося к запрещению хождения поморов в Мангазею морским путем. Именно на оценки событий и суждения И. С. Куракина опирались чиновники правительства Михаила Федоровича Романова, присылая за царской подписью директиву: «А положили мы в том морском монгазейском ходу и всякие наши дела на тебя, боярина нашего и воеводу на князя Ивана Семеновича». В основе запретительной инициативы князя И. С. Куракина видимо было нежелание допускать самостоятельные поездки и торговлю иностранцев в Сибирь через Северный путь. За три года переписки князь сумел убедить московское правительство, что старинную поморскую дорогу в Северо-Западную Сибирь в любой момент могут прибрать к рукам предприимчивые европейцы. Поэтому, в 1619 г. из Москвы пришла грамота с окон-

чательным запретом на хождение Карским морем через волоки Ямала в Обскую губу [Обдорский край, 2004, с. 86, 88, 89, 170–172, документ № 24.6]. Если учитывать данное обстоятельство как фактор, приведший к изменению ассортимента товаров, поступавших на мангазейский рынок от западных производителей, то башмаки-коты, пошитые в западных традициях, следует датировать до 1619 г. Однако, на сегодня нельзя решить вопрос с местом пошива конкретных моделей обуви, найденных в Мангазее в силу противоречия другим данным.

Найденные в Мангазее башмаки-коты на высоких каблуках носили исключительно женщины. Об этом свидетельствуют как размеры обуви, так и их декоративная отделка. О численности и особенностях жизни женщин в этом заполярном городе рассказывают сохранившиеся письменные документы, анализ которых провел Е. В. Вершинин. Первая посылка в Мангазею «на житье с женами и з детьми 50 человек» стрельцов «по росмотру» тобольского воеводы кн. Ю. Я. Кулешева относится к 1625 г. Число посылаемых стрельцов почти соответствует записи в городском списке Мангазеи 1626 г., где указан гарнизон из 53 стрельцов. Кроме них, из Березова продолжали присылать по 50 годовальщиков. Эта посылка прекратилась через 3 года, когда мангазейский воевода Г. И. Кокорев прибрал в службу еще 40 человек из промышленных людей. Из коллективных челобитных мангазейских стрельцов мы знаем, что в 1639 г. их насчитывалось 90 человек, а в 1641 г. — 95. Число стрельцов в Мангазее непосредственно перед ее упразднением определяется по данным крестоприводной книги 1676 г. Новой Мангазеи — Туруханска. После переезда туда всех жителей Старой Мангазеи (как называли собственно Мангазею на р. Таз) в этом городе числилось 145 человек, в том числе 123 стрельца [Вершинин, 2008, с. 546, 547]. Приведенные материалы показывают, что большинство

женщин и детей появились в Мангазее не ранее 1625 г., что помогает датировать модели их обуви.

Определить количество проживавших в Мангазее женщин и детей, или дать их процент по отношению к мужской взрослой части населения, по имеющимся разрозненным документам, довольно затруднительно. Немногие источники показывают, что контингент женщин, постоянно проживавших в Мангазее, состоял в основном из стрелецких жен русского происхождения. Так, известно, что стрелец Нечай Балахнин имел в 1656 г. жену Татьяну Павловну и 5-летнего сына Антона. Сам факт присутствия на поселении целой группы женщин следует из материалов следственного дела о раздоре между воеводами Кокоревым и Палицыным (1629–1631 гг.), где фигурирует жена Кокорева Марья Семеновна — покровительница женского населения города. Под ее окном каждый день толпились просящие женщины, которых Марья не велела пускать во двор. «И те бедные женочки, русские и самоядки, повалятыся перед окнами...и кричат голосом, просят милости». В любом случае, по мнению Е. В. Вершинина, «женский пол» Мангазеи вряд ли превышал несколько десятков человек [Вершинин, 2008, с. 548, 549].

Сведений о брачных связях мангазейцев с женщинами из аборигенного населения у нас нет, за исключением одного упоминания мангазейского стрельца Анисима, женатого на ненецкой женщине. Оставшись одна (видимо, после смерти мужа), она с детьми самостоятельно нашла «своих родников юраков, именем пеков». Но прожив у них «долгое время», женщина стала проситься с детьми на Обдор — «к русским людям» [Вершинин, 2008, с. 548]. Хотя другие историки писали о неоднократных фактах брачных связей русских промышленников и служилых людей с туземными девушками, отмечаемых в документах XVII в. [Кардаш, 2010, с. 70; Миллер, 2000, с. 85].

Сложение клана ремесленников в городах Западной Сибири

Формы обуви и их технические характеристики, равно как и качество самого кожаного материала Мангазеи, показывает значительное сходство с коллекциями археологических кожаных предметов из городов Европейской России. Это позволяет предполагать как поступление готовых изделий в Сибирь, так и изготовление кожи и обуви непосредственно в сибирских городах профессиональными кожевниками — выходцами из Европейской России, или же сибиряками, которые обучались там кожаным специальностям в одном из крупных центров кожаного ремесла. Такие варианты объяснения требуют рассмотреть историю сложения базы ремесленных специалистов в сибирских городах.

На примере Тобольска О. Н. Вилков показал, что создание в Сибири русской промышленности происходило путем переселения мелких промышленников и ремесленников из центральных, наиболее развитых в экономическом отношении, областей страны. Переселенцы приносили с собой не только средства производства (инструменты, оборудование), но также ремесленные навыки и традиции в организации производства. По архивным материалам известны кожевник Василий Иванов — «костромитин», Григорий Парфенов Башмачников — с Чердыни, кожевник Антон Иванов — усонец, сапожник Афанасий — устюжанин. Это позволило историку заключить, что нет никаких оснований приписывать создание кожаного производства в Тобольске бухарцам, как это делали некоторые исследователи [Вилков, 1967, с. 25, 26].

В своей работе О. Н. Вилков показал состав товаров на тобольском рынке в XVII в., в том числе привозные *русские* товары, изготовленные в городах Европейской России. Среди кожаных товаров названы *кожи сафьяновые, телятинные, яловые дубленые, бараньи, конинные, мешины,*

подошвенные, сколоты подошвенные, перада котовые. Среди кожаной одежды — *кожан сыромятный, рукавицы-голицы, нашивки опойчатые, подвязки ременные, ремни, татауры ременные.* Среди видов обуви названы *сапоги сафьянные и телятинные, башмаки сафьянные и телятинные, ичетоги кожаные, коты телятинные, бараньи и конинные.* Кроме того указаны различные кожаные вместилища — *черезы сыромятные, перечницы, мошонки, кошелки, наигольники.* Из обозно-конского кожаного снаряжения упомянуты *седла, шлеи, узды, хомуты, хомутины, гужи, вожжи, плети.* Из кожаных предметов вооружения — *ножны кожаные, ладунки кожаные, ремни самопальные, ремни ладуночные* [Там же, с. 102, 103, 105–107, табл. 10]. Этот состав сопоставим с привозными товарами по спискам мангазейской таможни.

Более широкий ассортимент кожаных товаров и инструментов кожаного ремесла отмечается как транзит «русских» товаров через Тобольск в Сибирь [Там же, с. 138–161, табл. 16]. Среди хозяйственно-бытовых и промысловых товаров из черного металла названы *шила сапожные, гвоздъседельное, сапожное, носковое, скобы сапожные.* Среди изделий из животного сырья — *овчины и кожи — сафьянные, телятинные, розвали, конинные, ровдуги, дубленые, сыромятные, мешины, подошвенные, сколоты подошвенные, подошвы.* Среди кожаной одежды названы *полукафтаны сыромятные, кафтаны телятинные, голицы, подвязки ременные с жучками и пряжками, подвязки ременные простые, подвязки с пряжками, нашивки опойчатые, ремни всякие, татауры.* Среди меховой одежды выделены *вареги бараньи.* Из обуви названы *сапоги сафьянные и телятинные, коты, ичетоги сафьянные и телятинные, башмаки сафьянные и телятинные.* Среди посуды — *перечницы сафьянные, мошны кожаные, кошельки ровдужные, наигольники кожаные, черезы сыромятные, карманы кожаные, сумы переметные, ладунки кожаные с сукном, мошны дорогильные.* Из хозяйственно-бытовых и промысловых

предметов отмечены *седла конские, узды ременные, шлеи ременные, плети ременные, гужи и вожжи, хомутины кожаные, подпруги сыромятные, полсти простые и валяные, стельки попонные, подхомутники, подвязки волосяные к попонам, стельки волосяные, подпруги волосяные, нагрудники дорогильные*. В военно-охотничье снаряжение входили *ножны кожаные, ножны из конской кожи, камысы*. Среди восточных товаров на Тобольском рынке названы, кроме различных мехов, *сафьян, замша и мешины* [Там же, с. 176, 177, табл. 21], но их количество было невелико.

О. Н. Вилков делает очень интересные выводы об организации кожевенного ремесла и торговли на основании анализа ввоза товаров на тобольский рынок. Кожевенные товары в импорте занимали второе место. Основными были сами кожи, тогда как изделия из них значительно уступали в общей стоимости. Возрастание ввоза в Тобольск кож, наблюдаемое для 1639–1687 гг., связано с увеличением спроса на них в Средней Азии, Джунгарии и Китае. Этот спрос особенно вырос после установления в 1656–1669 гг. непосредственных торговых связей России с Китаем. Местное производство тогда еще не могло удовлетворить полностью спрос на эти товары. Резкое падение ввоза кож в 1694/95 гг. было связано с переносом центра русско-китайской торговли из Тобольска в Нерчинск и временной заминкой торгового движения между Тобольском и Китаем по Ямышевской дороге в связи с ойратско-халхасской войной, а также с ростом производства кож в Тобольске. В конце XVII в. в городе работали не менее 43 кожевников, которые могли давать на рынок ежегодно до 4000 кож. Такой объем продукции не требовался на месте, и часть кож вывозили. Из этих данных понятно, что причину резкого падения ввоза в Тобольск готовых кожаных изделий следует искать в развитии тобольского сапожного ремесла. Во второй половине XVII в. тобольские сапожники уже полностью удовлетворяли спрос местного

рынка на обувь, поэтому ее поступление из Европейской России почти прекратилось. При этом поступление готовых изделий с Востока отсутствовало. Но еще в 1640-е гг. поступление готовой обуви «из России» исчислялось тысячами пар [Там же, с. 42, 43, 113, 114].

Т. Е. Квецинская провела анализ хозяйственной деятельности другого города — Верхотурья, отмечая, что становление его как крупнейшего транзитного центра Сибири, наложило определенный отпечаток на появление и развитие ремесел в городе. Наибольший размах получили кожевенное, портняжное и кузнечное ремесла, деревообработка и судостроение. Во второй половине XVII в. кожевенный промысел здесь представлен мастерскими — *заводами*, из которых три были столь невелики, что помещались прямо в избах владельцев. Двое хозяев имели по 4 ученика (всего в Верхотурье в 1720 г. было 9 учеников), а остальные обходились силами семьи. Сырые кожи для выделки получали как из собственного хозяйства, так и от верхотурских мясников, покупавших много скота на рынке. Вначале верхотурские кожевники делали в основном немногие сорта кож — *дубленые, валяные, подошвенные*. В конце XVII в. было налажено производство *красных кож*. Если в 1671/72 г. на верхотурском рынке продано 80 штук низкосортных кож и 4 сафьяна на 57 руб., то за 1687/88 г. в таможенной книге не зарегистрировано случаев продажи кож в Верхотурье приезжими торговыми людьми. Это приводит к выводу, что к концу XVII в. местные кожевники полностью покрывали местную потребность в кожах и уже начинали вывозить кожи в другие города Сибири. Известно, что 1 июня 1703 г. верхотурский посадский человек Иван Агеев привез в Тобольск *3 юфти кож красных своей работы* на 3 руб. На собственном кожевенном ремесле базировался и пошив обуви. По данным таможенных книг, в 1671/72 г. из 473 пар различной обуви, провезенной через Верхотурье, жители города купили

20 пар, в 1687/88 г. из 452 пар — только 14 пар. Эта статистика показывает развитый собственный пошив обуви [Квецинская, 1977, с. 99, 100].

Другим крупным промышленным центром Сибири во второй половине XVII в. был Енисейск. Согласно переписной книге 1669 г. из 176 посадских людей, занятых в ремесле и промыслах, кожевенное дело исполняли 25 человек (14,2%) [Копылов, 1965, с. 117, табл. 18]. Енисейцы также могли вывозить свою продукцию в Новую Мангазею, где они часто упомянуты со своими товарами. Но в Старую Мангазею, видимо, уже ничего не возили.

Интересны и наблюдения А. А. Люцидарской о развитии кожевенного ремесла в сибирских городах в целом [Люцидарская, 1992, с. 121, 122]. Именно этот вид ремесла она считает наиболее развитым, который уже в 1620-х гг. выделился в Тобольске, с середины 1630-х годов — в Тюмени, а затем распространился практически по всем городам Сибири, кроме самых отдаленных. С середины XVII в. кожевенное производство в Тобольске, Тюмени, Енисейске, Томске стало мелко-товарным, т. е. кожи продавали на рынке и там же покупали все потребное для их выделки — шкуры, соль, деготь, квасцы, сандал. Дубильные материалы кожевники частично готовили сами, а остальное покупали. В городских кожевнях делали до 100 и более кож в год.

В начале XVIII в. в Сибири оформились крупные предприятия, дававшие на рынок до 1000 и более кож ежегодно. Рядовым кожевенным товаром Сибирь к XVIII в. полностью себя обеспечивала. По данным А. А. Люцидарской, только в Тобольске в 1703 г. было 43 кожевника. В Томске на 1686/87 г., только по неполным данным одной таможенной книги, отмечено 16 ремесленников, продававших «кожи своего дела», а в Тюмени — 38. Но есть основания полагать, что на самом деле кожевников в Томске было гораздо больше. По архивным материалам про-

слеживается преемственность в кожевенном деле, когда в некоторых семьях им занималось несколько поколений.

На базе широко распространенного и технологически развитого кожевенного ремесла произошло разделение отраслей — выделки кож и пошива кожаной обуви. Сапожный, чеботной, чарочный, котовый (по названию видов обуви) промыслы существовали в каждом сибирском городе. Сибиряки в массе своей носили обувь местного пошива. На первой стадии развития кожевенного дела было сложно отличить кожевника от сапожника, поскольку часто эти профессии совмещались. Но вскоре наметилось их разделение. Уже в 1624 г. в Тобольске насчитывалось 7 сапожников. Их количество увеличивалось на протяжении XVII в. и к 1720 г. достигло 90 человек. В г. Тюмени и уезде к 1701 г. было 60 ремесленников, занятых пошивом обуви. Такую тенденцию можно отметить и в других западно-сибирских городах.

А. А. Люцидарская приводит сведения о руководстве женщин сбытом кожевенной продукции. Так, вдова промышленного человека Ивана Семенова Шурока, по данным томской таможенной книги «являла продати 12 кож дубленых яловиц своего дела». Потеряв мужа, жена не оставила начатого промысла и сама занималась реализацией готовой продукции [Люцидарская, 1992, с. 108].

Таким образом, надо полагать, что кожевенное ремесло, наряду с другими видами деятельности, очень активно развивалось во многих сибирских городах в XVII в. При этом, развитие скотоводства и торговли скотом способствовало расширению местного производства мыла, свечей и кож, что наблюдается в Нерчинске на конец XVII в. Известно, что в 1690-х гг. казак М. Савватеев здесь «держал кожевенный завод», оборудованный «котлами и судами большими». Оценка завода в 130 руб. свидетельствовала о широкой постановке дела. Известными кожевниками в Нерчинске, работавшими на покуп-

ном сырье, были казаки А. Помаскин и Г. Беломестный. Среди служивых людей известно немало искусных скорняков, изделия которых попадали не только на сибирские рынки, но и «за рубеж» — в Наунские села. Только по данным таможенной книги 1706 г., 5 казаков и их родственников продали в Нерчинске 34 «тарбаганские дахи» (шубы), 1400 «тарбаганских кож» и т. д. [Леонтьева, 1978, с. 80].

Кожевенное дело аборигенного населения

При изучении традиций русского обувного ремесла в Мангазее нельзя обойти вниманием и сравнительные материалы, показывающие пошив кожаных изделий в традициях местного населения края. Изучению культуры аборигенов Нижнего Приобья много внимания уделяют этнографы, на работы которых можно опираться при рассмотрении археологических находок. О местной традиции выделки кож и инструментах кожевника на Ямале, по археологическим и этнографическим материалам, с использованием трасологического метода, уже имеются определенные наработки. Выделка шкур в низовьях Оби и на Ямале традиционно считается женским занятием, хотя обработкой шкур, идущих на изготовление ремней для арканов и упряжи, занимаются только мужчины. По мнению исследователей, мужское кожевенное дело технологически отличается от женского: для первого имеется специальный мужской набор инструментов, среди которых нет скребков [Алексащенко, Перевалова, 2001, с. 195–198].

Разнообразные инструменты для обработки шкур дают археологические материалы. Трасологические характеристики различных скребков, проколов и других инструментов позволяют реконструировать отдельные кожевенные операции. Опыт комплексного археолого-этнографического исследования в указанном регионе показал перспективу совмещения трасологического метода изучения древ-

них и современных орудий — это совпадение следов от работы на древних и современных орудиях.

Самые ранние инструменты для обработки шкур на Ямале выделены на памятниках эпохи мезолита. Это небольшие скребки из кремня, халцедона, кварца или кварцита. Скребки из камня или кости встречены и на поселениях эпохи железа. Например, они составляют одну из самых многочисленных групп находок на городище Усть-Полуй, материалы которого датированы I в. до н. э. — I в. н. э. Имеются и более поздние материалы с городища Ярте VI, отнесенные к XI–XII вв. Скребки можно разделить на каменные — округлые по форме, и костяные — длинные двуручные, с зазубренной рабочей стороной или в виде плоской лопаточки. Вариации таких инструментов встречены на памятниках разного времени [Алексащенко, 2002, с. 184–198].

Например, для снятия волоса со шкуры обитатели городища Ярте VI использовали длинные, слегка изогнутые пластины из рога оленя (длина 20–40 см, ширина 2–3,5 см), с рукоятями на концах. По всей длине рабочего края вырезаны мелкие зубцы. Характер работы таким инструментом выдает сильная заполировка и линейные следы на концах зубцов, между ними и на плоскостях пластины. Похожий по форме и размерам инструмент — изогнутая деревянная основа с металлической зубчатой вставкой — лезвием известна у самодийцев и у обских угров. Металлическая пластина, S-видная в сечении, служила основной формой таких инструментов на памятниках XVII–XVIII вв. и позднее. Серия таких скребков найдена на городище Частухинский Урий [Семенова, 2002, с. 43, 44].

На завершающей стадии обработки шкур, при пушении бахтармы, некоторые народности (ханты, манси, селькупы, ненцы) применяют те же составные скребки, что и для мездрения, а также разминают кожи руками. Судя по результатам трасологических исследований, на-

селение Нижнего Приобья и Ямала применяло в этих операциях плоские или чуть вогнутые костяные скребки в виде лопаточки. Особенно много таких лопаточек найдено на Усть-Полуе. Некоторые из них были орнаментированы, на другие же нанесены знаки в виде крестов и «свастики». Подобные деревянные и костяные лопатки с тамгами представлены и на мансийских святилищах.

На памятниках этого региона имеется и обширный материал, показывающий изготовление ремней для упряжи и арканов. Так, на поселении Ярте VI встречено много скребков из лопаток северного оленя со сквозным подтреугольным отверстием в центре. Края отверстия имеют следы интенсивного использования — заполировку и многочисленные тонкие царапины, расположенные под углом к скругленной кромке. Данный инструмент был использован для растягивания ремней шириной 0,5–3 см. Этнографические наблюдения у лесных ненцев дают представление о большой потребности оленеводов в разного рода ремнях и веревках. На один чум (2 семьи из 10 человек) необходимо более 1000 м различных веревок и ремней, включая упряжь. На их изготовление идут не только шкуры дикого и домашнего оленя, но и корень кедра, кора тальника и оленьи жилы. Много кожаных ремней идет на плетение аркана, который может служить до 20–30 лет, если его не подмочить. Для аркана предпочтительной считается шкура дикого оленя, убитого во время гона — она толще, чем шкура домашнего оленя. Из одной шкуры дикого оленя можно сделать ремни, которых хватит на 1–2 аркана длиной 15–16 сажень. Мужчина обычно имел 2 аркана: зимний — из кожаных ремней и летний — из корня кедра.

Интересные данные, добавляют в последнее время и палеозоологи. Изучение костных остатков на Усть-Войкарском I городище, расположенном на левом берегу р. Горная Обь в Шурышкарском районе Тюменской области, показало,

что основным временем забоя оленей были сентябрь–декабрь месяцы [Бачура, 2008, с. 325–327].

По исследованиям Н. Ф. Прытковой, первые исторические сведения о материале, из которого шили одежду ханты, относятся к XVII в. Но в этом не учитывается «Сказание о человецех незнаемых в Восточной стране», созданное в конце XV — начале XVI в. [Плигузов, 1987, с. 40]. В нем упоминается, что «на Восточной стране за Югорскою землею над морем живут люди самоедь, зовомы малгонзеи... А люди резвы, не великывъзрастом... А платье носят соболье и оление». В той же стране есть и «иная самоедь», торгующая соболями, песцами и оленьими кожами [Плигузов, 1993, с. 78, 79]. К XVII в. относятся новые источники. Например, в Есиповской летописи отмечено, что «остяки же одежду имеют из рыб» [Сибирские летописи, 1907, с. 112]. В описании Сибирского царства, изданном А. Титовым, об этом сообщается более подробно: «А от Самаровского яму вниз великою рекою Обью, по обе стороны великой реки Оби и Иртыша и иных всяких рек множество, живут великих государей наших подданные ясачные люди, Татарове, Остяки, Самоедь... А одеяние и обувь имеют с рыбьих кож, с осетров, стерлядей, с налимов или сомней и со всяких птиц; проделывают же те кожи рыбьим жиром аки рогдугу мягкостию, которые отнюдь дозжа не боятся» [Титов, 1890, с. 72–74].

Указания на использование рыбьей кожи в качестве материала для одежды, встречается также в заметках путешественников XVII–XVIII вв. Николая Спафария и Эбергарда Избраннедеса. Интерес писателей того времени исключительно к одежде из рыбьей кожи можно объяснить необычностью материала. Использование рыбьих кож, по замечанию Н. Ф. Прытковой, существовало у всех групп хантов, хотя и в разной степени. Например, у северных хантов, занимавшихся оленеводством, рыбью кожу использовали только для пошива летней

одежды. Об этом упомянуто в одном из документов XVII в.: «По лету платье на себе носят рыбное: соскребши луску, сдерут кожу и выделают и шьют рубашки и платья» [Андреев, 1939, с. 95]. В других же районах, где олений мех был привозным, рыба кожа могла быть единственным доступным материалом для малоимущей группы населения. Кроме оленьего меха повсеместно ханты использовали в качестве материала для верхней одежды шкурки промысловых зверей, а также птиц, о чем упоминает Гр. Новицкий в «Кратком описании о народе остяцком» 1715 г. Таким образом, материал для одежды различался по группам рыболовов-охотников (таежные районы) и оленеводов (районы тундры).

Обработка животной шкуры, по сути, была северным вариантом изготовления сыромяти. Она описана рядом исследователей [Прыткова, 1953, с. 126–128]. Производили отмачивание шкуры, высушивание, разминание, снятие мездры и стонку волоса. Перед началом и в процессе мездрения шкуру смачивали и натирали жировыми составами, среди которых упоминается рыбий жир, вываренные потроха оленя, разжеванная икра или варка (выварка из рыбных внутренностей). Повсеместно у хантов практиковалась окраска кож, для чего использовали кору лиственницы или черемухи, и заболонь березы. Из коры деревьев путем кипячения делали красильный настой, добавляя туда золу пережженной «березовой губы». Выделка рыбных кож также, в основе, включала разминание и натирание жиром: «...проделывают же те кожи рыбьим жиром, аки ровдугу мягкостию, которые отнюдь дожда не боятся» [Титов, 1890, с. 73].

Один из способов выделки ровдуги наблюдала Н. В. Лукина на р. Васюган в 1969–1971 гг. «Кожу (для платьев, мужских рубах, штанов) специально выделывали из шкур оленя, потому что она мягкая. Шкуру погружали на несколько дней в воду, чтобы облезла шерсть, а потом

уже обрабатывали. При выделке смазывали рыбьим жиром *пелува*. Рыбий жир варили сами из рыбьих кишков. Шкуру выделывали отваром из корней лиственницы *кяр*, их варили до цвета густого чая. Шерсть со шкур сдирали. Кожу обрабатывали стругом и руками с обеих сторон. Сдирали мездру — *пара* и болонь на коже *кор*. *Кор* обдирали руками, а мездру — инструментом *ол*. Кожа становилась мягкой и тонкая, как тряпка. Ее смачивали отваром. Выделанная кожа называется *тэнлям-сох*» [Лукина, 2004, с. 110].

Выводы

Коллекция кожаных находок в Мангазее является важным и оригинальным источником информации. В ней представлены практически все предметы, использованные первыми жителями города. Практика археологического изучения средневековых поселений показывает, что состав коллекции индивидуальных и массовых находок определяется спецификой деятельности жителей поселения, в которой определяющими факторами служат ландшафт и природно-климатические условия. Материальная культура народов приполярной зоны показывает наиболее рациональное приспособление средств жизнеобеспечения к существованию в экстремальных условиях. Ограниченность ресурсов и возможностей приводят к выработке своеобразных приемов обработки подручных материалов, появлению оригинальных форм бытовых изделий и промысловых орудий.

Литература

Алексащенко Н. А. Кожевенное производство на Ямале (археология и этнография) // Уральский исторический вестник. — 2002. — №8. — С. 184–198.

Алексащенко Н. А., Первалова Е. В. Легенда о глупой женщине (трасологический метод в археолого-этнографических исследованиях: обработка кожи) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Отв. ред. В. И. Собо-

лев и др. — Нальчик—Омск: Омск. ун-т., 2001 — Вып. 9. — С. 195–198.

Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири XVII в. — Л.: Изд. АН СССР, 1939. — 184 с.

Бахрушин С. В. Самоеды в XVII в. // С. В. Бахрушин. Научные труды. — Т. III. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. — Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. — М.: Изд. АН СССР, 1955. — С. 5–12.

Бахрушин С. В. Исторические исследования: Ярославские торги в XVII в. // Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. — М.: Наука, 1987. — С. 141–159.

Бачура О. П. Сезон и возраст забоя северных оленей из городища Усть-Войкарское 1 // Труды II (XVIII) Всерос. археол. Съезда в Суздале, 2008 г. — М.: Изд-во ИА РАН, 2008. — Т. III. — С. 325–327.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. — Л.: Гидрометеиздат, 1980. — Ч. I. — 163 с.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. — М.: Наука, 1981. — Ч. II. — 147 с.

Василевич Г. М. Типы обуви народов Сибири // Сборник МАЭ. — М.-Л., 1963. — Т. XXI. — С. 3–64.

Вахрос И. С. Наименования обуви в русском языке. 1. Древнейшие наименования допетровской эпохи // Ежегодник Института по изучению СССР и Финляндии. — Хельсинки, 1959. — Приложение к № 6/10. — 271 с.

Векслер А. Г., Осипов Д. О. Кожаная обувь из раскопок в историческом центре Москвы // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Отв. ред. А. В. Энговатова. — М.: ИА РАН, 2004. — С. 333–342.

Вершинин Е. В. Мангазея: бытовые черты жизни ее обитателей // Россия и мир: панорама исторического развития. Сб. научных статей, посвященный 70-ле-

тию исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. — Екатеринбург: НПМП «Волот», 2008. — С. 545–551.

Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. — М.: Наука, 1967. — 324 с.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). — Екатеринбург—Нефтеюганск: изд-во «Магеллан», 2008. — 296 с.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). — Екатеринбург: Издательство АМТ, 2011. — 216 с.

Ермолова Н. В. Пояса у народов северной Сибири и Дальнего Востока // Украшения народов Сибири. Сборник МАЭ. — СПб., 2005. — Т. LI. — С. 170–301.

Зырянский мир. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. — 432 с.

Изюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. — 1959. — Вып. 65. — С. 192–222.

Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Археологические находки на о. Фаддея и на берегу Симса. — Л.-М.: Изд. Главсевморпути, 1951. — 252 с.

Кардаш О. В. Посохи свата из Надымского городка XVII–XVIII веков // Археология, антропология и этнография Евразии. — 2010. — № 1 (41). — С. 61–71.

Квещинская Т. Е. Ремесла г. Верхотурья в XVII в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII — начало XX в.). — Новосибирск: Наука, 1977. — С. 97–112.

Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII в. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. — Новосибирск: Наука, 1965. — 296 с.

Краснов Ю. А., Каховский В. Ф. Средневековые Чебоксары. Материалы Чебоксарской экспедиции 1969–1973 гг. — М.: Наука, 1978. — 192 с.

Курбатов А. В. Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскоп-

кам 1980–1986 гг.) // КСИА. — 1991. — Вып. 205. — С. 71–77.

Курбатов А. В., Овсянников О. В. Изделия кожевенного производства в городах русского Заполярья (Мангазея) // АВ. — 1999. — № 6. — С. 245–271.

Курбатов А. В. Кожаные предметы из Пустозерска // М. Э. Ясински, О. В. Овсянников. Пустозерск. Русский город в Арктике. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. — С. 225–243.

Курбатов А. В. История обувной моды в Скандинавии и восточноевропейские параллели. Рец. на: June Swann. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. Stockholm. 2001. P. 357, fig. 443 // АВ. — 2005. — № 12. — С. 231–244.

Курбатов А. В. Этапы освоения Севера в связи с развитием кожевенного ремесла средневековой России // АВ. — 2007. — № 14. — С. 157–165.

Курбатов А. В. 2009-А Заключение по находкам предметов, связанных с кожевенно-обувным ремеслом / Визгалов Г. П. Отчет о НИР. Комплексные археологические исследования Старотуруханского городища в Туруханском районе Красноярского края в 2008 г. — Нефтеюганск, 2009. — Кн. 1, 2. — Приложение.

Курбатов А. В. Культура и ремесло русского заполярного города: кожаные изделия Мангазеи по раскопкам 2001–2007 гг. // Записки ИИМК РАН. — 2010. — № 5. — С. 211–230.

Курбатов А. В. Псковская школа кожевенного ремесла в средневековой Руси // РАЕ. — 2013. — № 3. — С. 476–498.

Леонтьева Г. А. Роль служилых людей в торгово-промышленной жизни Нерчинска во второй половине XVII — начале XVIII в. // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). — Новосибирск: Наука, 1978. — С. 76–94.

Лепехин И. Дневные записи путешествия доктора и академика Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 г. — СПб., 1795. — 2-е издание. — Ч. 1. — 537 с.

Лукина Н. В. Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии. — Томск: Изд-во Томского университета, 2004. — Т. 1. Васюган.

Люцидарская А. А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII — начало XVIII в. — Новосибирск: Наука, 1992. — 196 с.

Миллер Г.-Ф. История Сибири. — М.: Изд. Фирма «Восточная литература» РАН, 2000. — Т. 2. — 637 с.

Морозов В. В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI в. — М.: Индрик, 2005.

Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. — Екатеринбург: Тезис, 2004.

Плигузов А. И. Первые русские описания Сибирской земли // ВИ. — 1987. — № 5. — С. 38–50.

Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. — М.—Ньютонвилль: Археологический центр, 1993. — 156 с.

Поварнин Г. Г. Очерки мелкого кожевенного производства в России. Ч. 1. История и техника производства. — СПб., 1912. — 270 с.

Прыткова Н. Ф. Одежда хантов // Сборник МАЭ. — 1953. — Т. XV. — С. 123–233.

Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. — Л.: Наука, 1970. — С. 208–222.

Семенова В. И. Домашние ремесла юганских хантов в конце XVI — начале XVII в. (по материалам раскопок городища Частухинский Урий) // Сборник научных трудов Тюменского музея изобразительных искусств. — Тюмень: Изд. ТМИИ, 2002. — С. 36–45.

Слепцова И. С. Происхождение поясной одежды крестьянок Русского Севера // Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX века. — М.: Наука, 2001. — С. 346–366.

Словарь русского языка XI–XVII вв. — М.: Наука, 2008. — Вып. 28. — 302 с.

Словарь русских народных говоров. — Л.: Наука, 1981. — Вып. 17. — 383 с.

Тверская Д. И. Москва второй половины XVII в. — центр складывающегося всероссийского рынка // Труды ГИМ. — 1959. — Вып. 34. — 126 с.

Титов А. Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. — М., Юдин, 1890. — 170 с.

Фармаковский М. В. Изделия из волокнистых материалов // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. — Л.-М.: Изд-во Главсевморпути, 1951. — С. 172–178.

Федорова Е. Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. — СПб.: МАЭ РАН, 1994. — 284 с.

Федорова Н. В. Войкарский городок. Буклет. — Салехард. Б. г. (2008).

Список сокращений

АВ — Археологические вести. СПб.

АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии.

ВАС — Всероссийский археологический съезд.

ВИ — Вопросы истории.

ГИМ — Государственный исторический музей.

ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН.

КСИА — Краткие сообщения института археологии.

МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии РАН.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

РАЕ — Российский археологический ежегодник. СПб.

С. В. Гусев

Институт «Наследие»
пр. Космонавтов, 2, Москва, 129336, Россия
e-mail: agus_2004@mail.ru

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ УНЕНЕН НА ВОСТОЧНОЙ ЧУКОТКЕ (ДРЕВНЕКИТОБОЙНАЯ КУЛЬТУРА) В 2007–2014 ГГ.

В 1997 г. на территории современного с. Нунлигран (Восточная Чукотка) было выявлено поселение. Оно расположено на южной окраине современного поселка, на второй морской террасе у галечно-песчаного пляжа (рис. 1). С запада поселение ограничено крутым склоном горы. Площадь поселения по уточненным данным составляет более 5,7 га (рис. 2). Выделяются три участка с интенсивно окрашенной и относительно более высокой растительностью. Здесь местные жители брали грунт для теплиц. Грунт, представляющий собой обильно гумусированную супесь или суглинок, включает многочисленные кости морских и наземных животных и птиц, дерево, артефакты. Местные жители называют эту территорию Ун'эн'эн — «пониженное место». Мерзлота позволила хорошо сохраниться органике: клыку моржа, оленьему рогу, китовому усу, дереву, коже.

Исследования, проведенные в 2003 и 2005 годах позволили уточнить датировку и характер культурного слоя памятника.

С 2007 г. по 2014 г. раскопки на площади более 100 м² ведутся ежегодно.

Датировки по С¹⁴ определяют возраст 2900–3200 лет от наших дней, а при переводе в календарные даты удревняются и указывают возраст поселения древних китобоев в диапазоне XV–XIII вв. до н. э.

С момента открытия в 1956 г. Дж. Гиддингсом древнекитобойной культуры на косе у мыса Крузенштерна (Аляска) существование этой культуры и ее название были постоянным объектом яростной критики. Сомнению подвергался, прежде всего, сам факт наличия у носителей этой культуры

китобойного промысла. С открытием и последующими исследованиями поселения Уненен на Восточной Чукотке ситуация кардинально изменилась. Раскопки 2007 г. принесли сенсационную находку на глубине 50–60 см от современной дневной поверхности, а именно клык моржа с гравировкой (рис. 3). Клык длиной 49 см оформлен в виде нерпы — с головой и плавниками на концах. С двух сторон на нем изображена охота на китов, а также строения, представленные навесами на трех опорах. На одной стороне клыка изображен белый, на другой — бурый медведи. Жанровые композиции представлены сценами охоты на китов и тюленей с многоместных беспалубных лодок — умиаков, стрельбой из лука, сакральными действиями. Есть изображение охотника в каяке. Технология охоты и конструкция лодок относятся к протоэскимосской традиции. Это первая такого рода находка в Северной Пацифике. Изобразительный ряд раскрывает внешний и внутренний мир древних морских охотников, оставивших послание в XXI век в виде граффити на клыке моржа. Сцены охоты на кита, изображенные на клыке моржа, напроочь отменили все сомнения в возможности охоты на кита с воды.

В 2008 и 2009 гг. были выявлены выкладки из черепов моржей, уложенных линиями в затылок друг к другу.

В 2010 г. был оконтурирован с запада и юга развал сооружения из костей кита и деревянных плах.

В 2011 г. основным результатом работ стала разборка выкладок из костей и дерева, рухнувших конструкций в южной

части раскопа в третьем слое. Слой со- держал большое количество находок из органики: кости, рога, дерева, китового уса, кожи. Было выявлено и исследовано уникальное, причем, хорошо сохранив- шееся сооружение из трех os penis мор- жа и зажатого между ними черепа оле- ня, с обкладкой наконечниками, ножом и раковинами мидий — Святилище Уне- нен. Святилище, вероятнее всего, демон- стрирует борьбу морских и сухопутных сил. Подобные святилища до сих пор не были известны. В совокупности с выклад- ками из черепов моржа все это доказы- вает существование на Уненене крупного ритуального комплекса. Все сооружение перестало существовать после мощного катаклизма — землетрясения, произо- шедшего около 3 тыс. л. н., в результате которого на поселение переместились огромные валуны, вес некоторых из них превышает 2 тонны.

Количество предметов из органи- ческих материалов среди находок в куль- турном слое к 2011 г. заметно возросло, что связано с тем, что мы приступили к расчистке слоя, находившегося до начала раскопок в мерзлом состоянии. Наряду с поворотными наконечниками гарпуна встречаются зубчатые наконечники «але- утского круга». Найдено несколько колков для поворотных гарпунов. Впервые най- дены швейные иголки с ушками из клыка моржа. Совершенно уникальна находка кожаной обуви в виде мокасина со шнур- ками из кожи тюленя. Это единственный такого рода предмет столь глубокой древ- ности в Северо-Восточной Азии.

Выявлено значительное количество высокохудожественных предметов. Деревянный ковш (рис. 4), уплощенная, округ- лая рукоять которого декорирована изображением лицевой части головы полярной совы с рельефными деталями — спира- левидными глазами на округлом перьевом лицевом диске, ромбовидным клювом, подшейной опушкой, показанной полу- круглыми рядами. Перьевые «ушки» над лицевым диском сделаны сильно выступа-

ющими, сросшимися над головой. Кален- дарь или счетная палочка, выполненная на обрезке клыка моржа в виде изогнутого, сужающегося к острию стержня, на одной поверхности которого нанесены одиннад- цать рядов пиктограмм в виде коротких прямых штрихов, крестиков, галочек и их комбинаций. Найдены фигурка калана из дерева и полоз санок из клыка моржа для транспортировки добычи.

В 2012 г. выявлены уникальные сак- ральные предметы: ритуальная чаша из клыка моржа, заполненная охрой; свя- щенный кожаный мешок-сосуд с лапой нерпы и пальцем медведя с когтем внут- ри. Отметим также находку браслета, сплетенного из китового уса.

Было выяснено, что комплекс пре- кратил функционирование в результате землетрясения, когда подземные толчки силой до 7 баллов сместили с сопки, рас- положенной непосредственно к западу, каменные блоки, вес ряда которых пре- вышает 2 тонны. Каменные потоки легли непосредственно на культурный слой, на- дежно датируемый концом II тыс. до н. э. Вместе с камнями культурный слой был перекрыт стерильным слоем светло-ко- ричневого суглинка. Эти обстоятельства обеспечили хорошую сохранность из- делий из органики: клыка моржа и рога оленя, дерева, китового уса, кожи. Наход- ки уникальны, они раскрывают все сторо- ны материальной и духовной культуры древних китобоев.

Основным результатом работ на посе- лении Уненен в сезоне 2013 г. явилось исследование сооружения каркасно-столбовой конструкции. Площадь сооружения мо- жет быть определена по местонахождению опорных столбов из дерева. В центре соору- жения находится коридорообразная пло- щадка из плашмя уложенных каменных плит. Возможно, плиты в кв. 501–502/1002 являются продолжением коридорообраз- ной выкладки или сползли по склону. Исходя из расстояний между опорными столбами, можно определить размеры со- оружения в пределах 6×3 м. Сооружение

было вытянуто по склону в направлении с СЗ на ЮВ в сторону моря. Центральной частью его была площадка из каменных плит. По характеру находок сооружение представляет собой мужской дом.

Раскопки 2014 г. принесли новую сенсацию: выложенные из стволов деревьев и кустарников полы, зафиксированные на глубине более 1,5 м от современной дневной поверхности (рис. 5). Это первая такого рода находка на Северо-Востоке Азии для столь древнего периода (XV–XIII вв. до н. э.). Уложенные параллельными рядами деревянные конструкции на разных участках составляют по площади от 6 до 10 м². Полы примыкают в свою очередь к исследованной ранее центральной площадке, выложенной каменными плитами. В настоящее время выявлено 3 уровня древнего пола: по мере нарастания культурного слоя на него укладывались новые конструкции (рис. 6). Каждый уровень пола сверху покрывался дерном. Уровень домостроения свидетельствует об оседлости и умении прекрасно работать с деревом, дефицитным для здешних мест материалом.

Найдены уникальные предметы: шаманская «кукла» из шерсти белого медведя, обмазанная вдоль тулова охрой (рис. 7); клык моржа с гравировкой, изображающей жилища и лес (рис. 8); личина из дерева, реалистично передающая антропологические черты эскоалеутов с татуировкой (рис. 9); игольник из оленьего рога с семью вложенными в него иглами диаметром 1,5 мм с высверленными ушками, выполненными из клыка моржа; фигурка росомахи из дерева (рис. 10); зуб мамонта и другие.

Указанные находки и сооружения позволяют считать поселение Уненен главным, центральным объектом по изучению древних культур морских зверобоев Северной Пацифики и Арктического региона.

Из находок необходимо отметить находки поворотных наконечников гарпуна типа гринландской культуры индигенс (рис. 9), известных ранее за предела-

ми Гренландии только по раскопкам на Аляске и на острове Врангеля (стоянка Чертов овраг).

Среди каменных изделий и отщепов преобладает яшма различных оттенков серого цвета с однородной или полосчатой структурой. Обсидиан, халцедон, кварцит и кремнь составляют в процентном отношении менее 4% от общего количества каменного инвентаря. Каменный инвентарь представлен ножами на пластинчатых отщепах с краевой одно- или двухсторонней ретушью, скребками на пластинах и пластинчатых отщепах, скреблами, пилами, наконечниками стрел и дротиков на пластинах.

Отходы каменного производства состоят из многочисленных отщепов, сколов, чешуек и сработанных аморфных нуклеусов. Исходным материалом для изготовления орудий служили уплощенные продолговатые отщепы различной конфигурации. Получение таких отщепов сопровождалось характерной подготовкой ударной площадки — пришлифовкой и защипами с боков.

Имеется целая серия находок концевых копьецов наконечников гарпуна со шлифованной поверхностью, боковых и концевых вкладышей с ретушью и частичной пришлифовкой. Резцы из яшмы представлены серией изделий, в их числе — резцы со шлифованным лезвием.

Выявлено значительное количество высокохудожественных предметов. В культурном слое обнаружены череп кита-сеголетки, черепа моржей, часть из них — с клыками в сборе, кости нерпы, птицы и кита, раковины мидий, китовый ус.

Анализ комплекса показывает культурное и геохронологическое единство поселений Уненен с поселениями Old Whaling на мысу Крузенштерн, Аляска, Чёртов Овраг на о. Врангеля, прелахтинскими памятниками к югу от Анадыря и указывают на их связи с далекой Гренландией. Калиброванные даты (22 образца) относят время существования поселения к XV–XIII вв. до н. э.

Рис. 1. Бухта Преображения у старого Нунлинграна

Рис. 2. Поселение Уненен 4

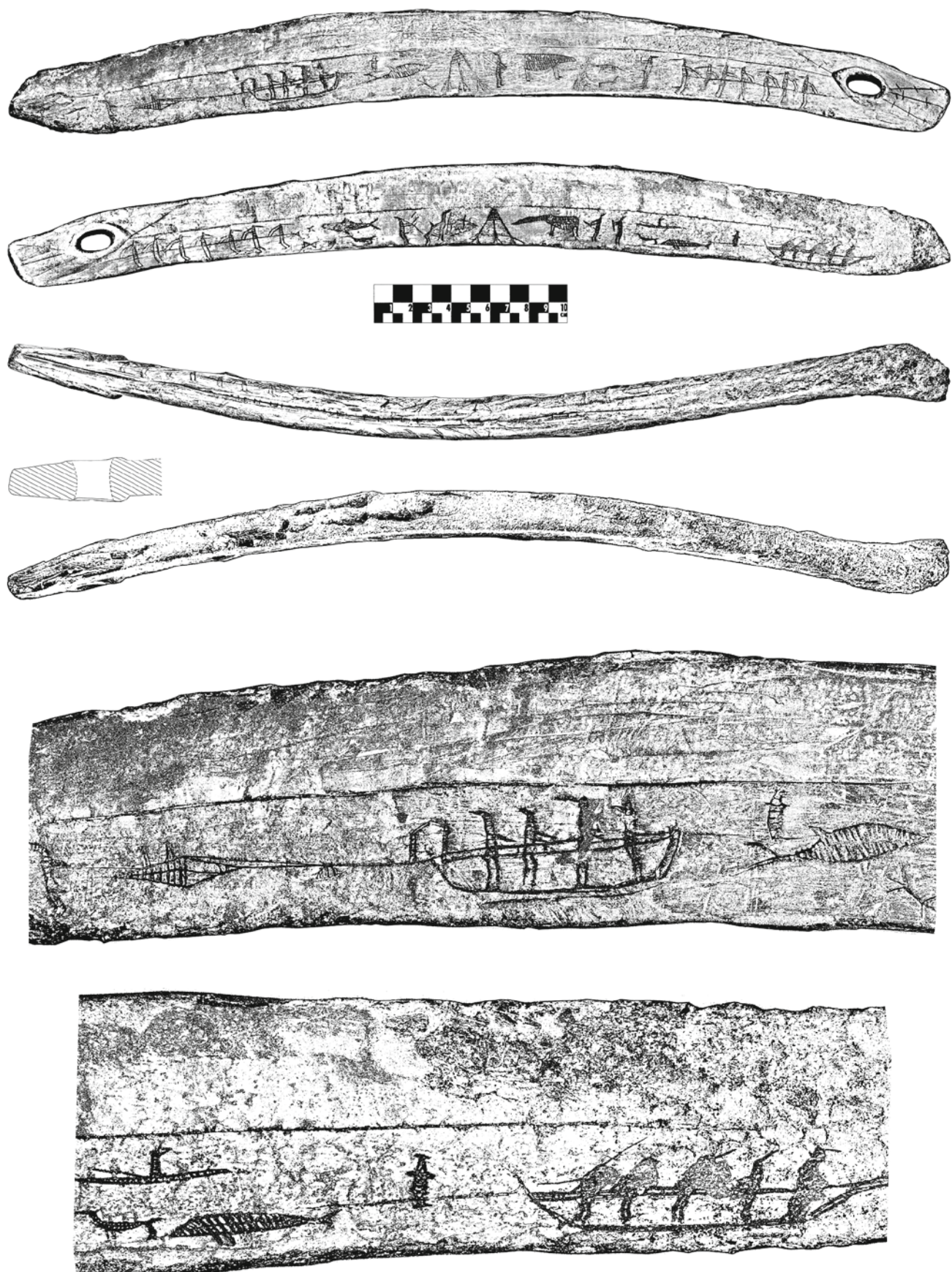

Рис. 3. Картина на клыке моржа

Рис. 4. Деревянный ковш

Рис. 5. Пол сооружения, на заднем плане — вымостка из каменных плит

Рис. 6. Три уровня полов в профиле раскопа, над ними — выкладка из черепов моржей

Рис. 7. Шаманская кукла и наконечник гарпуна

Рис. 8. Картина на клыке моржа

Рис. 9. Деревянная личина

Рис. 10. Фигурка росомахи

В. В. Фитцхью

Смитсоновский институт,
Музей Натуральной истории, Центр изучения Арктики
10th and Constitution, NW, P.O. Box 37012,
Washington, DC, USA
E-mail: fitzhugh@si.edu

ФРЕДЕРИКА ДЕ ЛАГУНА 1906–2004 ГГ. БИОГРАФИЧЕСКИЕ МЕМУАРЫ

Любые мнения и оценки, представленные в настоящих мемуарах, являются точкой зрения автора и не обязательно отражают мнение Национальной академии наук.

Frederica de Laguna

Среди многих легендарных личностей, сделавших антропологию Арктики и северо-западного побережья своим призванием, Фредерика де Лагуна вышится над всеми, став легендой еще при жизни. Она не просто пользовалась огромным уважением среди профессионалов в области, где доминировали мужчины; она превзошла практически всех своих северных коллег по антропологии уже одним масштабом и широтой своих исследовательских интересов, охватывающих археологию, фольклор, этно-исто-

рию, социальную антропологию, биологию человека и лингвистику. Она изучала это все, и делала это исключительно хорошо в течение 75 лет, в то же время, являясь профессором колледжа Брин Мор. Там она провела большую часть из своих 98 лет, обучая студентов, создавая кафедру и программу докторантуры, проводя полевые исследования, служа своему делу и выполняя беспрецедентный объем исследований. В молодости, просто для заполнения свободного времени и финансирования исследовательской работы, она писала детективы.

Де Лагуна, которую друзья и коллеги знали на протяжении всей ее жизни как Фредди, посвятила первые два десятка лет своей профессиональной деятельности сравнительному изучению циркумполярного искусства, изучению североамериканской археологии в сочетании с другими дисциплинами, и археологии Аляски, отдав последующие 50 лет этнографическому исследованию культур северо-западного побережья и юго-востока Аляски. В этом отношении ее карьера следовала траектории, аналогичной истории ее учителя и наставника, Франца Боаса, чьи работы начинались с поиска места происхождения эскимосов и комплексного исследования северо-тихоокеанской культурной истории (Джесуповская северо-тихоокеанская экспедиция 1897–1903) с аналогичным последующим поворотом в сторону документирования этнологии и фольклора северо-западного побережья.

Но в то время как Боас на протяжении всей жизни уделял большое внимание теоретическим исследованиям, став впоследствии «отцом американской антропологии», Фредди была непревзойденным продолжателем его работ по изучению северо-западного побережья. В отличие от Боаса она не писала учебников, и не принимала участия в серьезных профессиональных дискуссиях о теории культуры; не стала она и противоречивой фигурой, подобно другим студенткам Боаса, Маргарет Мид и Рут Бенедикт. Вместо этого она заложила основы антропологии Аляски как самостоятельной дисциплины благодаря своим многочисленным работам и обучению непрерывного потока профессиональных антропологов — по большей части женщин — пользуясь огромной популярностью и поддержкой среди местных (коренных) народов, в результате чего она стала целым «институтом» и для коренных народов, и для академической науки.

Фредди пользовалась большим авторитетом среди своих коллег, она занимала должности вице-президента Общества американской археологии (SAA) с 1949 по 1950 г., и президента Американской антропологической ассоциации (AAA) с 1966 по 1967 г. В 1975 г. она и Маргарет Мид стали первыми женщинами антропологами, получившими членство в Национальной академии наук. Фредди получила награду AAA «За выдающиеся заслуги», награду SAA к 50-летней годовщине в 1986 г., и медаль Люси Вартон Дрексель Пенсильванского университета в 1999 г. Ее исследования способствовали самому раннему широкому синтезу арктической археологии, а ее более поздние работы по этнологии северо-западного побережья моментально стали классикой. В то время как карьера Фредди была связана в первую очередь с преподаванием, ее продолжавшееся всю жизнь сотрудничество с Пенсильванским университетом и его музеем существенно обогатило музейную антропологию.

Многочисленные достижения и выдающийся профессиональный статус Фредди отражены в огромном количестве некрологов и жизнеописаний. Некрологи, написанные Маргалит Фокс [2004], Томом Киззия [2004], Мари-Франсуаз Гюдон [2004], Уоллесом М. Олсон [2005] и Ретной Дарнелл [2005], а также эссе Ричарда Дэвиса [2006] содержали краткий обзор жизни и профессиональной карьеры Фредди, в то время как Синтия Айнсворт [2005] и Ричард О'Мара [1997] написали большую статью о ее работе на Аляске, приводя множество цитат из ее собственных полевых заметок. Значительная часть ее полевых работ была выполнена в сотрудничестве с Кэтрин Маклеллан и — позднее — с Гюдон, обе они поделились «инсайдерскими» комментариями о карьере и полевых экспедициях Фредди [McClellan, 1988, 1989; Guédon, 2004]. Она также документировала свою жизнь в книгах и статьях [de Laguna, 1977, 2000, 2004]. В 1985 г. она записала несколько интервью «История жизни Фредерики де Лагуна» (Life History of Frederica de Laguna) с Маклеллан, стенограмма которых составила 370-страничную рукопись, хранящуюся в архивах библиотеки колледжа Брин Мор и университета Аляски в Фэрбенксе. Ее последующая деятельность нашла отражение в интервью Чарльзу Мобли 1993 года. Стенограммы обоих циклов бесед хранятся в библиотеке Расмуссона в Фэрбенксе. В 2006 г. Сюзан Каплан опубликовала серию воспоминаний, отзывов и рассказов бывших студентов и коллег Фредди в издании Арктическая антропология [Kaplan, 2006].

А последние годы жизни Фредди назначила Гюдон исполнителем своего литературного завещания, учредив издательство «Frederica de Laguna Northern Books» (<http://www.fredericadeLaguna.com>), чтобы ее книги не исчезали из печати, и чтобы ее незавершенные рукописи были опубликованы и стали доступны читателям. Хочется верить, что обе эти цели будут

Фредди студентка.
Фото предоставлено автором

достигнуты. Ее профессиональные работы хранятся в Смитсоновском национальном антропологическом архиве и внесены в его официальный реестр [Wang, 2006]. Архив остальных ее материалов хранится в Американском философском обществе в Филадельфии.

Своим успехом Фредди обязана комбинации блестящего ума, необыкновенной самоотверженности, литературного мастерства и долголетию. Ее длинная жизнь и стремительное движение вперед оставили далеко позади всех, с кем она начинала. В то время как ее друг и коллега, Смитсоновский арктический археолог Генри Коллинз был известен на протяжении всей середины двадцатого века как «декан» арктической археологии, Фредди удерживала свой статус в антропологии Аляски на протяжении последних 30 лет своей жизни. После своего выхода на пенсию в 1975 г. она издала в качестве автора или редактора 31 публикацию, включая

книгу Джорджа Эммонса об индейцах тлингит.

В последние годы она пользовалась настолько большим уважением в циркумпольярном сообществе, что ее редкие появления на публике производили эффект явления призрака на более молодых коллег. На приеме по случаю открытия российско-американской выставки «Перекресток континентов» в Смитсоновском институте в 1988 г., я спросил Сергея Арутюнова и других русских, хотели бы они встретиться с доктором де Лагуна, которая специально приехала из Брин Мор, но уже давно не ездит за границу и никогда не была в России. Насколько же они были удивлены обнаружив, что наследница восточной академической традиции не была призраком, а оказалась маленькой женщиной с блестящими глазами, вздернутым носом, и живыми манерами, и которая еще больше запомнилась тем, что имела привычку «читать лекции» коллегам, как будто они были студентами, слегка запрокинув голову и прикрыв глаза.

И сохранившей живой ум! Фредди помнила все, что она когда-либо прочитала, не испытывала недостатка во мнениях и не боялась высказывать их перед кем угодно. По этой причине она была не в ладах с функционалистом Брониславом Малиновским, или автократичным Смитсоновским физическим антропологом Алешем Хрдличкой [Mason, 2006]. В интеллектуальных вопросах она была чрезвычайно интересным собеседником.

Будущий выдающийся ученый, Фредерика Аннис Лопес де Лео де Лагуна родилась в Энн Арбор, штат Мичиган 3 октября 1906 г. Ее родителями были Грейс Мид Андрус и Теодор Лопес де Лео де Лагуна, которые всю свою жизнь преподавали философию в колледже Брин Мор, куда Фредди прибыла в возрасте одного года. Ее семейное воспитание и творческие отпуска ее родителей в Европе, где она имела возможность общаться с самыми выдающимися британскими и

европейскими учеными, дали ей необыкновенное образование. Фредди была отличной студенткой, собирая все призы и награды в школе и колледже Брин Мор, где она специализировалась в политике и экономике, и который закончила с отличием в 1927 г. В качестве поощрения по окончании университета она получила престижную аспирантскую стипендию на учебу в Европе, которую она решила отложить, с тем, чтобы еще год позаниматься антропологией, лингвистикой и фольклором в Колумбийском университете с Францем Боасом и Рут Бенедикт.

К тому времени Фредди уже была заинтригована эскимосами и Арктикой. В возрасте 13 лет, прочитав книгу Элайши Кент Кейн об исследовании Арктики (Arctic Explorations) и «Гостеприимную Арктику» (The Friendly Arctic) Вильямура Стефансона, она написала Дональду МакМиллану, который организовывал ежегодные экспедиции на Лабрадор и Гренландию на шхуне Боудин, предложив ему «съесть его сапоги», если он возьмет ее с собой на Боудин в составе группы студентов. Он отказал, но Фредди не сдавалась, и после Колумбийского университета она продолжила изучение севера во время своей аспирантуры в Европе, что привело ее в Финляндию, Францию и Испанию в 1928 г.

Тем летом она приняла участие в работе полевого лагеря Американской школы доисторических исследований под руководством археолога Джорджа Гранта Мак-Керди, который проводил раскопки палеолитических скальных навесов и пещерных стоянок в Дордони. Фредди хорошо владела французским, и, исследуя внутренние ниши пещеры Труа Фрер, она поскользнулась на спуске и приземлилась у ног Анри Брейля, который был занят копированием изображений на стенах пещеры. "Bon jour, Monsieur l'Abbé, voici votre élève qui arrive!" (Добрый день, мсье аббат, я ваша вновь прибывшая ученица!), объявила она, нисколько не смутившись [McClellan, 1989].

Позже, в Париже она посещала лекции Брейля и Поля Риве об искусстве палеолита и прошла курс археологического картографирования и иллюстрации артефактов. После этого она вернулась в Англию и поступила в Лондонскую школу экономики, полагая, что, возможно, она захочет сдать там экзамен на степень доктора философии. Там ее учителями были К. Дж. Селигман и Малиновский [McClellan, 1989; de Laguna, 2004; Darnell, 2005; Davis, 2006].

Хотя этот опыт и дал ей возможность впервые познакомиться с методами археологических раскопок и изучения палеолита, но ход всей ее дальнейшей судьбы предопределило ее участие в Конгрессе антропологических и этнологических исследований в 1928 г. в Копенгагене. Там она познакомилась с Каем Биркет-Смитом и Теркелем Матиассеном, молодыми датскими специалистами в этнологии и археологии, только что закончившими свой отчет по Пятой экспедиции туле (1921–1924) в канадской Арктике. Практически в один день датчане превратились в лидеров нового направления «эскимологии» с центром в Национальном музее Дании, где хранятся все крупные коллекции из Гренландии и Северной Америки.

Пятая экспедиция туле стимулировала появление радикально новых теорий о происхождении эскимосов, основанных на существовании общего языка инуктитут, связывающего между собой народы Гренландии и Сибири. Биркет-Смит придерживался боасовского представления о том, что эскимосы произошли от северных индейских охотников на карибу в Киватине, которые в свое время вышли из леса и адаптировались к жизни на арктическом побережье до того как они распространились на территории Гренландии, Лабрадора и Аляски со своей отличительной культурой охотников на морских млекопитающих. Матиассен, с другой стороны, считал эти этнологические теории поверхностными и не имеющими исторического обоснования. Его

Фредди и Теркель Матиассен в Инутсуке: «Это была отличная варежка из тюленьей кожи»
Фото предоставлено автором

раскопки позволили установить наличие гораздо более ранних связей восточной китобойной культуры туле с Аляской. Эти гипотезы внесли новый элемент северо-американского измерения в теории, предложенные ранее Уильямом Б. Докинзом [William Boyd Dawkins, 1874] и У. Дж. Солласом [Sollas, 1911], которые указывали на происхождение эскимосов от мигрирующих на север европейских палеолитических охотников, распространившихся затем на восток вдоль циркумполярной границы в Северную Америку [Fitzhugh, 2008, 2010].

Новые данные Пятой экспедиции туле вызвали брожение, заставлявшее молодых ученых спорить с представителями старой гвардии. Фредди также хотела поучаствовать в этой борьбе за разрешение «эскимосской проблемы».

Такая возможность ей представилась, когда Матиассен пригласил Фредди присоединиться к его экспедиции 1929 г. в западную Гренландию для изучения культуры инутсуков со следами контактов с норманнами в северной части залива Диско. В результате раскопок было обнаружено большое количество норманнских предметов, датирующихся XV–XIX веками [Jordan, 1984; de Laguna,

1977; Mathiassen, 1931]. Матиассен считал, что норманнские деревянные резные фигурки на памятниках инутсуков свидетельствовали о торговых контактах еще до того, как туле в конечном итоге захватили поселения гренландских норманнов на юго-западе Гренландии. (Недавние находки фрагментов металлических церковных колоколов и стеклянных витражей позволяют предположить, что эти материалы попали к инутсукам с оставленных жителями поселений норманнов).

Все шесть месяцев своего пребывания в Гренландии Фредди писала длинные письма своим родителям, описывая свою работу на раскопках, великолепные арктические ландшафты, культуру инуитов, и жизнь в полевом лагере — это был ее первый опыт работы в полевой экспедиции. «У меня такое ощущение, как будто я до сих пор не жила по-настоящему» — говорила она. После возвращения она собрала свои письма в рукопись, названную «Путешествие в Гренландию» (*Voyage to Greenland*), и отправила ее Матиассену с посвящением: «Теркелю Матиассену — эта книга написана его товарищем на Инутсуке и отправлена Тикиле в память о счастливом лете». Рукопись долгое время оставалась неопубликованной. Фред-

ди опубликовала ее только в 1977 г., через 10 лет после смерти Матиассена, снабдив ее иллюстрациями из собственных фотографий, набросков и зарисовок артефактов. В предисловии она писала, как ее Гренландская одиссея пробудила в ней страсть к антропологии настолько сильную, что она «была вынуждена отказаться от любимого человека» (английского студента-инженера) и начала «путешествие в новую жизнь, и обрела новый взгляд на мир» [de Laguna, 1977]. Жизнь стремительно понеслась вперед после ее возвращения из Гренландии. Она возобновила свои занятия на курсе Боаса в Колумбийском университете, взяв предложенную им ранее тему для диссертации — оценка элементов сходства между палеолитическим и эскимосским искусством и технологией. Переполненная впечатлениями от своих Гренландских раскопок и перспективами новой карьеры, она разорвала помолвку, полагая, что ее профессия будет несовместима со счастливой семейной жизнью. Она выразила эту мысль через героиню одного из своих детективов «Стрелка указывает на убийство» [de Laguna, 1937], которая говорит: «Интересно, почему я так и не вышла замуж? Наверно, слишком занята» [Miraglia, 2006].

Ее тема была важна для Боаса, который долгое время разделял теорию центрально-канадского происхождения эскимосов. Боас только закончил публикацию книги «Примитивное искусство» (Primitive Art), центральной темой которого было искусство северо-западного побережья, и ему было интересно узнать, что даст более глубокое исследование палеолитического и циркумполярного искусства. Его реконструкции истории эскимосов указывали на миграцию в район Берингова пролива из арктических районов центральной Канады, таким образом, создавая клин эскимосских народов, разорвавших дугу похожих культур от Сибири до бассейна р. Колумбия — эту гипотезу он вывел по результатам своей Джесуповской экспедиции [Dumond, 2003]. Если

его теория была верна, культура эскимосов (и особенно их искусство) не должны были иметь исторических связей с культурами палеолита и раннего голоцена северной Европы. Фредди изучила все имеющиеся материалы и пришла к выводу, что сторонники циркумполярной теории, такие как Докинз, Соллас, и Гуторм Гьессинг ошибались; она утверждала, что сходство было поверхностным, и что общие мотивы, включая кружки с точками, штриховые стили, гребенчатые линии, и орудия, такие как устройства для крепления древка и зазубренные гарпуны, скорее всего, были изобретены независимо друг от друга [de Laguna, 1932/1933; Westerdahl, 2010]. Ответом Боаса после прочтения ее диссертации было лишь краткое «Я так и думал», и ничего более.

Работа была опубликована, поскольку это было обязательным требованием для защиты диссертации в Колумбийском университете в то время, благодаря знакомству Фредди с Мэри Свиндлер в Брин Мор, которая была редактором Американского археологического журнала [de Laguna, 1932/1933]. В последующие годы Фредди не признавала попыток пересмотреть вопрос о связях циркумполярных культур, и резко критиковала работы, которые не были основаны на детальной типологии и хронологии. Она могла быть бескомпромиссной в вопросах преемственности в северной культуре и искусстве, и постоянно спорила с Эдмундом Карпентером по поводу его и Карла Шустера теорий о долгосрочных этнографических и археологических линиях преемственности в пространстве и времени [Schuster and Carpenter, 1986–1988]. Ее позиция была созвучна комментарию, сделанному, по словам Карпентера [2002], Карлу Шустеру: «Каждый раз, когда [кто-то] смешивает явления из совершенно разных стран, он приходит к нулевому результату».

Датские связи Фредди снова выступили на первый план в 1930 г., когда она начала сотрудничать с Биркет-Смитом

[McClellan, 1989; Workman, 2006], который очень хотел сопоставить свою эскимосскую теорию «голой земли» с новыми данными от эскимосов чугач на крайней юго-западной границе эскимосского культурного мира.

Проект был под угрозой срыва, когда Биркет-Смит был вынужден отказаться от участия в нем из-за болезни. Но это не остановило Фредди и она, при поддержке своего младшего брата Уоллеса, продолжила работу и приступила к проведению первого из четырех сезонов археологических раскопок в антропологически неизвестном районе на границе эскимосской и тлингитской культур в юго-восточной Аляске. Первый проект был выполнен в заливе Качемак. По пути домой Фредди задержалась в Канаде, чтобы поработать с коллекциями Национального музея Канады, где она встретила Даймонда Дженнеса и узнала о смерти своего отца.

В 1931 г. Уоллес и мать Фредди, Грейс, отправились вместе с ней на Аляску, а в 1933 г. к группе присоединился Биркет-Смит. Результатами их сотрудничества стали книги «Эскимосы чугач» [Birket-Smith, 1953], «Индейцы эяк из дельты реки Медной» [Birket-Smith and de Laguna, 1938], и «Древняя история народа чугач» [de Laguna, 1956]. О выходе своей «Археологии залива Кук» [de Laguna, 1934] она узнала случайно, когда однажды, уже защитив диссертацию, но еще не получив работы, она составляла каталог для библиотеки Брин Мор за 25 центов в час, и наткнулась на свою собственную книгу. Оказалось, что чья-то рукопись не была представлена в срок, и издательство поставило ее книгу в печать раньше, чем планировалась, не поставив ее в известность [Workman, 2006]. За четыре года с 1930 по 1933, еще до того, как Фредди была зачислена в штат университета, она уже заложила прочный фундамент южно-альяскинской археологии и этнологии.

В ожидании открытия вакансии в Брин Мор, работая над отчетами о своих экспедициях в залив Кук и к индейцам эяк,

Фредди написала три книги, во всех из которых присутствовал антропологический подтекст [Miraglia, 2006]. Первая из них, опубликованная в 1930 г. и предназначенная для молодых читателей, называлась «Марш тысячи: приключения американца в отряде Гарибальди» (The Thousand March: Adventures of an American Boy with Garibaldi); в основу были положены рассказы Дж. М. Тревелияна об итальянском патриоте. За ней последовали два детектива: «Стрелка указывает на убийство» [de Laguna, 1937], основанная на знакомстве Фредди с жизнью музея Пенсильванского университета; «Туман на вершине» [de Laguna, 1938], в которой речь идет о межкультурных и расовых столкновениях между белым населением и индейцами на юге Аляски. Она обладала даром слова и идеального построения фразы, и этот талант, получивший развитие благодаря ее домашнему воспитанию в семье философов, сделал ее великолепным учителем и выдающимся писателем. В этой бочке, правда, была одна маленькая капля дегтя — у нее были нелады с орфографией, и она часто носила с собой небольшой словарь. В течение этого периода Фредди начала глубокое изучение коллекций северных музеев в поисках более прочного обоснования для теорий и реконструкций, полученных в результате новых исследований в северной Евразии и северной Америке. Уислер [1916], Матиассен [1927], и Коллинз [1937] добились успехов в обнаружении связей между миграциями туле из Аляски в Гренландию; но наличие связей между эскимосами Аляски и Сибири и северо-западного побережья, а также связей предшествующих туле культур саркак и дорсет в восточной Арктике [Solberg, 1907; Jenness, 1925] с Аляской и северо-востоком требовали дальнейшей критической оценки.

Обращение Фредди к синтезу началось с исследования светильников и сосудов северо-американских эскимосов [de Laguna, 1940]. В ходе исследования использовались методы, с которыми она

познакомилась во время летних раскопок и путешествий в конце 1930-х со своей матерью по американскому юго-западу. Исходя из отсутствия керамики на территории внутренних регионов и юго-востоке Аляски, она пришла к выводу, что относительно грубые алеутские керамические сосуды и лампы, должно быть, распространились из северо-восточной Сибири через алеутов, положив начало появлению эскимосской керамики на западе и юге Аляски и, возможно, появлению каменных светильников культуры качемак. Позднее алеутская керамика изучалась Квимби [Quimby, 1945], который считал ее местной эволюцией от каменных сосудов, и Гриффином [Griffin, 1960, 1962], связывавшим ее с азиатскими и циркумполярными миграциями, но не с алеутами. Фредди отметила отсутствие стеатитовых ламп в традиции аляскинских туле, и пришла к выводу, что использование стеатитовых ламп и посуды в традиции туле восточной Арктики стало результатом контакта с более ранней культурой дорсет.

Ее первый крупный проект исторического синтеза вырос из участия в речной экспедиции 1935 г. по рекам Танана и Юкон. Проект был преимущественно геологическим, но Фредди надеялась найти свидетельства присутствия кловис или других древних культур по маршруту этого предполагаемого пути миграции в Северную Америку. Команда построила свои собственные плоскодонные скифы в Ненане из древесины, привезенной из Сиэтла — это были прочные суда, но с очень мелкой надводной частью. Та часть ее работы, которая была связана с поиском ранних культур, не была реализована, но она впервые получила представление об атапасских группах центральной Аляски [de Laguna, 1935, 1936a, b] и собрала коллекцию масок индейцев ингалик для музея Пенсильванского университета [de Laguna, 1936c]. По мере накопления у нее сравнительного материала для отчета об экспедиции на Юкон, этот анализ

превратился в основу для крупной сравнительной монографии, «Древняя история севера Северной Америки — как она видится с Юкона» [de Laguna, 1947], это была первая попытка академического исследования на основе синтеза арктической и субарктической археологии от Японии до Новой Англии. Проект предполагал проведение тщательного анализа коллекций крупных музеев Северной Америки.

Фредди, которая никогда не была сторонницей классического подхода к проведению археологических исследований, принятого в Брин Мор и музее Пенсильванского университета, была убеждена, что наилучшие результаты дает проведение узконаправленных небольших исследовательских проектов. Такая практика сослужила ей, как и всей североамериканской археологии на начальном этапе, хорошую службу. Ее метод для Юконского проекта предполагал использование тщательного анализа распределения четко описанных типов артефактов с целью построения из этих компонентов культурных комплексов, практически также, как это было сделано Биркет-Смитом и Альфредом Крёбером в области сравнительной этнологии, и Кларком Уисслером для гарпунов с мыса Барроу. В противовес излишнему увлечению диффузионистскими теориями того времени, ее анализ требовал выискивания отдельных похожих предметов из всего набора артефактов или комплексов, которые бы давали серьезные доказательства контакта или взаимовлияния между соседними или более отдаленными культурами. Была проделана превосходная работа, но поскольку ее результаты были преимущественно отрицательными, ее монография [de Laguna, 1947] не оказала большого влияния (не считая подтверждения ранее высказывавшихся гипотез о миграциях туле на восток и пан-восточных связях культуры дорсет). Археологические свидетельства были слишком разрозненными, определение и датиров-

ка комплексов слишком расплывчатой, а влияние этнографии слишком сильным, чтобы послужить основой революционного синтеза. Даже сегодня культурная история северо-восточной Азии слишком фрагментарна для проведения убедительной культурной реконструкции, за исключением последних 2000 лет в регионе Берингова пролива.

За эти годы представление об «эскимосской проблеме» существенно изменилось. Даймонд Дженнес [Diamond Jenness, 1925] выделил дорсет как отдельную культуру, предшествующую туле на северных берегах залива Гудзон, но Матиассен не соглашался с этим, утверждая, что поскольку орудия дорсет часто находили на памятниках туле, они были другой технологической или сезонной «фацией» индустрии туле. Коллинз и другие заняли сторону Дженнеса, и вскоре изобилие однокомпонентных памятников подтвердили теорию о дорсет, как о предшествовавшей туле не китобойной культуре, которая не знала собак, лука и стрел, улусов (традиционных ножей), и других характерных для туле признаков. Хотя к этому времени стало понятно, что происхождение туле следует искать на Аляске, этого нельзя было сказать о дорсет. На страницах влиятельного сборника [Johnson, 1946] Фредди присоединилась к другим северо-восточным экспертам, обратившим внимание на сходство между дорсет и северо-восточными культурами, включая Вудлендский период Хоупвеллской традиции, Брювертон-Ламока, и другие лаврентьевские архаичные группы [de Laguna, 1946], таким образом, вновь поднимая старый вопрос о происхождении эскимосов, но в более раннем палео-эскимосском периоде. Вопрос состоял в следующем: в каком направлении шло влияние?

Придерживаясь давно установившегося мнения о глубокой древности эскимосов, Фредди полагала, что культура дорсет послужила донором. Несколько лет спустя, на основании радиоуглерод-

ного датирования было установлено, что возраст архаичных групп на 2000–3000 лет старше, чем дорсет, что послужило поводом к следующему комментарию с ее стороны: «Мой [1946] опус выделяется большим числом ссылок на него, но, следует признать, почти всегда с целью опровергнуть его выводы» [de Laguna, 1962]. К середине 1960-х в результате многочисленных исследований в разных районах Арктики было установлено, что дорсет представляла собой позднюю стадию арктической традиции малых орудий, происхождение которой связано с неолитом Сибири и Аляски [Irving, 1962]. Обобщение результатов работ, посвященных оценке доисторических культурных связей между Арктикой и умеренной зоной северной Америки, представленное де Лагуной на симпозиуме 25-й ежегодной встречи Общества американской археологии в Йельском университете прозвучало своего рода предостережением. Она сказала: «Никто до сих пор не попытался серьезно объяснить все соответствующие случаи эскимосо-индейского сходства ссылками на совпадение, т. е. допуская независимое параллельное или конвергентное развитие, что, вероятно, действительно происходило в некоторых случаях; с другой стороны никто также и не отрицает всерьез наличие таких схожих черт, требующих объяснения». Далее она продолжила: «Если в этом и есть мораль, она состоит в том, чтобы с осторожностью относиться к самым последним и наиболее популярным научным теориям, поскольку сам факт их популярности может препятствовать тому, чтобы увидеть более разумные, хотя и не столь модные объяснения» [de Laguna, 1962].

Период начала 1960-х был серьезным поворотным пунктом в арктической археологии. Радиоуглеродное датирование пришло на смену типологическим исследованиям для построения хронологических последовательностей, и потребовались более точные хронологические данные для обоснованного сравнения

различных культур. Учреждение национальных программ финансирования научных исследований, открытие северных маршрутов воздушного сообщения в послевоенный период, строительство военных баз и станций раннего оповещения по всей Арктике, существенно облегчили проведение там археологических исследований, кроме того, в эту область пришла целая волна молодых исследователей [Campbell, 1962]. Впервые после 1920-х гг. Советский Союз приоткрыл свои границы, и некоторым из советских ученых было позволено участвовать в международных конференциях в Европе и Соединенных Штатах. Международный конгресс антропологии и этнологии 1964 г., проходивший в Москве, позволил западным ученым (хотя де Лагуна и не принимала участия в конгрессе) установить прямые контакты с большим числом советских ученых, включая многих специалистов по проблемам севера.

На протяжении 1960–1980-х гг. Фредди уделяла большое внимание разработке программ по антропологии в Брин Мор и участию в работе профессиональных организаций. За многие годы совместной работы у нее сложились тесные отношения с Даймондом Дженнесом и, особенно, с Генри Коллинзом, с которым она постоянно консультировалась, делилась рукописями и обсуждала новые направления в исследованиях. В 1973 г. она вместе с Коллинзом, Эдмундом Карпентером, и Питером Стоуном принимала участие в выставке «Крайний Север: 2000 лет искусства американских эскимосов и индейцев», организованной Национальной галереей искусств [Collins et al., 1973]. Ее отчет по археологии залива Якутат был опубликован в 1964 г., а ее эпическая монография «Гора Святого Ильи» (Mount Saint Elias), над которой она работала десять лет, увидела свет в 1972 г. Фредди написала статьи по этнологии народов ахтна, эяк и тлингит для Смитсоновского справочника североамериканских индейцев [de Laguna, 1990a, b],

и приняла участие в составлении каталога Смитсоновской выставки «Перекресток континентов» [de Laguna, 1988]. В 1990-х (ее восьмидесятых!) она взялась за тяжелый труд редактирования журналов Джорджа Торнтон Эммонса, лейтенанта военно-морских сил США, чьи рассказы о встречах с тлингитами и этнологические коллекции 1880–1890-х были самыми полными ранними свидетельствами о народах тлингит и тахлан [de Laguna, 1991]. Помимо обширной профессиональной переписки Фредди также написала множество рецензий на книги и монографии. Охватывая период в 70 лет, ее рецензии, приправленные проникательными замечаниями и доброй шуткой, способствовали развитию научной дисциплины больше, чем сами рецензируемые работы, поскольку к этому времени она уже стала профессиональной законодательницей мод для всего арктического и субарктического сообщества.

В 1986 г. Фредди получила отличие, которое для нее было не менее престижным, чем принятие ее в члены Национальной академии наук. В 1954 г., по завершении своей пятилетней полевой экспедиции к тлингитам якутат, она была принята в члены клана Ворона. Тогда она получила свое тлингитское имя Куксааткутаан от Кэти Диксон, и по этому случаю она сочинила песню в честь своих тлингитских друзей. В 1986 ее пригласили вернуться, чтобы принять участие в мемориальной церемонии в память о Шарон Гудвин и предоставили ей возможность исполнить свою песню как часть «подношения» от ее клана клану Волка. Слегка волнуясь, она исполнила на тлингитском языке песню Куксааткутаан на мелодию песни ее любимой птицы, венценосной овсянки. Перевод с тлингитского на английский язык опубликован в издании Арктическая антропология [Shaa and Ramos, 2006].

Антология материалов, появившихся в последние годы ее жизни и после ее смерти, говорит многое о личном и профессиональном вкладе и влиянии

Фредди. В дополнение к тому, о чем уже шла речь выше, «Арктическая антропология», — написанная ее студентами, коллегами, и друзьями из коренных народов — содержит описание ее жизни в Брин Мор, возвращение в поселки Аляски, где она работала, комментарии, и исследовательские проекты, которые она вдохновляла [Karlan, 2006].

Жизнь Фредди пришлось на эпоху, начавшуюся с первого применения археологии, как метода изучения культурной истории, и завершившуюся началом репатриации, ознаменовавшей глубокие перемены в проведении антропологических исследований. Когда она начинала свою карьеру, вопрос о происхождении эскимосов уже обсуждался со времен Джесуповской экспедиции Боаса, но значительно осложнился после получения противоречивых результатов датской Пятой экспедиции туле (1921–1924). К 1930-м годам проблема происхождения эскимосов распространилась на вопросы взаимоотношений подобных эскимосской циркумполярных культур. Фредди с головой погрузилась в эти исследования, проводя тщательное изучение искусства эскимосов и его сходства с искусством эпохи палеолита. Как эта, так и более поздние работы привнесли здоровый скептицизм в направление исследований, в котором доминировала диффузионистская теория. Отказавшись от масштабных схем в пользу тщательных полевых исследований, она начала археологические исследования в археологически неизученном регионе юга-востока Аляски, но вскоре обнаружила, что ее интересы сместились в область этнологии и этно-истории народов тлингит и эяк, которым она посвятила оставшиеся годы своей жизни. Биография Фредди читается как история арктической антропологии, настолько широко в ее работах освещаются вопросы, которые были центральными для исследователей севера на протяжении всего прошлого века.

Де Лагуна была, возможно, последней из американских ученых, сохранивших в

двадцатом веке боасовский комплексный подход в антропологии. Хотя дисциплина по-прежнему удерживает свое антропологическое ядро, культурная интеграция часто выполняется группами специалистов, что делает последователей комплексного подхода, предлагавшегося Боасом, редким и устаревшим явлением. Фредди отмечала это в своей речи 1967 г. в качестве президента антропологической ассоциации, назвав антропологию «единственной дисциплиной, предлагающей концептуальную схему для всего контекста человеческого опыта» [de Laguna, 1968]. Ее публикации редко освещали вопросы физической антропологии, но на протяжении всей своей жизни она регулярно писала о фольклоре, этнологии, лингвистике и археологии. Даже несмотря на то, что в середине своей карьеры она отказалась от полевой археологической работы, древняя история была важным компонентом ее главного труда «Под горой Святого Ильи» [de Laguna, 1972]. Это комплексное исследование народа тлингит залива Якутат было названо «непревзойденным любимым другим исследованием коренных северо-американских народов... оно показывает формирование культуры якутат тлингит на протяжении времени и раскрывает взаимосвязь мировоззрения и личности тлингитов» [McClellan, 1988]. Фредди считала его своей самой значительной работой, соединившей вместе «поведение человека, ценности, модели и стили, и вобравшим в себя человеческую историю» [McClellan, 1988]. «*Under Mount Saint Elias*» до сих пор воспринимается как культурная библия самими тлингитами.

Фредди однажды заметила, возможно, с иронией, что ее наиболее значительным вкладом в археологию было указание на то, что дорсетские «гладилки сапожника» были на самом деле резцами, и что каменные светильники с изображением человека были, в конечном итоге, приурочены к культуре залива Качемак III; но на самом деле ее вклад в археологию

Фредди возвращается в Инутсук, 1979 г.

(Фото Йоргена Гейслера, Национальный антропологический архив, 7–16)

был значительно большим. Ее работа об эскимосах в археологии северо-востока [de Laguna, 1946] показала в мельчайших подробностях сходство и различия между северо-восточными архаичными культурами туле и дорсет.

Ее книга «Древняя история севера северной Америки: взгляд с Юкона» [de Laguna, 1947], используя аналогичный метод детального сравнения, дает комплексный анализ древней истории севера от Японии до Новой Англии и всей территории между ними.

Ее подход был аналитически более передовым, чем аналогичные комплексные исследования, такие как «Каменный век в циркумполярном регионе» Г. Гьессинга [Gjessing, 1944] и «Археология тихоокеанского севера» Леруа-Гурана [Leroi-Gourhan, 1947]. Ее перечни характеристик, составленные в соответствии с устаревшими датскими этнологическими парадигмами (напр., слой культуры снегоступов, слой ледовой охоты) устарели, но элементы, сгруппированные в соответствии с новой концепцией «культурного континуума северной части Тихого оке-

ана» были новаторскими. Фредди так и не развила эту идею, ставшую предшественницей знаменитой концепции «сферы взаимодействия», предложенной для Хопвеллской системы торговли [Caldwell, 1964]. Позднее эта концепция стала темой для Смитсоновской исследовательской программы и выставки «Перекресток континентов» [Fitzhugh and Crowell, 1988; Fitzhugh and Chaussonnet, 1994], а также для последующих исследований культурных контактов и путей развития северотихоокеанского кольца.

Ценность исторического синтеза часто недолговечна, и Фредди не стала исключением, сегодня редко можно встретить ссылки на ее работу. Именно поэтому, наиболее долговечным вкладом в археологию стали ее монографии по археологии чугач, якутат и ангун. Как отмечали Бауэрс и Мосс [Bowers and Moss, 2006]: «Крупные публикации де Лагуны по археологии, этнографии и истории народов ангун и якутат отражают лучшие черты комплексного подхода Боаса, соединяющего все направления антропологии. Они отражают отношение де Лагуны к “ан-

тропологии как к образу жизни”». Сказать, что эти книги стали классикой явно недостаточно. Их отличает как полнота, так и внимание к деталям практически по всем мыслимым аспектам культуры: археологии, истории, землепользования, традиционной экономики, мифологии и религии, музыки и искусства, социальной жизни, и материальной культуры. Они отражают интеллектуальные традиции и историографию народа тлингит в такой форме, которая никогда не утратит своей ценности для большого круга других народов. Эти публикации заложили твердую основу культурной истории народа тлингит, которая хорошо служит последующим исследователям вплоть до сегодняшнего дня. Интерес Фредди к вопросам окружающей среды и экологии — Крёберовское наследие (по имени этнолога Альфреда Крёбера) — впоследствии стали называть ранней версией ТЭЗ, или традиционного экологического знания [Bowers and Moss, 2006]. Сегодня антропологический подход Фредди к культурной реконструкции больше, чем когда либо, заслуживает внимания, учитывая тот факт, что археология становится настолько научной, что ее смысл понятен только профессионалам. Вопрос о том, смогут ли ученые, получившие современную подго-

товку, соответствовать ее модели составления отчетов, остается открытым.

Несмотря на то, что Фредди была пионером в деле репатриации знаний, она с гораздо меньшим энтузиазмом относилась к применению этого принципа в отношении материальной культуры и скелетных останков. Ее огорчала политика, которая иногда приводила к отчуждению между группами коренных народов, антропологами и музеями. При этом она никогда не была сторонницей политкорректности; она считала, что у антрополога есть моральная ответственность, требующая от него объективности и сохранения некоторой дистанции по отношению к изучаемым культурам. В одном из некрологов говорилось, что она не признавала «деликатности эпохи мультикультурализма» [Fox, 2004], но понимала те чувства, которыми она была вызвана. Однажды в ответ на вопрос репортера она заметила: «С ними так плохо обращались, так много договоров было нарушено, что они хотят отыграться на белом человеке. В том, что касается скелетов, я понимаю, почему индейцы хотят получить их назад, при этом многие из их предков полагали, что духи покинули эти кости, а потому это не имеет значения» [O'Mara, 1997].

Фредди и Грехем Роули на конференции старейшин восточной Арктики в Дартмутском колледже в 1993 г. Фото Вильяма Фитцхью

Таковы были взгляды старого поколения. К счастью, та версия репатриации, которой придерживалась Фредди, нашла воплощение в созданной ей литературе по ее разговорам со старейшинами, чьи традиционные знания и песни были практически утрачены. После разговора с одним из ее тлингитских информантов в заливе Якутат в 1996 г. во время съемок документального фильма о работе Фредди в этих краях, одна из старейшин клана, Мари Абрахам заметила: «В ее профессии мало людей, которые бы произвели такое большое впечатление на людей, с которыми она работала. Она стала частью нас. Она стала нашей бабушкой. Мы любим тебя. Мы благодарим тебя за все дары, что ты нам давала. Ты подарила нам больше, чем кто-либо может дать — культуру. Ты спасла песни. Ты вернула их нам» [Spann, 2006].

В то время как наследие Фредди по большей части посвящено эскимосам чугач, тлингитам якутат, и атабаскам ахтна, чью историю, культуру и верования она и ее коллеги столь тщательно документировали, ее также будут помнить за открытие небольшой группы индейцев эяк, живших в долине Медной реки на эскомосо-индейской границе на юго-востоке Аляски. Благодаря ее работе здесь в 1933 г. с Биркет-Смитом, и с Норманом Рейнольдсом и Майклом Краусом в более поздние годы, были записаны истории, традиции и язык этой умирающей культуры [Birket-Smith and de Laguna, 1938; Krauss, 1964, 2006], последний представитель которой, Мэри Смит Джоунс, умерла в 2008 г. Этот опыт был весьма показателен в отношении изменчивости культур, культурных ареалов и границ, которые многие антропологи привыкли воспринимать как нечто неизменное. Как отмечал О' Мара «Эяки были народом, пострадавшим от обстоятельств: они были поглощены тлингитами, ограблены белыми, и погублены оспой. Их судьба стала для Фредди ясным указанием на то, каким образом коренные культуры могут исчезнуть. Она наблюдала их угаса-

ние в течение десятилетий, и даже предприняла попытку спасти их язык». Уход одной из последних носительниц языка, Анны Нельсон Хэрри, подтолкнул Фредди к тому, чтобы написать стихотворение для прощальной церемонии похорон Анны, в которой она соединяет судьбу Анны и народа эяк со своей собственной [Krauss, 1982]:

На берегах Медной реки

Я чувствую соленый запах сохнущих водорослей
 Мои босые ноги захватывают холодную, еще
 неподатливую сырость
 И, уходя вдаль,
 Мои следы растворяются в лужах, покрытых
 рябью,
 Как линии, когда-то прочерченные твоим каное,
 Вытащенным на берег смуглыми руками,
 Возвращая твой дар,
 Чтобы вновь раствориться в набежавшей волне.

И хотя следы Фредди исчезли, несомненно ее наследие, и, благодаря ей, наследие тех людей и культур, которые она изучала, не постигнет та же судьба. Ее кредо лучше всего сформулировано в конце ее президентской речи 1967 г.:

«Нам, или, во всяком случае, большинству из нас, не дано стать Боасом или Крёбером, которые могли с одинаковым успехом работать во всех отраслях нашей дисциплины. Но мы можем разделить их видение, и встать на вершине горы, обозревая весь огромный мир, раскинувшийся внизу. Мы можем поучаствовать в составлении карты, зная, что она никогда не будет закончена, и что мы, каждый в отдельности, можем не продвинуться дальше, чем на несколько миль по этому пути. Тем не менее, мы будем знать, где мы находимся, и где остаются белые пятна, если мы будем ориентироваться на общий маяк и говорить друг с другом по мере нашего продвижения. Поскольку мы не искали безопасности знакомых и хорошо размеченных путей, но обращали свой взор на всю вселенную, мы будем всегда, как я доверчиво надеюсь, отправляться в плавание на поиски континентов специй и сокровищ. Мы будем задавать

важные вопросы, на которые пока нет определенных ответов» [de Laguna, 1968].

Литература

Ainsworth C. Frederica de Laguna: 1906–2004. A remarkable career in Alaskan anthropology // *Anthropological Papers of the University of Alaska*. — 2005. — 4 (1). — P. 97–109.

Birket-Smith K. The Chugach Eskimo. Nationalmuseets Skrifter, Etnografisk Række 6. — Copenhagen: Nationalmuseets publikations, 1953.

Birket-Smith K. and de Laguna F. The Eyak Indians of the Copper River Delta, Alaska. — Copenhagen: Levin and Munksgaard, 1938 [Reprinted 1976, New York: AMS Press].

Bowers P. M. and Moss M. A giant in the rainforest: Frederica de Laguna's contributions to the anthropology of Southeast Alaska // *Arctic Anthropology*. — 2006. — 43 (2). — P. 63–77.

Caldwell J. R. Interaction spheres in prehistory // *Hopewellian Studies*, J. R. Caldwell and R. Hall (eds.). — Springfield: Illinois State Museum, 1964. — P. 133–143.

Campbell J. M. (ed.). Prehistoric cultural relations between the Arctic and Temperate zones of North America. — Calgary, Canada: Arctic Institute of North America at the University of Calgary, 1962.

Carpenter E. Tradition and continuity in Eskimo art // *Honoring our elders: A history of Eastern Arctic archaeology*. W. W. Fitzhugh, S. Loring and D. Odess (eds.). — Washington DC: Smithsonian Institution, 2002. — P. 69–78.

Collins H. B., Jr. Archaeology of St. Lawrence Island, Alaska. *Smithsonian Miscellaneous Collections*. — Washington DC: Smithsonian Institution, 1937. — 96 (1).

Collins H. B., Jr. Outline of Eskimo prehistory // *Smithsonian Miscellaneous Collections*. — 1940. — 100. — P. 533–592.

Collins H. B., Jr. Prehistoric Eskimo harpoon heads from Bering Strait // *Journal of the Washington Academy of Sciences*. — 1941. — 31 (7). — P. 318–324.

Collins H. B., Jr., de Laguna F., Carpenter E. and Stone P. The far north. 2000 years of Eskimo and Indian art. — Washington: National gallery of Art, 1973.

Dall W. H. On succession in the shell-heaps of the Aleutian Islands. *Contributions to North American Ethnology*. — Department of the Interior, U. S. Geographical and Geological Survey, Rocky Mountain Region, 1877. — 1. — P. 41–91.

Dall W. H. On the remains of later prehistoric man obtained from caves in the Catherine Archipelago, Alaska Territory, and especially from the caves of the Aleutian Islands // *Smithsonian Contributions to Knowledge* — 1878. — 22 (6). — P. 1–35.

Dawkins W. B. Cave hunting: Researches on the evidence of caves respecting the early inhabitants of Europe. — London: Macmillan and company, 1874.

Darnell R. Frederica de Laguna (1906–2004) // *American Anthropologist*. — 2005. — 107 (3). — P. 554–562.

Davis R. Frederica of Bryn Mawr College // *Arctic Anthropology*. — 2006. — 43 (2). — P. 21–27.

De Laguna F. The thousand march: Adventures of an American boy with Garibaldi. — Boston: Little, Brown and Co, 1930.

De Laguna F. A comparison of Eskimo and Paleolithic art // *American Journal of Archaeology*. — 1932, 1933. — 36 (4). — P. 477–511; 38(1). — P. 77–107.

De Laguna F. The archaeology of Cook Inlet, Alaska. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1934.

De Laguna F. Expedition to the Yukon // *The University Museum Bulletin*. — 1935. — 5 (7). — P. 50–57.

De Laguna F. An archaeological reconnaissance of the Middle and Lower Yukon Valley, Alaska // *American Antiquity*. — 1936a. — 2 (1). — P. 6–12.

De Laguna F. Preliminary report of an archaeological and geological reconnaissance of the Middle and Lower Yukon Valley // *Miscellanea*. — Philadelphia: American Philosophical Society, 1936b. — 1 (2). — P. 31–40.

De Laguna F. Indian masks from the Lower Yukon // *American Anthropologist*. — 1936c. — 38 (4). — P. 569–585.

De Laguna F. The arrow points to murder. — Garden City, NY: Doubleday, Doran and Co, 1937 [Reprinted 1999. Homer, AK: Kachemak Country Publications].

De Laguna F. Fog on the mountain. — Garden City, NY: Doubleday, Doran and Co, 1938 [Reprinted 1995. Homer: Kachemak Country Publications].

De Laguna F. A pottery vessel from Kodiak Island, Alaska // *American Antiquity*. — 1939. — 4 (4). — P. 334–343.

De Laguna F. Eskimo lamps and pots // *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. — 1940. — 70. — P. 53–76.

De Laguna F. The importance of the Eskimo in Northeastern archaeology // *Man in Northeastern North America*. F. Johnson (ed.) Papers of the Robert S. Peabody Foundation 3. — Andover, MA: Phillips Academy, 1946. — P. 106–142.

De Laguna F. The prehistory of northern North America as seen from the Yukon // *Memoirs of the Society for American Archaeology*. — Menasha, WI: Society of American Archeology, 1947. — 3 [Reprinted 1980. New York: AMS Press].

De Laguna F. Chugach prehistory: The archaeology of Prince William Sound, Alaska // *University of Washington Publications in Anthropology*. — Seattle, WA: University of Washington Press, 1956. — 13 [Reprinted 1967].

De Laguna F. Intemperate reflections on Arctic and Subarctic archaeology // *Prehistoric cultural relations between the Arctic and Temperate Zones of North America*. J. M. Campbell (ed.). — Calgary, Canada: Arctic Institute of North America at the University of Calgary, 1962. — P. 164–169.

De Laguna F. On anthropological inquiry. Presidential address, 1967, *American Anthropological Association // American Anthropologist*. — 1968. — 70 (3). — P. 465–476.

De Laguna F. Under Mount Saint Elias. The history and culture of the Yakutat

Tlingit. *Smithsonian Contributions to Anthropology* 7 (3 vols.). — Washington, DC: Smithsonian Institution, 1972.

De Laguna F. Voyage to Greenland: A personal initiation into anthropology. — NY: W. W. Norton, 1977.

De Laguna F. Tlingit: People of the wolf and raven // *Crossroads of Continents: Cultures of Siberia and Alaska*. W. Fitzhugh and A. L. Crowell (eds.). — Washington: Smithsonian Institution Press, 1988. — P. 58–63.

De Laguna F. Eyak // *Handbook of North American Indians*. Volume 7. Northwest Coast. W. Suttles and W. C. Sturtevant (eds.). — Washington, DC: Smithsonian Institution, 1990a. — P. 189–196.

De Laguna F. Tlingit // *Handbook of North American Indians*. Volume 7. Northwest Coast. W. Suttles and W. C. Sturtevant (eds.). — Washington, DC: Smithsonian Institution, 1990b. — P. 203–228.

De Laguna F. Fieldwork with my Tlingit friends // *Celebration 2000: Restoring balance through culture*. S. Fair and R. Worl (eds.). — Juneau: Sealaska Heritage Foundation, 2000. — P. 21–40.

De Laguna F. Becoming an anthropologist: My debt to European and other scholars who influenced me // *Coming to shore: Northwest Coast ethnology, traditions, and visions*, M. Mauzé, M. Harkin and S. Kan (eds.). — Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 2004. — P. 23–52.

Dumond D. E. The so-called “Eskimo wedge”: A century after Jesup // *Constructing cultures then and now: Celebrating Franz Boas and the Jesup North Pacific Expedition*. L. Kendall and I. Krupnik (eds.). *Contributions to Circumpolar Archaeology*. — Washington, DC: Arctic Studies Center, Smithsonian Institution, 2003. — 4. — P. 33–48.

Fitzhugh W. W. Arctic and circumpolar regions // *Encyclopedia of Archaeology*. D. M. Pearsall (ed.). — NY: Academic Press/Elsevier, 2008. — P. 247–271.

Fitzhugh W. W. Arctic cultures and global theory: Historical tracks along the circumpolar road // *A circumpolar reappraisal:*

the legacy of Gutorm Gjessing (1906–1979). C. Westerdahl (ed.). // BAR International Series S2154. — Oxford, UK: Archaeopress, 2010. — P. 87–109.

Fitzhugh W. W. and Chaussounet V. (eds.). Anthropology of the North Pacific Rim. — Washington, DC: Smithsonian Institution Press, 1994.

Fitzhugh W. W. and Crowell A. L. (eds.). Crossroads of continents: Cultures of Siberia and Alaska. — Washington, DC: Smithsonian Institution Press, 1988.

Fox M. Frederica de Laguna, 98, Arctic anthropologist, dies // New York Times. — 2004. — Nov. 28.

Gjessing Gutorm. The Circumpolar Stone Age. Acta Arctica 2. — Copenhagen: Ejnar Munksgaard, 1944.

Griffin J. B. Some prehistoric connections between Siberia and America // Science. — 1960. — 131 (3403). — P. 801–812.

Griffin J. B. A discussion of prehistoric similarities between the Arctic and Temperate Zones of North America // Prehistoric cultural relations between the Arctic and Temperate Zones of North America. J. M. Campbell (ed.). — Calgary, Canada: Arctic Institute of North America at the University of Calgary, 1962. — P. 154–163.

Guédon M-F. Crossing boundaries: Homage to Frederica de Laguna // Coming to shore: Northwest Coast ethnology, traditions, and visions. M. Mauze, M. Harkin and S. Kan (eds.). — Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 2004. — P. 53–62.

Hrdlicka A. The anthropology of Kodiak Island. — Philadelphia, PA: Wistar Institute of Anatomy and Biology, 1944.

Hrdlicka A. The Aleutian and Commander Islands and their inhabitants. — Philadelphia, PA: Wistar institute of Anatomy and Biology, 1945.

Irving W. A provisional comparison of some Alaskan and Asian stone industries // Prehistoric cultural relations between the Arctic and Temperate Zones of North America. J. M. Campbell (ed.). — Calgary, Canada: Arctic Institute of North America at the University of Calgary, 1962. — P. 55–68.

Jenness D. A new Eskimo culture in Hudson Bay // Geographical Review. — 1925. — 15. — P. 428–437.

Jochelson W. I. Archaeological investigations in the Aleutian Islands. Publication 367. — Washington, DC: Carnegie Institution, 1925.

Jochelson W. I. Archaeological investigations in Kamchatka. Publication 388. — Washington, DC: Carnegie Institution, 1928.

Johnson F. (ed.). Man in Northeastern North America. Papers of the Robert S. Peabody Foundation 3. — Andover, MA: Phillips Academy, 1946.

Jordan R. H. Neo-Eskimo prehistory of Greenland // Handbook of North American Indians. D. Damas and W. C. Sturtevant (eds.). — Washington, DC: Smithsonian Institution, 1984. — P. 540–548.

Kaplan S. (ed.). Papers devoted to Frederica de Laguna // Arctic Anthropology. — 2006. — 43 (2).

Kizzia T. Longtime student of Alaska's Native history dies at age 98 // Anchorage Daily News. — 2004. — Oct. 12.

Krauss M. A history of Eyak language documentation and study: Frederica de Laguna in Memoriam // Arctic Anthropology. — 1964. — 43 (2). — P. 172–217.

Krauss M. In honor of Eyak. The art of Anna Nelson Harry. — Fairbanks, AK: Alaska Native Language Center, 1982.

Krauss M. Bibliographic notes and bibliography of Michael E. Krauss // Etudes/Inuit/Studies. — 2006. — 29 (1–2). — P. 38–46.

Leroi-Gourhan A. Archéologie du Pacifique Nord. Matériaux pour l'étude des relations entre les peuples riverains d'Asie et d'Amérique. Travaux et Mémoires de l'Institut d'Éthnologie 42. — Paris: Institut d'Éthnologie, 1947.

Mason R. Frederica de Laguna and Aleš Hrdlička: A missed collaboration // Arctic Anthropology. — 2006. — 43 (2). — P. 130–135.

Mathiassen T. Archaeology of the Central Eskimos. Report of the Fifth Thule Expedition 1921–1924. — 1927. — 4 (1–2).

Mathiassen T. Inugsuk, a medieval Eskimo settlement in Upernavik district, West

Greenland // *Meddelelser om Grønland*. — 1931. — 77 (4). — P. 147–340.

McClellan C. Frederica de Laguna (1906-)/ Women Anthropologists. U. Gacs et al. (eds.). — Westport, CT: Greenwood Press, 1988. — P. 37–44.

McClellan C. Frederica de Laguna and the pleasures of anthropology // American Ethnologist. — 1989. — 16 (4). — P. 766–785 [Reprinted in 2006 in *Arctic Anthropology*. — 43 (2). — P. 29–44.].

Miraglia R. A. Preserving Chugach culture: Markarka Chemavisky, Matrona Tiedemann, Frederica de Laguna, and ANCSA 14(h)(1) // Arctic Anthropology. — 2006. — 43 (2). — P. 78–85.

Olson W. M. Frederica de Laguna (1906–2004) // Arctic. — 2005. — 58 (1). — P. 89–90.

O'Mara R. Northern light // Baltimore Sun. — 1997. — August 31.

Quimby G. I. Pottery from the Aleutian Islands // Fieldiana. — Chicago: Field Museum of Natural History, 1945. — 36 (1).

Schuster C. and Carpenter E. Social symbolism in ancient tribal art. 16 vols. — New York: Rock Foundation, 1986–88.

Shaa C. (E. Abraham) and Ramos J. This is Kuxaankutaan's (Dr. Frederica de Laguna's) song // Arctic Anthropology. — 2006. — 43 (2). — P. 14–19.

Solberg O. Beiträge zur Vorgeschichte der Osteskimo. Steinerner Schneidegeräte und waffenschärfe aus Grønland. Videnskabselskabets Skrifter II, Hist.-Fil. Klasse 2, Christiania, 1907.

Sollas William J. Ancient hunters and their modern representatives. — New York, NY: Macmillan and Company, 1911.

Spann L. B. The two lives of Frederica de Laguna // Arctic Anthropology. — 2006. — 43 (2). — P. 54–56.

Wang L. Register to the papers of Frederica de Laguna. National Anthropological Archives. Department of Anthropology, Smithsonian Institution, 2006. Available at www.nmnh.si.edu/naa/fa/de_laguna_1.pdf.

Westerdahl C. (ed.). A circumpolar reappraisal: the legacy of Gutorm Gjessing (1906–1979) // BAR International Se-

ries S2154. — Oxford, UK: Archaeopress, 2010.

Weyer E. M. Archaeological material from the village site at Hot Springs, Port Moller, Alaska // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. — 1930. — 31. — P. 239–279.

Wissler C. Harpoon heads and darts in the Stefansson collection // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. — 1916. — 14. — P. 397–443.

Workman W. Pioneer and contemporary: Frederica de Laguna's contributions to the anthropology of south-central Alaska // Arctic Anthropology. — 2006. — 43 (2). — P. 86–93.

Избранная библиография

1932/1933

A comparison of Eskimo and Paleolithic art // *American Journal of Archaeology* 36 (4). — P. 477–511, 38 (1). — P. 77–107.

1934

The archaeology of Cook Inlet, Alaska. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press [Reprinted 1975, Anchorage. Historical Society].

1938

With K. Birket-Smith. The Eyak Indians of the Copper River Delta, Alaska. — Copenhagen: Levin and Munksgaard. [Reprinted 1976, New York: AMS Press.]

1940

Eskimo lamps and pots // *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. — 70 (1). — P. 53–76.

1946

The importance of the Eskimo in Northeastern archaeology // *Man in Northeastern North America*. F. Johnson (ed.) *Papers of the Robert S. Peabody Foundation* 3. — Andover, MA: Phillips Academy. — P. 106–142.

1947

The prehistory of Northern North America as seen from the Yukon // *Memoirs of the Society for American Archaeology* 3. — Menasha, WI: Society of American Archeology. [Reprinted 1980. New York: AMS Press.]

1956

Chugach Prehistory: The archaeology of Prince William Sound, Alaska // University of Washington Publications in Anthropology 13. — Seattle, WA: University of Washington Press. [Reprinted 1967.]

1960

The story of a Tlingit community: A problem in the relationship between archaeological, ethnological, and historical methods. — Washington, DC: Smithsonian Institution. [Reprinted 1990.]

1962

Intemperate reflections on Arctic and Subarctic archaeology. In Prehistoric cultural relations between the Arctic and Temperate Zones of North America. J. M. Campbell (ed.). — Calgary, Canada: Arctic Institute of North America at the University of Calgary. — P. 164–169.

1963

Yakutat canoes. In Essays presented to Kaj Birket-Smith on his seventieth birthday, January 20, 1963 // Folk. — 5. — P. 219–229.

1964

With F. A. Riddell, D. F. McGeein, K. S. Lane, J. A. Freed and C. Osborne. Archaeology of the Yakutat Bay area, Alaska. — Washington, DC: U.S. Government Printing Office.

1968

On anthropological inquiry. Presidential address, 1967, American Anthropological Association // American Anthropologist. — 70(3). — P. 465–476.

1972

Under Mount Saint Elias: The history and culture of the Yakutat Tlingit. Smithsonian Contributions to Anthropology 7 (3 vols.). — Washington, DC: Smithsonian institution.

1973

With Collins H. B., Carpenter E. and Stone P. The far North: 2000 Years of American Eskimo and Indian Art. — Washington, DC: National gallery of Art. [Reprinted 1978, Indiana University Press and National Gallery of Art.]

1975

Matrilineal kin groups in Northwestern North America // Proceedings: Northern Athapaskan Conference, 1971, Vol. 1. A. McF. Clark (ed.). — Ottawa, Canada: National Museum of Man. — P. 17–145.

1977

Voyage to Greenland: A personal initiation into anthropology. — New York, NY: W. W. Norton.

1979

Therkel Mathiassen and the beginnings of Eskimo archaeology // Thule Eskimo culture: An anthropological retrospective. A. P. McCartney (ed.). — Ottawa, Canada: National Museum of Man. — P. 10–53.

1983

Aboriginal Tlingit sociopolitical organization // The development of political organization in Native North America. E. Tooker (ed.). — Washington, DC: American ethnological Society. — P. 71–85.

1987

Atna and Tlingit shamanism: Witchcraft on the Northwest coast // Arctic Anthropology. — 24 (1). — P. 84–100.

1990

Eyak // Handbook of North American Indians. Volume 7. Northwest Coast. W. Suttles and W. C. Sturtevant (eds.). — Washington DC: Smithsonian institution. — P. 189–196.

Tlingit // Handbook of North American Indians. Volume 7. Northwest Coast. W. Suttles and W. C. Sturtevant (eds.). — Washington DC: Smithsonian institution. — P. 203–228.

1991

(Editor) The Tlingit Indians by G. T. Emmons. — Seattle, WA: University of Washington Press and New York, NY: American Museum of Natural History.

1995

Tales from the Dena: Indian stories from the Tanana, Koyukuk, and Yukon Rivers. Recorded in 1935 by F. de Laguna and N. Reynolds. — Seattle, WA and London, UK: University of Washington Press. [Reprinted 2002.]

1997

Travels among the Dena: Exploring Alaska's Yukon Valley. — Seattle, WA: University of Washington Press.

2004

Becoming an anthropologist: My debt to

European and other scholars who influenced me // Coming to Shore: Northwest Coast ethnology, traditions, and visions. M. Mauzé, M. Harkin and S. Kan (eds.). — Lincoln, NE: University of Nebraska Press. — P. 23–52.

СООБЩЕНИЕ О РАСКОПКАХ НА СЕВ. ОКОНЕЧНОСТИ П-ВА ЯМАЛ В 1929 ГОДУ*

Летом 1928 года на полуостров Ямал высадилась экспедиция научно-исследовательской секции Комитета Севера при ВЦИК СССР. Начальником этой экспедиции была Н. А. Котовщикова (1906–1929), участниками — В. Н. Чернецов (1905–1970) и К. Я. Ратнер (1907–1942). Все трое в то время — студенты географического факультета Ленинградского университета (Н. А. Котовщикова и В. Н. Чернецов учились на этнографическом отделении и были учениками В. Г. Богораза, а специальностью К. Я. Ратнера была зоология). Экспедиция продолжилась почти год, она проводила комплексное изучение северной оконечности Ямала, что включало: 1) общее экономическое обследование зимующих там самоедов; 2) описание промыслов (песца, дикого оленя, морских зверобойных промыслов); 3) описание оленеводства, его состояния и перспектив, выяснение возможности организации страхования; 4) этнографическое изучение и антропометрические измерения самоедов; 5) зоологическое и ботаническое обследование района работ; 6) археологическую разведку района северной оконечности полуострова Ямал.

В науке эта экспедиция осталась памятна по двум причинам: в 1929 году погиб ее начальник 23-летняя Н. А. Котовщикова, том же 1929 году В. Н. Чернецов открыл и частично обследовал археологические стоянки древнего населения Ямала, жившего, по его мнению, на полуострове до прихода ненцев.

Со времени экспедиции прошло уже 85 лет, но, к сожалению, до сегодняшнего дня о ее результатах и о ней самой известно немного. Отчеты этой экспедиции никогда не публиковались, о Н. А. Котовщиковой и ее гибели мы знаем из некрологов Чернецова, опубликованных в начале 1930-х годов, описания археологических памятников опубликованы В. Н. Чернецовым в его статье 1935 года, вышедшей в «Советской этнографии» [Чернецов, 1935]. Еще раз он вернулся к ним в обобщающей работе «Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры» [Чернецов, 1957, с. 234–237]. Новые данные стали появляться в 1980-е годы. В это время в Томске публикуются дневники Чернецова [Источники, 1987], появляется краткий рассказ о Северо-Ямальской экспедиции в научно-популярной книге Омельчука «Рыцари Севера» [Омельчук, 1982] и выходит одна из самых подробных статей, посвященных истории экспедиции, написанная в 1989 году А. И. Пикой, обнаружившим материалы В. П. Евладова [Пика, 1989]. За последующие десятилетия новых данных почти не появлялось. (Историю вопроса и сведения о новых исследованиях памятников см.: Федорова Н. В., Косинцев П. А., Фитцхью В. В. «Ушедшие в холмы». Культура населения северо-западного побережья Ямала в железном веке // Екатеринбург: изд-во «Екатеринбург», 1998. — 131 с. — Прим. редактора).

В 2013 году в Санкт-Петербургском филиале Архива Академии Наук мною было обнаружено рукописное сообщение В. Н. Чернецова о его раскопках 1929 года на Северном Ямале, написанное весной 1930 года, то есть, почти сразу после возвращения из экспедиции в Ленинград. Эта рукопись, текст которой приводится ниже, ни разу ранее не публиковалась и, насколько я понимаю, является самым ранним сообщением о найденных памятниках. Я надеюсь, что публикация этого текста по прошествии 85 лет после исследований станет нашей данью памяти участникам Северо-Ямальской экспедиции Комитета Севера 1928–1929 гг.

Е. В. Лярская.

СПФ АРАН Ф. 250. Оп. 3. Д. 158. Л. 55–66

Текст публикуется в современной орфографии.

[Рукопись. Чернила]

1) раскопки на п-ве Ямал в 1929 году.

Географические условия. Полуостров Ямал вытянут в меридианном направлении 67 и 73 градусами с. ш.; с Запада он омывается Карским морем, а с Востока имеет своей границей Обскую губу.

Северная часть полуострова сложена донными отложениями северной морской трансгрессии. Поверхность полуострова представляет из себя равнину, изрезанную оврагами и ручьями и лишь слегка приподнятую в средней водораздельной части. Эта водораздельная возвышенность, достигающая местами до 300 фут. над уровнем моря [Житков Б. М. Полуостров Ямал // Записки РГО, т. XLIX, стр. 151. — Прим. ВНЧ], тянется с юга на Север и заканчивается около 72 град. с. ш.

Из почв, слагающих полуостров, наибольшее развитие имеют пески, закан-

* Текст подготовлен: Е. В. Лярская, Европейский Университет, Санкт-Петербург.

чивающиеся в верхних слоях. В нижних горизонтах встречаются вязкие серые глины.

В южных частях полуострова, в районе рр. Щучьей и Хадыты, еще встречается лес [ibid. стр. 27. — Прим. ВНЧ], но далее на север древесная растительность представлена лишь *V. nána* и двумя тремя видами *Salix*.. За 72 градусами пропадают и кустарники. Северная оконечность полуострова представляет из себя типичную арктическую тундру, имеющую пустынный характер на высоких песчаных местах и поросшую осоками на болотах.

Работа Сев.-Ямальской экспедиции. Во время работ Северо-Ямальской экспедиции научно-исследовательской секции Комитета Севера в 1928–29 гг. нами были обнаружены, частью по указаниям самоедов, частью в результате собственных разведок [подчеркнуто в рукописи ВНЧ. — Прим. Лярской], следы каких-то поселений, по своей культуре резко отличающиеся от культуры современных насельников полуострова, самоедов.

Раскопки были произведены в трех местах. Первые два, близ мыса Тиутей-Сале (72 град. 21 мин. с. ш., 67 град. 30 мин. в. д.) на берегу Карского моря, и третье место — на мысу Хаэн-Сале на берегу пролива Малыгина (72 град. 53 мин. с. ш., 71 град. 40 мин. в. д.). Перейдем теперь к рассмотрению материалов этих раскопок.

Дюнная стоянка близ мыса Тиутей-Сале. Около двух километров на с.-з. от оконечности мыса Тиутей-Сале [Tiutej-sale — моржовый мыс, Tiutej — морж, от tiu — живот, брюхо., букв. пузатый, брюхатый. — Прим. ВНЧ]. Высокий обрывистый берег уступает место пологим дюнообразным холмам. Дюны эти, очевидно, уже давно перешли в состояние покоя. Это свидетельствует из покрывающей их в нескольких местах травянистой растительности, для появления которой в условиях арктической тундры необходим был значительный промежуток времени.

Находки были сделаны нами на двух холмах, на склонах, обращенных внутрь

полуострова. Все предметы были на поверхности песка или на очень незначительной глубине. Найдены кости различных животных, каменные орудия и керамика (?). Среди костных остатков преобладают кости моржей (*Trichechus rosmarus*), в несколько меньшей степени — тюлени (*Phoca*). Кости сухопутных животных, [таких] как оленей и песцов, встречаются в виде исключения. Из каменных орудий было найдено скребло из тонкой пластины кварцевого песчаника. Размеры его 80 на 70 мм, толщина до 6–7 мм. По всему закругленному краю орудия видны следы ретуши. Следующей находкой был обломок плитняка со следами биконического сверления. По характеру сверлины можно определить, что камень разбился уже после того, как сверление было закончено. Кроме этих двух находок на дюнах обнаружено значительное количество галечника и крупных камней, которые, принимая во внимание тонкий отвесный песок, слагающий дюны, не могли сюда попасть без участия человека.

Керамика. Черепки сосудов попадались на дюнах в большом количестве. В некоторых местах они сплошь покрывали поверхность песка. Глина, из которой были сделаны сосуды, содержала очень большую примесь крупнозернистого кварцевого песку. Форма сосудов, поскольку о ней можно судить по мелким обломкам, вероятно, приближалась к полусферическим горшкам с слабо завитым венчиком. Относительно характера дна судить трудно, но, во всяком случае, следов плоского дна обнаружено не было. Диаметр сосудов колеблется около 250 мм. Обжиг довольно хороший. Изнутри сосуды были выглажены травой; всего найдено было обломков от 10–11 сосудов, и все они поразительно схожи друг с другом. Характерными чертами являются: тонкий край, уступ, исполненный зацепом и идущий параллельно краю, и появление конических вдавлений. Орнамент состоит из гребенки, зубчатых вдавлений и луночки. Орнамент располо-

жен в верхней части сосудов. В некоторых случаях встречается расположение орнамента треугольниками, обращенными вершинами к основанию сосудов. Кроме перечисленных предметов в дюнах были найдены кусочек листовой меди и обломок совершенно изржавевшего железного предмета вроде конуса.

Из характера находок, т.е. обилия костей морского зверя, небольшого количества орудий и полного отсутствия следов какого бы то ни было жилища, можно сделать заключение, что на дюнах мы имеем дело с временной стоянкой, обитавшейся лишь в сезон морского промысла.

Землянки на мысу Тиутей-Сале. Следующим пунктом раскопок были остатки землянок на том же мысу Тиутей-Сале. Здесь группа из трех землянок расположена на самом краю обрыва, при слиянии рек Тиутей-Яха и Сер-яха, менее чем в километре от берега моря. Землянки расположены преимущественно на узких мысочках, образованных изрезанными краями берега. Такое расположение, вероятно, в лучшей степени обеспечивало дренаж, который был необходим при условии значительной заболоченности прилегающей тундры. Точной формы землянки здесь установить не удалось по той причине, что самоеды неоднократно раскапывали их в поисках медных и бронзовых вещей. Можно лишь указать, что они были круглые, до 7 м в диаметре. Вокруг землянок и внутри них в изобилии разбросаны кости животных. Нами здесь были встречены:

- 1) морж (*Trichechus rosmarus*)
- 2) тюлень (*Phoca*)
- 3) кит (*Balaenidae*)
- 4) белый медведь (*Thalarctos maritimus*)
- 5) песец (*Canis lagopus*)
- 6) сев. олень (*Rangifer Tarandus*)

Кроме того было найдено много костей мелких грызунов и птиц, но в состоянии не допускающем определения.

К этому списку надо добавить, что морские звери не только числом видов,

но и количеством особей в значительной степени преобладали над сухопутными.

В мощном культурном слое самой землянки, состоящем из угля, костей, деревянной щепы и кусков китового уса, находятся обломки глиняных сосудов и другие предметы. Из последних укажем на наиболее интересные следующие: клин из плотного песчаника. Одна сторона у него осталась неотшлифованной, режущий край был отшлифован с большой тщательностью. Длина последнего — 24 см (?), а направление перпендикулярно широким сторонам. На шлифованной широкой стороне имеется выгнутость, по которой можно предположить, что впоследствии клин употреблялся как точило для ножей. Кроме этого клина каменных орудий обнаружено не было.

Из костяных и роговых предметов следует отметить очень грубо сделанный наконечник стрелы, насаживавшийся на древко; наконечник в виде круглой костяной палочки, уплощенной с одного конца для вставления в расщип стрелы, прекрасно сделанную (? неразб. — Прим. Лярской) из оленьего рога, долото, обделанный инструмент из того же материала и куски оленьего рога с начатым сверлением. Судя по характеру сверления, сверло было конической формы. Особого упоминания заслуживают три аналогичных предмета, из которых два деревянных и один костяной. Назначение этих предметов остается неясным.

Среди деревянных предметов интересны тонкая овальная дощечка с вырезом, напоминающим обломок маски, совкообразный предмет, проколка в виде длинной заостренной палочки и деревянный ножичек, по форме напоминающий железный. Скорее всего, это была игрушка.

Металл был обнаружен в землянке в довольно значительных количествах. Медь и бронза попадают в виде небольших листочков, из железных же предметов встречаются наконечники стелы вильчатой формы, обломок ножа, скребки для кожи и несколько бесформенных обломков.

В большом количестве находим в землянке керамические остатки. Материалом для изготовления сосудов служила сероватая глина с большой примесью крупнозернистого кварцевого песка.

Обжиг в общем средний, хотя попадаются отдельные черепки и с хорошим обжигом. Форму сосудов из-за фрагментарности обломков установить с уверенностью трудно, но, по-видимому, здесь имелись неглубокие миски и горшки. У горшков венчик выражен очень слабо, а сами сосуды были полушаровидные и боченкообразной формы. Первые, видимо, имели круглое дно, а последние с плоским дном очень оригинальной формы. Характерная особенность заключается в конусообразном выступе (*поддоне* — прим. редактора), идущем по краю дна.

Диаметр сосудов достигает 300 мм. Края их обычно утолщены и покрыты орнаментом. Орнаментированы лишь верхние части сосудов. Орнаменты преобладают штампованные. Из них чаще всего встречается гребенка в различных комбинациях, ромбовидные и овальные, рубчатые вдавлины. Ямочный, ногтевой, полулунный и усольчатый. Последние нередко образуют чешуйчатый орнамент. Нередки также двухточечный («мышинный след») и копытный (*в виде копыта* — прим. редактора). В одном случае встречен очень оригинальный стреловидный орнамент.

Группируются орнаменты около края в зональном порядке, а ниже — вертикальными и наклонными полосами или треугольниками, обращенными вершинами к основанию сосудов.

На основании вышеизложенного приходим к заключению, что землянки на мысу Тиутей-Сале представляли из себя место длительного поселения. За это говорит и толщина культурного слоя (до 25 см.), и большое количество керамики и костей. Просматривая же костный материал, увидим, что и здесь главным объектом промысла являлся морской зверь, а сухопутный промысел играл второстепенную роль.

Землянки на мысу Хаэн-Сале. Перейдем теперь к последнему месту раскопок на мысе Хаэн-Сале. Здесь, на возвышенном берегу пролива Малыгина, обнаружены остатки целого поселения, по крайней мере, из шести землянок. Они расположены не только по самому краю обрыва, как это мы видим на м. Тиутей-Сале, что вероятно обуславливалось сухим песчаным грунтом. Все землянки находятся близко от моря, и расстояние от него не превышает 100 м.

Все землянки круглые, диаметром до 7–8 метров, и насколько только позволяет судить легко заплывающий песчаный грунт, были углублены едва ли более 1 м. Свод, судя по сохранившимся следам дерева, устраивался из жердей, составленных наклонно и обсыпанных сверху землей. Вход, очевидно, имел вид небольшого крытого коридора. Посредине помещался плавник, в изобилии покрывающий берег.

Среди костных остатков, попадающихся в землянках, преобладают кости нерпы (*Phoca phoetida*) и песка. Обычны также северный олень и белый медведь. Попадают кости кита. Птичьи кости встречаются в изобилии, но вследствие плохой сохранности не могут быть определены. Очень интересно, что кости различных животных не перемешивались между собой. В землянке находим отдельно кости и черепа песцов, отдельно же и кости нерпы. Где-нибудь в стороне сложены птичьи кости. Объяснение подобной аккуратности, по нашему мнению, следует искать в соответствующих религиозных и магических обрядах.

При рассмотрении предметов, найденных в землянках, мы уже не находим никаких признаков камня. Керамика, что весьма важно, также отсутствует. Зато в изобилии железные предметы и обломки медных котлов. Из железа встречаются топоры, ножи, сверло, наконечники стрел, скребки для выделки кожи и пр. В одной из землянок обнаружены обрывок кольчуги, большое железное кольцо,

подобное тем, какие носят теперь самоедки на поясах, и напильник с крупной, грубой насечкой. Интересен также обломок орудия, напоминающего пальму, ныне бытующего в Северной Азии.

Из костяных изделий очень интересен предмет, сделанный из китовой кости. На одном конце он имеет заостренное лопатообразное расширение. Возможно, что это не что иное, как копалка. Далее найден предмет, объясненный самоедами, как пятиконечный наконечник стрелы для куропатки. Сделан он из оленьего рога. Кроме того, следует упомянуть о костяных пластинах, украшенных точечным орнаментом, и трех предметах вроде лопаточки из оленьего рога. Последние, скорей всего, можно объяснить как скребки для кожи. Описание скребка аналогичного типа находим у Sirelius'a [Sirelius Die Handarbeiten der Ostjaken und Wogulen. Journal de la Sos. Finno-ougrienne XXII, p. 14. — Прим. ВНЧ].

Погребение

В одной из землянок нами было обнаружено погребение. Скелет лежал на очень небольшой глубине (около 30 см ниже уровня пола), немного в стороне от входа. Под ним и над ним сохранились остатки тонких досок. Скелет лежал на левом боку с подогнутыми ногами. Головой был обращен на N. При нем находился железный топор и два железных наконечника стрел.

II. Древние поселения и их отношение к самоедам

Из обзора материалов всех трех раскопок вытекает следующее заключение.

Обитатели поселений

Как землянки, так и стоянки на дюнах указывают на существование здесь народности, обитавшей преимущественно по берегу моря и занимавшейся главным образом морским промыслом. Живущие в настоящее время на Сев. Ямале самоеды, хотя и промышляют морского зверя, но их хозяйственный уклад, жилище, способ погребения и пр. резко отличаются от всего вышеописанного. Будучи самоедами,

они выезжают на берег моря лишь налегке и на короткое время и землянки никогда не сооружают. По словам самоедов, они и ранее не делали подобного рода жилищ. Самым же главным обстоятельством, не позволяющим связать с самоедами возникновение землянок, являются коренное отличие культур морских охотников и оленеводов и несовместимость оседлого или хотя бы даже полуоседлого обитания в землянках с типичным тундровым оленеводством, которое мы встречаем в настоящее время у самоедов. Таким образом, самоедов на современной их стадии развития приходится исключить из числа возможных обитателей описываемых поселений. Разумеется, и русскими эти землянки по целому ряду соображений признать невозможно.

Предания самоедов

Если основываться на самоедских преданиях, то придется приписать найденные остатки другой, не самоедской народности.

Самоеды говорят, что пришли на Сев. Ямал лишь недавно. Там даже местные вотчинники, например род Вэнога, насчитывают лишь пять поколений с момента своего прихода на Ямал. По словам самоедов, до их появления на полуострове, здесь обитало какое-то другое племя, которое они называют *sirči*. Им-то самоеды и приписывают землянки, керамику и пр. Существует целый ряд преданий о войнах между самоедами и *sirči*, закончившихся полным исчезновением последних.

Литературные указания

Указания о *sirči*, относящиеся и р. Коротаихе (впадающей в Самоедский залив Баренцова моря на 65 град. 53 мин. с. ш., 60 град. 12 мин. в. д.) находим у Уварова [Уваров. Археология России, т. 1. — Прим. ВНЧ] и Немировича-Данченко [Немирович-Данченко. Страна Холода, стр. 391. — Прим. ВНЧ]. У последнего читаем: «На правом берегу р. Коротаихи, в десяти верстах от устья, в урочище Сирте-ся целый косогор изрыт пещерами».

Лепехин также указывает на следы обитания Сирти в Мезенском уезде [Лепехин. Путешествия, т. 4, стр. 203, изд. АН СПб 1780. — Прим. ВНЧ] (*эта строчка сначала вычеркнута в тексте наверху, а потом вроде бы вставлена в это место. — Прим. Лярской*).

Наиболее интересные указания находим у Р.-М la Martinere, посетившего 1653 году Печору, Северный Урал и Вайгач. В описании своего путешествия Ламартинер упоминает о народности, которую он называет борандайцами по старинному названию северо-восточной части Большеземельской тундры — большой Барандай. Обычно считают, что Мартиньяр говорит здесь о самоедах, но мы склонны думать, что это не так, так как он зачастую говорит о них как о двух различных народностях.

В своей книге Мартиньяр так описывает жилища барандийцев: «Их жилища все выстроены из рыбьих костей и костями же покрыты сверху, очень низкие, овальной формы, свет проникает в них только через входное отверстие, которое напоминает устье нашей печки» [Ламартиньяр. Путешествие в северные страны (1653). Перевод и примечания В. Н. Семеновича с первого издания Voyage des pais Septentrionaux par R.-M. de la Martinière. Paris, 1671) // Записки Московского Археологического Института, т. 15. 1912 г. Гл. 26. стр. 461–780. — Прим. ВНЧ]. И далее: «...все хижины были сделаны очень тщательно из рыбьих костей, покрыты также рыбьими костями, проконопачены (?) мохом сверху и обложены вокруг дерном столь хорошо, что внутрь не может проникнуть никакой ветер иначе как через устроенную наподобие печного устья дверь и через крышу, в которой устроено окошко или отверстие, в которое проникает свет [Лямартиньяр, 53. — Прим. ВНЧ]. Здесь не лишне подчеркнуть, что описание жилища барандеевцев весьма близко подходит к тем землянкам, остатки которых мы встречаем на Ямале, а рассказы самоедов о последних (кое-кто из стариков помнит

землянки еще в необвалившемся состоянии и несколько раз описывал их нам) еще больше подтверждают это сходство.

Возможно, Мартиньяр еще застал на побережье Большеземельской тундры ту народность, которую самоеды называют sirĭi. Возможно, что они уже и тогда подвергались самоедскому влиянию, но еще сохранили достаточно своих характерных черт, на которые и указывает Мартиньяр.

Смена народностей

В долине рек Печоры и Коротаихи исчезновение sirĭi как самостоятельной этнической группы должно было произойти раньше, чем на Ямале, куда, как уже было указано, самоеды пришли лишь недавно.

Таким образом, по-видимому, на Северном Ямале завершилась, и очевидно в сравнительно еще недавнее время, смена народностей, населявших Нижне-Обский и Сев.-Уральский районы, начавшаяся в более (*неразб. — близких? — Прим. Лярской*) их частях, несомненно, ранее.

О судьбе sirĭi можно сделать лишь предположение, что они слились с самоедами. Может быть, на счет этого следует отнести и неоднородность антропологического типа самоедов, как в общих чертах лица, о чем упоминает Житков [Житков. П-ов Ямал, стр. 205. — Прим. ВНЧ], так и в головном указателе, который колеблется от 72 до 90 [По данным Северо-Ямальской экспедиции. — Прим. ВНЧ].

Следует отметить, что неоднородность антропологического типа существует и у соседей самоедов — остяков и вогулов. При этом во всех трех племенах, родственных между собой, можно выделить два диаметрально противоположных типа. Один тип, преобладающий у самоедов, можно охарактеризовать как субарктический или брахицефалический, широкоскулый и плосконосый. Другой, наоборот, долихоцефаличен, скуловой диаметр не так велик, нос прямой и даже орлиный, брови черные, густые, сходящиеся иногда на переносице. Этот тип встречается у самоедов, нередок у остя-

ков и довольно распространен у вогулов. Именно этот тип некоторые исследователи склонны считать наиболее древним для Северного Урала [Финно-угорский сборник, статья Золотарева. — Прим. ВНЧ]. И действительно, нахождение черепов, соответствующих этому типу в древних городищах в районе Оби [См. черепную крышку, найденную на р. Салым и хранящуюся в Тобольском музее за № 25. — Прим. ВНЧ], как будто подтверждает такой взгляд.

Привлекая же и археологические, и антропологические данные, данные вогульского, остяцкого и самоедского фольклора, мы получим возможность наметить нечто (?) для предположения. По-видимому, на всей территории не только Северного Урала, но также и Нижней области (Оби? — Прим. Лярской), а возможно и Енисея, обитало племя или, вернее, группа племен, отличная по своему типу от современного населения. Приближаясь в антропологическом отношении, по всей вероятности, к долихоцефалическому типу, по культуре они, возможно, были сухопутные и морские охотники, и оленеводство, если даже [у них] и существовало, то едва ли в большой степени.

Впоследствии, под влиянием новых этнических элементов, по всей вероятности финского характера, эта группа потеряла свой первоначальный облик и послужила возникновению существующих ныне племен.

Прото-обская группа

С этой точки зрения, описываемую древнюю группу позволительно было бы назвать ПРОТООБСКОЙ и, может быть, даже сблизить ее с прото-азиатской группой.

Конечно, все эти предположения пока еще крайне гипотетичны, требуют основательной проверки и дальнейших исследований.

Кожаные челноки

В заключении считаем небезынтересным упомянуть о кожаных лодках,

по типу напоминающих эскимосские, описание которых мы находим у Мартиньяра и Белявского. У первого читаем: «...челноком, устроенным в форме гондолы, длиной от 15 до 16 (фут?) шириной 2S, сделанным очень искусно из рыбьих костей и кожи; внутри шкуры (?) были сшиты таким образом, что получался как бы мешок от одного конца челнока до другого; внутри такого челнока они (туземцы о-ва Вайгача) были укрыты по пояс, так что вовнутрь лодки не могла попасть ни единая капля воды... [Мартиньяр, стр. 91. — Прим. ВНЧ]. Столетие спустя Белявский описывает лодку самоедов: «...сверху челнок обивается выделанною кожей из китовых кишок, которая забирается посреди челнока наподобие дамских ридикюлей на вздержку. Дикари во время полноводья, бури и ловли тюленей и китов, садясь в лодку, стягивая вздержку, опоясавшись половину тела [так!], пускаются не только по рекам, но и по берегам Ледовитого моря [Фр. Белявский. Поездка к Ледовитому морю. Москва, 1833, стр. 258. — Прим. ВНЧ].

В настоящее время таких лодок ни у самоедов, ни у остяков нет совершенно, и возможно, уже во времена Белявского они сохранялись как переживание, а ранее бытовали у описываемой нами древней народности, жившей по берегу моря и называемой самоедами *sirči*.

Москва, 23 апреля 1930.

В. Чернецов

Литература

Источники по этнографии Западной Сибири / публикацию подготовили Лукина Н. В. и Рындина О. М. — Томск: изд-во ТГУ, 1987. — 281 с.

Омельчук А. К. Рыцари Севера. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. — 189 с.

Пика А. И. Новые материалы к истории первой советской этнографической

экспедиции на п-ов Ямал (1928–1929 гг.) // СЭ. — 1989. — № 6. — С. 100–108.

Чернецов В. Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал // СЭ. — 1935. — № 4–5. — С. 109–133.

Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в 1 тысячелетии нашей эры // МИА. — 1957. — 58. — С. 136–245.

Список сокращений

МИА — Материалы и исследования по археологии

СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук

СЭ — Советская этнография

ТГУ — Томский государственный университет

Анонс

В приложении к сборнику «Археология Арктики» публикуется каталог коллекции средневекового городища (рубеж XI–XII вв.), расположенного в нижнем течении р. Юрибей на полуострове Ямал. Памятник был открыт в 1990 г., исследован с перерывами в течение 1991–1993; 1995–1996 гг. Новые раскопки памятника начаты в 2013 году А. В. Плехановым — автором приложения к сборнику, названного им «Ярте VI — средневековое «городище» на р. Юрибей (п-ов Ямал)». А. В. Плеханов дает краткое описание памятника, его географического положения, истории изучения, а также планиграфии, стратиграфии и интерпретации «городища», как они видятся на сегодняшний день. Основное внимание уделено публикации обширной и, практически, не известной специалистам коллекции артефактов из раскопок 1991–1996 гг.

Археология Арктики

Выпуск 2

Перевод с английского
Т. В. Говорухина

**Технический редактор,
компьютерная верстка**
О. В. Шлюшинская

Разработка оформления
В. А. Пономарев

Издательство «Деловая пресса», г. Екатеринбург
www.iddp.ru

Подписано в печать 00.10.2014
Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № 165234